КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮНЬ

1901 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.) 317—343

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока.** . . . . . 344—382

III. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ. Повисть. *(Частына друга).* **В. Гринченка.** . . . . . 383—449

IV. КЪ ИСТОРІИ ЧАСТНЫХЪ ПАНСІОНОВЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБ. ВЪ НАЧ. XIX СТ. **В. Доманицкаго.** . .

V. ЗА КОЛІЇВЩЫНЫ. **В. Левицького.** . . . . . 460—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; б) Приготовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умани. Сообщ. **В. Доманицкій**; в) Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 гг.; г) Списокъ приданнаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за вел. канц. Петра Стороженка; д) Французское письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцову, 1765 г.; е) Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. **В. Доманицкій**. . . . . 139—157

Текущія извѣстія . . . . . 157—165

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Теодоровичъ. Волынская духовная семинарія. **В. Храневича;** б) Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья, Вып. IV. **В.;** в) Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волыни. **Н. В.;** г) Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowoj i badaniam pierwotnoj kultury polskiej i sławiańskiej. **В.;** д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 166—192

Археологическая лѣтопись. . . . . . 193—209

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листы 16-й и 17-й 241—272

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

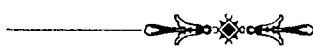
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

ІЮНЬ.



КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 мая 1901 года.

При настоящемъ номерѣ разсылается подписчикамъ объявленіе Книгоиздательскаго Т—ва „Просвѣщеніе“, при чемъ редакція „Кіевской Старины“ заявляетъ, что въ ней принимается подписка и заказы, на изложенныхъ въ объявленіи условіяхъ, на всѣ изданія Т—ва „Просвѣщеніе“.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 73-го:

апрѣль, май, іюнь, 1901 г.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО. **И. Лучицкаго**. . . . 1—25
II. СОРОКЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ. (Изъ воспоминаній мирового посрѣдника перваго призыва). **Н. Карачевскаго-Волка**. 26—41
III. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ И СООБРАЖЕНІЙ ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ МИТР. АРСЕНІЯ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Проф. **А. Загоровскаго**. . . . . 42—49
IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. *(Окончаніе)*. **Д. Яворницкаго** . . . . . 50—96
V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). **Ник. Василенка** . . . 97—125
VI. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока**. . . . . 126—152

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Древнѣйшій списокъ (1820 г.) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго. (Описаніе) **И. Стешенка**. б) Булава гетмана Тетери; в) Два письма гетмана Мазепы къ гадяцкому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно, въ декабрѣ 1705 г.; г) Свѣдѣ-

ніе объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ; д) Отдача гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Кобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ; е) Къ исторіи Гадяцкаго полка; ж) Жалоба конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго, за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго, 1754 г.; з) Стоимость похоронъ Прилуцкой обывательки въ 1726 . . . . . 1—20

Текущія извѣстія . . . . . 20—32

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскія изданія 1900 года. **В. Д.**; б) Воспоминанія и стихотворенія Н. А. Шрамченка. **Н. Ш—рова**; в) Сочиненія графа П. И. Капниста. **А. С.**; г) Труды Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета. Выпускъ IX. Приходы и церкви Подольской епархіи. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 33—63

Археологическая лѣтопись . . . . . 64—72

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 14-й . 209—224

Книга вторая—май.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** . . . . . 149—182

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока** . . . . . 183—213

III. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. *(Продолженіе).* **И. Лучицкаго** . . 214—226

IV. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧИ. Част. I. Повисть. **В. Гринченка.** 227—281

V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). *(Окончаніе).* **А. Л.** . . . . . 282—300

VI. ЛЫХО. (Картынка зъ жыття голодныхъ). **М. Старицкаго** . . . . . 301—316

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Максимовичъ подъ фирмою Кулиша; б) Неудачное вѣнчаніе монаха. Сообщ. **В. До-**

маницкій; в) Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго; г) Народная пѣсня о Шевченкѣ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; е) Стоимость похороиъ барышевской обывательки въ 1756 году; ж) Для исторіи торговли въ Старой Малороссіи; з) Годовой доходъ переяславской ратуши и уряцниковъ, въ нач. XVIII в.; и) Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. **Н. Вѣлявшевскаго**; і) Письмо въ редакцію. **Г. А. Кузьмина** . 73—92

Текущія извѣстія . . . . . 93—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины и Запорожья. Очеркъ В. Н. Кранихфельда. **В. Д.**; б) Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. **Н. В.**; в) 1. Лыхо зъ горилкою! (Правдиве оповидання.—Пьяныця) и 2. М. О. Островскій. (Вирне средство одъ пьянства и запоя). **В Д.**; г) Галлерея русскихъ писателей Текстъ редактировалъ И. Игнатьевъ. **В. Д.**; д) Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Т. XVI; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 101—126

Археологическая лѣтопись . . . . . 127—137

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 15-ый. . . . . 225—240

Книга третья—іюнь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.) 317—343

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока.** . . . . . 344—382

III. СЕРЕДЪ ТЕМНОЇ НОЧЫ. Повисть. *(Частына друга).* **В. Гринченка.** . . . . . 383—449

IV. КЪ ИСТОРІИ ЧАСТНЫХЪ ПАНСІОНОВЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБ. ВЪ НАЧ. XIX СТ. **В. Доманицкаго.** . . 450—459

V. ЗА КОЛІЇВЩЫНЫ. **В. Левицького.** . . . . . 460—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; б) При-

готовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умани. Сообщ. **В. Доманицкій**; в) Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 гг.; г) Списокъ приданнаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за вел. канц. Петра Стороженка; д) Французское письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцову, 1765 г.; е) Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. **В. Доманицкій**. . . . . 139—157

Текущія извѣстія . . . . . 157—165

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Теодоровичъ. Волынская духовная семинарія. **В. Храневича**; б) Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья, Вып. IV. **В.**; в) Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волыни. **Н. В.**; г) Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowoj i badaniam pierwotnoj kultury polskiej i sławiańskiej. **В.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 166—192

Археологическая лѣтопись. . . . . 193—209

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 16-й и 17-й 241—272

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1829—1839 г.г.

Сборникъ извлеченій изъ переписки И. И. Срезневскаго, нынѣ появляющійся на страницахъ Кіевской Старины, долженъ обнять собою 1829—1839 годы. Въ эти годы дѣятельность И. И. Срезневскаго принадлежала почти исключительно Малороссіи и предметомъ своимъ по преимуществу имѣла наблюденія надъ жизнью народа, собираніе памятниковъ народной поэзіи. Интересъ къ такимъ наблюденіямъ видѣнъ въ самомъ старшемъ изъ сохранившихся писемъ И. И. Срезневскаго: „Напиши, какъ провелъ праздники, какъ встрѣтилъ новый годъ, какъ встрѣтили его ваши деревенскіе жители", писалъ онъ въ 1827 году своему другу, имени котораго письмо не сообщаетъ; „я очень люблю слушать и читать что либо народное о простодушныхъ мужикахъ, о застѣнчивыхъ дивчинахъ, о старушкахъ разсказчицахъ, люблю слушать ихъ разсказы; въ ихъ быту ясно можно видѣть прежнее состояніе, духъ, нравы милыхъ сердцу моему Россіянъ". Въ этихъ словахъ пятнадцатилѣтняго студента уже сквозитъ обликъ будущаго этнографа; въ дальнѣйшихъ письмахъ какъ самого Измаила Ивановича, такъ и его корреспондентовъ всего періода 1829—1839 годовъ намеки перваго письма получаютъ все большее и большее развитіе: жи-

вая старина Украины, какъ обломокъ старой русской жизни, ея народная поэзія, ея природа, ея жители—вотъ тѣ предметы, вокругъ которыхъ вращаются интересы молодого харьковскаго ученаго. Путешествіе 1839—1842 г.г. по землямъ зарубежныхъ славянъ и близкое ознакомленіе съ славянскимъ міромъ во всей его совокупности расширили прежнія научныя увлеченія Срезневскаго: основой его занятій, и по любви, и по убѣжденію, вмѣсто одной Малороссіи, какъ части Россіи, съ тѣхъ поръ на долгое время стало все славянство, какъ одно цѣлое.

Считаю полезнымъ представить здѣсь краткій очеркъ жизни И. И. Срезневскаго за періодъ, обнимаемый настоящимъ сборникомъ: онъ даетъ возможность читателю легче оріентироваться въ рядѣ отдѣльныхъ переписокъ.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій родился въ Ярославлѣ 1 іюня 1812 года. Отецъ его, профессоръ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища, Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій не задолго до рожденія дитяти долженъ былъ уѣхать изъ Ярославля въ Харьковъ, куда былъ назначенъ на мѣсто умершаго въ 1811 г. профессора россійскаго краснорѣчія, Рижскаго. Двухмѣсячнымъ ребенкомъ былъ перевезенъ въ Харьковъ и Измаилъ Ивановичъ. Съ 1819 года, когда умеръ Иванъ Евсѣевичъ, мальчикъ остался подъ исключительнымъ надзоромъ своей матери Елены Ивановны Срезневской. Въ университетъ Измаилъ Ивановичъ вступилъ въ 1826 году; Е. И. Срезневская предполагала направить его по медицинскому факультету, но онъ не могъ одолѣть своего отвращенія къ трупному запаху и поступилъ на эвико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Нельзя, впрочемъ, признать этотъ шагъ вполнѣ сознательнымъ; онъ вѣроятно былъ сдѣланъ по увлеченію и не безъ вліянія товарищей. Какъ человѣкъ даровитый и энергичный, Срезневскій сразу отдался университетскимъ занятіямъ и въ 1828 году уже мечталъ о каѳедрѣ, говорилъ, что служить по ученой части его давнее желаніе; онъ включилъ себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку заграницу для усовершенствованія и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятью дру-

гими товарищами. Въ то же время съ гораздо бо́льшимъ увлеченіемъ онъ предался работамъ по народной поэзіи, начавъ съ четырнадцати лѣтъ собирать этнографическіе матеріалы.

Въ 1829 году, по представленіи диссертаціи „Объ обидѣ", онъ блистательно кончилъ курсъ университета и поступилъ на службу въ Дворянское депутатское собраніе, гдѣ оставался до 1832 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности: онъ выступилъ передъ публикой въ товарищескомъ изданіи „Украинскій альманахъ"; здѣсь были напечатаны его стихотворенія, „Мысли и замѣчанія" и первыя записи малорусскихъ думъ. Этнографическое направленіе занятій И. И. Срезневскаго, сказавшееся въ первомъ его изданіи, подтвердилось новой его работой,—„Словацкими пѣснями" (1832), записанными со словъ заходившихъ въ Харьковъ Словаковъ-ходебщиковъ. Но особенное развитіе его труды по народной словесности получили въ 1832—1833 годахъ, когда онъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя въ имѣніи Подольскихъ близъ Днѣпровскихъ нороговъ; здѣсь онъ предался своимъ работамъ со всею страстностью, записывалъ пѣсни, преданья, знакомился съ бытомъ Запорожья по „живымъ памятникамъ минувшаго"—старымъ козакамъ-бандуристамъ, которые тогда попадались еще кое-гдѣ въ Украинѣ. Результатомъ наблюденій и записей И. И. Срезневскаго, сообщеній его друзей и пособниковъ явилась въ 1833 году первая книга его „Запорожской Старины".

Въ 1833 году И. И. Срезневскій вновь зачислился на службу сначала въ Харьковскій Совѣстный судъ, затѣмъ, въ 1834 г. въ Депутатское дворянское собраніе, гдѣ онъ занялъ мѣсто библіотекаря харьковской публичной библіотеки. Плодомъ библіотечныхъ занятій И. И. Срезневскаго былъ изданный имъ „Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной библіотекѣ, № 1" (1834, безъ фамиліи составителя). Во все время службы въ Депутатскомъ собраніи и въ Совѣстномъ судѣ Измаилъ Ивановичъ занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и семействахъ. Не прерывая и юриди-

ческихъ занятій, онъ приготовлялся мало-по-малу къ магистерству и въ сентябрѣ 1835 года сдалъ экзаменъ на степень магистра по политической исторіи, статистикѣ и политической экономіи. Диссертація на назначенную факультетомъ тему „О сущности и содержаніи теоріи въ политическихъ наукахъ“ была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣлѣ 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16-го іюля 1837 г.; утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27-го августа того-же года, и 9-го сентября И. И. Срезневскій былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Печатные труды И. И. Срезневскаго за 1834—1837 годы касались главнымъ образомъ исторіи Малороссіи и народной малорусской словесности. Это были, во первыхъ, книжки „Запорожской Старины“, далѣе „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ“ (1834), „Взглядъ на памятники украинской народной словесности“ (1834), „Иванъ Барабашъ“ (1835), „Общія основанія Зендавесты“ (1835), „Мартынецъ“ (1335), „Барсерки“ (1836), разсказы „Маіоръ, маіоръ“! (1836), и „Rapsodia sonatina“ (1837), рядъ измѣненныхъ извлеченій изъ „Запорожской Старины“, напечатанныхъ въ Петербургскихъ и Московскихъ періодическихъ изданіяхъ, наконецъ „Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ“ (1837). Рядъ этихъ изданій, съ „Запорожской Стариной“ во главѣ, выдвинулъ Измаила Ивановича, какъ изслѣдователя весьма даровитаго, какъ выдающагося историка Украины, какъ наблюдателя народной жизни, какъ энергичнаго труженика, обратилъ въ то-же время на него вниманіе со стороны людей, отъ которыхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, стала въ зависимость его дальнѣйшая судьба. Когда въ октябрѣ 1837 года въ Харьковскій университетъ пришло первое предложеніе объ избраніи изъ среды профессоровъ лицъ для посылки заграницу съ цѣлью подготовленія къ занятію каѳедръ славяновѣдѣнія, Гулакъ Артемовскій, деканъ философскаго факультета, предложилъ кандидатомъ Харьковскаго университета Рославскаго-Петровскаго.

Рославскій мало былъ склоненъ къ занятію каѳедры славяновѣдѣнія, занимаясь исключительно науками историческими, и поэтому на предложеніе Гулака представилъ такія условія, которыя едва ли можно было бы принять въ другое время, тѣмъ не менѣе Артемовскому они не показались странными, и по его представленію совѣтъ университета ихъ одобрилъ. Попечитель харьковскаго учебнаго округа, графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, не далъ утвержденія проекту Гулака-Артемовскаго и предложилъ съ своей стороны послать заграницу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, „постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго". Предложеніе попечителя было принято совѣтомъ университета, и такимъ образомъ начался поворотъ въ дѣятельности Срезневскаго, какъ профессора; на помощь личнымъ симпатіямъ, связывавшимъ его съ его любимымъ предметомъ, выступило оффиціальное положеніе избранника университета для изученія исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

Въ 1838 году, пока длилась переписка о новомъ назначеніи, И. И. Срезневскій продолжалъ читать лекціи по статистикѣ въ качествѣ адъюнкта. Въ это же время въ стѣнахъ университета рѣшалось близко затрогивавшее Измаила Ивановича дѣло о его докторской диссертаціи. Написанная на тему „Должна ли политическая экономія зависѣть отъ статистики", она между прочимъ проводила мысль о подчиненномъ положеніи политической экономіи по отношенію къ статистикѣ. Новизна и смѣлость воззрѣній автора возбудили противъ него большинство профессоровъ; окончательный приговоръ надъ диссертаціей былъ произнесенъ въ засѣданіи 16-го декабря 1837 г.: работа была отвергнута. Это рѣшеніе нанесло тяжелый ударъ самолюбію молодого профессора; но теперь жребій былъ брошенъ, и изъ двухъ дорогъ можно было уже съ увѣренностью выбрать ту, которая раньше страшила своею неизвѣстностью. 7-го января 1839 года Измаилъ Ивановичъ сообщилъ въ совѣтъ университета о полномъ своемъ согласіи отправиться заграницу для

изученія славянскихъ нарѣчій на тѣхъ условіяхъ, которыя были поставлены въ предложеніи совѣта и на которыя онъ съ ноября мѣсяца не давалъ отвѣта. Длинный рядъ необходимыхъ формальностей отсрочилъ отправленіе Измаила Ивановича въ путешествіе еще на девять мѣсяцевъ. Между тѣмъ Измаилъ Ивановичъ безостановочно продолжалъ учено-литературныя работы. Онъ напечаталъ первую книжку „Украинскаго сборника“ (1838), въ которой появилась впервые „Наталка Полтавка“ И. П. Котляревскаго, „Мартына Пушкаря“ (1838), „Сеймы“ (1838), „Изборники“ (1838), „Сближеніе религіи Персидской съ Египетскою“ (1839), „Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины“ (1839), „Аѳинскій языкъ въ Россіи“ (1839), свою диссертацію „Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно“ (1839), новый выпускъ „Запорожской Старины“, рядъ статей въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, касающихся исторіи, географіи и этнографіи Малороссіи. Въ то же время онъ готовился къ путешествію, сдѣлалъ небольшую поѣзду по Украинѣ, чтобы, какъ онъ писалъ Снегиреву, въ этомъ маленькомъ путешествіи дать себѣ образчикъ того, что нужно будетъ сдѣлать впослѣдствіи въ большомъ размѣрѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ наконецъ состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи его заграницу на два года „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ“; обычная канцелярская волокита задержала путника на два мѣсяца, и только 17-го сентября Измаилу Ивановичу удалось выѣхать изъ Харькова. Такъ окончился первый періодъ его литературно-научной дѣтельности.

—

Участниками переписки И. И. Срезневскаго за первые годы его дѣятельности сначала были его близкіе родные—Осипъ Евсѣевичъ Срезневскій, К. А. Кускова, Е. И. Срезневская, затѣмъ университетскіе товарищи—братья Евецкіе, Росковшенко и Шпигоцкій. Среди этого пріятельскаго кружка явились на свѣтъ первые литературные опыты И. И. Срезневскаго—стихотворенія, небольшія статейки; среди того же кружка начались и этногра-

фическія его занятія; потому переписка пріятелей носила частью этнографическій, частью литературный характеръ. Затѣмъ, когда начальные шаги дѣятельности И. И. Срезневскаго показали въ печати его украинскія симпатіи, а „Запорожская старина“ завоевала вниманіе всей Малороссіи, къ числу этихъ корреспондентовъ прибавились лица, подобно ему интересовавшіяся украинской стариной—этнографы-любители, украинцы-патріоты; таковы были: Лисавицкій, Боровиковскій, Дмитрюковъ, Залѣсскій, Міоновичъ, Гоголь а потомъ И. Мазановъ, Костомаровъ, Метлинскій и др. „Запорожская Старина“, а за нею рядъ статей Срезневскаго въ „Сынѣ Отечества“, въ „Утренней Звѣздѣ“, въ „Ученыхъ запискахъ Московскаго университета“, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, „Телескопѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“—скоро раздвинули кругъ его знакомствъ и завязали сношенія съ столичными учеными и литераторами; таковы были Снегиревъ, Анастасевичъ, Пассекъ...

Сборникъ писемъ за первый періодъ дѣятельности И. И. Срезневскаго начинается его письмами къ матери, изъ которыхъ первое писано въ 1829 году, во время поѣздки въ Москву, послѣ сдачи кандидатскаго экзамена. Писемъ, относящихся къ болѣе раннему времени, въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось всего три: это—письмо къ И. И. Срезневскому Осипа Евсѣевича Срезневскаго (1825 г.), бывшаго профессора Казанскаго университета, уволеннаго изъ университета при ревизіи Магницкаго, интересное по преимуществу, какъ матеріалъ для біографіи его автора; второе письмо (1827 г.) адресовано И. И. Срезневскимъ къ неизвѣстному лицу,—оно приведено въ отрывкѣ выше; этотъ отрывокъ и составляетъ все его значеніе; наконецъ третье письмо (1828 г.) писано И. И. Срезневскимъ къ его бабушкѣ Е. А. Кусковой,—въ немъ говорится о предположеніи И. И. Срезневскаго посвятить себя профессурѣ. Писемъ къ Е. И. Срезневской сохранилось чрезвычайно много; обильныя мелочами, подробностями жизни, они являются какъ бы отрывками, потому что мать съ сыномъ жили по большей части вмѣстѣ. Первый рядъ писемъ относится къ 1829-му году—

поѣздкѣ И. И. Срезневскаго въ Москву, второй рядъ (1832—1833) описываетъ жизнь И. И. Срезневскаго въ имѣньи Подольскихъ Варваровкѣ на Днѣпрѣ, гдѣ онъ занималъ должность учителя; третій рядъ (1839) писанъ изъ его путешествія по Малороссіи. О Е. И. Срезневской и объ отношеніяхъ къ ней Измаила Ивановича Срезневскаго мнѣ уже случилось говорить въ предисловіи къ Письмамъ И. И. Срезневскаго изъ заграницы 1839—1842. Е. И. Срезневская (рожд. Кускова † 1856 г.) была съ юныхъ лѣтъ И. И. Срезневскаго его единственнымъ наставникомъ и другомъ; И. И. былъ ею подготовленъ къ пансіону, ею воспитывался до самаго университета и послѣ университета продолжалъ находиться подъ сильнымъ ея вліяніемъ, въ большой съ нею дружбѣ. „Передъ нею“, писалъ Измаилъ Ивановичъ въ 1870-хъ г.г., „не было у меня ничего затаеннаго“,—она „объятьями и слезами награждала меня за всякое откровенное слово, жила со мною одними радостями, одними горестями, тѣми же впечатлѣніями, сама отъ меня ничего не скрывая... Мы были только двое и жили другъ для друга. Не то чтобъ между нами не было невзгодъ; но вечеромъ при прощаньи слезами все омывалось; раньше или позже, иногда и очень поздно, мы все-таки оканчивали нашу бесѣду глубоко мирно,—и на утро для каждаго изъ насъ вставало свѣтлое солнце“. Эти слова ясно обрисовываютъ отношенія между матерью и сыномъ и даютъ понятіе о томъ, какой характеръ должна имѣть ихъ переписка.

Письма И. И. Срезневскаго къ Е. И. Срезневской.

1.

Дражайшая маменька! И такъ пролетѣлъ третій день, какъ я не вижу васъ болѣе; третій день уже тому, какъ нашею должностію сдѣлалась безпрестанная кибиточная тряска.—Уже пространство 250 верстъ разлучаетъ насъ.—Добрая маменька, вы повѣрите тому, что не смотря на всѣ удовольствія путеше-

ствія, воспоминаніе о спокойной жизни харьковской, объ удовольствіяхъ домашнихъ, о тѣхъ заботахъ, кои вы на насъ обращали и кои теперь я живо могу представить, наводятъ на меня унынie; оно конечно улетаетъ, но не совсѣмъ: оно останется во мнѣ до тѣхъ поръ, пока снова верхи зданій харьковскихъ не представятся моимъ взорамъ. Великую благодарность я долженъ имѣть къ Ивану Николаевичу [1]) за то, что онъ мнѣ доставилъ удовольствіе увидѣть большое количество родныхъ мнѣ по сердцу, по духу, по желаніямъ. Вы знаете, маменька, какъ я любилъ слушать разсказы ваши и Ивана Николаевича о милой моей родинѣ и о русскихъ; я желалъ, подобно птичкѣ полуденной, вскормленной на чуждой сторонѣ, полетѣть на свою невиданную родину; и полетѣлъ и чѣмъ далѣе ѣду, тѣмъ болѣе знакомлюсь съ нею.—Представьте, маменька, какъ должно биться мое ретивое. Мы уже въ Курскѣ. Вокругъ меня все русское, все меня занимаетъ; при томъ теперь воскресенье; все такъ разнаряжено: богатые кокошники и другіе головные уборы, бѣлыя тонкія рубахи и разноцвѣтныя понявы, юпки и сарафаны безпрестанно попадаются на глаза. Я не въ силахъ выразить вамъ на словахъ всѣхъ чувствъ моихъ. Позвольте мнѣ это оставить до слѣдующихъ писемъ и до пріѣзда...

1829, іюля 7. Курскъ.

—

2.

Тула. Воскресенье 14 іюля.

„Не угодно ли купить какихъ-нибудь стальныхъ вещей? Есть прекрасные ножи перочинные, игольники, перстни, пе-

---

[1]) Иванъ Николаевичъ Соколовъ былъ близкимъ въ семьѣ И. Е. и Е. И. Срезневской и домашнимъ наставникомъ ихъ дѣтей. По словамъ И. И. Срезневскаго, это былъ человѣкъ сердечный, добрый, нѣсколько робкій. Сильно привязанный къ Измаилу Ивановичу, онъ всегда относился къ нему какъ къ равному, несмотря на значительное превосходство лѣтъ и, благодаря этому, былъ къ нему чрезвычайно близокъ; въ трудныя минуты жизни онъ являлся лучшимъ

чатки, подушечки дамскія, цѣпочки и много, много другихъ прекрасныхъ штучекъ; не угодно ли: и мило и дешево; право слово—останетесь довольны". Вотъ первыя слова, которыми мы были засыпаны со всѣхъ сторонъ, едва только успѣли раздѣлаться съ хозяйкой о цѣнѣ комнаты. *Послѣ, послѣ*—былъ нашъ общій отвѣтъ: ибо мы спѣшили тогда въ церковь къ обѣднѣ; и такъ мы отъ нихъ отвязались, хотя не надолго. Мнѣ очень хотѣлось видѣть служеніе Архіерейское въ Тулѣ, но къ несчастію моему, Архіерей сегодня не служитъ. О соборныхъ пѣвчихъ скажу, что они далеко отстали отъ нашихъ харьковскихъ не только Архіерейскихъ, но и простыхъ соборныхъ.

Сегодня я проводилъ Ивана Николаевича до самой заставы и, простившись, хотя не надолго, съ нимъ, возвратился въ уединенную свою комнату. Давно не видался, скука явилась передо мною и надоѣдала мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не принялся за диссертацію. Такимъ образомъ провелъ я часа два. Пришедшій ко мнѣ хозяинъ прервалъ мои занятія—„Эхъ, баринъ, баринъ, пріѣхалъ въ Тулу, а и поглядѣть на нее не хотите. Она очень даже красива, а ее проѣзжіе называютъ меньшею сестрою Москвы: Ну вотъ, напр., подите въ Англійскій садъ, тамъ на полугорѣ по кіевской дорогѣ справа. Это чудо диковинное, а не садъ,—то то налюбуетесь". И такъ я, какъ бы принужденный, надѣлъ мундиръ и пошелъ. Въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ садикъ ихъ, лучше сказать, бульваръ—очень милой, хотя маленькій. Кого же (спросите вы, можетъ быть) встрѣтилъ ты тамъ?—Нѣсколько кучъ разбѣленныхъ купчихъ въ старопокройныхъ салопахъ и въ новомодныхъ манто, распомаженныхъ купчиковъ и сидѣльцевъ, десятка два долговязыхъ здѣшнихъ философовъ, столько же коротенькихъ м толстенькихъ гарнизонныхъ офицеровъ и двѣ или три дамы. Я скоро вышелъ изъ сада, почитая лучшимъ побродить по городу и позѣвать на прекрасные домы, нежели на несносныя лица. Иванъ Николаевичъ говоритъ, что Тула есть

утѣшителемъ Измаила Ивановича и Елены Ивановны и былъ необходимымъ для нихъ человѣкомъ.

уголокъ Москвы; а я, не видавъ Москвы, скажу, что Харьковъ есть только уголокъ Тулы. Улицы почти совершенно каменныя, рѣдко встрѣчаются на иныхъ домы деревянные, а если и есть, то по большей части двухъ-этажные. Вотъ кажется все, что могу я написать Вамъ, милая маменька, теперь изъ Тулы.

—

3.

Дражайшая маменька! И такъ послѣ долгаго странствованія мы прибыли въ субботу, въ праздникъ св. Ильи, въ огромную древнюю столицу нашу. Вы можете, милая маменька, представить мое восхищеніе, когда въ первый разъ я увидѣлъ вдали златыя главы безчисленныхъ церквей московскихъ. Тридцать верстъ, еще остававшіяся до нея, показались мнѣ трехстами. Три раза манила сія величественная башня насъ къ себѣ, и три раза опять скрывалась или за рощами и садами, или за подмосковными дачами; наконецъ, показалась опять и до сихъ поръ еще не скрылась отъ взоровъ моихъ. Третьяго дни мы были на Иванѣ Великомъ. Оттуда я видѣлъ Москву во всемъ ея величіи. Не берусь ее вамъ описывать: это превосходитъ мои силы.

Утромъ въ воскресеніе я поѣхалъ къ почтеннѣйшему Льву Алексѣевичу [1]) Онъ меня принялъ очень ласково, разспрашивалъ о васъ, о мнѣ, о сестрѣ и братѣ, удивлялся тому, что я такъ скоро получилъ степень кандидата, между тѣмъ какъ сыновья его не кончили еще курса; наконецъ приказалъ переходить жить къ себѣ. Такъ я провелъ съ нимъ и его сыновьями нѣсколько часовъ. Скоро послѣ того мы поѣхали съ нимъ и

[1]) Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ—профессоръ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ († 1835 г.). Онъ былъ знакомъ съ И. Е. Срезневскимъ по университету, гдѣ учились одновременно (первый кончилъ курсъ въ 1798 г., второй въ 1796 г.), затѣмъ въ 1797 г. Срезневскій былъ принятъ въ университетскій институтъ баккалавромъ; ту же степень Цвѣтаевъ получилъ въ 1798; такимъ образомъ, послѣ года жизни внѣ Москвы они могли возобновить свои сношенія, что и продолжалось до 1801 г., когда Цвѣтаевъ уѣхалъ за-границу.

сыновьями обѣдать къ профессору г-ну Ивашковскому,[1]) который знавалъ очень коротко моего папеньку. Въ пять часовъ того же дня я уже совершенно перешелъ жить къ милымъ товарищамъ моимъ и до сихъ поръ провожу время очень весело. Каждый день хожу къ Ивану Николаевичу и почтеннѣйшей тетушкѣ его, а вечеромъ возвращаюсь въ милый кругъ семейства Льва Николаевича, гдѣ я принятъ совершено какъ родной...

Москва, 1829, іюль 27.

—

P. S. Сегодня утромъ иду разсматривать кабинеты. Послѣ обѣда поѣду въ земледѣльческій хуторъ къ профессору Павлову,[2]) который звалъ меня къ себѣ въ гости.

—

4.

Старыя Водолаги. 45 верстъ отъ Харькова.

Здравствуйте, маменька! здравствуй, братъ! Не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ и скучно и грустно,—больно грустно. Такъ и полетѣлъ бы назадъ въ мой родимый Харьковъ. Жестокость уединенія—вы знаете, что я никогда еще не испытывалъ оной, живучи около васъ, въ кругу добрыхъ пріятелей—и вдругъ тяжкая разлука, тяжелое одиночество! Теперь нѣтъ уже у меня ни маменьки, ни брата, ни Іосифа Афанасьевича. Я одинъ, какъ былина въ полѣ: некому сказать добраго слова, некому излить своихъ чувствъ, а ихъ у меня, безчувственнаго, набралось теперь много, и все такія ядовитыя.

У моего теперешняго хозяина—сынъ миленькій, восьмилѣтнее дитя. Я радъ встрѣчѣ съ этимъ ангеломъ: онъ утѣшаетъ

---

[1]) Семенъ Мартыновичъ Ивашковскій, профессоръ греческаго языка и древностей († 1850 г.); онъ былъ сослуживцемъ И. Е. Срезневскаго по Академической гимназіи (съ 1801 по 1804 г.).

[2]) Знаменитый агрономъ и профессоръ физики и сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ Михаилъ Григорьевичъ Павловъ († 1840 г.).

меня не пошлыми фразами: чего грустить! перестань". Нѣтъ, его утѣшеніе совсѣмъ другого рода: дѣдовская бандура въ его рукахъ, бѣглые пальчики его быстро перебираютъ струны, а онъ самъ невинною улыбкою поетъ мнѣ:

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны и пр.

„Играй, душенька, а я напишу нѣсколько словъ",—и слеза невольно капнула на этотъ листокъ. Прочтите, непремѣнно прочтите, маменька-голубушка, эту пѣсню: братъ или Іосифъ Афанасьевичъ[1]) укажетъ ее. Что за пѣсня! Молодой козакъ простился уже съ своей матерью, съ сестрою, своей милою,—и вотъ онъ мчится, одинокій, по пространной степи—и долгогривый конь его, чуя близость земли вражеской, взрываетъ копытами землю и пылью закрываетъ отъ молодого воина даль родимую,—но пыль не занесетъ звуковъ: козакъ слышитъ прощанье матери, тоску сестры, слезы милой—и мчится быстрѣе къ землѣ враговъ своихъ... Дочтете сами...

—

Константиноградъ, въ 50 верстахъ отъ Водолагъ.

Я никакъ не ожидалъ отъ хохликовъ того, что вижу, т. е. видѣлъ.

Другой примѣръ: одинъ въ Мерефѣ, другой въ Водолагахъ, хуторѣ. Я говорю о любви къ музыкѣ. Тамъ меня забавлялъ Митя, восьмилѣтній мальчикъ—здѣсь восхитилъ гуслями самъ хозяинъ хутора. Вообразите себѣ рослаго мужчину, лѣтъ подъ сорокъ, съ подрѣзанною бородкой, небольшими карими глазами, которые сверкаютъ, какъ могильные огни, какъ *жилушки*, съ римскимъ носомъ и густыми темнорусыми усами, ловкаго, виднаго—вотъ игрокъ; а игра—не могу судить, ибо не знатокъ въ музыкѣ; скажу только, что я не слышалъ подобной игры.—Въ благодарность я напоилъ его пуншемъ.

---

[1]) І. А. Джунковскій—понсіонскій товарищъ И. И. Срезневскаго; см. о немъ въ моей замѣткѣ. «Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срез—го», с. 6—7.

Теперь я въ Константиноградѣ. Комната прелестна, и болѣе всего потому, что за тоненькой дверью, въ другой комнатѣ—другая пріѣзжая въ каретѣ—изъ Руси,—красавица. И что у нея за голосъ! Пишу, и не могу не слушать, какъ она разговариваетъ съ дѣвкой. Нѣжность, пріятность, и пр. и пр. и пр., какъ написано въ подорожной.

Дорога изъ хутора въ Константиноградъ мнѣ показалась слишкомъ длинна, и потому я заблагоразсудилъ дремать; я бы и заснулъ, если бы не боялся потерять что-нибудь. Однако и дремля, я видѣлъ сонъ: видѣлъ васъ, брата, Жозефа и нѣсколько разъ все то же и одно; наконецъ, до того, что, очнувшись и поговоря слова два три съ Романомъ, я какъ будто ждалъ кого, какъ будто мы всѣ вмѣстѣ и только на время, до того времени, пока я переговорю съ человѣкомъ, что нужно, вы скрываетесь отъ меня. Еще одна странность: и въ Мерефѣ и въ Водолагахъ мнѣ слышится голосъ Ивана Петровича: и я два раза принужденъ былъ выбѣгать опрометью изъ кибитки, дабы удостовѣриться, что это не онъ—хотя бы я желалъ, чтобъ это была неправда. Однако моя незнакомка опять заговорила. Послушайте, Іосифъ Афанасьевичъ—вотъ настоящее московское нарѣчіе.

—

5.

11 часовъ утра. Пятница.

Станція Вшивая, въ 22 верст. отъ Константинограда.

Всю дорогу отъ Константинограда до Вшивыхъ—дождь мочилъ насъ порядкомъ, впрочемъ не всѣмъ досталось; болѣе всего Роману, котораго хоть выжми. Ну, Вшивая! Названіе совершенно сходно съ качествомъ деревни. Такихъ жилищъ я еще не видывалъ, и въ нихъ живутъ малороссіяне! Впрочемъ такому житью виноваты они сами. Дорога столбовая, проѣзжающихъ чрезвычайно много—выгоды можно получать большія, но эта проклятая лѣнь, или, какъ говоритъ Іосифъ Афанасьевичъ, гордость примѣшалась и тутъ,—и людей превратила въ свиней:

иныя свиньи лучше живутъ. Однако, вы не подумайте, маменька, что-бъ я остановился въ землянкѣ. Никакъ нѣтъ-съ. У меня прекрасная комната, изукрашенная картинками, образомъ, съ преизрядною мебелью. Какъ же это такъ? Откуда такая роскошь среди омерзительной бѣдности? Постоялый дворъ, въ коемъ я остановился, содержится русскимъ, и слѣдовательно смышленымъ человѣкомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что не проходитъ дня, чтобы онъ не видалъ у себя десятка новыхъ гостей; а иногда и зачастую набирается полный дворъ и полный домъ. Правда, у него гостей было бы меньше, если бы мужики завели постоялые дворы; пока онъ одинъ содержитъ.

12 часовъ.

Ко мнѣ въ гости, т. е. въ мою комнату, вошли гости... два купца, и попиваютъ водку. „Кушайте, братцы, а я закурю трубку". Наскучило читать Гердера. Пора отдохнуть.

—

Голубовки, въ 36 верстахъ отъ Вишвой.

Дождь гудетъ, словно старая вѣдьма; но я спокоенъ: мы уже у мѣста ночлега. Не знаю, хороша ли, худа деревня, въ которой привелось мнѣ ночевать,—то же скажу и о хозяевахъ, которыхъ еще не видалъ; но не то должно сказать о хатѣ: огромная, чистая; стѣны, потолокъ, полъ, окна—разрисованы желтою глиной, благоуханіе васильковъ, мяты и пр.—словомъ прелесть хата; Полтавскую губернію нельзя сравнивать съ Харьковскою: дичь, глушь, невѣжество, безконечныя степи, по которымъ вмѣсто хуторовъ разставлены стоги сѣна, печальные кустарники, дубовые и лозовые, вѣчные несносные бугры, вѣчные мостики и плотинки—строенные вѣрно для чертиковъ и то бутылочныхъ, согнившіе дорожные столбы, землянки, стада свиней, болота, наконецъ эта несносная грязь—и я не знаю, что можетъ быть незанимательнѣе!.. То ли дѣло наша Харьковская: рай противъ ада.—Въ Перещепинѣ, казенномъ селеніи, я переѣзжаю рѣчку Орель. Окрестности ея почти живописны; но занимательны болѣе всего по историческимъ происшествіямъ, до

сихъ поръ еще памятнымъ народу и самой землѣ, носящей на себѣ свидѣтельство былого—курганы. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, подъ которымъ, по преданію народному, татарскій воевода находится, находится на самой долинѣ, и лѣтъ за десять былъ чрезвычайно высокъ; но съ того времени сталъ примѣтно уменьшаться, ибо землю его употребляютъ на засыпку болотъ по дорогамъ. Можно бы вмѣсто этого употребить и навозъ, но навозъ здѣсь дорогъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Перещепина есть батарея изъ числа бѣлогородскихъ, выстроенныхъ при Федорѣ Алексѣевичѣ отъ набѣговъ татаръ.

Малороссіяне чрезвычайно похожи на нѣмцевъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ четверо чумаковъ изволили пить пиво. Купили только полъ кварты и пили по крайней мѣрѣ $^1/_2$ часа, съ такимъ вкусомъ, съ такимъ чванствомъ, какъ будто нектаръ. Пріобрѣтенія мои объ Украинѣ слишкомъ скудны: въ Водолажскомъ хуторѣ списалъ три пѣсни и одну думу; во Вшивой пять пѣсенъ—и только. Правда, что пѣсни всѣ историческія, но все слишкомъ мало; я ожидалъ болѣе. Романъ меня увѣряетъ, что я наберу много въ Варваровкѣ. Онъ самъ берется мнѣ служить въ семъ случаѣ. Если-бъ да когда бы!—Слышалъ сказку о Серпягѣ, пояснившую мнѣ какъ нельзя лучше одну думу; слышалъ нѣсколько миѳологическихъ преданій, записалъ двѣ страницы поговорокъ, вписалъ нѣсколько словъ въ лексиконъ—вотъ и все.—Однако прощайте, маменька. Пора спать. Завтра рано надобно вставать; при томъ же и ночникъ догораетъ. Прощайте.—Что то подѣлываетъ теперь Іос. Афанасьевичъ! Ужели вы въ Деркачахъ? И ужели и васъ тоже мочилъ дождь, какъ меня грѣшнаго?

—

Новомосковскъ. Суббота, 12-й часъ утра.

Остается только 60 верстъ; однако едва ли можно будетъ поспѣть туда, куда должно, т. е. въ Варваровку. Слава Богу, дождь пересталъ; а помочилъ бѣдныхъ насъ не на шутку.—Новомосковскъ—преизрядненькій городокъ. Комнатка, въ которой

я остановился—чудо, штукатурная, вся въ картинахъ—можете представить, какого рода—прекрасная мебель—именно, чудо.

Какая жалость,—почта въ Харьковъ отошла изъ Новомосковска вчера, и потому вы получите это письмо черезъ недѣлю.

Екатеринославская губернія совсѣмъ не то, что Полтавская. Тѣ же степи, но не то. Жители всѣ почти богатые; табуны лошадей, гурты рогатаго скота, овецъ—встрѣчаются безпрестанно. Сѣнокосы превосходны. Природныя поля усѣяны курганами, особливо долина Самарская, на которой теперь пасутся татарскіе кони, пригнанные на продажу. На Спаса въ Новомосковскѣ ярмарка.

Только что у меня былъ мой хозяинъ. Молодчина.—Лѣтъ 60-ти, статный, величественный, такъ бы гетманскую булаву, да на коня; этакого украинца я еще не видалъ. Но болѣе всего понравился онъ мнѣ своею готовностью служить мнѣ, какъ собирателю всего украинскаго. Во-первыхъ, онъ мнѣ наговорилъ пропасть преданій о Самарѣ. У меня сердце билось крѣпко, когда онъ мнѣ ихъ разсказывалъ; потомъ продиктовалъ пѣсню про рѣку Самару, наконецъ думу. Обѣщаетъ еще. Я напою его кофіемъ—и, вѣрно, получу, что хочу.

Пишите, сдѣлайте одолженіе, пишите мнѣ по слѣдующей почтѣ. Хоть вѣсточку отъ васъ получить, если приходится не видѣться. Да пишите побольше! Вотъ увидите, какія письма буду писать я къ вамъ, лишь бы распорядиться порядкомъ на мѣстѣ. Теперь простите, что пишу не много: теперь и времени нѣтъ, и мѣста нѣтъ иногда, а всего болѣе не о чемъ. Іосифу Афанасьевичу напишу изъ Варваровки варварское письмо. Пусть только читаетъ да по субботамъ разбираетъ. И теперь бы написалъ, да, право, не хочется. Къ тому же, пообѣдавши, мы поѣдемъ въ путь дороженьку, а потому если-бъ и захотѣлъ, то немного бы успѣлъ. Ожидаю отъ Іосифа Афанасьевича философико-политическаго письма, которое конечно будетъ написано чисто, аккуратно, безъ маракъ и канцелярскихъ украшеній. Прошу его не мудрить, а просто писать, что на умъ взошло, точно въ такомъ видѣ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ взошло на умъ, иначе вся-

кое письмо Іосифа Аѳанасьевича стоить будетъ по крайней мѣрѣ четверти дести почтовой бумаги; а вѣдь это не выгодно. Объявляю также Іос. А—у, что его Гердеръ немного подмокъ, хоть и не замарался, и прошу въ этомъ великодушнаго извиненія.

—

6.

Варваровка. Понедѣльникъ. 7 часовъ утра.

Третій разъ здравствуйте, милая маменька! Я уже на мѣстѣ. Комната моя почти прибрана. Книги, тетради, платье—все въ порядкѣ. Остается принять на себя учительскія обязанности—и дѣло будетъ кончено. Пока еще я какъ гость въ домѣ Подольскихъ, хоть и гость коротко знакомый, а слѣдовательно о своихъ хозяевахъ не могу иначе судить, какъ о помѣщикахъ, меня принявшихъ подъ свой кровъ для того, чтобъ вмѣстѣ проводить веселѣе время. Въ семъ отношеніи и онъ и она—люди предобрые, простые, веселые, люди—какихъ не надобно лучше. Что касается до другихъ отношеній, то я не скажу ничего, ибо ничего не знаю: увижу, посмотрю, напишу.

Вчера послѣ обѣда (я пріѣхалъ утромъ, часовъ въ 11-ть) мы съ дѣтьми ѣздили верхомъ по берегу Днѣпра. Мѣста прелестныя, очаровательныя. Днѣпръ разлился на двѣ версты въ этомъ мѣстѣ. Можете себѣ представить, какая бездна воды. Но эти широкія волны не льются, а кипятъ. Ревъ пороговъ подобенъ—право не придумаю, съ чѣмъ сравнить его.—Представьте себѣ отрядъ всадниковъ, пробирающихся сквозь чащу: шелестъ листовъ, цокъ копытъ конскихъ, храпѣнье коней, говоръ всадниковъ, крикъ повелительный начальника—все это вмѣстѣ—и вы будете имѣть небольшое понятіе о порогахъ. Впрочемъ къ нимъ должно присмотрѣться, прислушаться: съ перваго раза они незамѣтны, непоразительны.

Если кто знаетъ Екатеринославскую губернію только по берегамъ Днѣпра, тотъ можетъ подумать, что населеніе оной чрезвычайно. Съ моего балкона видно четыре деревни и два села, одно подлѣ другого. Селеніе Синельниково на другой сторонѣ—лучше другихъ—однихъ господскихъ строеній 17.

Я уже говорилъ Катеринѣ Романовнѣ [1]) о поѣздкѣ, предполагаемой мною, въ Александровскъ. Она согласна, даже болѣе нежели сколько я желалъ. За Александровскомъ есть мысъ Кичкасъ,—очаровательное мѣсто! Днѣпръ течетъ между двумя скалами, одно отъ другой не болѣе какъ на 60 саженъ. Этотъ мысъ находится отъ Варваровки въ 40 верстахъ.

—

5 августа. Четвергъ.

Уже два дня я учу—и не могу сказать, чтобы это было обременительно. Все дѣло состоитъ въ задаваніи и спрашиваніи уроковъ. Дѣти понятливы, хоть и лѣнивы, но я задаю крошечные уроки, и они очень довольны, и я также доволенъ. Мнѣ остается заниматься болѣе 6 часовъ. Предовольно! Вотъ какъ истекаетъ день буднишный: встаю съ восходомъ солнца, выхожу на балконъ, читаю Гердера. Умываюсь, одѣваюсь—иду пить кофе (для меня варится маленькій кофейникъ и особая кострюлька сливокъ превосходнѣйшихъ), ухожу къ себѣ, опять читаю Гердера. Занимаюсь съ дѣтьми и въ то же время пишу къ вамъ письмо. Отпускаю дѣтей гулять и занимаюсь. Обѣдаю въ 1-мъ часу. Пообѣдавши, иду въ гостинную и болтаю съ Иваномъ Тимофеевичемъ и Катериною Романовной; потомъ отправляюсь на верхъ за ученье на полтора часа. Всякое послѣобѣда ученье состоитъ въ упражненіи въ языкахъ и въ чтеніи. Во время ученья пишу къ вамъ письмо. Отпустивъ дѣтей, занимаюсь. Потомъ верхомъ прогулка верстъ 6, 7 или болѣе. Потомъ чай, болтанье,—наконецъ, иду домой и еще часа два занимаюсь. Наконецъ—bonne nuit.

Я очень радъ, что поѣхалъ въ Варваровку. Не знаю, каково мнѣ будетъ жить; но что я накоплю пропасть, цѣлую пропасть для своей украинской скрыни, то это также вѣрно, какъ 2×2=4. Даже самыя дѣти мнѣ радушно помогаютъ. Я скажу болѣе: Украины нельзя узнать порядочно, не бывши въ этихъ

---

[1]) Е. Р. Подольская.

мѣстахъ; нельзя узнать порядочно запорожцевъ, не бывши на порогахъ.

—

7.

Четвергъ. 5 число августа, 1832. Варваровка.

Только что отдалъ письмо подъ № 3. Еще оно не отъѣхало изъ Варваровки,—можетъ быть даже сегодня и не уѣдетъ, а я уже принимаюсь за новое письмо. Видите, милая маменька, что я не совсѣмъ неаккуратенъ. Я за непремѣнное правило почелъ себѣ каждый день писать къ вамъ хоть по нѣскольку строчекъ. До сего времени все еще исполняю свое правило. Долго ли то это будетъ продолжаться!—Сегодня передъ обѣдомъ въ Варваровку пріѣхалъ офицеръ Путей Сообщенія. Онъ ѣдетъ по Днѣпру для обозрѣнія пороговъ. Правительство предполагаетъ прорыть оные. О баркахъ нечего и говорить: за все время моего здѣсь пребыванія я видѣлъ только одну, и то всѣ удивились и разсматривали оную, какъ чудище морское.

Вечеръ.

Пусть Іосифъ Афанасьевичъ судитъ о воспитаніи,—я хотѣлъ сказать, образованіи офицеровъ Путей Сообщенія. Они проходятъ полный курсъ математики, въ томъ числѣ и астрономію,—я же, грѣшный, въ астрономіи знаю столько же, сколько и днѣпровскіе раки;—и я грѣшный побѣдилъ новоприбывшаго офицера въ астрономическомъ преніи о системѣ міра. Не хватъ ли я? По крайней мѣрѣ, я удивляюсь своей смѣлости. И что же я доказывалъ ему? Какъ ты думаешь, братъ? А вотъ что: послушай. Я доказывалъ, что земля, и всѣ планеты, и всѣ спутники имѣютъ форму не круглую, а подобную воздушнымъ шарамъ т. е. $\bigcirc a$; и что *a* есть сѣверный полюсъ, въ которомъ находится огромный гранитъ, заключающій въ себѣ весь магнитъ земного шара. Одно изъ доказательствъ: обращеніе магнитнаго полож. конца стрѣлки къ сѣверу; другое: неправильность фигуры луны въ началѣ видимости оной, равно, если не болѣе, при ущербѣ; и онъ наконецъ согласился, оставивъ за собою только слово *тяготѣніе*, которое я назвалъ неправильнымъ тер-

миномъ, а вмѣсто онаго въ общемъ смыслѣ представилъ *равновѣсіе*, а въ частномъ—силою самостоятельной движимости. Пришедши въ свой кабинетъ, я не могъ не расхохотаться и запѣлъ, невольно запѣлъ.

„Ой ревнули коровы, край порога стоя".—Пѣсня моя уже кончена. Строка въ письмо ваше вписана. Остается взглянуть на пороги, освѣщенные теперь луною, послушать ихъ грохотъ,—и лечь въ постель за Сѣвер. Пчелу, пожелавши вамъ спокойной ночи и радостныхъ сновидѣній.

Пятница.

Послѣ обѣда уѣхалъ офицеръ, и мы остались одни. Сегодня я занимался съ дѣтьми не болѣе трехъ часовъ въ день; впрочемъ они весь день со мною, хоть и не мѣшаютъ. Одинъ рисуетъ, другой читаетъ. Всякій занятъ своимъ дѣломъ, и я своимъ, другъ другу не мѣшаемъ, и все идетъ ладно. Если такъ будетъ продолжаться, то мнѣ хорошо. Ахъ, только васъ, одной васъ не достаетъ, маменька. Были бы вы, и я бы совсѣмъ былъ человѣкъ какъ надобно, а теперь, или отъ непривычки, или отъ настоящаго чувства любви къ вамъ, не могу не грустить, особенно когда одинъ. Повѣрите ли, я въ забывчивости нѣсколько разъ выходилъ изъ своей комнаты, думая, что иду въ вашу половину,—но разочарованіе какъ тутъ, и я повѣся голову продолжаю ходить по своей комнатѣ одинъ одинехонекъ.—Гулять сегодня не ѣздилъ, а ходилъ къ Ив. Тим. и Кат. Романовнѣ смотрѣть постройки. Для вновь купленныхъ русопетовъ (?) строются двѣ деревни на берегу Днѣпра.

Воскресенье.

Я забылъ вчера сказать вамъ, что я былъ вчера на *Тягинькѣ*, т. е. въ лѣсу, который принадлежалъ запорожцамъ, что доказываютъ остатки землянокъ, а теперь Синельникову. Видъ съ горы прелестный.—Скоро, скоро на Кичкасъ. Тамъ ли виды! Мы поѣдемъ съ старшимъ сыномъ въ бричкѣ, возьмемъ съ собою три сѣдла. Пріѣхавши въ Александровскъ, лошадей осѣдлаемъ и съ Мих. Иванов. (Криницкимъ) отправимся странствовать.

8.

Варваровка. 14 сентября.

Сегодня Воздвиженье, большой праздникъ. Каково-то вы проводите его? Скучно ли, весело-ли? Я провелъ довольно скучно, исключая вечера. Собравшись въ семейный кружокъ, мы прочли письмо Бестужева „Сибирь и Кавказъ", говорили, смѣялись.—Надобно знать: Иванъ Тимоѳеевичъ большой балагуръ, и умѣетъ прекрасно разсказывать. Между тѣмъ дѣвки на одной, лакеи на другой галлереѣ составили хоры—и поютъ и пляшутъ. Въ деревнѣ хоры раздаются также. Неясытецъ поетъ также свой неумолкаемый хоръ,—и весело и скучно, или лучше сказать грустно: если-бы вы были тутъ же. Это бы и возможно, и очень возможно, но я боюсь, чтобы всѣмъ здѣсь не наскучило, а болѣе не понравилось. Кромѣ того зима и домъ холодный—хозяева мои переберутся во флигель, а я съ дѣтьми въ двѣ небольшихъ комнатки внизъ—эти комнатки немного теплѣе другихъ. И такъ, маменька,—я боюсь за ваше здоровье въ этомъ климатѣ, здоровомъ для здоровыхъ, вредномъ для слабыхъ. Иногда бываетъ такой туманъ, что не разберешь ничего въ двухъ шагахъ отъ себя. По Днѣпру каждое утро ходятъ цѣлыя горы тумана, и роса падаетъ съ крышъ, какъ отъ порядочнаго дождя.

16 сент. Четвергъ.

Простите меня, добрая маменька, что я часто пишу неразборчиво. Постараюсь избавиться отъ сего порока; а причиною сему, право, не недостатокъ уваженія къ вамъ, а глупая вѣтренность, отъ которой я никакъ не отвяжусь. Что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Почему такъ рѣдко удостоиваетъ меня своихъ вѣсточекъ Іосифъ Аф.? Просилъ бы и брата—о томъ же; но боюсь его. Можетъ быть, онъ сердитъ на меня, что я не пишу къ нему отдѣльныхъ писемъ. Хорошо, буду писать къ нему отдѣльно, только пусть онъ не забываетъ брата отшельника. Нѣтъ, когда переѣдемъ весною въ городъ, я буду жить дома. И куда какъ веселѣе! Тутъ, какъ ни просто, а все требуется осторожность; даже самая ласка и готовность сдѣлать все для меня, и

она мнѣ кажется приторною: она чужая—и корыстная. Вы знаете мою любовь спорить—а теперь не съ кѣмъ. То-ли бывало какъ съ Іос. Аф. заведемся!—Отнюдь нѣтъ-съ, я никогда не спорилъ съ Из. Иван!"—Іос. Аф. вѣрно сказалъ это, если онъ слушаетъ это мараніе.

Занимайся, братъ, хорошенько, плотно, какъ говорится. Можетъ быть, случится нѣкоторая перемѣна въ нашемъ состояніи, поважнѣе той, которая случилась со мною по случаю отъѣзда въ Варваровку. Можетъ быть мы переѣдемъ въ Москву. Маменька, вѣрно, не откажется оставить душный Харьковъ. Я увѣдомлю обо всемъ подробно, тогда когда узнаю самъ хорошенько. Занимайся потому хорошо, что надобно перейти въ Москов. университетъ съ хорошимъ свидѣтельствомъ изъ здѣшняго: иначе не переведутъ въ третій курсъ. Относительно твоего подвига съ Венедиктовымъ—не скажу ничего, ибо не понимаю этого человѣка. Впрочемъ, говорятъ, онъ добрый человѣкъ. Будь остороженъ. Что касается до твоего отвѣта педелю,—то я очень обрадованъ,—и желаю, чтобъ ты былъ всегда таковъ.

—

9.

Варваровка. 1832. Сент. 27.

Здравствуйте, почтеннѣйшая маменька! Мнѣ сегодня скучно,—и я принялся за лучшее свое удовольствіе—писать къ вамъ. Ахъ, маменька вы не повѣрите, какъ мнѣ грустно! И самъ не знаю: чего! Нѣтъ, знаю: я далеко отъ васъ. Такъ и желалъ бы скорѣе къ вамъ.

Настоящая жизнь моя течетъ тремя колеями: учу—занимаюсь—живу, т. е. *сплю*. Именно во снѣ, т. е. въ мечтахъ, и живу я, какъ-бы желалъ жить, среди родныхъ, безъ горестей, безъ заботъ, безъ этой проклятой скуки, которая наполняетъ табачнымъ чадомъ и комнату, и голову, и кромѣ чаду ничего въ ней не поселяетъ. Чѣмъ болѣе живу здѣсь, тѣмъ несноснѣе,—не потому, что мнѣ худо. Нѣтъ: хозяева мои люди прекрасные, сердятся, когда я церемонюсь, ловятъ мои желанія—однако все чужіе: некому повѣрить мнѣ ни своихъ чувствъ, ни своихъ мы-

слей; и мысли и чувства чахнутъ; и между тѣмъ какъ бы мнѣ ни было скучно, я долженъ казаться веселымъ, ибо Иванъ Тимоѳеевичъ скучаетъ безъ меня, и слѣдовательно должность моя, веселить его,—должность иногда очень непріятная; особливо теперь: читать ему нечего; а разсказы наши обыкновенно касаются до 2-хъ предметовъ: христіанской религіи и вѣрности супружеской. Разговоръ о первой всегда одинъ и тотъ же, тотъ же и одинъ, только въ разныхъ формахъ; а о послѣдней любопытно, и то можетъ быть не всегда, разсказывать тѣмъ, кои знаютъ счастіе и несчастіе оной. Иногда я стараюсь разнообразить разговоръ, говорю о сложеніи горъ, а нареченной невѣстѣ моей, княгинѣ Бѣлосельской, и нареченномъ супругѣ оной князѣ Срезневскомъ - Бѣлосельскомъ, о падающихъ звѣздахъ, о подвигахъ запорожцевъ,—и все это такъ скучно и такъ неизбѣжно, какъ и прогулка въ новопостроенную деревню, прогулка, во время которой, завернувшись въ плащъ, повторяю: да, точно, прекрасно, считаю камни по дорогѣ и глазами мѣряю оставшееся разстояніе.

На прошлой недѣлѣ я послалъ въ „Телескопъ“ статью свою подъ названіемъ: *Первоначальное образованіе Слободско-Украинскихъ полковъ во время царя Алексѣя Михайловича*, съ подписью: *И. С. Варваровка.* [1]) Если будетъ напечатана, то сдѣлай одолженіе, увѣдомь, братъ, меня, и сколько она заняла мѣста.

Бывши съ Михайломъ Ивановичемъ на Кичкасѣ, мы подходили къ знаменитой пещерѣ, называемой „школой“. Видъ ея удивителенъ. Названа потому, что въ ней когда-то нашли книгу. Если вамъ будетъ угодно послушать сказокъ про нее и про другія вещи,—то извольте: въ каждомъ письмѣ найдете по кусочку, и тѣмъ болѣе будетъ кусочекъ, чѣмъ менѣе будетъ предметовъ для письма. Вотъ напр. теперь думаю, думаю, что бы написать: конечно, рѣшительно нечего.

---

[1]) Напечатано не было. Того же вопроса И. И. С—ій касается въ статьѣ «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины» со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію (Харьк. губ. вѣд. 1839).

10.

Октября 19, 1832. Варваровка.

Боже мой, что за сосѣди здѣсь! Неизъяснимые люди! Непостижимые люди! Вотъ одинъ—багровое лицо, сизый носъ, опухшіе глаза, засмаленный фракъ, сшитый по модѣ 1820 года, и лжетъ на каждомъ словѣ; выдаетъ себя за знатнаго барина, за богача—и весь въ долгахъ; выдаетъ за умника, за каламбуриста, и городитъ такую чепуху, что уши вянутъ. Имѣетъ много дѣтей,—два въ корпусѣ, дочь окончила воспитаніе въ Екатер. пансіонѣ, говоритъ по гасконски, играетъ на фортепіано, перелистываетъ французскія книжки, съ отцемъ обращается какъ съ управителемъ,—и уродъ лицемъ. Она ѣздила съ отцемъ въ Екатеринославъ на выборы—сама въ каретѣ, отецъ сзади на дрожкахъ; караванъ довершается волами, кои тянутъ пустую карету для грядущаго жениха. Вотъ другой—статскій служака—получилъ имѣніе за женою. Жена полуумная, бѣсится каждое новолуніе; но онъ равнодушенъ—онъ радъ женину имѣнью, хотя оно и все въ долгахъ. Онъ думаетъ объ однихъ барышахъ—14-лѣтнюю дочь свою отдалъ за 50-лѣтняго, брюзгу, только потому, что у этого брюзги 40 душъ. Вотъ третій—баба торговка въ три обхвата, пузо не умѣщается на колѣняхъ,—у нея дочь въ два обхвата—по словамъ маменьки—18-ти лѣтъ, но отъ роду не менѣе 25-ти, объявляетъ, что у нея книжка есть: сказка о 7 братьяхъ; щеголяетъ на таратайкѣ въ 150 рублей, солом. шляпѣ, а всего владѣній $2^1/_2$ души. Вотъ 4-й—старикъ лѣтъ шестидесяти, забылъ жену, забылъ дѣтей, завелъ гаремъ,—и съ прелестницами играетъ въ горѣлки—владѣетъ 3000 душъ.—Но къ чему распространять описанія?—По крайней мѣрѣ, вы можете судить о сосѣдствѣ нашемъ и объ удовольствіи, какое можно находить въ подобномъ кругу. Ахъ, еслибъ только скорѣе къ вамъ.—Вотъ ужъ два мѣсяца только осталось! Пройдутъ и они!..

А между тѣмъ уже три недѣли,—и нѣтъ отъ васъ вѣсти! Что бы это значило? Знаете что, маменька,—адресуйте иногда

письма на имя Ѳедора Степановича Евецкаго, Екатеринославъ, съ передачей мнѣ. Это будетъ вѣрнѣе и скорѣе. Посылки въ Екатеринославъ у насъ часты. Иногда раза два въ недѣлю: а въ Новомосковскъ иногда и въ три недѣли разъ только посылаютъ. Вѣдь это скучно и горько: и есть письмо, да не получаешь.

Спасибо Евецкому, онъ меня снабжаетъ книгами,—и мы теперь съ нимъ ведемъ преаккуратную переписку. Я очень этому радъ.

—

11.

15 ноября. Варваровка.

Я провожу время уже не такъ скучно, какъ прежде. Ближе и ближе я освояюсь съ милымъ семействомъ моихъ хозяевъ,—и дѣйствительно,—принятъ какъ родной. Это правда, и я долженъ признаться, что это отнимаетъ у меня время, но вы подумайте, маменька, сидѣть вѣчно одному въ своей конурѣ—учить и учиться—мучить и мучиться—ни съ кѣмъ ни одного пріятнаго слова: это горько. Вы знали, какъ я не любилъ романовъ—теперь именно отъ этого одиночества, отъ этой скуки рѣшился читать ихъ—читаю всегда въ слухъ—это бываетъ обыкновенно вечеромъ послѣ чаю. Теперь мы читаемъ Редгонтлета. Сегодня кончили другую часть. Признаюсь, мнѣ очень оно не нравится. Принуждаю себя находить въ немъ хорошее, принуждаю себя смотрѣть сквозь пальцы на его болтовство—и все нѣтъ мочи: поретъ дичь—не болѣе. Недавно читали романъ: *Сенъ-Меранъ*—французское сочиненіе, но прекрасное. Совѣтую брату достать и прочесть вамъ вслухъ. Мы его прочли съ большимъ удовольствіемъ.

Если библіотека покойнаго Гулака [1]) продается, то нельзя-ли купить для меня изъ оной сочиненія Нѣмцевича подъ име-

---

[1]) Ошибочный слухъ о смерти П. П. Гулака-Артемовскаго.

немъ Dzieje panowanja Zygmunda III, на польскомъ языкѣ. Пожалуйста постарайся черезъ кого-бы то ни было. Три тома рублей 40.

Сейчасъ только ходилъ по льду Днѣпровскому. Прозрачный, какъ стекло, и толстъ четверти на три уже. Видъ съ рѣки на домъ и деревню прекрасный. Относительно пѣсенъ Максимовича,—не пересылайте ихъ до времени, милая маменька: ибо уже не долго остается.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

XXVIII.

Наступила эпоха великая и знаменательная, эпоха благородныхъ стремленій и кипучей дѣятельности, лучшая пора жизни Россіи за цѣлое столѣтіе. Эта перемѣна не могла не найти радостнаго отголоска въ такой живой и впечатлительной душѣ, какъ Кулишъ. Съ восхищеніемъ привѣтствуетъ онъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ благородныя начинанія новаго императора, который вступилъ именно на тотъ самый путь, который тогда всего желательнѣе былъ для Россіи.

Кулишъ встрѣтилъ особенно въ Н. Д. Бѣлозерскомъ и въ К. С. Аксаковѣ горячее сочувствіе своимъ восторгамъ по поводу словъ и поступковъ новаго государя. „Радуйтесь, Николай Даниловичъ“,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому: „о новомъ государѣ разсказываютъ чудеса. Петербургъ и Москва отъ него въ восторгѣ. Австрійскаго посланника государь принялъ очень сурово, прусскаго очень ласково. Говорятъ, Бибиковъ отставленъ и на его мѣсто Игнатьевъ. Клейнмихель на третій день пришелъ съ прошеніемъ и получилъ въ отвѣтъ: „Съ удовольствіемъ, графъ, съ удовольствіемъ, но намъ надобно свести съ вами счеты“. Бибикову сказано: „Васъ не за что благодарить: вы

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 5.

вооружили моего отца противъ дворянства, которое теперъ стоитъ во главѣ всего добраго". Говорятъ, позволено печатать „Мертвыя Души"... [1]) Два квартальные у входа къ тѣлу покойнаго государя обошлись грубо съ молодымъ чиновникомъ, который вышелъ изъ себя и далъ одному пощечину. Его судили, но начальство его довело до свѣдѣнія государя о причинѣ вспыльчивости молодого человѣка, который пришелъ не одинъ, а привелъ двухъ дамъ, и государь написалъ: „за грубое обхожденіе полиціи отставить обоихъ квартальныхъ надзирателей отъ службы, съ тѣмъ, чтобы никуда впредь не принимать". Словомъ, разсказамъ конца нѣтъ! Никогда еще ни одинъ государь не производилъ такого восторга въ обществѣ.... Прибавлю еще, что когда государь въ первый разъ явился передъ дворянами, то осанка его и манеры были такъ величественны, что всѣ были поражены какъ бы сверхъестественнымъ видѣніемъ. Онъ явился въ полномъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова русскимъ царемъ передъ подданными".

17 Марта 1855 г. Москва. „Часовъ въ 12 утра пріѣхалъ въ Москву Конста для окончательныхъ распоряженій о книгѣ своего отца: „Разсказы и воспоминанія охотника". Онъ такъ здоровъ и силенъ, что чуть не искалѣчилъ меня пожатіемъ руки. Отъ него такъ и пышетъ теплотою души. Чудесный Конста!..

„По случаю юбилея [2]) налитографировали нѣсколько профессорскихъ портретовъ. Въ томъ числѣ и Шевырева. По выраженію Консты, Шевыревъ такъ похожъ, что хочется плюнуть. Эта фраза равняется прекрасному изреченію Хомякова: „Если Погодинъ сдѣлаетъ что-нибудь гадкое, то всегда обтирается Шевыревымъ".

„Конста цѣлый день прошатался по Москвѣ и, воротившись въ 11 часовъ ночи, привезъ, во-первыхъ, темный слухъ

---

[1]) Напомнимъ здѣсь, что Кулишъ тогда еще не былъ издателемъ сочиненій Гоголя, а занимался лишь его біографіей, и разрѣшеніе было дано Трушковскому.

[2]) Московскаго университета (въ 1855 г.)

о какой-то великой побѣдѣ русскихъ, во-вторыхъ, о трехъ комитетахъ: для передѣлки устава о цензурѣ, для смягченія мѣръ относительно раскольниковъ и для пошлинъ. О прекращеніи преслѣдованія раскольниковъ извѣстно положительно. Онъ же слышалъ, что когда Эстергази сказалъ государю, что отецъ его намѣренъ былъ поступать иначе въ отношеніи къ Европѣ, т. е. склонялся къ уступкамъ, государь отвѣчалъ: „Отецъ мой, послѣ тридцатилѣтняго царствованія, могъ поступать какъ ему угодно, но я, вступивъ на престолъ недавно, долженъ дѣйствовать иначе".—„Ваше Величество будете спасителемъ Европы", сказалъ Эстергази.—„Всѣ мои интересы", отвѣчалъ государь, „заключены въ Россіи".—„Ваша доброта"—продолжалъ тотъ, „извѣстна всей Европѣ"... Потомъ, спохватившись, прибавилъ: „также, какъ и ваша твердость". Но государь сказалъ: „Моя доброта будетъ вся принадлежать Россіи, а твердость мою узнаетъ Европа".

„Конста отъ всего этого въ восторгѣ; особенно ему нравится, какъ государь, по его выраженію, „выгораживаетъ покойнаго отца своего, сохраняя ему все его царственное достоинство, а себя между тѣмъ не лишаетъ возможности поступать по усмотрѣнію".

„Есть слухъ, что Норовъ не удержится на мѣстѣ, Бибиковъ тоже, но онъ ничѣмъ еще не подтвердился, кромѣ сухого обращенія съ ними государя. Ермоловъ принятъ великолѣпно. Говорятъ, ужъ о немъ получена бумага, что онъ оставляется для высшаго поста. Государь обыкновенно бесѣдуетъ съ нимъ за утреннимъ чаемъ. Конста и отъ этого въ восхищеніи. Онъ послалъ ему по городской почтѣ слѣдующій привѣтъ, безъ подписи именъ: „Долго бездѣйствовалъ ты, нашъ старый богатырь; но Европа потряслась въ своихъ основаніяхъ, но имя Бонапарта вновь раздается въ мірѣ, но гремитъ громъ и блещетъ молнія грозы военной,—и при грохотѣ грома и блескѣ молніи, народный гласъ вызываетъ тебя, солдатъ Суворова, тебя, генералъ двѣнадцатаго года, тебя, наша народная слава, тебя, Ермоловъ!".

„Жаль, что я не имѣю времени описать выборъ Ермолова въ начальники ополченія. Конста говоритъ, что масса народа всегда движется разумнѣе и вѣрнѣе отдѣльныхъ лицъ. Были люди, желавшіе воспрепятствовать этому выбору, было сдѣлано нѣсколько гадостей, такъ что самъ Ермоловъ письмомъ къ губернскому предводителю дворянства просилъ не посылать къ нему депутацію, а результатъ вышелъ все-таки прекрасный: Ермоловъ выбранъ.

„Ту же мысль Конста примѣняетъ и къ юбилею [1]). Шевыревъ сдѣлалъ пошлымъ это торжество, но съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи воспитанники Московскаго университета придали ему торжественность и закрыли всѣ шевыревскія пошлости.

„Въ заключеніе сегодняшняго вечера Конста прочелъ воспоминанія о томъ, какъ онъ былъ студентомъ. Нѣсколько человѣкъ въ честь юбилея написали такія воспоминанія, чтобы прочесть ихъ у Самарина на частномъ торжествѣ того же 12 февраля. Записки Консты въ высшей степени интересны“.

Въ одномъ изъ писемъ къ В. В. Тарновскому Кулишъ писалъ также: Прочитайте во 2 № „Современника“ пять стихотвореній графа А. Толстого: какія вещи позволяютъ печатать. А между тѣмъ положительнаго облегченія нѣтъ, только цензура какъ-то ободрилась, да и всѣ шумятъ, точно не русскіе. На юбилеѣ Щепкина Константинъ Аксаковъ предложилъ тостъ за общественное мнѣніе, и общество отъ восторга переломало нѣсколько стульевъ“ [2]).

Объ Ив. С. Аксаковѣ въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ писалъ 1 мая 1855 года: „Подъ Москвой встрѣтилъ я Ивана Аксакова, штабсъ-капитана. Онъ молодецъ въ національной одеждѣ и радуется, что, выйдя въ отставку, получитъ

---

[1]) Разумѣется столѣтній юбилей московскаго университета.

[2]) „Кіевская Старина“, 1898, IV, стр. 114.

право носить ее [1]). Служить ему трудно, но онъ доволенъ успокоеніемъ совѣсти, которая могла бы сказать ему: „А ты гдѣ былъ, когда рѣшалась судьба отечества? Хорошо ли, дурно ли распоряжаются сверху,—но, по его словамъ, каждый долженъ, сколько можетъ, понести общей тяжести, и для совершенства души необходимо иногда дѣлать дѣло не по своему вкусу".

Когда, въ началѣ царствованія, послѣдовало сильное оживленіе литературы и стали возникать одно за другимъ новыя періодическія изданія [2]), И. С. Аксаковъ задумалъ изданіе „Русской Бесѣды" и предлагалъ сотрудничество Кулишу. Занятый печатаніемъ южнорусскихъ лѣтописей и приготовленіями къ изданію „Записокъ о южной Руси" [3]), Кулишъ отклонилъ было предложеніе, но затѣмъ послалъ туда, во вторую книгу журнала, свою повѣсть „Ѳеклуша" [4]).

XXIX.

У Кулиша продолжались заботы и хлопоты по напечатанію „Черной Рады". Съ цѣлью облегчить этому сочиненію цен-

---

[1]) Послѣ, когда Кулишъ въ письмѣ къ С. Т—чу осуждалъ выборъ знакомствъ, сдѣланныхъ И. С. во время его пребыванія въ Малороссіи въ 1855 г., недовольный этимъ И. С. нелестно отозвался о Кулишѣ «(И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 217—218).

[2]) Однажды Кулишъ сообщалъ также: «Я читалъ объявленіе о Русскомъ Вѣстникѣ», который будетъ издавать въ Москвѣ Катковъ. Хомяковъ съ братіей тоже намѣренъ издавать журналъ. Императрица, во время пребыванія въ Москвѣ, призвала его къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовала. Между прочимъ ему обѣщано, что съ него снимется запрещеніе писать.

[3]) Къ числу этихъ предпріятій относилось также задуманное Меемъ изданіе журнала «Россія», по поводу котораго Кулишъ писалъ: «Кажется, что Мей и журналъ его—явленія вздорныя, а журналъ притомъ еще и не утвержденъ».

[4]) И. С. Аксакову эта повѣсть не особенно понравилась, но «Записки о южной Руси» онъ считалъ весьма интересными («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 287).

зурное разрѣшеніе, авторъ перевелъ его на русскій языкъ, чтобы легче было потомъ провести книгу и на малороссійскомъ языкѣ. „Если мнѣ дадутъ право общей цензуры"—писалъ онъ В. В. Тарновскому,—„то не уѣду изъ Петербурга, не напечатавши „Черной Рады" по малороссійски [1]). Тому же лицу Кулишъ писалъ: „Я думаю, что надо издать эту книгу съ рисунками пѣвцовъ и баевъ и четырьмя хромолитографированными типами паробка и дивчины, дѣда и бабы съ акварелей Жемчужникова, а въ концѣ приложить десятка три голосовъ пѣсенъ. Это проведетъ книгу къ панамъ, которые не купятъ ее для одного чтенія и откроетъ имъ глаза на этнографію, какъ на нѣчто живое, существующее въ природѣ, а не въ головахъ литераторовъ, а текстъ утвердитъ ихъ въ этомъ мнѣніи" [2]). Редакція „Русской Бесѣды" съ своей стороны предлагала провести въ печать „Черную Раду" въ своемъ журналѣ (конечно, въ русскомъ переводѣ). Большую денежную помощь въ этихъ дѣлахъ оказывалъ В. В. Тарновскій, издававшій на свой счетъ всѣ сочиненія Кулиша, которыя не печатались въ журналахъ.

Лучше всего можно понять, до какой степени Кулишу все-таки приходилось круто съ изданіемъ своихъ сочиненій,

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1898, IV, стр. 116. Но много хлопотъ и горя по обыкновенію доставляла Кулишу цензура, хотя въ началѣ новаго царствованія онъ смотрѣлъ на все оптимистически: «Чтобы дать работу вашему воображенію»,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„скажу, что Черная Рада скоро выйдетъ изъ портфеля своего автора и пойдетъ странствовать по палатамъ и дворцамъ, пока не отвергнутъ ее, какъ злотворное произведеніе (вѣдь на свѣтѣ бездна самыхъ дикихъ заблужденій!) или скажутъ: «полно автору слоняться по свѣту перебендею, принять его хоть въ дворники. Съ представленіемъ «Записокъ» въ цензуру совѣтую обождать, потому что есть надежда на смягченіе устава. Теперь я брею и стригу своего «Романа», чтобъ можно было проскользнуть мимо швейцара, а тамъ, внутри палатъ, люди помягче. Сказано: «не такъ панъ, якъ панчата».

[2]) «Кіевская Старина», 1898, IV, стр. 118 и друг.

изъ того, что ему пришлось таки въ почти безнадежныхъ обстоятельствахъ прибѣгнуть вновь къ Юзефовичу и просить его не только объ устраненіи цензурныхъ затрудненій, но и о денежной помощи. Юзефовичъ былъ все-таки свой человѣкъ, въ принципѣ тайно сочувствовавшій дѣятельности и симпатіямъ Кулиша, но на первомъ планѣ ставившій личное благоденствіе и способный на предательство „страха ради іудейска". Юзефовичу можно было и теперь, даже въ письмѣ, сказать, что „нигдѣ не родыться духовного жныва бильшъ, якъ на Украини", что было, конечно, отчаяннымъ патріотическимъ самообольщеніемъ, а также противополагая Украйну Москвѣ, высказывать надежду, что „кроткіе", т. е. малороссы, „наслѣдуютъ землю", и что „сонмы люду украинського сіяють душевнымъ богатствомъ по-надъ уси народы и збагащають Московську Русь" [1]).

Но все искупалось для Кулиша мечтами о будущемъ благотворномъ вліяніи своихъ сочиненій, мечтами, доходившими до едва вѣроятныхъ размѣровъ. Онъ, напримѣръ, писалъ С. Т. Аксакову: „Записки о южной Руси" печатаю съ наслажденіемъ не потому, что въ нихъ есть мое, а потому, что передаю свѣту памятники духа народнаго, которымъ въ моихъ глазахъ нѣтъ цѣны. Корректуру держу съ такою тщательностью, какъ будто это Священное Писаніе, и надѣюсь, что по внѣшнему исполненію „Записки" будутъ образцомъ совершенства. На это стоитъ тратить время, потому что общество наше привыкло соединять съ понятіемъ о малороссійской словесности понятіе о какой-то безграмотности и растрепанности, что совершенно справедливо. Надобно дать ему въ руки книгу, которая бы ни въ чемъ не уступала нѣмецкимъ и англійскимъ изданіямъ, въ которой видно было бы серьезное изученіе предмета" [2]). Въ другой разъ онъ

---

[1]) »Кіевская Старина», 1898, III, 314—315, также вообще 311—316.

[2]) Этотъ трудъ А. Н. Пыпинъ признаетъ самымъ крупнымъ трудомъ Кулиша въ области этнографіи; разбору его онъ посвящаетъ много интересныхъ и цѣнныхъ страницъ въ «Исторіи Русской этнографіи» (т. III стр. 194—201). Объ этомъ же трудѣ см. въ «Исторіи украинской литературы» Петрова, (стр. 280—285).

писалъ о „Черной Радѣ" Аксакову же: „Я знаю, что отдѣльное изданіе „Черной Рады" на русскомъ языкѣ, черезъ годъ по напечатаніи малороссійскаго изданія, разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что малороссіяне станутъ распространять преувеличенные слухи о достоинствахъ моего сочиненія, въ силу пословицы: „Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радъ", или: „На безрыбьѣ и ракъ рыба" и „На безлюдьѣ и Ѳома дворянинъ". Земляки будутъ носиться съ „Черною Радой", какъ чортъ съ писанною торбой, и величаться ею, какъ поросенокъ на пристяжкѣ". О „Запискахъ южной Руси" Кулишъ писалъ В. В. Тарновскому, что если-бы у него были деньги, то онъ могъ бы издавать даже по шести книгъ въ годъ, занимаясь только редактированіемъ ихъ, возлагая подготовительную работу на надежныхъ людей.

Такую же увѣренность въ будущемъ успѣхѣ своихъ сочиненій мы часто встрѣчаемъ и послѣ у Кулиша. Въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому онъ прямо говорилъ: „статьи мои въ „Русскомъ Вѣстникѣ" должны сдѣлать эффектъ", и еще: „тупо ли, не тупо пойдутъ книги, имъ слѣдуетъ быть изданными, и онѣ окупятся" [1]).

Но настоящей оцѣнки своихъ трудовъ Кулишъ ожидалъ отъ такихъ людей, какъ Шевченко, о которомъ онъ говорилъ: „Тарасъ получилъ первый томъ „Записокъ о южной Руси" и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно такіе люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ". Къ числу этихъ цѣнителей относилъ онъ, кажется, и другихъ украйнофиловъ, напр. Л. М. Жемчужникова, о которомъ онъ писалъ Бодянскому: „Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи художествъ, Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, очень полюбилъ нашу Малороссію, ѣздилъ по ней все лѣто, нарисовалъ много малороссійскихъ типовъ и опять помышляетъ о новомъ путешествіи весной. Онъ посвящаетъ свой талантъ исключительно Малороссіи и теперь занятъ изученіемъ ея исторіи, этнографіи и сло-

[1]) «Кіевская Старина», 1898, іюль—августъ, стр. 132.

весности. Когда я прочелъ ему нѣсколько украинскихъ преданій, онъ воспламенился такимъ восторгомъ, который тотчасъ же показалъ мнѣ въ немъ истиннаго художника. Независимое состояніе, молодость, энергія и природный умъ, жаждущій знанія, ручаются въ томъ, что изъ него выйдетъ истинный историческій живописецъ" [1]).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, хотя всякое литературное дѣло такъ и кипѣло въ рукахъ Кулиша, но почти на каждомъ шагу надо было пробивать стѣну всевозможныхъ препятствій, что отчасти не могло не охлаждать временно его энергіи, или скорѣе у него мы замѣчаемъ поэтому неравномѣрность въ развитіи энергіи какъ въ литературныхъ, такъ и въ другихъ занятіяхъ, и тотъ же самый „горячій" Кулишъ, по его выраженію: „и вчора Кулишъ, и сёгодня Кулишъ", у котораго временами дѣло горѣло такъ, что это возбуждало во многихъ зависть, вдругъ чувствовалъ себя вынужденнымъ бросать его или откладывать и мѣнять на другія занятія, и иногда на такія, къ которымъ онъ былъ менѣе склоненъ.

По прежнему Кулишъ продолжалъ также принимать горячее участіе въ судьбѣ своихъ товарищей и, смотря по ходу обстоятельствъ, радоваться или скорбѣть за нихъ. Онъ сильно ликовалъ по поводу освобожденія Костомарова и Гулака-Артемовскаго и уже въ 1856 г. питалъ надежду на освобожденіе Шевченка [2]). Въ его письмахъ мы нерѣдко находимъ разныя сообщенія, преимущественно о Костомаровѣ, напр., что Костомаровъ хочетъ печатать въ „Отечественныхъ Запискахъ" „Богдана Хмельницкаго" и собирается писать полную исторію южной Руси.

Самъ Кулишъ, ободренный прекрасными вѣяніями новаго царствованія, почувствовалъ, наконецъ, возможность дышать пол-

---

[1]) Тамъ же, 1897, XII, стр. 453.

[2]) Онъ радовался, напр., что „Тарасъ дождался миру на проживаніе" („К. Ст." 1899, 1, 81).

ной грудью, и въ числѣ другихъ проектовъ увлекается мечтой о заграничномъ путешествіи.

XXX.

Продолжая свою работу надъ „Записками о Южной Руси", Кулишъ гостилъ у Репниныхъ въ Яготинѣ, у Галагана, у Грабовскаго, у Закревскихъ (но тамъ ему не понравилось, и хотя по его описанію, „у нихъ садъ гарный, будинки хороши строятця, хутко будутъ окончени, хоть бы и царю въ нихъ жить; а жить у нихъ буде скучно"), у де-Бальмена; въ этихъ своихъ поѣздкахъ онъ часто пользовался товариществомъ Л. М. Жемчужникова. Цѣлью этихъ поѣздокъ было изученіе края; между тѣмъ Кулишъ имѣлъ тогда въ виду, при содѣйствіи близкихъ ему и сочувствовавшихъ изученію Украйны лицъ, учредить собственную типографію, но мысль эта была осуществлена нѣсколько позднѣе.

Во всѣхъ названныхъ домахъ Кулишъ встрѣчалъ искреннюю симпатію и почти родственный пріемъ. Плѣняла его и роскошная украинская природа, но сердце его сжималось при видѣ бѣдности крестьянскаго малороссійскаго населенія. „Сонце"—восторгался онъ—„сідало въ Линовиці, мовъ у раю; у воді дерево играло наче шовкй да саети; гуси кричать и плещуть середъ ставу; тыхо, якъ у Бога на неби; а сонце все позолотило, и кожне зъ насъ здалось середъ зеленої садовини, мовъ на картині. Коли бъ тілько не було на серці туги, то хваливъ би Господа милосердного, дывлячысь на его дива, да й годі". Но въ то же время его удручало печальное зрѣлище бѣдствующаго народа: „Ранкомъ ходили съ панночкою до церкви, щобъ подивиться на ліновицький народъ. Мизерний народъ. А бувъ бы народъ гарний, коли бъ доля ёму лучче". Поэтому, тотчасъ послѣ восторженнаго описанія красотъ природы, у Кулиша вырывается грустная нота: „то горе, що душа—наче птиця, безъ крылъ: хоче піднятьця надъ землею, а туга до земли ії при-

гнітае". И все-таки, размышляя о поѣздкѣ въ Качановку и дальше, Кулишъ съ грустью думаетъ о разлукѣ съ Линовицей и семействомъ графа Де-Бальмена: „Добрі люди оці Де-бальменці! може й нема вже кращихъ по моему смаку: душа знай чогось бажае и знай кудись жадае, а куди не обернетця—усюди буде гірше, нижъ у Линовиці. Тимъ то я дожидаюсь, поки пришлють за мною коні зъ Качанівки, [1]) а самъ собі думаю: „лучче не буде мини нігде, бо другої Ліновиці мабуть и на свиті не мае". Но пылкое воображеніе, душа чуткая къ красотамъ природы; легко находитъ новый источникъ наслажденія, и въ помѣстьѣ Галагана, Сокиринцахъ, съ его великолѣпнымъ паркомъ, благодаря прекрасной природѣ, Кулишъ пришелъ въ еще большее восхищеніе и тогда уже онъ говорилъ, что въ сравненіи съ нимъ „Качановка и Линовица должны спрятаться въ кутокъ". Но „все-таки"—продолжаетъ онъ—„не будь здѣсь Жемчужникова, я бы норовилъ поскорѣе уѣхать. Изъ трехъ резиденцій не знаю однако-жъ, которую выбрать: въ Линовицѣ жить не хочется, здѣсь тягостно и скучно, а въ Качановкѣ тоже пустота жизни и скука". [2]) Не нравились Кулишу во всѣхъ этихъ, впрочемъ хорошо устроенныхъ, имѣніяхъ устройство панскихъ усадебъ на аристократическую ногу. Поѣхали однажды Галаганъ, Жемчужниковъ и Вас. Вас. Тарновскій-сынъ въ Лебединецъ, въ 20 верстахъ отъ Сокиринецъ, гдѣ Галаганомъ былъ построенъ будинокъ малороссійкій. „Подъѣхавъ къ нему"—говоритъ Кулишъ—„чувствуешь въ душѣ легкость, какъ будто сбросилъ иго навязанной намъ насильно цивилизаціи. Простота

---

[1]) Имѣніе Тарновскихъ.

[2]) Въ одномъ изъ этихъ помѣстій, именно у Галагана, Кулишъ встрѣтилъ дѣвицъ Милорадовичъ, изъ которыхъ старшая расположила его къ себѣ знаніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и языка, особено же украинскихъ думъ. Объ этихъ сестрахъ Кулишъ писалъ: «знають ридну мову и спивають ридныхъ писень». Одной изъ нихъ онъ писалъ: «за ваши пѣсни иной человѣкъ отдалъ бы, можетъ быть, и душу».

и богатство давно уже перестали у насъ сочетаться одна съ другимъ. Вкусъ къ иноземному подавилъ все, что свойственно нашей сельской жизни, и панскіе дома между мужичьими хатами—такіе же иностранцы, какъ и сами паны между народомъ". Изо всѣхъ окружающихъ людей больше всѣхъ ему нравились «Тарновскіе, у которыхъ больше простоты и задушевности", и Жемчужниковъ, о которомъ Кулишъ говорилъ: „онъ съ простой своей расположенностью больше всѣхъ меня удовлетворяетъ".

Во время своихъ поѣздокъ въ Малороссію Кулишъ, по обыкновенію, часто съ большимъ увлеченіемъ пѣлъ украинскія думы въ кругу знакомыхъ или читалъ что-нибудь, напр. „Марусю". При этомъ многіе изъ присутствующихъ плакали. Въ свою очередь, его приводила въ восторгъ и отзывчивая графиня Марія Де-Бальменъ, которая просила его пѣть „невольницьки вирши" Тараса Шевченка. Доброжелательство его къ этой обаятельной дѣвушкѣ выразилось въ словахъ: „О Господи! пошли сёму ангелу счастье"!

Жемчужниковъ съ своей стороны такъ вспоминалъ объ этихъ совмѣстныхъ поѣздкахъ: „Судьба Кулиша мало-по-малу облегчалась, и ему дозволено было выѣзжать изъ Петербурга. Вотъ въ это-то время я посѣщалъ Пантелеймона Александровича въ хуторѣ Мотроновкѣ и въ хуторѣ Зарогѣ; ѣздилъ съ нимъ въ Черкассы, проживалъ у него на квартирѣ въ Кіевѣ. Кулишъ всегда мнѣ былъ очень пріятенъ. Сидя съ нимъ въ экипажѣ, я пѣлъ ему пѣсни и изучалъ новые мотивы отъ него и отъ жены его, милой Александры Михайловны, отъ дѣвушекъ, бабъ, стариковъ, парней и бандуристовъ. Ѣздилъ съ нимъ къ М. Грабовскому, въ его имѣніе кіевской губерніи. Ѣздили мы какъ придется: въ жидовскомъ фургонѣ, въ „нетычанкѣ" и на перекладной. Дорогой мы много говорили и соболѣзновали о сосланномъ Шевченкѣ, котораго онъ лично зналъ и въ одно время съ нимъ пострадалъ, а я зналъ только его произведенія, которыми упивался. Въ Полтавской губерніи я

познакомилъ Кулиша съ семействомъ Г. П. Галагана, гдѣ въ первый разъ свелъ его съ моимъ пріятелемъ-бандуристомъ Остапомъ Вересаемъ. Кулишъ потомъ былъ съ Остапомъ въ перепискѣ [1]).

Прибавимъ въ дополненіе къ нашей рѣчи о пребываніи Кулиша въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Малороссіи, что въ это время онъ написалъ „Орысю", которая выходитъ на Божій свѣтъ „що дальше, то все краще", и задумывалъ, при содѣйствіи графини Де-Бальменъ, иллюстрировать „Чорну Раду". Кромѣ того, приведемъ небольшую выдержку изъ сообщенія Кулиша женѣ о его знакомствѣ съ Вересаемъ: „Забылъ я разсказать тебѣ"—писалъ онъ женѣ—„объ Остапѣ, сокиринскомъ бандуристѣ, который играетъ роль въ первой части второго тома „Записокъ о южной Руси". Пошли мы къ нему въ хату и долго съ нимъ бесѣдовали. Онъ очень уменъ и благороденъ чувствами. Напр., онъ ходилъ къ Галагану жаловаться на сосѣдей, которые его обижаютъ: „Якъ тилько почувъ я єго слово ласкаве да гарне, то наче на свитъ народывся. Стою, и духъ мини заперло. Пытае: „чого ты, Остапе"? а я тилько плачу: що такый та й гарный, а я ему въ вичи буду лизты".—Я прочиталъ ему двѣ малороссійскія проповѣди, и восторгъ его превзошелъ мои ожиданія. „Колы-бъ у мене була така книжка, то я бъ заплатывъ бы пысьменному грошы да поты слухавъ бы, покы всю вытвердывъ... А, Господы, яка-жъ книжка! що наче въ мене волосся зъ головы ливе, и все плакавъ бы, и наче зъ мене тило опадае, що, Господы, якъ то мы жывемо гришно". Я обѣщалъ ему прислать экземпляръ проповѣдей и очень его обрадовалъ [2]). На другой день по возвращеніи нашемъ изъ бу-

---

[1]) См. также воспоминанія Л. М. Жемчужникова въ «Вѣстникѣ Европы», 1899, XI.

[2]) Кулишъ не только самъ много трудился надъ собираніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и этнографическихъ матеріаловъ, но также руководилъ на этомъ пути и другихъ.

динка Остапъ пришелъ къ намъ, и Жемчужниковъ нарисовалъ его для второго тома съ натуры“ [1]).

XXXI.

На изданіе сочиненій Гоголя Кулиша натолкнуло случайное стеченіе обстоятельствъ. Въ то время, когда онъ былъ безусловно поглощенъ заботами о „Чорной Радѣ“ [2]) и объ „Этнографическихъ Запискахъ“ и совершенно не думалъ о другихъ литературныхъ трудахъ, ему сначала неожиданно пришлось взять на себя этотъ издательскій трудъ. Первое извѣстіе о томъ, какъ это произошло, мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ женѣ. Тамъ онъ говоритъ между прочимъ: „Я бувъ у княжны Репниной. Зрадила дуже, мене побачывшы. Завтра ій прочытаю предысловіе до „Чорной Рады“, бо людына розумна й щыра [3]). Потимъ бувъ у Трушковського, которому поралъ передать изданіе Гоголя Бодянскому, а самому втикаты за гряныцю“ [4]). Но дѣло не состоялось, благодаря медлительности Бодянскаго и нетерпѣливости Трушковскаго: „Похопывсь винъ до сёго“, продолжаетъ Кулишъ,—„и пойихалы мы до Бодянського; тилько щось винъ не роспочынае речы про изданіе. Я сякъ-такъ поводывъ—ни, не бере! Я й самъ бы роспочавъ, да боюсь розсердыть паныча, бо сей панычъ теперъ на всихъ дывыться такъ, якъ на якыхсь опекунивъ, котори ёго мають за

---

[1]) Остапа Вересая въ 1854 г. посѣтилъ въ Сокиринцахъ И. С. Аксаковъ (См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 43—44.)

[2]) О печатаніи «Черной Рады» см. въ письмѣ къ Галагану («Кіевск. Стар.», 1899, IX, 342—344).

[3]) Въ другомъ письмѣ Кулишъ такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на княжну Репнину предисловіемъ къ «Черной Радѣ»: «Плакала слухаючи, а потімъ поклонилась мині такъ, якъ мужики кланяются пану—низенько; здивовавсь я, а далі що робить? и я ій поклонивсь, да попрощались».

[4]) Ср. объ этомъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», 1897, III, стр. 195.

божевильного". Эта подозрительность человѣка больного, уже терявшаго обладаніе умственными способностями, но отъ природы умнаго и еще достаточно наблюдательнаго и смѣтливаго, чтобы уловить каждую неосторожную ноту въ бесѣдахъ съ нимъ людей, недостаточно искусно умѣвшихъ маскировать настоящій характеръ своихъ отношеній къ нему, становилась съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ и щекотливымъ пунктомъ для людей, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе. Можетъ быть, Бодянскому не совсѣмъ удалось скрыть свое мнѣніе объ истинномъ положеніи Трушковскаго; какъ бы то ни было, мы узнаемъ изъ сохранившихся документовъ, что онъ страшно возстановилъ противъ себя послѣдняго. Трушковскій еще разъ былъ у Бодянскаго для переговоровъ, уже безъ Кулиша, и на вопросъ о причинѣ своего скораго возвращенія, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „А що? каже—я занятъ". Выдно не такъ-то мудро сказана ричъ: про изданіе почалы говорыть, говорыть и договорылысь до того, що я берусь издать, а панына выправлю зъ Жемчужниковымъ за границю. Труда доволи, да въ чотырехъ типографіяхъ живо напечатаю. За се мини десята часть выручкы. Зароблю бильшъ 1000 рубливъ, а може й дви. А кончу до мая. Отъ и будуть гроши на нимецькій хлибъ" (т. е. для поѣздки за границу). Кажуть Аксаковы, що добре,—що спасу я чоловика одъ погыбели" [1]).

---

[1]) Мы уже говорили, что этому труду много благопріятствовало сближеніе Кулиша съ Аксаковыми, разсказы которыхъ (а также Бодянскаго и Плетнева) чуть ли не натолкнули его раньше на мысль написать біографію Гоголя. По крайней мѣрѣ Кулишъ однажды писалъ И. С. Аксакову, еще говоря о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, въ виду нежеланія пока открыть свой псевдонимъ: «Письмо ваше, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, такъ наказало моего пріятеля, автора статьи о Гоголѣ, за его грубую опрометчивость, какъ только кто бы то ни было могъ этого желать. *Проводя въ вашемъ домѣ незабвенный для него вечеръ, онъ не думалъ о матеріалахъ для біографіи Гоголя. Это было слѣдствіемъ послѣдней вечерней бесѣды съ О. М. Бодянскимъ.* Требованіе ваше вполнѣ законно, и если автору статейки, о

Поводомъ къ передачѣ дѣла отъ Бодянскаго Кулишу, несомнѣнно, служило и то обстоятельство, что онъ только-что много работалъ надъ своимъ трудомъ „Записки о жизни Гоголя“. Но, приступая къ работѣ, онъ встрѣтилъ довольно серьезное практическое затрудненіе: надо было до напечатанія писемъ Гоголя, долженствовавшихъ войти въ послѣдніе томы изданія, позаботиться о распродажѣ „Записокъ“, такъ какъ послѣднія должны были съ появленіемъ его отчасти потерять въ своей цѣнности; впрочемъ относительно послѣднихъ онъ уже имѣлъ тогда въ виду покупателя въ лицѣ книгопродавца Базунова. Взявъ на себя изданіе сочиненій Гоголя, Кулишъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять и хлопоты по отправкѣ Трушковскаго за гравицу; принимая въ немъ участіе, онъ принужденъ былъ ѣздить въ банкъ, чтобы взять оттуда деньги, предназначавшіяся для печатанія, входить въ сношенія съ цензоромъ, извѣстнымъ писателемъ Лажечниковымъ, дѣйствовать на цензурный комитетъ [1]). Но здѣсь ему была большая удача, благодаря самоотверженію цензора. „Добродѣтельный Гиляровъ ночи не доспавъ, а пидписавъ усякый лысточокъ восьмы томивъ. А письма Гоголя треба прывесты въ порядокъ и прыслать ёму на прочетъ. Обищавъ продержать пивтора дня“. Было условлено, что Кулишъ получитъ десятую долю выручки съ изданія, вслѣдствіе чего, надѣясь продать его сполна Базунову за 25000, онъ разсчитывалъ получить на свою долю двѣ съ половиною тысячи рублей [2]).

которой вы упоминаете, удастся написать порядочную біографію Гоголя, то онъ почтетъ пріятнымъ долгомъ сообщить вамъ ее въ рукописи и просить вашего позволенія упомянуть въ ней о томъ, что сколько-нибудь касается васъ и вашего семейства».

[1]) Однажны Кулишъ сообщалъ: «сочиненія Гоголя позволены безъ всякихъ сокращеній, но оффиціальной процедуры еще не сдѣлано».— «Князь Вяземскій»—писалъ отъ въ другомъ письмѣ— «дѣйствуетъ сильно противъ цензурныхъ неправдъ».

[2]) Въ львовскомъ журналѣ «Правда» сказано, однако, что Кулишу было предложено за трудъ три тысячи рублей (1868, стр. 312).

Повидимому, Кулишъ постепенно входилъ въ интересъ новаго взятаго на себя труда; сначала же, когда ему приходилось заниматься черновой работой, т. е. добываніемъ, переписываніемъ, а главное—сортировкой писемъ и вообще установленіемъ по возможности строгаго хронологическаго порядка среди хаотическихъ грудъ подлинныхъ писемъ и сниманіемъ съ нихъ копій, когда приходилось тонуть въ грудѣ бумагъ, то и онъ испыталъ на себѣ тяжесть неблагодарной, но совершенно необходимой подготовительной работы [1]). Слѣды этого видны въ нѣкоторыхъ письмахъ. „У меня голова идетъ кругомъ", жаловался онъ, „отъ цензурныхъ смятеній и отъ устройства въ порядокъ безпорядочныхъ писемъ Гоголя, которыхъ болѣе тысячи, и многіе безъ годовъ и чиселъ,—все это надобно опредѣлить, размѣстить, кое-что выключить и проч. и проч.". Особенно же допекла цензура: „цензурныя остановки не мало томятъ меня. Одно чувство у меня есть—бѣжать, но куда—не знаю. Я убѣжалъ бы отъ самого себя, потому что душа моя состоитъ изъ дисгармоніи, которая меня же самого терзаетъ". Но и кромѣ этого у Кулиша стеклось одновременно такое множество самыхъ разнородныхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относившихся къ его литературнымъ трудамъ, что онъ, мучительно торопясь и утопая въ трудахъ, тѣмъ не менѣе со многимъ не успѣвалъ справляться. Такъ онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „О литургіи Гоголя распоряженіе учинено, и вы будете имѣть списокъ. О пропускахъ же отложилъ попеченіе. Писемъ Гоголя гора у Трушковскаго, и нѣтъ силъ сдѣлать всѣ выписки. Онъ напечатаетъ ихъ со временемъ, а при теперешней цензурѣ весьма немногое

---

[1]) Въ одномъ письмѣ Кулишъ особенно жалуется на траты на переписку, пересылку и переѣзды по изданію сочиненій Гоголя («Кіевская Старина», 1898, II, стр. 309). Конечно, онъ заботился также о продажѣ изданныхъ книгъ. Такъ онъ благодаритъ однажды Галагана за то, что онъ внушилъ своему свояку, попечителю кіевскаго округа, Ребиндеру, купить восемьдесятъ экземпляровъ «Записокъ о жизни Гоголя» для гимназій («Кіевск. Стар.», 1899 г., IX, 341).

будетъ зачеркнуто, развѣ то, что̀ шокируетъ живущихъ, а такого слишкомъ много. У Трушковскаго я видѣлъ еще пачку писемъ Смирновой, но уже не дерзнулъ и помыслить списывать: боюсь погрязнуть въ копировкѣ. Мнѣ надобно дѣлать иное дѣло. У Трушковскаго цѣлый чемоданъ наполненъ бумагами Гоголя, хранившимися доселѣ у Шевырева. Такому человѣку, какъ я, слѣдовало бы имѣть при себѣ неотлучную пишущую машину, усердную и довольно грамотную. Мнѣ все и вездѣ открыто, но нѣтъ средствъ черпать". Также В. В. Тарновскому Кулишъ вскорѣ писалъ, что хотя онъ напечаталъ два тома писемъ Гоголя и разныхъ свѣдѣній о немъ (здѣсь разумѣлись „Записки о жизни Гоголя"), но что это лишь небольшая часть всѣхъ матеріаловъ, которые напечатаютъ Трушковскій и другіе [1]). Г-жѣ Милорадовичъ онъ писалъ „Облегли меня труды и хлопоты кругомъ, и не знаю, какъ изъ нихъ выбраться".

Сверхъ того, самое содержаніе большинства писемъ въ ихъ разбросанномъ видѣ и безъ предварительнаго всесторонняго ихъ изученія, въ свою очередь немыслимаго до приведенія ихъ въ строгую систему, которая могла явиться уже конечнымъ результатомъ предпринятой работы, было неясно и работа надъ ними казалась нерѣдко утомительною: „Письма Гоголя первыхъ годовъ"—писалъ Кулишъ женѣ—„очень утомляли меня ребяческою болтовнею, но чѣмъ далѣе, тѣмъ они интереснѣе, и часто изъ редактора я дѣлаюсь читателемъ. Написалъ я тебѣ, какъ утомляетъ меня работа, и раскаиваюсь! ты преувеличиваешь въ воображеніи. То былъ такой часъ унынія, въ который хотѣлось тебѣ пожаловаться" [2]).

Эта торопливость Кулиша, обусловливаемая самой пылкостью его натуры и множествомъ, нетерпящихъ отлагатель-

---

[1]) См. также «Русское Обозрѣніе», 1893, III, 195—200.

[2]) Но это случалось не разъ, и жалобы на избытокъ спѣшныхъ дѣлъ повторялись и въ письмахъ къ постороннимъ, напр. «Стилько въ мене роботы, що й въ голови не вмищается». («Кіевск. Стар.», 1898, II, стр. 231).

ства, литературныхъ задачъ и патріотическихъ замысловъ встрѣтило нѣкоторое осужденіе со стороны цензировавшаго сочиненія Гоголя извѣстнаго Н. П. Гилярова-Платонова. Причина несогласій послѣдняго съ Кулишемъ заключалась въ томъ, что Гиляровъ требовалъ отъ перваго исключительнаго посвященія на нѣкоторое время всѣхъ своихъ силъ такому дѣлу, какъ изданіе сочиненій Гоголя, тогда какъ Кулишъ возражалъ ему: „Въ эту пору моей жизни за такое время“ (около года, какъ можно понять изъ содержанія всего письма) „купить меня невозможно ничѣмъ. Это говорю относительно нѣкоторыхъ предпріятій, которыя для меня дороже самой жизни“ [1]). Но и помимо этого, Кулишу не могло понравиться осужденіе его труда, когда и безъ того онъ успѣлъ уже такъ много сдѣлать, какъ едва ли это удалось бы въ такой промежутокъ времени кому-нибудь другому. Вѣдь въ то же самое время были уже выпущены имъ въ двухъ томахъ „Записки о жизни Гоголя“, представлявшія собою, какъ на это смотрѣлъ и самъ авторъ, какъ бы второе, исправленное и дополненное изданіе „Опыта біографіи“. Отношеніе „Записокъ“ къ „Опыту“ справедливо было указано Кулишомъ въ письмѣ къ Н. М. Бѣлозерскому въ выраженіи: „оно будетъ аки генералъ передъ прапорщикомъ, въ разсужденіи богатства и драгоцѣнныхъ матеріаловъ“.

XXXII.

Изъ любопытнѣйшаго письма Кулиша къ Гилярову-Платонову, напечатанному недавно въ „Русскомъ Обозрѣніи“ [2]), мы узнаемъ отчасти, хотя и въ очень общихъ чертахъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся исторіи изданія, и съ другой стороны предъ нами раскрывается отношеніе Гилярова-Платонова къ цензируемому изданію.

---

[1]) «Русское Обозрѣніе», 1897, III, 194.

[2]) «Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 195–200.

Мы говорили, что племянникъ Гоголя, Трушковскій, приступивъ къ изданію, встрѣтилъ такія трудности во многихъ отношеніяхъ, что долженъ былъ отказаться отъ непривычнаго дѣла, тѣмъ болѣе что здоровье его уже находилось въ разстроенномъ состояніи. Приведеніе въ порядокъ рукописей и писемъ, возня съ цензурой и другія издательскія хлопоты, очевидно, оказались ему не подъ силу, и онъ самъ сталъ искать редактора для предпринимаемыхъ изданій. Аксаковы указали ему на Кулиша, который, въ свою очередь, рекомендовалъ Бодянскаго, какъ издателя, „не имѣющаго соперниковъ", разумѣя, вѣроятно, подъ этими словами всѣмъ извѣстную необычайную добросовѣстность и аккуратность Бодянскаго. Но, Бодянскій, повидимому, оттолкнулъ отъ себя Трушковскаго своей медленностью, назначивъ недѣлю срока только на то, чтобы подумать, можетъ ли онъ объ этомъ начать переговоры и притомъ, кажется, не сумѣлъ обойтись съ больнымъ. Хотя вопросъ былъ настолько серьезенъ, что подобная просьба была вполнѣ естественна, но впечатлѣніе, произведенное просьбой Бодянскаго на болѣзненно-раздражительнаго Трушковскаго, было непріятное, и послѣдній выразилъ желаніе, чтобы за дѣло изданія взялся Кулишъ, и вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что ему одному онъ могъ бы ввѣрить изданіе. Вѣроятно, впрочемъ, прошелъ нѣкоторый промежутокъ времени раньше этого рѣшенія, когда Бодянскій даже приступилъ было уже къ работѣ, такъ какъ въ бумагахъ его оказались нѣкоторыя копіи и писемъ Гоголя, и въ томъ числѣ съ писемъ, относящихся совершенно къ различнымъ періодамъ, большей частью вошедшихъ въ изданіе Кулиша, но два-три письма по разнымъ соображеніямъ остались невключенными въ него, и они уже значительно позднѣе (въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ) были напечатаны въ „Русской Старинѣ" А. А. Гатцукомъ [1]). Какъ я слышалъ отъ покойнаго Гатцука, всѣ эти копіи были сдѣланы съ замѣчательной тщательностью и въ величайшемъ порядкѣ, но, вѣроятно, Трушковскому эта-то щепе-

[1]) См. «Русскую Старину», 1888, III.

тильная аккуратность именно и не понравилась, потому что грозила затяжкой дѣла, которое ему желательно было скорѣе окончить. Когда изданіе принялъ на себя Кулишъ, не отвлекаемый оффиціальными служебными занятіями, онъ повелъ дѣло чрезвычайно скоро и энергично, но предварительная черновая работа съ внѣшней стороны все же неизбѣжно должна была отзываться нѣкоторой спѣшностью [1]). Прекрасное исполненіе изданія, давно получившаго справедливо заслуженную высокую оцѣнку, ясно показываетъ, что нѣкоторыя бросившіяся въ глаза цензору Гилярову-Платонову мелочныя неисправности въ этой черновой работѣ, какъ напр.—что попадаются дублеты, что иной разъ нарушена хронологія (въ самомъ изданіи нѣтъ слѣдовъ этой неисправности), были почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сложной работы, и мы должны вѣрить словамъ Кулиша о томъ, что даже для того, чтобы сообщить рукописямъ тотъ ужасающій (съ строгой точки зрѣнія Гилярова-Платонова) видъ, въ какомъ онѣ предъ нимъ предстали, Кулишъ работалъ нѣсколько недѣль сряду такъ, какъ никто изъ извѣстныхъ ему людей работать не въ состояніи. „Вы смотрите на мои рукописи“—продолжаетъ Кулишъ—„какъ на крайнюю небрежность и даже неуваженіе къ публикѣ, а я смотрю на нихъ, какъ на грубо обтесанный мраморъ, въ котораго безобразной грудѣ только глазъ мастера видитъ стройную фигуру“ [2]). Нѣкоторыя уцѣлѣвшія до сихъ поръ копіи Кулиша совершенно подтверждаютъ справедливость его словъ: дѣло было ведено вполнѣ аккуратно и тщательно, за исключеніемъ того, что, быть можетъ, послѣ издателю приходилось нѣсколько измѣнять порядокъ нѣкоторыхъ заготовленныхъ къ печати пачекъ и т. п.

Между тѣмъ Гиляровъ предлагалъ и собственное содѣйствіе въ редактированіи писемъ, на что, повидимому, Кулишъ былъ согласенъ; но Гиляровъ болѣе чѣмъ странно, вѣроятно

---

[1]) Объ этой торопливости см. въ Львовской біографіи Кулиша («Правда», 1868, стр. 312).

[2]) «Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 196.

подъ вліяніемъ страха отвѣтственности, отнесся къ своему собственному дѣлу, отказавшись подписать безусловно все вышедшее изъ-подъ пера такого писателя, какъ Гоголь. Трудно повѣрить, что Гиляровъ упрекалъ Кулиша въ томъ, что имъ не все (!!) вымарано изъ писемъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы исключить, а равно чрезвычайно странень тонъ его наставленій, когда онъ позволилъ себѣ сказать, что „слѣдуетъ, по правиламъ чести, продавать письма особо, а сочиненія особо": не считаться съ условіями русской книжной торговли имѣлъ бы право только человѣкъ, дѣйствующій безусловно на свой страхъ и взявшій на себя заранѣе всѣ послѣдствія такой постановки дѣла, и странно было ставить въ упрекъ Кулишу, что онъ въ интересахъ русской литературы и наслѣдниковъ Гоголя, исполнилъ, какъ могъ, изданіе писемъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ оно было бы долго неосуществимо.

Помимо Гилярова, Кулишу пришлось обратиться и въ Петербургъ въ главное правленіе цензуры, подавъ чрезъ посредство извѣстнаго друга Гоголя, А. П. Толстого, докладную записку Вяземскому о разрѣшеніи дать всѣмъ шести томамъ одно общее заглавіе. Весьма вѣроятно, что это ходатайство было вызвано именно несочувствіемъ Гилярова мысли соединить изданіе писемъ съ изданіемъ самыхъ сочиненій, и не менѣе вѣроятно, что это обстоятельство было причиной его рѣзкостей въ отношеніи Кулиша, хотя въ то же время любопытно, что Кулишъ признавалъ большія достоинства за тѣмъ планомъ, который рекомендовалъ ему Гиляровъ, и нельзя не пожалѣть, что письма Гилярова къ Кулишу погибли въ 1885 г. во время пожара на хуторѣ послѣдняго. „Въ вашемъ умѣ, какъ вижу изъ вашихъ писемъ",—писалъ Кулишъ—„строится нѣчто гармоническое, исполненное глубокаго смысла; по вашему плану вы можете сдѣлать величайшую вещь" [1]. Но въ чемъ именно заключался этотъ планъ, не могъ впослѣдствіи припомнить и самъ Кулишъ, называвшій потомъ Гилярова, можетъ быть, съ чрез-

[1]) «Русское Обозрѣніе, 1897, III, 200.

мѣрнымъ энтузіазмомъ „Ильей Муромцемъ духовной дѣятельности“ [1]).

XXXIII.

Въ то время, когда печаталось изданіе, Трушковскій окончательно заболѣлъ и „весь аксаковскій кружокъ заговорилъ, что и безъ болѣзни Трушковскій не обладаетъ энергіей труда, необходимой для такого предпріятія“, какъ взятое имъ на себя изданіе. Тогда Кулишъ „перенесъ изданіе въ Петербургъ, гдѣ заставилъ работать нѣсколько типографій“. При этомъ Аксаковъ и Плетневъ настаивали на строжайшемъ маскированіи въ перепискѣ именъ корреспондентовъ Гоголя, изъ которыхъ большинство тогда было въ живыхъ, но Кулишъ составилъ ключъ къ раскрытію этихъ именъ, со временемъ, къ сожалѣнію, утраченный. [2]) Изданіе сочиненій и писемъ Гоголя, какъ извѣстно, вышло въ свѣтъ въ 1857 г. [3]), а въ предшествующемъ 1856 г. наконецъ снята была предварительная цензура III отдѣленія съ сочиненій Кулиша (извѣщеніе объ этомъ Дубельтомъ было позднѣе напечатано кн. Шаховскимъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“) [4]), и почти тотчасъ вслѣдъ за этимъ Кулишъ представилъ въ цензуру статью „О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссовъ въ XVII в.“, причемъ цензоромъ ея на этотъ разъ былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. Вяземскій. Можно представить себѣ, сколько нравственныхъ мученій приходилось переживать Кулишу за все это время, когда онъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ формальностями, недоразумѣніями и претензіями и долженъ былъ тратить на сгла-

---

[1]) Тамъ же, стр. 203.

[2]) Эти письма потомъ были раскрыты въ нашемъ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя» (1-ое изд. вышло въ 1886, 2-е—въ 1888).

[3]) См. о немъ также въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», стр. 95—96.

[4]) «Русское Обозрѣніе» 1897, III, стр. 207.

живаніе и устраненіе массу времени и душевныхъ силъ. Эта сторона дѣла всего легче можетъ ускользнуть при оцѣнкѣ его дѣятельности, а между тѣмъ вину подобныхъ передрягъ отнюдь нельзя возлагать на человѣка желѣзной энергіи и упорнаго труда, сградавшаго отъ всякихъ случайныхъ неурядицъ. Можно было бы даже съ полнымъ, повидимому, основаніемъ дѣлать Кулишу упреки, какъ дѣлалъ ихъ Гиляровъ, строго судившій нѣкоторыя внѣшнія неисправности въ представленныхъ ему рукописяхъ, но если эти неисправности были только формальныя, какъ было въ данномъ случаѣ, то справедливо было бы, съ другой стороны, принять во вниманіе и самыя условія работы и весь затраченный на дѣло колоссальный трудъ. А черновая работа по изданіямъ и разныя сопряженныя съ нимъ хлопоты и волненія, особенно по милости цензуры, чего-нибудь да стоили! Особенно не слѣдуетъ забывать, что Кулишъ долженъ былъ при тогдашнихъ условіяхъ пуститься въ искусное плаваніе между окружавшими его со всѣхъ сторонъ трудностями и препятствіями, когда, съ одной стороны приходилось соображаться съ разнообразными претензіями лицъ, ввѣрявшихъ ему документы, касающіеся Гоголя, и ладить съ больнымъ и капризнымъ Трушковскимъ, а съ другой стороны—прибѣгать къ вынужденнымъ умолчаніямъ, маскированію именъ, приспособляться къ требованіямъ цензуры.

Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго воспроизведенія цензурныхъ мытарствъ, чрезъ которыя пришлось пробиваться Кулишу, но до нѣкоторой степени можемъ судить объ этомъ по письмамъ. Такъ, по одному отвѣтному письму Кулиша мы видимъ, что С. Т. Аксаковъ совѣтовалъ ему, и можетъ быть не разъ, вооружиться терпѣніемъ. „Вы напрасно напоминаете мнѣ о твердости“—отвѣчалъ Кулишъ: „если бы она не опиралась на матеріальныя выгоды, то я довелъ бы свое дѣло до конца по одному тому уже, что вы на меня смотрите“. Дѣло доходило до доклада Государю, какъ видно изъ одного письма Кулиша Трушковскому. [1])

[1]) Тамъ же, стр. 207. См. также «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ» т. III, стр. 113. Объ отношеніяхъ Аксаковыхъ къ этому труду

Любопытны слѣдующія строки въ письмѣ Кулиша къ женѣ: „Былъ я у графа Толстого (оберъ-прокурора). Онъ съ сокрушеніемъ сердца узналъ о колебаніи князя Вяземскаго и обѣщалъ употребить вновь свое вліяніе. Довѣренность его мнѣ или, лучше сказать, увѣренность во мнѣ необыкновенная. Онъ не жалуетъ современной литературы и называетъ себя „гасильникомъ“, но говоритъ: „Ужъ если я, гасильникъ между ними (верховными цензорами), желаю видѣть ваше предисловіе (къ „Черной Радѣ“) въ печати, то что́ же имъ думать“. Все, однакоже, онъ призадумался надъ замѣчаніями Вяземскаго и сказалъ, что видно нельзя его поколебать, если онъ противится. По крайней мѣрѣ, онъ обѣщался привести дѣло въ ясность, т. е. чтобы сказали „*нельзя*“, и тогда я выпущу „Черную Раду“ безъ предисловія“. Понятно, что Кулиша постоянно преслѣдовало множество заботъ, отъ которыхъ онъ настолько похудѣлъ въ 1856 г., что совершенно измѣнился и даже не могъ нѣкоторое время исполнить данное женѣ обѣщаніе снять съ себя фотографію и оправдывалъ это такъ: „если по возвращеніи отъ Аксаковыхъ увижу, что я не похожъ на привидѣніе, то закажу свой портретъ“, а нѣсколькими строками раньше говоритъ и о причинѣ этого: „Чувствую, что мнѣ оправиться не изъ чего, ибо я долженъ быть въ вѣчномъ движеніи и заботахъ, а мысли мои летаютъ по всему свѣту“. И только въ благородномъ обществѣ Аксаковыхъ онъ могъ надѣяться настолько отдохнуть душой, чтобы не походить на привидѣніе. „Слава Богу“—говорилъ въ томъ же письмѣ Кулишъ,—„я чувствую себя здоровымъ, и въ этомъ вижу доказательство, что мнѣ еще надобно для чего-то жить. Когда бы только какъ-нибудь добыть спокойствія душевнаго, котораго бы ничто не въ силахъ было поколебать“... „Какъ немного нужно человѣку для спокойствія, но и этого не дается! Потому-то гораздо лучше броситься въ какую-нибудь пучину жизни, въ вѣч-

---

Кулиша см. И. С. Аксаковъ т. III, 65, 71, 36 и проч., къ его другамъ произведеніямъ—тамъ же, стр. 79.

ное движеніе, въ вѣчное кипѣніе страстей, обезумѣть и вѣчно волноваться".

О цензурныхъ разрѣшеніяхъ Кулишъ всегда съ радостью извѣщалъ жену хотя нѣсколькими строками, и въ этихъ строкахъ чувствовалось получаемое имъ облегченіе. [1]) Во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя не разъ обязаннымъ этими облегченіями духу новаго царствованія и съ большой симпатіей говорилъ о дѣйствіяхъ новаго государя, прибавляя: „Государемъ недовольны только закоснѣлые въ старыхъ формахъ правленія придворные, которые говорятъ: „нѣтъ прежняго величія!" Измѣнившееся положеніе дѣлъ не могло не быть особенно пріятно человѣку, который говорилъ: „Немного лѣтъ просилъ бы я у Господа, только бы эти годы исполнены были чувства, мысли и дѣла" [2]).

Кромѣ указанной причины, Кулишъ находилъ для своей души источникъ нравственнаго освѣженія, какъ мы знаемъ, въ восторженныхъ надеждахъ по поводу старыхъ и новыхъ украинскихъ литературныхъ силъ, напр. Квитки [3]), Марка Вовчка и

---

[1]) Иногда, напротивъ, ему случалось горько шутить по поводу цензурныхъ мытарствъ, напр. «Квыжки мои понапечатувани, да одна безъ хвоста, а друга безъ головы, то й жду: не хочу такъ выпускаты. Хвистъ главное правленіе пропустыло, да щось цензоръ загаявсь у Москви зъ пидписомъ, а голову ище оглядують, чы не кусатыметься. Голова же сія есть предисловіе къ «Чорной Радѣ» (См. также «Кіевская Старина», 1898, XII, 365—375).

[2]) Къ сожалѣнію, Кулишъ ко всѣмъ этимъ, не зависѣвшимъ отъ него, волненіямъ присоединилъ еще волненія, порожденныя нападеніями его на «Тараса Бульбу» Гоголя въ его эпилогѣ къ «Черной Радѣ». (Объ этомъ мы говорили въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. 1, стр. 12—13, примѣч. См. также его письмо къ В. В Тарновскому въ «Кіевской Старинѣ» 1898, XII, 356—360. Наиболѣе подробное изложеніе возникшей полемики см. въ «Исторіи русской этнографіи» Пыпина, т. III стр. 203—210).

[3]) Кулишъ очень любилъ Основьяненка и его сочиненія. Онъ писалъ къ г-жѣ Милорадовичъ: «Я до тѣхъ поръ читаю народныя пѣсни, пока онѣ не останутся у меня въ памяти, и Основьяненка

проч. и въ обществѣ такихъ людей, какъ Плетневъ или Аксаковы, а также въ своихъ поѣздкахъ въ Малороссію. Объ Аксаковыхъ онъ говоритъ. „Лѣтомъ у Аксаковыхъ еще пріятнѣе. Но я провелъ у нихъ однѣ только сутки, спѣша воспользоваться малороссійскимъ климатомъ. Старикъ Аксаковъ пишетъ исторію своихъ литературныхъ знакомствъ, не пропуская ни одной сколько-нибудь замѣчательной личности. Мы говорили безъ умолку, какъ юноши, вступающіе въ жизнь. Осуждали между прочимъ „Собесѣдниковъ“ и привели бѣднаго Консту въ унынie“. О Малороссіи же Кулишъ писалъ: „При въѣздѣ въ Малороссію чувствую какой-то восторгъ, котораго давно не испытывалъ, и люблю ее, несмотря на все дурное, что она въ себѣ заключаетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Теперь я привязанъ матеріально и нравственно къ Петербургу, а душа моя стремится въ нѣсколько пунктовъ Малороссіи за поэтической наживою; мнѣ предстоятъ долгія странствованія по свѣту. Но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать себя въ будущемъ, и я знаю, что придетъ время, когда никакая мѣстность и никакіе комфорты и связи не замѣнятъ мнѣ жизни въ мѣстахъ, памятныхъ мнѣ по событіямъ дѣтства и юности. Во что бы ни превратился Борзенскій уѣздъ черезъ 10, черезъ 15 лѣтъ, онъ останется для меня вѣчно чѣмъ-то роднымъ“. Слова эти потомъ были подтверждены самымъ дѣломъ.

XXXIV.

Промежутокъ отъ второй половины пятидесятыхъ до начала семидесятыхъ годовъ былъ для Кулиша временемъ, чрезвычайно богатымъ разнообразіемъ внѣшнихъ событій и внутреннихъ настроеній, временемъ, когда надежды еще не угасли и старость еще не настала, но когда вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ

читаю до тѣхъ поръ, пока не останется слова, котораго я бы не зналъ, какъ оно у него сказано».

уже пріобрѣлъ опытность и небезотчетно расходуетъ свои силы. Но мы очень часто видимъ въ Кулишѣ смѣну восторженныхъ надеждъ и временныхъ разочарованій; время для устройства своей будущей судьбы еще не ушло, опредѣленной же колеи не было, и постоянно приходилось отыскивать и пролагать новую дорогу. Такъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, онъ обратилъ вниманіе на много обѣщавшее дарованіе г-жи Марковичъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марка Вовчка. [1]) Съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ Кулишъ пишетъ своему другу-поэту: „Посылаю тоби, брате Тарасе, „Оповидання“ Вовчка. [2]) Бачъ, яки дыва творятся:—уже и каминня почынае вопіяты. Де-жъ, пакъ, не дыво, що, московка преобразылась въ украинку, да таки повисти вдрала, що хочъ бы й тоби, мій друже, то прыйшлось бы въ миру. Якъ-то ихъ ты уподобаешъ? Пышы щыро, якъ думаешъ, бо ты въ насъ голова на всю Украину“. [3]) Самого Шевченка онъ старался ободрить слѣдую-

---

[1]) Тѣмъ болѣе Кулишъ отъ всей души радовался каждому успѣху его старыхъ друзей, напр. Костомарова, о которомъ онъ съ большой радостью сообщалъ Вас. Вас. Тарновскому (25 окт. 1857): «Костомаровъ въ Саратовѣ. Надѣемся увидѣть его на петербургской (устряловской) каѳедрѣ» («Кіевская Старина», 1898, XII, 365). О Шевченкѣ онъ писалъ В. В. Тарновскому—сыну, что ему хорошо жилось въ Нижнемъ Новгородѣ и что онъ прислалъ семнадцать акварелей, изображающихъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи. Кулишъ выражалъ сожалѣніе, что эти акварели предположено было разыграть въ лотерею, тогда какъ украинскимъ патріотамъ слѣдовало бы въ своихъ рукахъ сохранить эти сокровища.

[2]) Кулишъ писалъ г-жѣ Милорадовичъ про «Народни Оповидання» Марка Вовчка: «Побачыте, що за дыво, що за краса нашои мовы! що за слава нашому сильському люду! Вси повисти написани такъ, якъ народъ разсказуе. Выдумкы нема». Но Кулишъ находилъ и недостатки въ М. Вовчкѣ. Впослѣдствіи, поощряя свою жену къ занятіямъ литературой, онъ, какъ видно изъ одного письма къ Огоновскому, невольно сравнилъ ее съ Марко Вовчокъ, но видѣлъ въ ней женщину писательницу,—въ противоположность односторонности Марко Вовчокъ,—призванную изображать разные слои общества.

[3]) «Кіевская Старина», 1898, II, 231.

щими словами: „Пышуть до мене зъ Москвы, щобъ у московському журнали що небудь твое напечатать, не квапся на се, мій голубе, до якого часу. Одно, що тоби треба спростувать дорогу до столыци, а друге—зъ великою увагою треба теперъ роздывлятысь, що печатать, а що й прыдержать. Слава твоя писательна теперъ у зеныти, то вже треба оглашаты себе голоснымъ диломъ, а не абы-якымъ. Посли 1847 року ждуть одъ тебе землякы ричей великыхъ, а посли вже й малымы до ихъ обизвесся". Кулишъ высказывалъ Шевченку свои мнѣнія о его поэтическихъ трудахъ, а послѣдній чрезвычайно дорожилъ этимъ, говоря: „Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ этомъ дѣлѣ не судья мнѣ, онъ слишкомъ увлекается. Максимовичъ—тотъ просто благоговѣетъ передъ моимъ стихомъ, Бодянскій—тоже. Нужно будетъ подождать Кулиша. Онъ хотя и жестоко, но иногда скажетъ правду. Зато ему не говори правды"—прибавлялъ онъ, если хочешь сохранить съ нимъ добрыя отношенія" [1]).

Позднѣе Кулишъ сообщалъ нерѣдко въ своихъ письмахъ къ роднымъ разныя извѣстія о Шевченкѣ: „Кажуть, що вже Тараса зроблять хутко старшымъ. Цензура иноди крутыться, не одвыкшы басуваты по-старому. Хто жъ іи дражныть, а моя „Чорна Рада" на соби те переносыть" [2]).

XXXV.

Въ началѣ 1857 г. Кулишъ продалъ „Чорную Раду" (на русскомъ языкѣ) въ „Русску Бесѣду"—по сто рублей за листъ и кромѣ того выговорилъ себѣ 500 оттисковъ, куда онъ предпо-

[1]) „Всемірная Иллюстрація", 1897, № 19, стр. 438.

[2]) О себѣ же онъ писалъ въ шутку г-жѣ Милорадовичъ: «Много найдется родителей, которые скажутъ своимъ дѣтямъ: «Не идите по стопамъ Кулиша, а то его бѣда постигла, что не въ свое дѣло мѣшался. Ужъ умнѣе предсѣдатели палаты да министры, да сенаторы какого-нибудь губернскаго секретаря»!

лагалъ включить иллюстрированныя изображенія и надѣялся, что эти экземпляры должны были разойтись скорѣе, нежели на малороссійскомъ языкѣ, бо землякы—ледачый народъ", и вотъ на этихъ чистыхъ листахъ онъ просилъ Н. М. Бѣлозерскаго дѣлать замѣтки о томъ, какъ жили люди въ старину, какіе были тогда суды и проч., и эти матеріалы предполагалъ потомъ напечатать въ третьемъ томѣ „Записокъ о Южной Руси". Въ то же время онъ занимался печатаніемъ „Исторіи Бориса Годунова". Отъ Н. М. Бѣлозерскаго онъ ожидалъ только выписокъ изъ его бумагъ о хищничествѣ козацкихъ старшинъ и пановъ въ XVIII столѣтіи.

Въ одномъ письмѣ Кулишъ проситъ передать Костомарову дружеское порицаніе за то, что онъ къ нему не пишетъ: «Костомара сыдыть у Саратови та й мовчыть, хырный. Не знаю що зъ имъ и дiется». Черезъ нѣкоторое время Кулишъ имѣлъ случай оказать Костомарову немалую услугу, о чемъ онъ сообщаетъ впослѣдствіи въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ": «Окончивъ «Богдана Хмельницкаго», благодаря содѣйствію благороднаго ляха [1]), Костомаровъ прислалъ мнѣ изъ Саратова свою рукопись, прося напечатать ее отдѣльною книгою, но дня черезъ два онъ увѣдомилъ меня о своемъ желаніи помѣстить „Богдана Хмельницкаго" въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ,—и первый гонораръ знаменитаго впослѣдствіи историка былъ 45 рублей съ печатнаго листа въ «Отечественныхъ Запискахъ» [2]).

Еще до окончанія изданія сочиненій Гоголя, Кулишъ уже имѣлъ удовольствіе видѣть осуществленіе своей мечты послѣднихъ лѣтъ, именно основаніе собственной типографіи, [3]) и въ его ру-

---

[1]) Свидзинскаго.

[2]) Гораздо позднѣе, въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, Кулишъ однажды писалъ: «Журнальныя дѣла такъ упали, что Краевскій предлагаетъ Костомарову 40 р. съ печатнаго листа».

[3]) Любопытно, что Кулишемъ при учрежденіи типографіи руководили также заботы объ участіи двухъ его пріятелей, которыхъ онъ хотѣлъ имѣть компаньонами. „Съ изданіемъ сочиненій Гоголя"—пи-

кахъ было исполненіе другого завѣтнаго плана—заграничной поѣздки. „Я могу продать изданіе Гоголя въ нѣсколько рукъ очень выгодно, съ уступкой только 10 процентовъ, а остальное по силамъ будетъ кому-нибудь съ уступкой 20 %. Итакъ сумма моя значительно подрастаетъ и мнѣ будетъ съ чѣмъ бродить по Европѣ".

Цѣлью путешествія было самообразованіе: усиленныя спеціальныя занятія нѣсколькихъ лѣтъ, поглощавшія все время Кулиша до послѣдней минуты до такой степени, что у этого человѣка, котораго смѣло, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно называть образцомъ трудолюбія, иногда вырывались стоны сожалѣнія о неимѣніи возможности хоть сколько-нибудь принадлежать себѣ,—эти одностороннія занятія отвлекали его отъ многихъ другихъ, не менѣе важныхъ. Такимъ образомъ чувствовалась потребность какъ въ отдыхѣ, въ обновленіи силъ, такъ и въ расширеніи круга впечатлѣній. [1]) Вотъ какъ онъ передаетъ женѣ объ этой своей душевной потребности: „Типографіи работаютъ, корректуры читаются, приготовленія къ путешествію дѣлаются, а они состоятъ въ многоразличныхъ чтеніяхъ и выпискахъ. Я прихожу въ ужасъ отъ безплодности послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ. Въ умѣ моемъ водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Душа моя смята и измучена. Читая теперь исто-

---

салъ онъ С. Т. Аксакову—„связана еще судьба двухъ человѣкъ, для которыхъ я завожу типографію. Это люди высокой душевной чистоты, и жаль было бы потерять изъ виду въ мутномъ водоворотѣ жизни. Поэтому я рѣшился привязать къ себѣ житейскими интересами и такимъ образомъ упрочить для себя и для общества ихъ непоколебимую честность".

[1]) Одной изъ причинъ стремленія заграницу было для Кулиша разочарованіе въ сочувствіи къ себѣ земляковъ. Онъ писалъ Милорадовичу, что ему „тяжело ѣхать, зная, что никто тебя не ожидаетъ". Здѣсь (въ Швейцаріи) по крайней мѣрѣ разнообразіе человѣческой жизни и природы можетъ сколько-нибудь занять тоскующаго человѣка.

рическія сочиненія и великихъ поэтовъ, я кое-какъ себя возстановляю, пополняю и привожу въ порядокъ. Если бы дѣла шли такъ, какъ до сихъ поръ, я бы съ отчаянія сдѣлался пьяницей или застрѣлился. А теперь я бы желалъ отдать себя въ руки какому-нибудь мудрому человѣку, который бы все во мнѣ пересмотрѣлъ и дополнилъ. Еще чувствую возможность быть человѣкомъ; еще остался во мнѣ юношескій жаръ къ ученію, но знаю, что это послѣдній порывъ; если имъ не воспользуюсь, то лучше мнѣ не существовать, чтобъ не презирать самого себя за пустую, мелкую, вздорную, ни къ чему святому не направленную жизнь. Всѣ мои сочиненія—сущій вздоръ. Они получатъ значеніе только въ такомъ случаѣ, когда я выскажу какую-нибудь великую идею въ болѣе совершенныхъ созданіяхъ. Тогда они окажутся необходимыми ступенями къ какой-то высотѣ, а когда высоты нѣтъ, то къ чему ступени? И такъ, я еще не совсѣмъ падшій человѣкъ. Я еще могу встать, еще могу торжествовать надъ жизнью, которая разбила меня въ прахъ. Одинъ годъ такого торжества—и душа моя совершенно и навѣки исцѣлится, и кромѣ благости ничего изъ нея не изыдетъ, и уже тогда ничто ея не возмутитъ; безсиленъ будетъ весь міръ возмутить ее".

Но это были пока мечты, а дѣйствительность продолжала предъявлять свои требованія и приковывать къ прозаическимъ заботамъ. Для сотрудничества въ типографскомъ дѣлѣ пришлось пригласить двухъ лицъ: Каменецкаго [1]) и Панина, изъ которыхъ послѣдній вскорѣ же не оправдалъ возложенныхъ на него Кулишомъ ожиданій. Хлопоты продолжались: „Цензурныхъ экземп-

[1]) Съ нимъ Кулишъ велъ въ концѣ 50-хъ годовъ дѣловую переписку, которая напечатана въ «Кіевской Старинѣ» 1898 г., № VII, VIII и XII; тамъ же см. свѣдѣнія о личности Каменецкаго и объ отношеніяхъ къ нему Кулиша». П. А. Кулишъ мечталъ о блестящемъ будущемъ своей типографіи и въ своихъ письмахъ охотно связывалъ съ успѣхами типографіи судьбу ея управляющаго; но точный и здоровый умъ Каменецкаго не могъ раздѣлять увлеченій своего патрона». („Кіевская Старина", 1898, XII, 351).

ляровъ съ билетомъ до сихъ поръ нѣтъ. Наборъ все еще идетъ, потому что „Мертвыя души“ съ примѣчаніями и перебивкою текста—очень затруднительная работа. Моя типографія уже набираетъ „Бориса Годунова“, а графъ Толстой [1]) обѣщалъ черезъ недѣлю возвратить мнѣ „Литургію“, и это будетъ первая книга, которая выйдетъ изъ моей типографіи“. Въ томъ же письмѣ находимъ любопытныя строки и о Шевченкѣ: „Тарасъ намѣренъ возвратиться въ Петербургъ, но неизвѣстно, когда онъ сюда будетъ. Онъ получилъ первый томъ „Записокъ о Южной Руси“ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно только такіе люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ. Онъ говоритъ, „що такои книжкы ще зъ роду не чытавъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кулишъ уже принимался за работу надъ изданіемъ сочиненій Квитки-Основьяненка, а съ другой стороны репутація его, какъ хорошаго, исправнаго издателя, грозила его надолго затянуть въ спеціально-издательскую дѣятельность. „За границу потому неудобно покамѣстъ ѣхать, что сочиненія Гоголя только-что окупятся; а можетъ быть, придется быть издателемъ и Пушкина, ибо Анненкову срокъ до 1 января, и книги вышли почти всѣ у него. Теперь сынъ Пушкина помышляетъ объ изданіи и хочетъ обратиться ко мнѣ“. Отсюда онъ приходилъ къ такому неутѣшительному заключенію, несмотря на перспективу пріятной самой по себѣ работы: „я, бывши недавно вольнымъ козакомъ, очутился опять на привязи. Впрочемъ, здѣсь больше были въ виду собственно хлопоты по продажѣ сочиненій Гоголя, по окончаніи которыхъ—мечталъ опять Кулишъ—„легкая кибитка помчитъ насъ въ тѣ страны, по которымъ ѣздятъ безъ лошадей: поѣдемъ прямо въ Римъ, до весны обнюхаемся съ иностранцами, и будемъ знать, куда и для чего ѣхать весной“.

---

[1]) Александръ Петровичъ, другъ Гоголя.

XXXVI.

Приведемъ теперь небольшой отрывокъ изъ воспоминаній Кулиша о Костомаровѣ, относящійся къ жизни ихъ обоихъ въ Петербургѣ 1859—1861 г.: „Начались мои совмѣстныя работы съ Костомаровымъ по изданію Актовъ Южной Россіи чрезъ посредство Археографической Коммиссіи. По его слѣдамъ я изучалъ историческія рукописи Императорской Публичной библіотеки, гдѣ мы видѣлись ежедневно, работая въ уединенномъ кабинетѣ и перемежая работу веселыми шутками. Костомаровъ, несмотря на свои болѣзненные припадки, любилъ смѣяться, и смѣхъ его былъ возбудителенъ для собесѣдника. Мы воображали себя въ Императорской Публичной Библіотекѣ подвижниками; Публичную Библіотеку называли Храминой Спасенія; весьма часто находила на насъ блажь вести бесѣду на древнеславянскомъ языкѣ и даже сочинять стихи въ старинномъ вкусѣ. Другъ друга мы звали не иначе, какъ „отче Николае, „отче Пантелеймоне“. Но бесѣда наша пришлась бы по вкусу и пушкинскому отцу Мисаилу съ его товарищемъ, отцомъ Варлаамомъ. Было что-то дѣтское въ веселости Костомарова, когда онъ чувствовалъ себя здоровымъ. Никто бы не повѣрилъ, что наша Храмина Спасенія оглашается такими ребяческими разговорами. Однажды сказалъ онъ мнѣ, подражая въ совершенствѣ монашеской интонаціи, „честнѣйшій отче Пантелеймоне! хощу всѣмъ сердцемъ моимъ и всею душею моею и всѣми помышленіями моими пояти себѣ жену красну, аки кринъ сельный“. Я отвѣчалъ ему: „честнѣйшій отче Николае! добре сотвориши, обаче прикуй къ ложу своему цербера трезѣвна“. И мой подвижникъ такъ расхохотался, что библіотекарь прибѣжалъ изъ сосѣдняго кабинета. Часто вспоминалъ Костомаровъ совѣтъ мой и всегда съ хохотомъ. Многіе изъ властительныхъ тирановъ позавидовали бы веселости книжныхъ иноковъ, которыхъ жизнь была такъ безпощадно исковеркана“. [1]) Позволимъ себѣ при-

[1]) «Новь», 1885, № 13 стр. 69.

вести въ примѣръ ихъ оригинальной переписки на церковнославянскомъ языкѣ начало письма Костомарова къ Кулишу: „Отче, радуйся и паки реку радуйся! Вселюбезное писаніе твое пріяхъ и прочтохъ и радостью возрадовахся. Аще бо возможно сему быти: есть желаніе сердца моего и многыхъ лѣтъ, во еже написати дѣписаніе народа житія его“... Оканчивается письмо такъ: „Женамъ сущимъ окрестъ о Христѣ благомудрымъ сущимъ земно кланяюсь. Такожде возлюбленнаго брата Василія цѣлую любезнѣ. Смиренный инокъ, иже на Невѣ рѣцѣ, худый старецъ, паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшій, на благость же неизрѣченную Божіей десницы уповаяй во вѣки, аминь“. [1])

Въ 1860 и 1861 гг. Костомаровъ жилъ съ Кулишомъ общими интересами душа въ душу. Вмѣстѣ проводя утро въ Публичной Библіотекѣ, они любили также сходиться по вечерамъ и составляли небольшое, но весьма интимное общество изъ четырехъ-пяти членовъ, т. е. Костомарова, г. Мордовцева, супружеской четы Кулишей и В. М. Бѣлозерскаго. Слѣды этого постояннаго близкаго общенія ихъ сохранились, между прочимъ, въ письмахъ Кулиша къ Юзефовичу, изъ которыхъ можно видѣть, до какой степени ихъ связывали тогда общіе интересы. 7 ноября 1860 г. Кулишъ писалъ: „Почтеннѣйшій Михайло Владиміровичъ! Петербургскій кружокъ земляковъ вашихъ, къ которому принадлежу и я, постоянно занимается исторіею Украйны во время своихъ вечернихъ сходокъ, и вотъ уже нѣсколько разъ встрѣтилась намъ настоятельная надобность въ 4-мъ томѣ лѣтописи Велички, которая Богъ знаетъ почему не появляется въ продажѣ. „Вашимъ Лукомскимъ (лѣтописная компиляція по исторіи Малороссіи) „мы съ Костомаровымъ заинтересовались очень“. Часто также мы находимъ въ этихъ письмахъ сообщеніе о статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ Костомарова и объ ихъ общихъ предположеніяхъ. Между прочимъ Кулишъ однажды сообщаетъ, что „Костомаровъ порывается

[1]) Нельзя поручиться за безусловную точность приведенныхъ строкъ вслѣдствіе феноменальной неразборчивости почерка Костомарова.

даже оставить каѳедру, чтобы всего себя отдать литературѣ и исторіи". Изданіе Актовъ Южной и Западной Россіи такъ воодушевляло обоихъ друзей, что они были совершенно околдованы надеждами. „Исторіи до сихъ поръ не было"—пишетъ Кулишъ—„и Костомаровъ отрекается отъ своего „Богдана Хмельницкаго". Собственные замыслы Кулиша были тогда чрезвычайно широки и самоувѣрены, и Костомаровъ одобрялъ ихъ. „Мнѣ хотѣлось—писалъ Кулишъ о своей повѣсти „Тайна"—„написать такую вещь, которая бы ничего не потеряла, будучи переведенною и на языкъ Боккачіо, Сервантеса, Гете или Маколея, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Костомаровъ очень доволенъ". [1])

XXXVII.

Покончивъ наконецъ съ своими срочными типографскими заботами и имѣя въ своемъ распоряженіи довольно денегъ для задуманнаго путешествія, Кулишъ долженъ былъ передъ отъѣздомъ позаботиться объ устройствѣ дѣлъ по имѣнію. Право на владѣніе хуторомъ Мотроновкой еще не было выяснено, что повело къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ. Занятый постоянно литературой и разносторонними книжными интересами, Кулишъ постоянно стоялъ въ сторонѣ отъ этихъ пререканій, но ему надо было все-таки выяснить свое положеніе въ отношеніи къ имѣнію и стать въ опредѣленныя отношенія, въ качествѣ владѣльца, къ другимъ лицамъ, имѣвшимъ также свои права и виды на Мотроновку. И вотъ, онъ проситъ одного изъ братьевъ жены: „Сдѣлайте милость, устройте между собой какой-нибудь раздѣлъ и объявите намъ, на какихъ условіяхъ Мотроновка могла бы перейти во владѣніе Саши. До сихъ поръ мы даже не знаемъ, какую сумму денегъ должны припасать для того, чтобы получить право быть уже не гостями въ этомъ убѣ-

[1]) «Кіевская Старина», 1899, Ш, 317—322.

жищѣ. Еслибы вы написали намъ, что и какъ, то мы бы въ февралѣ могли и двинуться для слушанія въ Мотроновкѣ весенняго цвириканья воробьевъ. Ѣхать же наобумъ не рѣшимся. Здѣсь же мы все-таки чувствуемъ себя дома, а тамъ не знаешь, котораго брата величать хозяиномъ. [1])

Наконецъ Кулишъ пустился въ давно желанный путь съ женой. Онъ объѣхалъ большую часть Европы, всюду восхищался плодами западной цивилизаціи, которую онъ всегда цѣнилъ высоко, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустилъ о томъ, что далеко до той степени благосостоянія и культуры его бѣдной, но горячо любимой Украинѣ; еще грустнѣе было ему отъ сознанія, что погруженная въ сонъ невѣжества родная страна такъ мало имѣетъ заступниковъ и покровителей, друзей мирнаго прогресса, и такъ много на ней тяготѣетъ всевозможныхъ условій, стѣсняющихъ даже ея естественное, столь запоздалое развитіе.

По возвращеніи Кулиша изъ заграницы В. М. Бѣлозерскій предпринялъ изданіе Малороссійскаго альманаха „Хата“ [2]) и затѣмъ журнала „Основа“. Это былъ первый опытъ въ своемъ родѣ, что̀ уже само по себѣ показываетъ предпріимчивость издателей. Осенью 1858 года, ободренный большимъ успѣхомъ „Записокъ о Южной Руси“ и другихъ своихъ трудовъ, Кулишъ рѣшился обратиться къ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому съ просьбою о разрѣшеніи издавать журналъ, посвященный южно-русской жизни, подъ названіемъ „Хата“, съ отдѣлами мѣстной словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства, причемъ обѣщалъ, что органъ этотъ „будетъ чуждъ политики“. Министръ снесся по этому вопросу съ начальникомъ 3-го отдѣленія, княземъ Долгоруковымъ. Ходатайство было отклонено вслѣдствіе того, что передъ тѣмъ „Граматка“ Кулиша была признана, по направленію, неодобренною. Между тѣмъ

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ см. подробнѣе въ «Кіев. Стар.», 1898, I, въ письмахъ къ Хильчевскому.

[2]) См. о ней замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» 1898, іюль-августъ, отдѣлъ второй, стр. 5—6.

Кулишомъ подготовлялись къ обработкѣ девять томовъ Исторіи „Возсоединенія Руси“ [1]).

Получивъ отказъ, Кулишъ одно время останавливался на мысли предпринять съ 1860 года изданіе цѣлаго ряда украинскихъ сборниковъ, причемъ, въ объявленіи объ этомъ изданіи, такъ объяснялъ основанія задуманнаго имъ дѣла: „Въ настоящее время, когда всякое гражданское общество ищетъ прочности своего существованія въ самопознаніи, какъ въ необходимомъ средствѣ къ исправленію старыхъ ошибокъ своихъ и предотвращенію новыхъ, Южная Русь, простирающаяся отъ предѣловъ царства Польскаго до Кавказа, отличающаяся отъ прочихъ племенъ славянскихъ своеобразнымъ языкомъ, такъ называемымъ украинскимъ, не осталась равнодушною къ великому и спасительному дѣлу самопознанія. Она выразила отличительныя черты своего прошедшаго и настоящаго многими томами чисто ученыхъ и беллетристическихъ произведеній на сѣверно-русскомъ и на своемъ родномъ, украинскомъ, языкахъ... По этимъ первымъ опытамъ разныхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ Южной Руси или ея изображеніемъ, чувствуется, что рудники, на которые набрело наше пытливое поколѣніе, доставятъ, послѣ насъ, работу милліонамъ другихъ, безъ сомнѣнія болѣе могущественныхъ и счастливыхъ дѣятелей. При такомъ сознаніи естественно приходитъ въ голову мысль о работахъ систематическихъ, производимыхъ не разъединенными личностями, а цѣлымъ обществомъ ученыхъ и литераторовъ, и эта мысль тревожитъ умы не однихъ литературныхъ дѣятелей по предмету изслѣдованія и изображенія русскаго юга, говорящаго украинскимъ языкомъ,—она слышится безпрестанно въ читающемъ обществѣ“.

---

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ составленной для насъ рукописной замѣтки доктора Славницкаго.

Наконецъ наступило время торжества; разрѣшено было изданіе „Хаты“ въ 1860 году (выпущенъ былъ впрочемъ только альманахъ подъ этимъ названіемъ, но не журналъ, какъ добивался Кулишъ); въ 1861 году разрѣшено издавать „Основу“.

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧЫ.[1]

Повисть.

ЧАСТЫНА ДРУГА.

Середъ нового товарыства.

I.

Выйшовшы Романъ зъ волосты, повернувъ зновъ у гóродъ.

Ще николы винъ не бувъ такый лютый на брата й на селянъ, якъ теперъ.

Ёму, бувшы вже не простымъ мужыкомъ, зазнаты такои ганьбы, такого сорома передъ цилымъ селомъ!

И все черезъ ёго, черезъ цёго клятого Деныса! Якъ бы винъ ёго заразъ отутъ, середъ шляху, стривъ,—задавывъ бы ёго, ростоптавъ бы, якъ гадыну!

Та гарни й батько зъ Зинькомъ, потураючы такому хамлетови, якъ Денысъ. Воны моглы бъ оддилыты ёго, Романа, даты ёму що треба,—винъ бы пишовъ одъ ихъ, и ничого бъ тоди не було.

А теперъ!..

Та вси воны, вси ёму за шкуру сала залылы!.. Вси ци мужлаи кляти!..

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 5.

Винъ повернувся до села, що вже порыпало въ долыни, вызираючы зъ-за горба соломъяными покривелькамы зъ билымы дымарямы, роскыданымы середъ ясно-зеленыхъ купъ густыхъ вербъ и темного лысту садкивъ. Знявъ кулакъ угору, и кризь затыснени зубы вылетивъ якыйсь пивзвирячый згукъ лютости й зненавысты. Повернувсь и пишовъ швыдко, швыдко.

Довго йшовъ, покы хочъ трохы втыхомырылося серце и мигъ думаты и про щось инше.

Що са́ме винъ заразъ робытыме въ городи?

Въ кышени въ ёго бряжчало трохы грошей,—решта видъ попереднихъ крадижокъ,—але ихъ не могло статы на̀ довго.

Эге! тамъ выдно буде! Стукатыме скризь,—десь да видчыныться.

Але якъ винъ увійшовъ у городъ и проходывъ вузькою вулыцею, поглядаючы на невелычки одноповерхови будыночкы, пооббывани дошкамы и помазани сирою хварбою, то не знавъ— у яки са́ме двери мае початы стукаты. Вси булы однаково непрывитни, однаково замкнени видъ кожного чужого.

И такъ ишовъ усе дали та дали, ажъ покы дійшовъ до невелыкого базарю, засмитченого, захащеного шопамы й рундучкамы, обставляного велыкымы й малымы бакаліямы та крамныцямы.

Си бакаліи й крамныци надыхнулы ёму думку: а що, якъ бы туды въ прыкащыкы?

Не довго думавъ и зайшовъ заразъ же у велыку бакалію. Тамъ було килькы покупцивъ, и крамарчукы метушылысь, поспишаючы все податы, не барывшы покупця. Одынъ пидбигъ и дуже ввичлыво озвався до Романа:

— А вамъ що завгодно?

— Та мени хазяина.

Облычче въ крамарчука заразъ одминылося, скоро выявылось, що се не покупець. Винъ недбало кывнувъ рукою на высокого худого чоловика, що стоявъ за кассою:

— Онъ!

Романъ пидійшовъ до хазяина, поздоровкався.

— А що скажете?

Романъ почавъ бувъ казаты, але ще й не доказавъ усёго, а вже хазяинъ замахавъ рукамы:

— Не треба! не треба! У насъ уси прыкащыкы йе.

Романъ выйшовъ зъ ціи крамныци и подавсь у другу. Въ другій хазяинъ спытавъ:

— А рекомендаціи есть?

Сёго въ Романа не було.

— А по якій части вы служылы?

Романъ одказавъ, що швайцаромъ.

— Та ни, по торговій части... Якъ вы служылы: чы въ бакаліи, чы въ мануфактури?

— Та я по торговій зовсимъ не служывъ.

— Э, дакъ вы намъ не пидходыте,—видказавъ хазяинъ и одвернувсь у другый бикъ.

Романъ выйшовъ знову безъ ничого. Але винъ уже наважывся походыты сёгодни по крамныцяхъ и почавъ заходыты въ кожну пидхожу по черзи. Здебильшого ниде не треба було прыкащыка, а якъ часомъ и не видсылано ёго видразу, то заразъ же выявлялося, що винъ торгивли не знае, и писля цёго вже годи й говорыты. Обійшовшы такъ десяткивъ трохы не зб два крамныць, Романъ побачывъ, що тутъ ёму нема чого сподиватыся. Треба було се облышыты.

Почувався на втому й голодъ. Купывъ на базари хлиба, тутъ же сивъ на рундучку йисты. Базарь бувъ порожній, бо було вже пизно и день не базарный. Колы-не-колы тилькы перейде засмитченымъ майданомъ якый чоловикъ, але нихто не займавъ Романа. Мигъ йисты якъ хотивъ помалу и думаты скилькы хотивъ.

Думавъ усе про одно. Завтра пиде по палатахъ, то що: чы не треба тамъ сторожа. Не дуже до вподобы Романови було те сторожуванне, та вже липше це, нижъ ничого. Пишовъ бы й сёгодни, та пизно: зъ усихъ палатъ члены вже поросходылыся. Щобъ такъ-сякъ добуты день до вечора, Романъ походывъ по миськыхъ бульварахъ, почытавъ на стовпахъ афиши

та инши оповисткы та роспытався, де тутъ йе „ночлижный домъ“. Скоро почало вечорити, пишовъ у той „домъ“ ночуваты за тры копійкы.

Не сподобалось ёму тамъ. Велыка свитлыця була така нечыста й темна, що липше було бъ іи темныцею зваты. На стинахъ колысь булы шпалеры, але се було дуже давно, бо теперъ одъ ихъ позоставалыся тилькы де-не-де велыки й мали клапти. Обдертя стины булы таки занехаяни, обплёвани, помазани роздавленымы блощыцямы, що Романови гыдко було на ихъ дывытыся. Чорни, зотоптани грязею помосты, попрогнывалы. У викнахъ найнызчыхъ шыбокъ зовсимъ не було: ихъ такъ часто быто, що хазяинъ позатулювавъ тамъ дощечкы. По всій хати стоялы шыроки ослоны зъ деревъянымы прыголовачамы—и середъ хаты й попидъ стинамы. Котри булы порожни, а на котрыхъ, на якомусь дранти, сыдилы або лежалы люде. Пидъ чорною видъ сажы стелею высила погаиенька лампа и ледви освичувала тьмянымъ свитомъ цей прытулокъ людського вбозтва.

Романъ обибравъ соби порожній ослинъ пидъ стиною въ кутку. Скынувъ пальто, пославсь и мовчкы лигъ. Ще було рано спаты, и винъ, лежачы, почавъ роздывлятыся на товарыство, середъ яке потрапывъ. Булы стари, зовсимъ сыви диды, булы здорови дужи люде и хлопци рокивъ шиснадцяты-симнадцяты. Простои сильськои одежы було мало,—бильше всяке городянське вбранне. Яки сыдилы або лежалы самы соби, а яки купкамы, розмовляючы—певне знаёми. Онъ недалечко трое лагодыться вечеряты: пороскладалы попередъ себе на якійсь ганчирци поризаный хлибъ и ковбасу, а одынъ зручно выбывае зъ пляшечкы затычку, вдарывшы дномъ пляшкы объ долоню. Прытуляе пляшку до губивъ, и Романови чуть, якъ булькае горилка. Надпывшы трохы, передае другому... Романови почынае страшно хотитыся выпыты чарку горилкы и закусыты отіею ковбасою...

— Ты чого тутъ?—зненацька гримнувъ надъ имъ страшный басюра.

Романъ глянувъ и побачывъ, що биля ёго стоить здоровенный чоловъяга, убраный у шыроке й довге литне пальто, руде, заялозене й обдерте. На голови помъятый чорный брыль. Здорова пыка зъ бородою.

— Ты чого тутъ лигъ?—знову зыкнувъ новый гисть.

— Того, що тутъ мисто було,—видказавъ Романъ.

— Ахъ ты болванъ неученый, стультусяка халдейськый! Хыба ты не знаешъ, що се мое мисто, га?

— А почóму жъ бы я знавъ?—сказавъ Романъ, нехотя встаючы.—Я сёгодни тутъ уперше.

— Уперше?—не вгававъ здоровыло.—Тебе нечыста маты прынесе мабуть сюде ще милiйонъ развивъ, то знай, що на се мисто въ мене давность земська, понимаешъ? Я тутъ ночую, я, Патроклъ Хвыгуровськый!

— Чого се тамъ уже бурса розвоювалася?—озвався хтось изъ другого кутка хаты.

— Сердыться!—додавъ другый.

— Цытьте вы, сýсы тупорыли! Доси не можете розшелепаты того, де бурса, а де семинарiя. Бурса!..

— Ну, ты вже Хвыгура!—одказавъ першый голосъ.

— Да, Хвыгура. А знаешъ ты, áзинусъ клапоухый, що значыть хвыгура? Выдъ, образъ, все одно, що образець! Понимаешъ ты: образець, прымиръ для васъ усихъ, сéрвусы вы червъяковськи!

Регитъ покрывъ слова Патрокла Хвыгуровського. А винъ, не зважаючы на те, почавъ мостытыся на своему ослони, бо Романъ перейшовъ на иншый. Теперъ уже Романъ роздывывся на ёго дужче. Здоровенна голова зъ русявымъ кудлатымъ волоссемъ, зъ роскуйовдженою бородою. Облычче зъ товстымъ носомъ, одутле и червоче видъ выпытои горилкы, але зовсимъ не лыхе. Романъ ище й дали роздывлявся бъ на ёго, але новый гисть хотивъ спаты, бо въ ёго добре гуло въ головы: умостывшыся, лигъ, повернувся до стины и незабаромъ захрипъ такъ, що одынъ сонный ажъ жахнувся.

А Романъ довго не мигъ заснуты,—то видъ думокъ, то видъ усякои пòгани, що за ничъ скусала ёму геть чысто все тило. Заснувшы, спавъ погано и заразъ же прокынувся, скоро ночлижане заворушылыся въ хати. Поспишывся вмытыся и выйты на вулыцю.

Було ще рано куды-нèбудь иты за диломъ. Романъ пишовъ на базарь изнову, купывъ соби снидання й попойивъ. Пробавывшысь годынъ до десятёхъ, пишовъ „по палатахъ“.

Тутъ уже рекомендацій не треба було: досыть, що винъ салдатъ, бо сторожывъ же й беруть найбильше зъ колышнихъ салдативъ. Та нá лыхо, въ маленькому губернському гòроди не багато було тыхъ „палатъ“, а яки й булы, то скризь уже народу повно й безъ Романа.

Винъ вы́ходывъ увесь день и вернувся ввечери до ночлижного безъ ніякои покы надіи на службу.

Въ ночлижному булы й нови гости, и ти, що ихъ Романъ бачывъ учора; тилькы не було Патрокла Хвыгуровського. Романъ подався на свое вчорашне мисце и заразъ же лигъ, утомленый.

До ёго пидійшовъ парубокъ—высокый, безвусый, у старенькому пиджачку та въ полатаныхъ на колинахъ штаняхъ. Облычче зовсимъ молоде, але якесь невыспане, брезкле, зъ велыкымъ сынцемъ пидъ окомъ.

— А що, земляче, не тутешній?—запытавъ.

— Ни.

— А видкиля?

— Зъ Дыбливъ.

— А! Чы не службы шукаешъ?

— Та службы...

— Н-ну!.. сёго ще попошукаешъ!

— Хыба трудно?

— А то ни? Я самъ уже зъ мисяць шукаю. Вытратывся, обидрався увесь,—отъ якъ бачышъ.

Воны розбалакалыся. Романъ розсказавъ парубкови про свои городянськи прыгоды, а той и соби оповидавъ, що винъ

тамъ та тамъ бувавъ, прохавъ, да ниде роботы нема,—хочъ пропадай зъ голоду! Отъ сёгодни винъ ище й не йивъ ничого.

— Чы нема въ тебе, земляче, хоть грывеныка? Позычъ, спасыби тоби! Зароблю на поденній,—оддамъ. А то якъ же ёго—не йившы?

Романъ и самъ бувъ голодный.

— А де бъ тутъ можна купыты чого попоисты?—спытавъ.

— О, можно! И попоисты й выпыты!—видказавъ парубокъ.—Давай, я збигаю!

Романъ выйнявъ четвертака, щобъ той купывъ на двадцять копіёкъ йижы, а пъятака здачы прынисъ. Парубокъ метнувся швыдко, але довгенько проходывъ. Прынисъ оселедець и булку, але безъ здачы.

— А пъятака,—просты, земляче!—и самъ не знаю якъ—выпустывъ зъ рукъ отутъ у двори. Шукавъ, шукавъ—темно, ничого не найдешъ. Нехай уже завтра пошукаю.

— Та вже нехай,—сказавъ Романъ, але ёму чогось здалося, що видъ парубка не пахло попереду горилкою и що ёго пъятакъ лежыть теперъ не на двори, а въ шухляди въ монополіи.

Поризалы на шматкы оселедець, роздилылы на двое булку й почалы йисты.

— О, дыки неукы!—озвався биля ихъ, пидійшовшы несподивано, Патроклъ Хвыгуровськый.—Йидять оселедець, не пывшы попереду! Ще въ древнихъ хвылозопивъ сказано, що рыба любыть воду. И колы не можешъ даты ій воды, то дай ій хочъ водкы.

Ёго здорова лапыще простяглася мижъ два йидци, ухопыла шматокъ оселедця и вкынула ёго въ велычезный ритъ. Простяглася знову, вломыла половыну парубковои булкы и послала іи слидкомъ за оселедцемъ.

— А самы жъ на́ що йисте, колы водкы не пылы?—запротестувавъ невдоволеный зъ такыхъ заходивъ парубокъ.

— Дурень есы!—одказавъ Патроклъ, чвякаючы на всю хату.—Водка вже тамъ есть, и черезъ те нехай ся тварь иде въ мою горлянку.

И знову шматокъ оселедця зныкъ за густою щетыною ёго рудыхъ вусивъ.

— Не гнивайся, земляче,—озвався до Романа,—що такъ, не пытаючыся, беру: довліеть бо пыща алчущому онои. И колы ты сёго сервуса червъяковського и неключымого годуешъ такымы смашнымы оселедцямы, то вже мени й Богъ веливъ.

— Сидайте!—сказавъ Романъ.

Патроклъ сивъ на ослинъ и моргнувъ на парубка:

— Моторный хлопець! Уже й напавъ на парубка!

— Якъ тамъ напавъ?—одказавъ сердыто парубокъ.—Се я позычывъ у ёго грошей, пишовъ та й купывъ.

— Ну, ну, знаемъ!—прыпынывъ ёго Патроклъ.—Позычывъ, бо роботы нема, вытратывся... А скилькы загубывъ? Винъ завсигды роботы шукае и губыть чужи грошы—до себе въ кышеню,—сказавъ винъ уже до Романа.—Багато твоихъ загубывъ?

— Пъятака,—видказавъ Романъ.

— Пъятака? Дуракъ, що губывъ такый пустякъ! Тò—такъ винъ и по карбованцю губывъ. Одначе треба поспиша-тыся, а то сей кáнисъ ненажерлывый самъ усе похапа.—И винъ зновъ укынувъ соби въ ротъ шматокъ оселедця й булкы.—Эхъ, чортъ ёго зна! Все такы треба рыби воды! Лукашъ! маешъ два злоты: пляшечка й закусочка! Загубышъ хочъ одну копійку,—не дамъ ни крыхотки, ще й шыю набъю!

Лукашъ зныкъ, але вернувся теперъ дуже швыдко, несучы шматокъ ковбасы, хлибъ и горилку. Почалы выпываты й йисты. Розбалакалысь изъ Патрокломъ, и Романъ мусывъ и ёму розказаты про свои ходинкы й шуканыну.

— Жалію, амикусъ, тебе. Но не рюмсай и возвеселысь: терплять и кращи за тебе. Глянь на мене! Кончывъ два класы семинаріи, грекы й латыны чытавъ и думавъ ученостю превыше всихъ превознестысь и—пропавъ!

— Чого жъ вы пропалы?—спытавъ Романъ.

— Чого? Того, що въ мене имъя геройське.

— Якъ то—имъя геройське?

— Ты сёго понять не можешъ. Герой бувъ такый Патроклъ и Трою воювавъ и багато совершывъ дилъ славныхъ. Такъ и я, именемъ ёго названый, повсегда бувъ прыхыльный до геройськыхъ дилъ.

— И совершалы?

— Стультусъ!.. Зъ Вакхомъ у компаніи побывъ морду езуитови инспекторови и за те поневиряюся й доси. И ушелепкався въ сю бездну гнусности, де кышать твари, подобни сій, богамъ зненàвысній, мармызи!—И винъ штрыкнувъ пальцемъ просто въ пыку Лукашеви.—Но не росквасюй губы, бо то подла манера. Якъ зазнаешъ усёго и не знайдешъ ничого и схочешъ уже наплювать на сей городъ,—прыходь до мене, и Патроклъ Хвыгуровськый дасть тоби достойную тебе роботу.

Романъ глянувъ неймовирно на обидрану постать Патрокла Хвыгуровського и подумавъ собы, що ледви чы можно чого видъ ёго сподиватыся. Той зрозумивъ ёго поглядъ.

— О, азинусъ клапоухый и Хома невирный! Не вытрищай своихъ слипакивъ на мою костюмировку, а дывысь на мои дила, и будешъ подобенъ мени и не пропадешъ зъ голоду!

Покы, одначе, дила героя зъ поганою костюмировкою обмежылысь на тому, що винъ найбильше за всихъ порався коло чарки й закуски, прыбравъ геть чысто все, що мигъ прыбраты, а потимъ захрипъ по вчорашнёму на своему ослони зъ „земською давностю“.

Тры дни ще ходывъ Романъ та шукавъ соби службы, а на четвертый зостався зъ пъятакомъ у кышени. Ще одно можно було ёму зробыты: статы на базари.

Що-дня на одному звычайному мисци на базари стояла купка людей. Вси выглядалы заробитку. Сильськи парубкы й дивчата, попрыходывшы въ городъ шукаты наймивъ, стоялы поручъ зъ городянськымы куховарькамы й покойивкамы, що, покыдавшы старыхъ хазяинивъ, дожыдалыся новыхъ. Килькы

старишыхъ людей зъ сокырамы за поясамы—се булы дроворубы. Тутъ же стоялы й миськи обидранци зъ такыхъ ночлижныхъ домивъ, якъ отой, що въ ёму Романъ ночувавъ. Си такожъ выглядалы, але вже не наймивъ,—хто жъ бы ихъ найнявъ?—тилькы поденного або хочъ на одынъ разъ якого заробитку. Сильськи дивочи вбрання зъ яснымы зеленымы, сынимы, червонымы колирамы, парубочи свытки, чумаркы, шапкы й брыли мишалыся зъ обдертымы лахманамы нечепурнои загыдженои городянськои одежы. Вся ця купка товклась середъ базаровыхъ ятокъ на засмитченому, закыданому недоидкамы и всякымы покыдькамы майданчыку,—люде стоялы, сыдилы, часомъ лежалы на порожнихъ рундукахъ. Дивчата цокотилы промижъ себе завзято, парубкы поштурхувалы дивчатъ, а ти верещалы голосно й весело. Городянськи куховаркы та покоивкы у „кохтáхъ“ та въ „палитáхъ“ трымалысь трохы ὸсторонь и промижъ себе судылы й лаялы на вси заставкы хазяёкъ та навчалы одна ὸдну (а часомъ и сильськыхъ дивчатъ), якъ треба поводытыся зъ хазяйкамы, щобъ не даваты имъ воли, якъ прыкыдаты бильшу цину до того, що купуешъ на базари... Було голосно й весело: кому й не щастыло, то соромывся передъ людьмы сумъ выявляты. Але все жъ часомъ було чуты смутне нариканне на нещаслыву долю, що й роботы нема й йисты ни́чого, и нездужае... Блиди й змарнили облычча траплялыся середъ цёго натовпу часто. Обидранци часомъ и соби встрявалы до гуртовои розмовы, але бильше стоялы самы соби; часомъ воны прыносылы пляшечку „монополькы“ и заразъ же, на якому рундучку, а то й навстоячкы выпывалы ии, закусюючы гнылою ковбасою або смердючымъ оселедцемъ. Иноди пидходыла до дивчатъ и куховарькъ яка панія, або й панъ,—выбиралы соби пидхожу и почыналы зъ нею вмовлятыся; якъ що едналы, то велы зъ собою. Тоди ти, що позоставалыся, лаялы панію, чы пана, казалы, що воны й слипи й дурни, бо взялы найпоганишу, а не взялы ни ὸднои зъ ихъ. Часомъ хто прыходывъ найматы дроворуба—пыляты й колоты дрова, а то клыкавъ и обидранцивъ—найбильшъ переносыты щось важке. Дроворубы стоялы тутъ що-дня. Обидранци—такожъ що-

дня, хыба що ходылы часомъ по базарю, доглядаючы, щобъ панiи та куховарькы добре ховалы грошы: котора не робыла сёго, тую каралы, бо заразъ ти грошы потраплялы до рукъ обидранцеви, и вже тоди кильки день не выдко було ёго на точкý. Вси инши стоялы—покы хто найме, а зъ сильськымы бувало й такъ, що якъ докучыть стояты ненанятому, то й пиде воно соби знову додому.

Середъ цiеи купкы мусывъ статы й Романъ. Теперъ уже винъ думавъ про те, щобъ покы знайты соби хочъ поденный заробитокъ, бо ёму не було чого йисты. Але доля була до ёго неласкава: винъ простоявъ увесь першый день до вечора и не выстоявъ ничого.

Пъятака пройивъ,—не було зъ чымъ иты й до ночлижного. Романъ думавъ, думавъ и пишовъ у велыкый миськый садъ:

— Засну десь у кущахъ!—гадавъ соби.—Покы ще не холодно.

Вышукуючы въ саду лiпшого, затышнишого мисця, натрапывъ на чымалу будивлю, що стояла тамъ середъ прочыщеного майданчыка. Зроблена зъ шылёвокъ, въ одному мисци зовсимъ не було стины—сами поручата. Романъ перескочывъ черезъ ихъ и пишовъ у середыни по дощаному помосту. Сылкувався йты тыхо, щобъ не почувъ сторожъ садовый. Ишовъ у темряви и видразу почувъ, що падае внызъ.

Упавъ, але бильше злякався зъ несподиванкы, нижъ забывся. Вставъ, почавъ мацаты рукамы. Бувъ у якомусь дощаному корытари неглыбокому. Вылизъ изъ ёго лехко и пишовъ обережно дали. Дiйшовъ до якыхсь дверей и видчынывъ ихъ. Засвитывъ сирныка: невелычка дощана комирчына, мовъ хыжка, попидъ стинамы лавы.

Зважывся тутъ заночуваты. Лигъ на лаву, положывшы шапку въ головы.

Уночы кильки разивъ прокыдався, не розумiючы, де винъ. Тилькы вставшы вранцi, побачывъ по выдному, що се бувъ литнiй театръ, покынутый уже теперъ, порожнiй, старый и об-

дертый. Мусывъ буты ёму прытулкомъ и на дали на той часъ, колы не буде грошей, щобъ ночуваты де-инде.

Сёгодни винъ продавъ за тры рубли свое пальто. Осинь тилькы почалась и була суха й тепла,—можно покы було й безъ ёго прожыты, а дали... що буде! За карбованця купывъ сокыру и выйшовъ на базарь. Ёго заразъ же взято колоты дрова. Романъ дуже зрадивъ сій роботи. Але покы винъ наколовъ купу дровъ та заробывъ пивкарбованця, то въ ёго такъ заболилы крыжы й рукы, що винъ клявъ свою роботу всякымы словамы. Ввечери пишовъ у ночлижный, стривъ тамъ Лукаша и зъ горя пройивъ и пропывъ зъ имъ увесь свій заробитокъ.

Що-дня Романъ стоявъ на точку, та не що-дня ёго брано. Въ якый день не було заробитку,—Романъ жывъ зъ тыхъ грошей, що зосталыся ёму видъ пальта. Се дiялося тыжнивъ зб два,—ажъ покы знову такъ сталося, що въ Романа не було й трёхъ копiёкъ заплатыты за ничъ у ночлижному.

— Доробывся,—гирко нарикавъ на свою долю Романъ, идучы ночуваты зновъ у той садовый театръ. Теперъ се було не такъ добре, якъ попереду, бо вже пишлы дощи, и зробылолося вразъ дуже холодно. Романъ страшно намерзся, стоючы на базари, и бувъ голодный. Винъ увесь трусывся.

Дотягся до театру, перелизъ черезъ поручата и пишовъ у свій закамарокъ. Идучы темною сценою, винъ спиткнувся на щось и трохы не впавъ.

— Якый тутъ стультусяка собачый ходыть та людей колошкае?—несподивано гримнуло зъ темрявы.

Романъ пизнавъ голосъ Патрокла Хвыгуровського: се винъ на ёго спиткнувся.

— Се я, Романъ,—одповивъ.

— Якый Романъ, азинусъ?

— Та той, що зъ вамы въ ночлежному бувъ.

Увесь цей часъ имъ не доводылося стриватыся.

— А!... чого жъ ты тутъ?

— Та мабуть того, що нема на ночлижный грошей.

— Резонъ, хочъ ты й болванъ!

— А чого жъ я болванъ?

— А того, що повыненъ тутъ ночуваты.

— Та й вы жъ тутъ ночуете.

— Я—инша ричъ. Я, братику, такъ соби... ще вдень сюды зайшовъ... а бувъ трошкы выпывшы... та якъ лигъ—та й доси!.. Ну, а все таны я се мисто, правда, знаю добре... Дакъ се вже ничъ?

— Ничъ.

— А чого жъ ты зубамы ухналй куешъ?

— Бо холодно.

— Холодно? Ну, сидай биля мене та погрійся! Чого стоишъ? Сидай! За се платыты не доведеться.

И винъ у темряви піймавъ ёго за руку и потягъ унызъ. Романъ сивъ биля ёго.

— Эге, да ты, парубче, безъ пальта.

— А то жъ...

— А де жъ воно?

— Загуло.

— Ну, й ты жъ скоро загудешъ.

— Куды жъ я буду густы?

— Къ чортовому батькови въ зубы! Пропадешъ безъ одежы.

— Продавъ, бо треба було купыты сокыру. Шо жъ мени було робыты?

— Клапоухый азинусъ! Попытайся мене, то я скажу, що тоби треба робыты.

— Кажить!

— Я тебе поведу до добрыхъ людей.

— Ведить!

— Тамъ покы що матымешъ кватыру и харчъ. Заплатышъ потимъ, якъ будуть грошы.

— Добра штука, спасыби вамъ!

— Не кажы—добра, покы не звивъ! Якъ будешъ розумный, то матымешъ и роботу.

— Яку?

— Кращу за ту, яку робышъ. Тоди знатымешъ.

— Гаразд!

— Тилькы одно.

— А що?

— Чы зостанешся тамъ, чы ни; чы возьмешъ роботу, чы ни, а що побачышъ—про те мовчы!

— Мовчатыму.

— Запрысягнысь!

— Нехай мене хрестъ побъе и сыра земля не прыйме, колы кому скажу.

— Добре! А колы зламаешъ прысягу, то я тебе и пидъ землею знайду. Цила голова не буде. Це памъятай!

— Памъятатыму.

— Гайда!

II.

Довго йшлы черезъ увесь городъ, ажъ покы прыйшлы до якоись темнои и грязькои вулыци. Перейшлы ии всю. На прыкинци вулыця видразу падала внызъ и завертала въ якыйсь яръ. По обыдва бокы яру, по-пидъ глыняными кручамы, блымалы маленькымы викнамы невелычки хатки. Лыхтаривъ не було,—тилькы й свиту на вулыци, що зъ тыхъ виконечокъ. Ногы грузлы въ глыни, розмоченій дощамы. Разъ-у-разъ доводылось потрапляты въ калюжи. Романъ уже набравъ у свои драни чоботы стилькы воды, що вси ногы булы мокри.

— Иды сюды по-пидъ тыномъ,—сказавъ Патроклъ,—бо тутъ така халдейська калюжа.

И справди, всю вулыцю залыла велычезна калюжа. Се було найнижче мисце въ яру, и вода стикала сюды зъ усихъ высокостивъ.

Зъ бидою, чепляючыся за хворостяный тынъ, просунулысь повзъ калюжу.

— Ну й грязюка!—жалився Романъ.

— Ще й лучче: якъ упадешъ, то не забъешся.

— Та куды се мы зайшлы?

— У Ривчакы.

— У яки ривчакы?

— Такъ зветься. Иды за мною!

Винъ завернувъ до двору. Одчынивъ хвиртку, впустывъ Романа и по хазяйському зачынивъ за имъ. Въ двори хата, здаеться, гонтомъ крыта, праворучъ—якись шопы, чы що.

Загарчавъ у темряви собака.

— Цыть, Хамло, цыть! Се я.

Здоровенный песъ, пизнавшы Патрокла, почавъ лащытыся до ёго.

— Що? Хыба давно не бачывъ мене? На вже! на!

Вытягъ щось изъ кышени й давъ Хамлови.

— Добрый канисъ! гарный собацюра!.. Ну тебе къ чорту! Хвостомъ усю пыку заляпавъ.

Пидійшлы до хаты, и Патроклъ загрюкавъ у засунени двери.

Чуты було, якъ хтось выйшовъ зъ хаты, и чоловичый голосъ озвавсь у синяхъ:

— Хто тамъ?

— Одчыняй, то й побачышъ!

— Патроклъ Степановычъ?—запытавъ стыха голосъ.

— А то жъ!

Хазяинъ упустывъ гостей и заразъ же знову засунувъ двери. Ввійшлы въ хату. Се була звычайна мищанська свитлыця: велыке лижко праворучъ пидъ стиною, ливоручъ стилъ, а кругъ ёго прости деревляни, помазани рудою хварбою, стильци; блыжче до дверей—праворучъ пичъ, ливоручъ шахва. Стины облиплено поганенькымы, нечыстымы вже, шпалерамы; на стинахъ тры малюнкы безъ рямцивъ, прыбыти просто гвоздочкамы: копіяшни базарови ляпанци, вси помазани мушынымы слидамы. Якась жинка, мабуть хазяйка, блида й худа, клала спаты дытыну въ колыску, а за столомъ сыдивъ Лукашъ.

Поздоровкалысь и посидалы.

Тымъ часомъ увійшовъ зъ синей хазяинъ. Не такый здоровый, якъ Патроклъ, але кремезный и дужый, зъ велыкою блыскучою чорною бородою, зъ дужымъ закандзюбленымъ носомъ. Блыснувъ на Романа гострымы холоднымы очыма.

— Чого ты такъ на ёго дывышся?—спытавъ Патроклъ.—Оце тоби прывивъ чоловика. Ходыть безъ роботы. Колы заразъ нема въ насъ дила,—треба даты ёму кватырю й харчъ.

— А талалаи зъ билыхъ березъ не выпускатыме?

— Каже, що прыпне.

— Добре, хай ночуе.

— Отъ и гаразд! А теперъ знаешъ що, Ярошe? И винъ голодный, та й я, якъ вечиръ побачывъ, то розласувався на вечерю.

— А ну, Варко, давай тамъ, колы що е!—звеливъ Ярошъ господыни.—Мы ще й самы не вечерялы.

Жинка, мовчазна и якась дывна, почала готуваты вечерю. Хазяинъ выйшовъ у сины, а за имъ слидкомъ Патроклъ и довго про щось тамъ балакалы, тоди вернулыся вдвохъ.

— А ну, сидаймо,—поклыкавъ хазяинъ. Гости посидалы за стилъ, а винъ тымъ часомъ вытягъ зъ шахвы пляшку зъ горилкою.

— Отъ чудесна штука, що й оквавыта е!—зрадивъ Патроклъ.—Мабуть ты знавъ, що я змерзъ.

— А мабуть ты й не пывъ бы, якъ бы не змерзъ?—шуткувавъ Ярошъ.

— Та... мене покійный батько завсигды навчавъ: чарка—ворогъ твій! А я ворога де не побачу, тамъ и стребляю: не люблю ворогивъ.

— Варко! а ты жъ чого не сидаешъ?—озвався Ярошъ до жинкы.

— Не хочу.

— Знювъ завередувала? Иды й сидай!

Жинка мовчкы сила за стилъ и почала нехотя йисты, ни на кого не дывлячысь. Чоловикъ позыравъ килькы разивъ на неи зъ-пидъ лоба, але ничого не казавъ.

Романъ мало говорывъ, бильше слухавъ, сылкуючыся зрозумиты, до якыхъ людей винъ потрапывъ. Але ни обстанова въ свитлыци, ни звычайна мищанська одежа хазяивъ, ни розмовы—все про щось невидоме Романови—не казалы ёму ничого.

Повечерявшы, заразъ полягалы спаты: хазяи на лижкови, а трёмъ гостямъ послалы доли рядно, а пидъ головы подушкы.

Другого дни, якъ Романъ прокынувся, то въ хати никого не було: тилькы винъ та Патроклъ спавъ. Але въ синяхъ чуты було розмову. Жиночый голосъ казавъ:

— Зновъ уловылы гришну душу, якъ нечысти въ пекло!

— Мовчы! не твое дило!—видказавъ чоловичый голосъ.

— Бодай бы вамъ стилькы каръ було на тому свити, скилькы вы людей занапастылы!

— Варко, кажу тоби—мовчы! Давно въ тебе ребра трищалы?

— Покаравъ мене Богъ такымъ чоловикомъ!

— Ты такы добалакаешся!

Погроза злякала жинку, и вона змовкла. Въ хату ввійшовъ хазяинъ.

Романъ заплющывъ очы, мовъ спыть.

— Ге! часъ уставаты!—прокынувся Патроклъ.—А ну лышъ, братику, вставай!—штохнувъ винъ Романа въ бикъ.

Повставалы. Жинка внесла зъ синей самоварь. Посидалы пыты чай.

— Ну, дакъ хочешъ до насъ у куппачію прыстаты?—спытавъ Романа Патроклъ.

— Чому ни,—абы добра куппанія.

— Добра! Комерческа,—сказавъ Ярошъ.

— А яка комерція?

— Кинська.

— Якъ то?

— Та такъ,—выяснывъ Ярошъ,—кони дешево купуемъ, а дорого продаемъ.

— И добре заробляете?

— Чому ни? Якъ пощастыть, то й добре.

— А де жъ вы купуете?

— Хыба на селахъ мало коней?

Романъ не розумивъ.

— Ты, Яроше, погано ёму розсказуешъ,—перепынывъ Патроклъ,—бо въ тебе чортма элоквенціи. Слухай, парубче! Знаешъ, якъ кони найдешевше купуваты?

— А якъ?

— Такъ, щобъ за ихъ зовсимъ не платыты.

— Та якъ же то?

— А такъ: якъ стемніе, то зайты въ гости до якого багатого стультуса-мужыка. По твоему—треба поторгуватыся зъ мужыкомъ, а по моему, зовсимъ того не треба, бо винъ дуже дорого буде правыты. А я нышечкомъ повитку видчынывъ та на коня сивъ та й гайда въ степъ, то такъ найдешевше обійдеться.

Теперъ уже Романъ зрозумивъ.

— А чого, парубоче, замовкъ? Може вовы та хохы боишся?

— Ни, я вовы не боюся, а такъ...

— Дакъ вавы?

— И вавы не боюсь...

— Дакъ гришкы, чы що?

Романъ мовчавъ.

— Болванъ, белбасъ и стультусъ!—гримнувъ Патроклъ.— Що то грихъ? Якъ хто заповидь ламае Божу. Що заповидь велыть? Подилысь изъ блыжнимъ твоимъ! Дилються багачи? Одвичай! Дилються багачи зъ намы?

— Ни.

— Ото жъ воны роблять грихъ, бо ламають заповидь. А мы, якъ возьмемо въ багача кони, то що зробымо?

— Та шо жъ? Украдемо!

— Азинусъ клапоухый! Мы подилымо зъ блыжнимы багачевымы добро ёго,—а сёго хоче заповидь. Значыть, винъ ии ламае, а мы направляемо. Розибравъ?

— Та се я розибравъ, та...

— Ну, що „та“? Ты не такай, а слухай розумныхъ людей! Жывъ ты на сели? Жывъ. Що зъ тобою батько й браты зробылы? Цилувалы-мылувалы тебе? Ни, побылы мордяку та й выпхалы безъ ничого. А де жъ твое добро, що ты въ гурти зъ имы заробывъ? Братикъ риднесенькый укравъ. Що тутъ треба зробыты? Взять ихъ добро та й подилыть такъ, щобъ и тоби зосталося.

— А чого жъ у заповидяхъ написано: „не укради“?

— Що ты мени заповидямы очы выбываешъ? Игнорантусъ мизеръ, або неукъ малоумный! Я ихъ лучче за тебе знаю. А якъ вовкъ у тебе теля вкраде, то ты не прыйдешъ та не вбъешъ вовка, не виднимешъ у ёго теля? Не украды у чесного, а въ злодія свое одберы! А ты глянь: старшына и староста гарбають обчеськи грошы—злодіи! Мужыкы цуплять панськый лисъ—злодіи! Паны хапають казённи грошы—злодіи! Шынкарь обдурюе тебе въ шынку—злодій! Браты замоталы братову частку—злодіи! Уси промышляють, якъ хто втне. Ты онъ теперъ зъ голоду пухнешъ, а воны тамъ соби горилочку попывають, ажъ облызуються, да пундыкы-мундыкы трискають, та зъ Романа сміються,—ажъ черево до горы дметься,—що такого дурня халдейського, таку лемишку греческу знайшлы, що не вміе свого добра въ ихъ вырваты. Пиды лышъ, позывайся зъ имы! Выпозываешъ?

— Та де тамъ!

— Дакъ не будь же роззявлякою, а пиды та й визьмы самъ.

— Та звисно, то моя частка, ту можно взяты... А такъ хто й зна въ кого, то се вже...—вагався Романъ.

— О, сервусъ малоголовый! Ты хыба жъ не бачышъ, що вси такъ роблють, якъ твои браты, то вси й крадуны. А въ крадуна не грихъ и забраты. Нема правды въ свити, а есть сама хапанына: хто швыдче, хто билше вхопыть! И хто вхопыть—той багачъ, хто не вхопыть,—той харпакъ! Въ старовыну лучче було: прыйшовъ грекъ, розбывъ Трою та й каже: я герой, бо Трою спалывъ, троянцивъ побывъ, а добро ихъ пограбувавъ. А

теперъ коженъ слебезуе: я по правди, я по закону! А одынъ зъ одного по тры шкуры деруть!.. Йивъ ты людей?

— Ни...

— Брешешъ! У старовыну вси люде людей йилы, а теперъ уси брешуть, що ни. Неправда: трискають такъ одынъ одного, що ажъ за ушыма лящыть! Бо homo homini lupus est!

И Патроклъ грюкнувъ зъ усіеи сылы по столу, ажъ дытына жахнулася й заплакала въ колысци, и все на столи задзвенило, а ёго очы спалахнулы злымъ огнемъ.

Помовчавъ трохы, похылывшыся, заспокоився, а тоди зновъ озвався до Романа:

— Ну, та нехай! мы вже тебе на чужыхъ не займатымемъ, а отъ давай подилымо тебе зъ братамы та зъ батькомъ.

— Якъ то?

— Та такъ! Адже самъ казавъ, що въ твого батька трое добрыхъ коней. Дакъ мы подилымо тіи кони такъ, що твою частку зъ ихъ тоби виддамо. Якъ що добри кони, то можно й добри грошы взяты.

Романъ мовчавъ. У ёго въ голови куёвдылыся всяки думкы, але винъ ще й самъ соби боявся ихъ выявляты. Винъ ничого не видказавъ Патроклови и пишовъ зъ хаты. Ёму не сыдилося: треба було кудысь иты, самому лышытыся, по думаты.

Зоставшыся Патроклъ зъ Ярошемъ самы въ хати, спершу дожыдалы Романа, що винъ зновъ увійде, але згодомъ побачылы, що винъ кудысь подався зъ двору.

— Ой,—сказавъ Ярошъ,—чы не наробыть намъ якого лыха цей кавалеръ?

— Ніякогисинького!—видказавъ Патроклъ.—Яке жъ бы?

— Пиде та въ полицію...

— Ну, то й що винъ скаже? Що мы пидмовлялы ёго кони красты? А свидкы де?

— Та такъ.

— Хыба полыція не знае, що ты вміешъ верхы йиздыты? Добре вже це розшелепала, хочъ тебе тоди за Степенковы кони й не осуджено.

— Та се такъ... Да тилькы не буде мабуть зъ ёго людей.

— Отъ побачышъ, що буде! Погуляе, погуляе та вернеться, бо ёму иншого ходу нема.

— Винъ бы намъ такъ стежку показавъ, що ой—ой! Нема краще, якъ изъ такымъ робыты, що добре село знае—промовывъ Ярошъ.

— Ще бъ пакъ!.. Ты, отамане, звелы хлопцямъ,—нехай хлопци на поготови будуть: днивъ зо три помыне, то винъ явыться.

А Романъ тымъ часомъ ишовъ куды очы, и голова въ ёго роспадалася видъ думокъ. Все мынуле, все, що винъ прожывъ, одбувъ уже,—такъ мовъ насунуло на ёго, зновъ ожыло.

До салдативъ винъ жывъ дома такъ, якъ и вси парубкы, и робывъ щыро. Тамъ у хазяйстви и ёго праци багато лежыть. Чы винъ же выненъ, що теперъ не може по такому жыты? Коженъ чоловикъ шукае кращого, а жывшы въ городи, винъ добре побачывъ, де те краще. Мужыча робота важка, нечыста, часомъ голодна й холодна. Та коженъ чортъ зъ тебе знущаеться, та нема такого начальныка, щобъ тоби до пыкы зъ кулакомъ не лизъ! А городянське жытте не таке: и робота лекша и менше зъ тебе воду варять, и заробитокъ бильшый. Отъ и винъ шукавъ цёго заробитку, шукавъ того кращого жыття. Колы жъ не щастыть! А ни батько, ни браты не хочуть ёго розумиты, не хочуть пособыты ёму. Якъ бы воны ёму виддалы ёго частку, то може бъ винъ уже давно чоловикомъ бувъ. А то прызвелы до того, що хочъ зъ голоду пропадай. Та ще якъ зганьбылы! Якъ бы не втикъ,—ризкамы выбылы бъ! Ёго—ризкамы!

Романъ зовсимъ не думавъ про те, що й винъ погано зробывъ, а згадувавъ тилькы крывду видъ брата. Гарный братъ! Ну, сказавъ бы батькови,—нехай бы батько, якъ тамъ схотивъ покаравъ, а то заразъ у волость, зъязаного, якъ рештанта.

Романъ згадувавъ, якъ ёго ведено селомъ зъ скрученымы назадъ рукамы, якъ люде показувалы на ёго пальцямы!.. И велыка злисть, лютисть знову ёго обнимала такъ, якъ и тоди, якъ винъ покыдавъ свое село. Тамъ то мабуть було про ёго балачка, уси мабуть казалы: эчъ, думавъ панувaты, а ставъ злодіюваты! Знае винъ цихъ мужыкивъ! Ради въ ложци воды одынъ одного втопыты! Правду казавъ Хвыгуровськый, що самы воны гирше за всякыхъ злодіивъ. Такъ и браты: не видцалы ёго часткы,—однаково, що вкралы ім. А якъ злодій украде, дакъ хыба хазяинъ не може справди у ёго свого добра узяты? Оттакъ и винъ у бративъ може...

Романъ, не помичаючы того, самъ соби переказувавъ, що ёму казавъ Патроклъ.

Такъ... Але черезъ що жъ ёму чогось ніяково те зробыты, до чого ёго прыхыляють?

Грихъ воно, звисно, хочъ и свое, але такымъ робомъ браты.

Грихъ... се такъ... А то ще й такъ: воны соби тамъ ласо йидять, тепло вдягаються, на печи зиму лежатымуть, а винъ, Романъ, мерзне, голодуе, поневиряеться тутъ. Якъ бы не оци... злодіи, то може бъ и зъ голоду пропавъ. Хыба жъ се по правди? И хыба нема въ ёго такого права, щобъ сыломиць свое взяты? Тилькы свое, тилькы въ батька та въ бративъ,—ни въ кого иншого винъ не хоче, а въ ихъ самихъ...

Отъ ище тилькы одно страшно. Добре жъ, якъ усе гаразд обійдеться, а якъ піймають? Острогъ, рештанськи роты!..

Романови сыпнуло по-за шкурою снигомъ.

И хто ёго ще знае, що воно за люде оцей Патроклъ та Ярошъ. Може воны ще въ таку справу ёго вплутають... Певне за имы й полиція доглядаеться, бо вже мабуть знае ихъ... Що якъ бы питы та выказаты на ихъ? Звисно, винъ запрысягся Патроклови ничого никому не казаты, та хыба жъ винъ тоди знавъ, що се коноводы? Одначе... хочъ бы й пишовъ у полицію, але свидкивъ у ёго нема, то ничого зъ того й не було бъ.

А якъ винъ прыстане до ихъ, то тоди й ёму суда не мынуты... А въ тимъ... не вси жъ и попадаються... Мужыкы въ

такыхъ выпадкахъ страшниши за судъ. Бо якъ піймають коновода, то вже такъ ёго катують, що—бувае—тутъ ёму й каюкъ.

Ни, нехай ёму всячына! Краще винъ перетерпыть якось цей часъ, хочъ на поденну походыть, а тамъ може яка служба таки знайдеться, то буде винъ чоловикомъ жыты. А то...

Романъ пишовъ на базарь и ставъ знову на точку. Тилькы не багато выстоявъ: узялы попереносыты шахвы зъ одніеи кватыри въ другу та й годи,—бильше й не було роботы. Одібравъ злотого та ото й усёго заробитку. Винъ ёго пройивъ, а спаты пишовъ въ садъ, у театръ. Уночи бильше мерзъ, нижъ спавъ.

Другого дни було ще гирше: нихто за ввесь день не попытавъ ёго. На сели вже обробылыся, насунуло въ городъ парубкивъ: робитныкивъ було бильше, нижъ роботы,—не дотовпышся. Романъ бувъ не йившы до вечора. Не йившы пишовъ и ночуваты туды, куды и вчора. Але якъ винъ пидійшовъ до театровои шопы и побачывъ темну сцену—мовъ велыку роззявлену пащу,—ёго обняло холодомъ. Згадавъ, якъ винъ мерзъ тутъ мынулои ночы. Тоди жъ хочъ не голодный бувъ, а теперъ... Обняла ёго безнадія.

Отакъ поневирятыся мучытыся! И черезъ що? Тилькы черезъ те, що браты не схотилы ёму виддаты ёго жъ добро!..

Ну, дакъ винъ самъ ёго визьме! Годи вже!..

Винъ уже и не думавъ бильше ни про грихъ, ни про страхъ. Винъ бувъ голодный.

Повернувся и пишовъ швыдко-швыдко на другый кинець города—туды, въ Ривчакы.

Ш.

Другого дни вранци Романъ ище спавъ у Ярошевій хати, якъ рыпнулы двери, и въ хату всунувся Патроклъ Хвыгуровськый. Поважный тезкò грецького героя мавъ сёгодня обличче колоритнише, нижъ звычайно, бо пидъ ливымъ окомъ процвитавъ у ёго велычезный сынякъ.

— А де це?—кывнувъ на сынякъ Ярошъ.

— Атъ!—нехотя видказавъ и махнувъ рукою.

— Мабуть у Левона?

Левонъ—то бувъ таемный шынкарь и помишныкъ усякымъ злодіямъ, що въ ёго збиралыся пыты.

— А то жъ де хыба йе таки скажени?—одповивъ пытаннемъ Патроклъ.

— Мабуть зновъ зъ Левдыкомъ?

— Не зъ якымъ же дыяволомъ!—одказавъ Хвыгуровськый, ходячы по хати туды й сюды.—Сточортове опудало сміе сикатыся. Ну, я жъ ёму й давъ!

Проходячы прозъ Романа спячого, моргнувъ на ёго:

— А що, не казавъ я? Тутъ уже! Ходимъ лышъ у сины! Выйшлы.

— Самъ прыбигъ?

— Самъ учора ввечери.

— Що жъ винъ каже?

— Що надъ братамы хоче помстытыся. Тилькы надъ имы, а бильше ничого не робытыме.

— Та се вже звисно. Коженъ азинусъ думае, що тилькы оцей разъ, а бильше вже й не буде. Ты ёму вчора пиднисъ?

— А вже жъ; сёгодни дамъ похмелытыся.

— Тилькы добре дай!

— Знаю, скилькы. Не гаразды переборщаты, бо треба, щобъ на вечиръ бувъ готовый. Пры ёму хлопцивъ я не хочу збираты. Покы хай новакомъ буде и не знае всихъ.

— А вже жъ.

— Перекажы Лукашемъ, щобъ надъ вечиръ зибралыся въ шопу. Хай пройдуть провулкомъ та по пидъ кручею,—тоди ёму зъ викна не выдко буде. Я загадаю—кому на яку роботу.

— Гаразды, отамане.

Покы воны розмовлялы, Романъ усе славъ, дарма, що Ярошева жинка ходыла прозъ ёго по хати, пораючысь. Знеможеный утомою, голодуваннемъ та горилкою, винъ спавъ ще довго, ажъ

покы вставъ, щобъ знову залыты горилкою останни искорки сумлиння.

Надъ вечиръ того жъ дня у Яроша въ старій шопи, що була колысь возивнею, зійшлося пъятеро людей. Дожыдаючысь Яроша, посилы на старыхъ недоламаныхъ саняхъ, дижкахъ, дровахъ та иншому мотлоси, що имъ захаращено було возивню. Тутъ булы Патроклъ, Лукашъ и ще трое обидранныхъ добродіивъ. Прыйшовъ Ярошъ.

— А чого це нема Левдыка?

— Хто ёго знае... кудысь завіявся... Мабуть пъе,—сказавъ высокый похмурый чоловикъ.

— Бисова тинь!—вылаявся Ярошъ.—Теперъ ёго сáме треба бъ. Ну, слухайте хлопци, якый загадъ буде!

Вси змовклы.

— Кучма, Лукашъ, Семенъ та Кулачъ—на сю ничъ у Рижкивку. Ты, Кучмо,—вдався винъ до того похмурого,—знаешъ Рижкивку, дакъ ты будешъ на сю ничъ имъ за отамана... Слухайте ёго замисть мене!.. У Охрима Пивня—багатый чортъ!—пары зо дви добрыхъ коней. Коней узявшы не ведить до Гапона, а заразъ на полтавськый шляхъ... на Полтавщыну... якъ тоди,—знаешъ? (Кучма кывнувъ головою). Та глядить, щобъ бильше двохъ чарокъ на дорогу нихто не пывъ!.. Щобъ не було якъ тоди зъ Лукашемъ... (Лукашъ похнюпывся). Розходьтесь, хлопци, да тилькы тыхо, по одному.

Ярошъ зъ Патрокломъ пишлы въ хату.

— Ну, Романе, треба намъ у дорогу,—щобъ не спизныться.

— Чы въ дорогу, то й у дорогу,—сказавъ зважлыво Романъ.—А хто жъ иде?

— Да отъ мы трое.

— А Лукашъ?

— Обійдеться й безъ Лукаша! На що намъ бильше, якъ трьохъ?

Ярошъ вынисъ изъ хыжкы свытку й чумарку.

— А нуте, вдягайтесь, щобъ теплише було! Та щобъ и городомъ одъ насъ не такъ пахло.

Вси трое повдягалыся въ сильську одежу.

— А чы у васъ тамъ коней замыкають?—спытавъ Романа Ярошъ.

— Замыкають.

— Ну, треба взяты й такого, щобъ одимкнуты.

И винъ прынисъ изъ синей велыкый зализный шкворинь.

— А то жъ на що?—спытавъ Романъ.

— А оце жъ прыбои вырваты, якъ що замкнено буде,—выяснявъ Патроклъ.

Незабаромъ усе вже було готове.

— Мы вдвохъ зъ Романомъ пидемо,—сказавъ Хвыгуровськый,—а ты, Яроше, згодомъ самъ выйдешъ—щобъ не такъ помитно.

— Гаразды. Зійдемося за городомъ биля цегельни.

— Иды жъ ты, Романе попереду,—звеливъ Патроклъ,—та помалу, а я тебе нажену биля церквы. Все люде менше вкупи бачытымуть. Бо воны, яко Аргусы стооки, або Церберы пекельни,—такъ пащу й роззявляють, щобъ неповынну душу вхопыты.

Якъ Романъ зъ Хвыгуровськымъ пидійшлы до цегельни, то Ярошъ бувъ уже тамъ, пройшовшы блыжчымы вулыцямы. На двори зовсимъ смеркалося.

— Ну, гайда,—скомандувавъ отаманъ.

Вси трое пишлы шляхомъ. Ниде никого не выдко було. Развивъ зо два имъ зустрилыся селяне возамы и байдуже помынулы ихъ: зъ погляду трое злодіивъ здавалыся звычайнымы селянамы-хлиборобамы, що булы въ городи и теперъ верталыся до-дому. Патроклъ пидморгнувъ на ихъ:

— Чы се не ти кони, по яки мы йдемо?

— Ни, не ти,—видказавъ Романъ.

— Та я такыхъ и не хочу. Се дуже погани.

Увійшовшы верстовъ зъ висимъ, силы видпочыты пидъ гаемъ.

— А що, половыну ввійшлы?—спытавъ Ярошъ у Романа, якъ посыдилы трохы.

— А буде.

— Ну, гайда знову, щобъ на пивничъ вспиты. Тоди найкраще мужыкови спыться.

Рушылы знову. Була пивничъ, якъ передъ Романомъ зачорнилы хаты ёго ридного села. Щось немовъ торкнуло ёго, немовъ шепнуло ёму стыха-стыха: чы не облышыты це, чы не вернутыся? Але було вже пизно, вороття не було.

Ничъ спріяла имъ. Мисяць давно зайшовъ, по осинньому небу пересувалысь разъ-у-разъ хмары, затьмарючы и той невелычкый свитъ, якымъ блыщалы зъ неба на землю зиркы.

— Я йтыму попереду, а вы за мною,—сказавъ Романъ товарышамъ.

Сылкуався говорыты спокійно, а самого трусыла пропасныця, якъ пидходывъ до крайнёи хаты.

Абы перейты першу довгу вулыцю, щобъ хто не стрився, а дали—тамъ уже скризь можно горбдамы.

Швыдко й обережно перейшлы вулыцю. Стрилы такы й стукача, але винъ любисинько задримавъ на одному пиддашши.

— Черезъ тынъ!—скомандувавъ тыхо Романъ.

Перескочылы такъ, що й не триснуло. Романъ ишовъ попереду знаемымы стежкамы, обмынаючы всяки небезпешни мисця. Ще разъ перелизлы черезъ тынъ и опынылыся на луци.

— Теперъ мы дома,—сказавъ Романъ.—Просто лукою дійдемо до того провулка, що прозъ батькивъ двиръ... У провулокъ—ворота зъ току.

— А на току, въ клуни, нихто въ васъ не спыть?—спытавъ Ярошъ.

— Побачымо.

Дійшлы до Сывашевого току. Романъ одчынывъ ворота и впустывъ товарышывъ.

— Прыхылиться отутъ пидъ тыномъ, а я пиду подывлюсь, чы не спыть справди хто въ клуни.

— Я пиду зъ тобою,—сказавъ Ярошъ. Винъ ще не певный бувъ, що Романъ не зрадыть и боявся пустыты ёго самого.

— Не можна,—видказавъ парубокъ,—мене собакы знають, а якъ зъ вамы, то гавкатымуть. Я самъ кони выведу на тикъ.

Доводылося корытыся.

— Визьмы шкворинь,—може прыбои вырваты доведеться.

— Давайте!

Ярошъ зъ Патрокломъ прыхылылыся биля плоту въ затинку. Романъ зъ шкворинемъ у рукахъ тыхо, обережно пидійшовъ до клуни. На ій высивъ замокъ. Се добре. Романъ пидійшовъ до другыхъ воритъ, одчынывъ и ввійшовъ у двиръ. Тамъ було темно й тыхо. Собакы загарчалы булы, але Романъ обизвався до ихъ стыха, кынувъ имъ хлиба. Пизнавшы ёго, воны замовклы и почалы йисты хлибъ. Романъ тымъ часомъ пидійшовъ до кинны́ци. Замкнено. Заложывъ шкворинь однымъ кинцемъ и здорово смыкнувъ до себе другый. Поганеньки прыбои давно вже поиржавилы и одынъ заразъ одскочывъ. Одчынывъ двери и ввійшовъ. Винъ знавъ, що кони звычайно прывъязувалысь до яселъ, бо одынъ бувъ такый, що зъ тымы двома не мырывъ. Романъ налапавъ ихъ морды рукамы,—вси трое дома. На двохъ булы вуздечкы, на третьому оброть. На звыклому мисци на килку знайшовъ вуздечку и надивъ на коня. Обережно вывивъ двохъ коней и передавъ ихъ товарышамъ. По третього, баского жеребця, вернувся знову. Вывившы ёго, зачынывъ кинны́цю и прытулывъ прыбой,—мовъ ничого не займано. Тымъ часомъ товарыши вже булы верхы въ провулку. Романъ по хазяйському позачынявъ за собою ворота, думаючы:

— А то якъ одчынени будуть, то ще стукачъ побачыть.

Скочывъ на коня, и вси трое тыхо посунулы провулкомъ. Теперъ уже городамы не проскочышъ,—треба було йихаты вулыцею. То було найгирше. Але сонъ прыгорнувъ усе село. Ниде ни лялечкы, ни що не шелесне. Тилько чуть було, якъ по хливахъ чмыхае товарына. Стукачъ десь стукавъ, та далеко. Гавкнула була разъ-два чыясь собака. Серце въ Романа стыслося, мовъ перестало озыватыся въ грудяхъ. Духъ забыло.

Але собака мала поганый нисъ и не дочулася чужого. Загарчала й замовкла. А вулыця була все довга, безъ миры довга. Такою довгою вона николы Романови не здавалася. Дви перій покривель тяглыся скилькы выдно и зныкалы въ темряви. Здавалося, що имъ и тамъ нема краю. Ось Мыколына хата... Семенова повитка... Якъ далеко ще... Романъ ударывъ бы коня, полетивъ бы зъ усеи силы, але не мигъ сёго зробыты, мусивъ йихаты тыхо слидкомъ за отаманомъ... Замаячыла Костенкова клуня... За нею ще тры дворы... Ось уже й останню хату выдко...

— А хто се? стій!

Высока постать уразъ выявылася середъ темряви передъ Ярошевымъ конемъ и вхопыла ёго за вуздечку. Романъ побачывъ, якъ Ярошъ, не спыняючысь, знявъ угору руку зъ шкворинемъ и вдарывъ унызъ. Чоловикъ застогнавъ и впавъ биля коня. Знову звелася рука, шкворинь упавъ коневи на бикъ. Кинь рванувся и полетивъ напередъ, за имъ два инши. Романъ прыпавъ до грывы, бьючы ногамы коня въ боки. В одынъ ментъ опынылыся за селомъ и якъ выхоръ полынулы ривнымъ шляхомъ. Ажъ витеръ у вухахъ свыстивъ.

Добре вгодовани кони гналы зъ усіеи сылы и биглы довго. Перескочылы верстовъ зъ пъять. Ярошъ прыпынывъ свого коня и пустывъ ёго ходою, щобъ даты хвылыну видпочынку. Романъ та Патроклъ пидйихалы до ёго.

— Чортъ ёго знае, — погана штука! — сказавъ Хвыгуровськый.

— Шо?—спытавъ Ярошъ.

— Та оцей стукачъ. По чому ты ёго вдарывъ?

— По чому!... Чортъ!.. Потому, почому прыйшлось,—по голови!

И знову погнавъ коня.

Романови стало моторошно. Невже се чоловика вбыто? Тоди ёму здалося, що Ярошъ ударывъ стукача по рукахъ, щобъ вырватыся видъ ёго. Але якъ по голови, и той упавъ...

Звернулы зъ шляху и погналы у ливоручъ. Дорога збигала въ яръ. Куды се воны? Романъ сылкувався вгадаты, пизнаты, що се, и якось не мигъ. Замаячыла купа деревъ, дали хата велыка... Пизнавъ такы: Гапонивъ хутиръ.

Якыйсь Гапонъ тутъ жывъ. Якъ ёго звалы справди,— Романъ не знавъ, а вси называлы Гапономъ. Таке соби: ни панъ, ни мужыкъ. Мавъ свій хуторець, трошкы хазяйнувавъ... Щось про ёго люде гомонилы, та Романъ теперъ не мигъ изгадаты. Чого жъ воны туды йидуть?

Пидъихалы до двору. Ярошъ скочывъ зъ коня, самъ одчынывъ ворота и впустывъ товарышивъ у двиръ. Пидійшовъ до хаты и почавъ стукаты въ викно:

— Одчыны!

Мабуть хазяинъ пизнавъ, чый голосъ, бо заразъ вкійшовъ, накынувшы на опашку свыту.

— Ты, Яроше?

— А то жъ.

— А хто жъ зъ тобою?

— Патроклъ Степановычъ та ще одынъ хлопець, новачокъ.

— А що?

— Трое добрыхъ,—одказавъ Ярошъ.

— Звидкы?

— Зъ Дыблинъ одъ Сываша Пылыпа.

— Можно до завтрього?

— Ни, катай заразъ. Твои хлопци дома?

— Дома. А хыба що?

— Нещаслыво трапылось: довелося одбыватыся.

— Погано,—цмокнувъ Гапонъ.—Треба, колы такъ, поспишатыся. Зайдете въ хату?

— Ни, видказавъ Ярошъ,—не рука: намъ треба теперъ дали видсиль буты.

Тымъ часомъ Хвыгуровськый зъ Романомъ завелы кони у хливъ.

— На що се?—пытавъ Романъ у ёго.

— А шо жъ, мы самы ихъ будемо весты? Мы гайда додому. А тутъ товарыство и одведе, и продасть, а мы грошыкы получымо. Заразъ якъ чкурнуть, то до свиту верстовъ за шисть-десятъ будуть.

Пидождалы трохы Яроша, покы винъ нышкомъ розмовлявъ изъ Гапономъ, и пишлы швыдко назадъ. Незабаромъ выйшлы на шляхъ до города.

— Чуешъ, наши кони пойихалы,—тыхо промовывъ Патроклъ до Романа.

Романъ прыслухався и почувъ справди тупотъ кинськый внызу, въ яру.

— Добре, що не барятся,—сказавъ Ярошъ.

Уси змовклы, бо всихъ обняла думка про стукача. Найбильше ся думка турбовала Романа. Винъ самъ на себе лыхый бувъ. Зважывся на се дило, и заразъ-же й выдко, яке воно погане. А що, якъ Ярошъ убывъ чоловика? Уже жъ шукатымуть, а якъ найдуть... Не мынешъ каторгы, Сибиру...

А въ тимъ... Не такый страшный чортъ, якъ ёго малюють. Не кожного жъ и ловлять. Може ще й такъ мынеться.

Тилькы вже не треба товарышуваты зъ Ярошемъ та зъ Патрокломъ. Хай имъ бисъ! Видбере свою частку зъ батьковыхъ коней, та заразъ же й пиде соби геть одъ ихъ...

Шляхомъ прозъ ихъ пройихалы якись селяне, торохтючы возамы,—мабуть у городъ на базарь.

— Отъ, якъ-бы ци клапоухи стультусы знались, звидкы мы йдемо!—сказавъ Патроклъ.—Ого бъ тоди було! Постраждалы бъ мы за правду!

— За яку правду?—спытавъ Романъ.

— А якъ же—за яку? Якъ бы воны знались, звидкы мы йдемо, то знались бъ, що мы забралы коней, и се була бъ правда, и за сю правду воны бъ намъ бебехы повидбывалы. Отъ и страждание за правду!

Романъ та Ярошъ зареготалысь. Вси трое почалы весело базикаты. Романъ зовсимъ забувъ за свои страхы, мовъ ничого й не сталося.

Уже зовсимъ розвыднылося, якъ воны ввиходылы въ городъ. Щобъ ихъ не помичено вкупи, коженъ пишовъ самъ соби иншою вулыцею. Але Романъ прыйшовъ таки до Яроша и вдвохъ изъ имъ спалы довго—ажъ до пивдня.

Уставшы Романъ, пишовъ на точокъ,—не такъ, щобъ заробыты, а бильше, щобъ не дуже бачено ёго въ Яроша. Винъ почувався якось чудно. Оце й ничого неначе, а тилькы все мовъ щось муляе ёго и таке негарне якесь, нелюбе... И самъ не знае що, ажъ покы згадае: се жъ тая крадижка... Такъ, мовъ вона на ёму высне. Не сказаты, щобъ ёму було соромъ, чы щобъ винъ на грихъ почувався, а тилькы погано, що мовъ довбню надъ собою чуешъ: отъ-отъ выявыться... отъ-отъ щось погане, важке станется...

Мынувъ день, и вже про ихъ справу пишла поголоска, и на базари росказувано, що коноводы вбылы чоловика. Романъ сказавъ про це Ярошеви.

— Дурныця!—видказавъ той.—Заразъ изъ тыхъ краивъ бувъ знаёмый чоловикъ. Казавъ, що стукачъ жывый. Тилькы паморкы забыло, якъ я вдарывъ. Кажуть, якъ упавъ, то лежавъ довго, бо таки трохы й голову тее... Та вычухается!..

Романови полекшало: хочъ чоловикъ жывый. А все страшно. И винъ спытавъ Яроша:

— А що, дуже шукають?

— Пиды та спытай у тыхъ, хто шукае. Ты вже й боишся? Ого-го! Теперъ хай шукають. Колы первои ночы не піймалы, то вже чортового батька знайдуть,—пропало на-викы! Теперъ уже кони трычи продано. Незабаромъ и грошыкы получымо.

Писля цієи розмовы Романивъ страхъ десь подився, и вже нищо ёму не муляло. Стукачъ жывый, ихъ не найдуть,—чого жъ ище? Незабаромъ Ярошъ оддавъ ёму двадцять карбованцивъ. Продано коней рубливъ за висимдесятъ, бо кони булы добри, але частка зъ ихъ прыпадала Гапонови, а Ярошъ одибравъ тилькы пьятдесятъ пять рубливъ. Си грошы треба було подилыты на все товарыство, та Ярошъ давъ самому Ро-

манови двадцять карбованцивъ, щобъ заохотыты ёго до сёго дила.

— Бачышъ, за одну ничъ двадцять карбованцивъ заробывъ! Будешъ розумный, то ще й побильше зароблятымешъ.

Романъ и самъ уже бачывъ, що це и добрый, и легенькый заробитокъ. Такъ ловко багато грошей маты! Романъ купывъ соби пиджакъ, пальто,—прычепурывся трохы. Ну, а теперъ що?

Винъ спершу такъ думавъ, що якъ визьме грошы, то буде зъ чого жыты,—тоди покыне Яроша и знову службы шукатыме. Колы такъ думавъ, то такъ изробыты треба, хоча теперъ уже винъ чогось трохы байдужый до цёго ставъ. Ну, а въ тимъ,—треба жъ!..

Пишовъ знову туды-сюды... походывъ, попытавъ... Ниде ничого нема й теперъ... Се дратувало Романа. Вси ёго мріи про те, щобъ зробытыся паномъ, выбывшыся зъ мужыцтва, блидлы й зныкалы... Ни зъ чымъ не щастыло! Оце ёго й дошкуляло. А щобъ не такъ було дошкулянне чуты, брався Романъ до чаркы, и скоро брався, то незабаромъ було все добре...

А грошы не довго держалыся въ рукахъ. За малый часъ у Романа стало ихъ саме стилькы, скилькы було тіеи ночы, якъ ишовъ по кони до батькового двору. Заробитку не було, та Романъ уже й не шукавъ ёго. Винъ просто пишовъ до Яроша и тіеи жъ ночы, вкупи зъ имъ, знову подався на здобыткы...

Не мынуло й мисяця, а вже коноводы прынялы Романа до свого злодійського товарыства.

Товарыство се теперъ складалося зъ восьмохъ чоловика, рахуючы й Романа. За отамана бувъ Ярошъ—зручный, смилый и хытрый коноводъ. Винъ умивъ завсигды выкручуваться зъ усякыхъ, навить найважчыхъ, справъ и хоча за свій викъ чымало переводывъ коней, але до рукъ судови потрапывъ тилькы разъ, да й то такъ замотавъ, заплутавъ справу, що выйшовъ зъ суду неосудженый. Самы коноводы дуже ёго береглы. Не одного разу такъ було, що за Ярошеву справу видсыжувавъ хтось иншый и видавъ вынного, але мовчкы прыймавъ и видбувавъ кару, знаючы, що выказуваты ни на кого не треба, а надто

на отамана. Не сказаты, щобъ воны ёго любылы, але поважалы й боялыся дуже. Поважалы за злодійське завзятте й смилисть—такъ сáме, якъ поважають промижъ себе люде палкого робитныка, чы смилого вояку. Слухалысь ёго невидмовно, и винъ умивъ порядкуваты надъ людьмы, умивъ нагнаты страху и накараты—колы треба. Не вмивъ жалиты, але сёго видъ ёго нихто й не сподивався, а навпаки: всякый, знаючы, що винъ ёго не пожаліе, слухався дужче. Черезъ се ни въ одному товарыстви злодійському на всю округу не було такого ладу й послуху, якъ у Яроша.

Товарыство здебильшого не вкупи ходыло на здобыткы, а такъ, що одна частка йшла зъ Ярошемъ, а друга зъ Патрокломъ або зъ Левдыкомъ. Хвыгуровськый, дякивъ сынъ, справди колысь учывсь у семинаріи, але бувшы вже въ пидстаршому класи, напывся якось укупи зъ товарышамы горилкы и, пьяный, вылаявъ ректора, а инспектора штовхнувъ. Ёго выгналы зъ семинаріи, та ще й зъ „вовчымъ билетомъ“, що бильше вже никуды й не мавъ права питы вчытыся. Та винъ и не мигъ-бы сёго зробыты, бо въ семинаріи вчывся коштомъ духовенства, а въ батька грошей на науку не було. Вернувся винъ додому,—батько такъ на ёго напався, що хлопець утикъ зъ дому въ городъ шукаты якогось заробитку. Але выгнаному семинарови не такъ лехко було ёго знайты, а, надто, ще винъ звыкъ пыты. Черезъ те винъ якъ и знайшовъ роботу (въ якійсь контори писарчукомъ), то не довго на ій удержався. Почавъ тоди миняты одну службу на другу: бувъ и прыкащыкомъ, и лыстоношою, и кондукторомъ на зализныци, почынавъ бувъ торгуваты дрибною копіяшною бакаліею, але скризь ёму не щастыло: або погрызется зъ хазяиномъ пьяный, або въ рахункахъ наплутае (соби на корысть), або ще щось... а бакалію свою, дакъ винъ здебильшого пропывъ. Нарешти зробывся вже винъ писаремъ шынковымъ: за килькы десяткивъ копіёкъ, чы за пивкварты писавъ непысьменнымъ селянамъ усяки „жалобы“ та „прошенія“. В одному зъ цихъ шынкивъ доля й звела ёго зъ Ярошемъ.... У товарыстви ёго поважалы, що „вченый“ та що здровый: винъ мавъ

велыку сылу и своею дужистю не разъ стававъ товарыству въ прыгоди. А що бувъ и смилый, то Ярошъ часто прыручавъ ёму замисто себе отаманувaты въ тому гурти товарыства, якый ишовъ на здобыткы окремо.

За се зъ Патрокломъ ворогувавъ Левдыкъ—добрый и хытрый коноводъ, але ще гирший пъяныця, нижъ Хвыгуровськый. Якъ винъ бувъ тверезый, то Ярошъ завсигды ладенъ бувъ прыручыты отаманованне ёму, але якъ напывався, то вже не кому, якъ Патроклови. Це дуже брало за серце Левдыка, и винъ, упывшысь, часто заходывъ у сварку та въ бійку зъ Патрокломъ, а надто, що той ище й дражнывъ ёго разъ-у-разъ та лаявъ не зрозумилымы латынськымы словамы.

Але и Патроклъ, и Левдыкъ булы ривнымы зъ иншымы товарышамы, якъ доводылося дилыты здобути видъ крадижкы грошы. Тилькы отаманъ мавъ бильшу частку.

Оприче товарышывъ, булы ще й такъ соби помишныкы: цихъ не прыймано до товарыства, воны навить не знаны, що йе спилка, але клыкано ихъ, колы треба було на помичъ у якій справи, и за те имъ плачено. Зъ-межы цихъ людей часомъ выбиралы соби годящого и до товарыства прыйняты. Такъ було й зъ Романомъ.

Такыхъ товарыствъ на шырокому простори нашои земли було не одно: воны мовъ ситкою покрылы ввесь край. Кожне мало свого отамана, було самостайне, и кожне мало свою округу, свою частку земли, территорiи, и тилькы на сій частци товарыство й мало право робыты свое дило. Скоро воно переступало межу, захоплювало щось зъ территорiи сусиднього товарыства, то съ цёго заразъ повставала промижъ двома товарыствамы сварка, а часомъ и бійка: колы одно товарыство ловыло людей зъ иншого на вчынку на своій земли, то безъ жалю было ихъ и прогоныло. Подилъ сей краю на часткы бувъ давнiй, и те чы инше товарыство, обороняючы свои межы, поклыкалося на те, що се ихъ частка „зъ давнихъ давенъ“...

Але було де-що, що й зъязувало промижъ себе товарыства: воны одне одному пособлялы переводыты яко мога дали видъ

крадижкы кони и продаваты ихъ. Крадучы Ярошеве городянське товарыство кони, не вело ихъ продаваты въ свій городъ, а передавало иншому товарыству, а те часомъ зновъ иншому, и бувалы таки выпадкы, що за одни сутки вкрадена коняка опынытся за якыхъ двисти верстовъ, у третій уже губерніи. Въ цій справи дуже пособлявъ Гапонъ. Самъ винъ коней не бравъ, але мавъ двохъ дорослыхъ сынивъ и въ-купи зъ имы передержувавъ краденыхъ и одводывъ ихъ до иншого товарыства, або й просто на продажъ. И Гапонъ, и кожне инше товарыство, продавшы кони, зоставлялы соби звычаемъ установлену частку грошей за „комиссію", а все инше передавалы тому, видъ кого малы кони. И такъ грошы передавалыся ажъ доты, покы доходылы до того товарыста, яке вкрало кони. Контролю тутъ, звисно, не могло буты, але всимъ коноводамъ дуже залежало на тому, щобъ по змози все було безъ одурювання, и черезъ те ци справы роблено бильшъ-меншъ чесно. Врешти коноводы завсигды зналы, скилькы за яку коняку можна бъ узяты, то вже колы грошей прыходыло менше, часомъ сварылыся, и це прымушувало иншыхъ буты обачнишымы й чеснишымы.

Такымъ ладомъ складена спилка злодійськыхъ товарыствъ була страшнымъ ворогомъ мужыкови. Кинь та вилъ—то булы, писля земли, дви найголовниши пидвалыны въ хысткій, непевній будивли вбогого мужыцького добробуту. Нема ихъ у хазяина,—пропащый чоловикъ, бо въ боротьби за змогу жыты вже ничымъ ёму подужуваты ти перешкоды, яки винъ завсигды мигъ подужаты тилькы зъ своимы стародавнимы помишныкамы—конемъ та воломъ. Тоди вже винъ не хазяинъ, а за малымъ не старець, що ходыть по заможнишыхъ людяхъ та выпрохуе тіеи скотынячкы на день-два... Тяжко прохаты, а ще тяжче люде дають, та й дають не тоди, якъ треба... И хазяйство руйнуется...

А колы й пощастыть, писля того лыха, загорюваты працею-кривавыцею на яку худобыну,—гляды, тилькы почавъ чоловикъ трохы выбываться нагору зъ грузького болота вбозтва, а вже набиглы знову лыхи люде, забралы й те, и зновъ неща-

слывый господарь пирне въ тее болото ажъ на дно, та такъ пирне, що иноди тамъ и зостанется на-вики...

Отъ черезъ те коноводы, поручъ зъ паліямы, булы завсигды нашому селянови найлютишымъ ворогомъ. Якъ вовкъ набигае на село, хапае що зможне и зновъ утикае, такъ и тіи коноводы. Якъ до вовка не малы селяне ніякого змылування, ніякого жалю, такъ не малы воны ёго й до коновода. Абы попалы, то вже такъ ёго не пускалы. Що тамъ судъ! Судъ ёго хочъ и засудыть на рикъ, чы тамъ скилькы, въ острогъ, дакъ що зъ того? Выйде злодіяка на волю да й почне мстытыся на людяхъ, то ще гирше имъ буде, ниж якъ ёго судъ и не каравъ. Хиба жъ мало такого бувало, що коноводъ, одсыдившы въ острози, прыходывъ у те село, де ёго піймано, та й палывъ ёго такъ, що й зовсимъ усёго ришалыся люде? Черезъ те селяне каралы такого злодія самы.

Середъ коноводивъ разъ-у-разъ оповидано страшни й правдыви прыгоды зъ тымы злодіямы, яки потраплялы до рукъ селянамъ. Піймано одного середъ степу, якъ у-ночы хотивъ забраты кони, та заразъ же кыйкамы ёго и вбыто. И такъ люто быто, що всёго на гамузъ потрощено, зъ людського тила зроблено страшну купу кистокъ, мняса й кровы. Найдено сю купу на поли, довго полыція шукала, хто се зробывъ и кого се вбыто, але ничого не могла знайты. Знало хто й кого багато людей: зналы про се коноводы, але мовчалы, щобъ самыхъ себе не выявыты; знало чымало селянъ, та хто жъ бы зъ-промижъ ихъ ставъ выказуваты?

Але все жъ убываты було небезпешно: могла выявыться справа, и тоди выни йшлы на Сибиръ. Черезъ те коновода карано здебильшого инакше: быто й мордовано такъ, щобъ уже здоровле не могло до ёго вернутыся, и винъ або въ тюрми, або незабаромъ писля неи попрощався зъ цимъ свитомъ и не мигъ уже бильше никому шкодыты. И якъ тилькы не мордовано безщасныхъ! Одному повыкручувано рукы й ногы, другого неклы сирныкамы, третьому стяглы и зъязалы до-купы голову зъ ногамы и такъ покынулы лежаты всю ничъ... Выга-

далы ще такъ быты, що прызнакивъ на тили не було, що было,—нихто тоди й не прычепыться. Визьмуть, прывъяжуть чоловика спыною до дошкы, а тоди пиднимуть дошку зъ имъ та й кыдають на землю. Пиднимають та й кыдають,—ажъ покы вдовольнятся. На тили нема ніякои прызнакы, що вбыто, а въ катованого коновода все въ середыни повидрывается. Мало такыхъ, що выжывалы писля того довго.

Громадянство выкыдало, вырыгало зъ-промижъ себе людей, що не змоглы зъ имъ поладнаты, не змоглы знайты соби „чесного“ шматка хлиба—чы то черезъ нещаслыви обставыны особысти, чы черезъ вызыскуванне иншыхъ, чы черезъ нещасте маты спадщыною видъ батькивъ и дидивъ нахыльнисть ламаты загально додержувани законы власности. А си выкынути зъ звычайного ладу люде мстылыся тоди на громадянстви, ставалы ёму ворогомъ и завзято боролыся зъ имъ—чымъ моглы. Такъ сàме боролыся за право жыты, истнуваты, якъ и громадянство.

Такымы людьмы булы й коноводы. Воны нападалы на мужыка, а мужыкъ оборонявся. Щобъ маты зъ чого жыты, воны виднималы въ мужыка способы до ёго жыття, а мужыкъ одниманъ у ихъ жытте, чы прынаймни здоровле, волю. Се була повсякчасна боротьба, вiйна, часто кривава, а гирша за звычайну вiйну тымъ, що вона николы не кинчалася згодою...

Романъ такожъ прыставъ до цiеи вiйны и незабаромъ зробывся завзятымъ у iй воякою. Дужый, зручный, смилый и нахабный,—винъ подужувавъ скризь и щаслыво выскакувавъ зъ небезпеки. Въ своему товарыстви винъ бувъ дуже корыстный чоловикъ ще й тымъ, що винъ бувъ зъ Дыблывъ. Ярошеве товарыство такъ добре вычыстыло свою частку повиту, такъ обурыло проты себе мужыкивъ и прымусыло ихъ день и ничъ бережты свои кони, що вже треба було трохы перечасуваты, покы все це затыхне та покы мужыкы розжывутся на нови кони. Сами Дыбли якось зоставалыся доси незаймани. Романъ знавъ тамъ коженъ двиръ, кожного хазяина и черезъ те бувъ чудовымъ проводыремъ товарыству. Незабаромъ писля першои крадижкы воно дуже щаслыво вывело ще четверо коней,

а толи зновъ трое... Романъ мавъ добрый заробитокъ, жывъ на окремій квартыри,—у тыхъ же такы Ривчакахъ,—передъ людьмы удававъ, мовъ ходывъ на якусь тамъ роботу, а справди мавъ тилькы одно дило...

Жывъ добре, не сподиваючыся биды, чы то не думаючы, забуваючы за неи.

Але вона за ёго не хотила забуваты.

IV.

А що жъ тымъ часомъ робыла Левантына?

Левантына заразъ же почула про те, що сталося зъ Романомъ: якъ ёго піймано зъ саломъ, якъ изъ ёго знущалыся. Теперъ уси ти, що имы винъ гордувавъ, булы ради виддячыты ему за те гордуванне лайкою чы глузуваннемъ. А найбильше нападався на ёго ридный братъ Денысъ. Той бувъ такый лютый на Романа, що николы про ёго доброго слова не мавъ, а ганьбывъ, ажъ люде дывувалысь, що братъ на брата такъ устае. Звисно,—казалы,—Романъ ледащо, нероба та ще й злодійкуватый, але жъ и Денысови не годылось бы вже такъ на ёго нападатыся. А инши обставалы за Деныса, кажучы, що такого, якъ Романъ, и мылуваты не можна,—де жъ таки!

Усе те мусыла слухаты й Левантына, слухаты й мовчаты. Озватыся словомъ за Романа вона не смила. Уже й такъ про неи та про ёго слава пишла, а то ще гирше буде. Треба мовчаты, нибы згожуется.

А серце не згожувалось, не могло згодыться зъ тымъ. Ёму Романъ здавався иншымъ.

Се погано винъ зробывъ, що сало узявъ у батька, та ще жъ се дило не таке вже й страшне. Та'дже разъ-у-разъ и дочкы й сыны беруть зъ дому нышкомъ на складкы и яйця, и борошно, и сало, и курей—усячыну. Якъ довидается батько,—погримае трохы—та й усе. И вси про це знають, и дарма. А тутъ яку бучу збылы: злодія зъ парубка вчынылы, хотилы въ

холодну посадыты, ризкáмы быты! Чы то жъ по правди? Звисно, Романъ не на складку бравъ, а такъ... Але жъ... то жъ изъ дому, тамъ же й ёго, Романова, частка була. Хочъ и погано, та якъ же жъ було ёму не взяты, колы ёму зъ дому ничого не давалы? Прохавъ же, щобъ оддилыты, дакъ ни! А якъ бы се гарно було! Романъ казавъ ій, що тоди бъ заразъ почавъ торгуваты бакалiею... и воны побралыся бъ... А теперъ—що сталося? Хто выненъ? Денысъ та батько й выннн... Зинько—ни, бо винъ добрый: тилькы винъ самъ и оборонявъ Романа, Дениса спынявъ...

Такымы думкамы сылкувалася выправдаты вкохану людыну бидолашна дивчына. Вона сама почувала, що трохы воно не такъ, що и Романъ гришный у всiй цiй справи съ симъею... Та на ёго и такъ уси нападаются,—невже жъ и вона ще нападатымется? Вона, що такъ ёго любыть?!

А любыла вона ёго дуже. Такъ ёго любыла, що все виддала!...

И що жъ теперъ буде? Невже Романъ такъ iи й покынувъ и не вернется бильше? Ни, ни, сього не може буты, вона тому певна. Звисно, не може жъ винъ теперъ знову вернутыся сюды: такъ ёго зганьблено! Винъ пишовъ у городъ, шукае тамъ соби службы. И певне найде: городъ—не село. Хочъ, може, й не видразу, бо кажуть, и тамъ попошукаты ще треба. А якъ найде та влаштуется, то й прыйде по неи... або просто поклыче iи до себе... Тамъ воны звинчаються та й жытымуть соби любо, забувшы про це село и про недобрыхь у ёму людей.

Тилькы, колы бъ швыдче винъ се зробывъ, щобъ не спизныся. Бо якъ спизныться—ой сорома велыкого, сорома зазнае вона тутъ на сели! Де жъ такы: покрытка! Яка маты, скажуть, така й дочка. Уже жъ якъ iй выбывалы очы тiею безщасною матиррю, то мабуть iи души й на тимъ свити нема впокою! А тоди вже й поготивъ. И погане цуценя гавкатыме.

— Ой, Романе, Романочку! якый ты гарный, що я й душу тоби видала, а якый ты недобрый, що не пожаливъ и виночка дивочого! Якъ бы не се,—дожыдала бъ тебе, выглядала бъ

тебе спиваючы, смило бъ у вичи всимъ дывылася, не боялась бы за тебе словомъ озватыся, видъ лыхыхъ ворогивъ тебе оборонюты! А теперъ... Та вже не вернешъ!.. Тилькы жъ пожалій мене, пошануй мене теперъ, бо ты жъ мени теперъ и батько й матинка, и дружына вирная. А я жъ тоби вирю, а я жъ тебе дожыдаюся!

Вирыла й дожыдалася...

А про Романа не було й чуткы. Дыбляне йиздылы на базаръ не до миста, а до блызького велыкого мистечка, то мало що й зналы про той городъ—якъ тамъ и що тамъ. То й про Романа ничого не зналы: якъ пишовъ, то якъ вода вмыла. Левантына вже й прыслухалася й прычувалася, вже й роспытувалася де кого обережно,—ни, ничого не чуть.

Мабуть ёму, бидному, не щастыть тамъ, мабуть винъ шукае, та ничого знайты не може. Се бувае. Онъ Стецько Гаврыленко розсказувавъ, що одного разу два мисяци тилькы й жывъ зъ того, що на поденній колы-не колы зароблявъ... такъ ничого й не добувсь у городи та й вернувся до-дому. Колы бъ сього й Романови не було! Поможы ёму, Маты Божа!

А мисяци мыналы.

Отъ и Риздвяни свята. Яка рада звычайно Левантына Риздвянымъ святамъ бувала! Якъ весело, выпросывшыся, вымолывшыся въ хазяйкы, бигаты зъ дивчатамы по селу, колядуваты, сміятыся, гуляты на воли!.. А сього року й колядуваты не пишла: сказала дивчатамъ, що хазяйка не пустыть. Може бъ и пустыла, та Левантына й не пыталася.

Вона все дожыдала: може Риздвянымы святамы Романъ прыйде. Може доси вже службу добру мае, то й прыйде зъ родычамы помырытыся. Вона позырала черезъ тынъ до Сывашивъ у двиръ и вбиралася въ святный день, думаючы: прычепурюся, щобъ кращою буты, а може...

Та ни, нема... Мынувъ новый рикъ, мынуло Водохрыще... Уже й не буде...

Пишовъ не попрощавшыся... Невже жъ и побачытыся не доведется? А що жъ изъ нею буде?

Сумна та нерадисна збигла зима, не було радиснише й по весни. Сонце зъ неба сміется, а въ Левантыны рясным дощемъ слёзы капають; квиткы радисно витають жытте молоде, а бидолашна свое жытте проклынае... Дивчата надъ ричкою веснянокъ выгукують, и далеко-далеко несуть ихъ голосъ лепетлыви хвыли, а безщасній Левантыни не до спиву, въ неи одна думка—тяжка, пекуча...

Такъ, вона повынна статы матиррю...

Матиррю! Не матиррю, щаслывою своимы дитьмы, не дружыною, радисною зъ свого чоловика, хазяйкою у власній хати!.. Охъ, яке се велыке, велыке щасте!.. Але не такою вона буде.

Не пышатыся вона буде своею дытыною передъ людьмы, а ховатыся зъ нею, очей не сміючы звесты на людей!

Соромъ!.. Ганьба!..

А за вищо? Невже се такый велыкый, непрощенный грихъ? Хиба то не Богъ изробывъ такъ, що дивчына стае жинкою, матиррю? Якъ бы Богъ хотивъ, щобъ у самыхъ тилькы винчаныхъ булы диты, то Винъ бы такъ и зробывъ. А то жъ не зробывъ! За що жъ люде карають, глузують, знущаются?

Левантына не могла зрозумиты, не могла найты видповиди на ти пытання, тилькы мучылась имы тяжко, мучылась уже самымы думкамы про те лыхо, що мало ще прыйты, впасты на неи.

А лыхо йшло по малу, не поспишаючысь, але не перестаючы наблыжатыся, немынуче, невблагане. Бидолашна що-дня оглядала, навить миряла поясомъ свій станъ и плакала, плакала... Скоро вси побачуть!..

Вона того не знала, що цикави давно вже побачылы, давно вже плелы про неи всячыну. Не знала, ажъ покы сама почула одного разу. Розмовляло двое дивчатъ на вулыци и не помитилы, якъ вона наблыжылась, бо темно було. Вона почула, якъ Хымка казала:

— Гляды, щобъ и зъ нею не було такъ, якъ зъ Левантыною?

— А що?—попытала Вустя.

— Ого, дурка! Хиба ты не помитыла?

— Або жъ ни!

— Такъ змарнила зъ облыччя, а станъ якый повный— скоро ходытыме, якъ та копыця.

Тикала видъ ихъ, земли пидъ собою не чуючы, и рыдала тяжко, страшно, забывшыся головою въ солому въ тій самій повитци...

Господы! Невже винъ покынувъ ій? На поталу ворогамъ, на глумъ, на ганьбу! Хочъ бы роспытаты въ кого про ёго, хочъ бы довидатыся—де винъ, що винъ!

Незабаромъ на сели почалы росказуваты, що Романа въ городи нема, що винъ покынувъ свій край зовсимъ, а пойихавъ на службу въ той городъ, де бувъ салдатомъ. Спливъ хтось, якъ звычайно плетутся середъ людей усяки неправдыви звисткы. А Левантына поняла тому виры.

Отъ теперъ вона знае, що покынувъ, забувъ. Колы такъ далеко пишовъ, то не вернется.

А може... Може такъ трапылось, що тутъ ниде не мигъ роботы знайты, мусывъ податыся ажъ туды, де ёго знають и дадуть роботу. Тоди вернется и визьме Левантыну.

Хочъ бы якъ безнадійно все стояло, а людына завсягды сылкуется вдержаты въ себе хочъ крыхтыну маленьку надіи, тыхъ солодкыхъ пахощивъ зрадливыхъ, що завертаютъ намъ голову, абы мы не такъ гостро почувалы мордування невблаганого, немылосердного жыття.

А часъ мынавъ. Бачылы вже вси Левантынене лыхо. Дивчына ховалася видъ людей, але видъ хазяйкы не могла сховатыся. Уже ій та що-дня вычытувала.

Наблыжалысь жныва. Левантына повынна була въязаты.

Одного разу ввечери вона пишла въ хыжку щось узяты. Вразъ почула гострый страшный биль, що пронызувавъ увесь жывитъ и крыжы. Такъ заболило, що ледве встояла. Але тилькы на мыть, бо заразъ же й перестало.

Левантына зрозумила, що почынается те страшне. Хочъ вона попереду знала, що се немынуче, що воно вже наблызылося, але думка, що се буде ось заразъ, сёго вечора, що воно вже почалося, обняла ій мовъ огнемъ. Не думаючы, не розбираючы

що робыть, Левантына кынулася зъ хыжкы, выскочыла зъ двору и побигла ажъ на другый кинець села.

Бигла, ничого не тямлючы, не бачучы, середъ темрявы. И вразъ почула знову той биль, ще страшнишый, захыталась и впала, не вдержавшыся видъ швыдкого бигу. Упала просто жывотомъ на якусь колоду велыку, що лежала пидъ хатою и мало не зомлила зъ болю.

На щасте нихто ій тамъ не побачывъ. Очу́тывшысь, пидвелася и попленталась уже помалу. Сама не думаючы про те, якось забигла вона ажъ на той кутокъ, де жыла стара баба Олійнычка, ій хрещена маты. Пизнавшы ій хату, ввійшла въ сины и не зважувалася йты дали.

— Хто тамъ?—запытала баба зъ хаты и заразъ же видхылыла двери.—Левантыно!.. Чого се ты ховаешся?

Левантына вступыла въ хату и впала баби до нигъ.

— Матиночко-голубочко!..

Новый биль перепынывъ ій слова...

Вночы Левантына породыла кволу дочку...

Стручыха довго дожыдалася зъ хыжы Левантыны и не могла диждатыся.

— А вже мени ся проклятуща дивка! Пиде та й сыдыть,—бодай ты тамъ каменемъ сила! Ой пиду зажену такъ, що ажъ спотыкатымется!

Пишла, але хыжка стояла видчынена, а Левантыны не було. Стручыха почала гукаты,—не озывается.

— Мабуть побигла на вулыцю! Тилькы й справляе побигуци! Бодай тоби ногы поплутало!

Лягла спаты лютуючы и прысягаючысь одлататы завтра Левантыну такъ, щобъ довго згадувала. Але и вранци Левантыны не було. Сыпала тоди проклонамы, мовъ горохомъ зъ решета.

— А, идолова байстрюча порода! Саме передъ жнывамы кынула, сучого выводу дивка! Бодай ты скрутылася и кругà свиту пишла, якъ ты видъ мене пишла! Щобъ тоби рукы покорчыло та посудомыло, якъ ты мени роботу кынула!

— Кого се такъ вы кленете, кумо?—озвалася зъ вулыци до Стручыхы ии кума Вивдя.

— А кого жъ, якъ не ту свитопоганку Левантыну, бодай бы ии всю болячкамы взяло! Покынула мене сáме въ жныва.

— Эге, вже й не вернется, кумо!—одказала Вивдя.—Кажуть, у бабы Олiйнычкы зъ дочкою лежыть.

— Та невже? Отъ я жъ ий дамъ!..

И хочъ робота ажъ крычала, а Стручыха такъ и метнулась изъ двбру.

— Куды ты, дурна? Куды?—крычавъ Струкъ, але не пособляло: распалывшыся баба, бигла вулыцею якъ скажена. Струкъ подывывся ий у слидъ, плюнувъ:—Ну й бисового заводу!... Зъ гадючыхъ спынбкъ изшыта!..

А Стручыха тымъ часомъ уже була далеко. Вбигла до Олiйнычкы въ хату така люта, що забула й поздоровкатыся зъ господынею. Левантына лежала на полу, биля неи дытына. Старенька сухорлява бабуся поралась по хати.

— А, ты тутъ, голубочко!—зашыпила Стручыха до Левантыны.—Бачъ, якъ по-панському вылежуются! Людямъ жныва, а воны видпочывають, нажырувавшыся зъ панычемъ, та зъ лялькамы панькаются! Шо жъ, паныча, чы панночку—яку цяцю набигалы? Бодай бы воно тоби попухло!

— Ось слухайте, Секлето!—озвалася до неи поважно бабуся.—Вы не крычить такъ! Се вамъ не своя хата, а чужа. Та й дытыны не займайте, бо воно вамъ ничымъ не выннe. Воно якъ янголятко, а вы до ёго зъ нечыстымъ словомъ. Ось якъ выдужае Левантына, тоди вже зъ нею будете говорыты. А теперъ або сидайте та гомонить по-людському, або йдить соби зъ Богомъ!

— А бодай бы васъ усихъ лыха годына забрала!—крыкнулы Стручыха и прожогомъ кынулася зъ хаты, грукнувшы дверыма такъ, що й шпаруны посыпалысь.

Уже жъ и лаяла вона Левантыну кожному, зъ кымъ стрiвавалася цымы днямы! Бабы похытувалы головамы й казалы:

— Боже мiй, якый свитъ наставъ! Таке молоде, а таке непоштыве! Якъ мы булы молоди...

И воны почыналы хвалытыся, яки то вони гарни та звычайни булы за́ молоду, и якъ тоди все добре було, а не такъ, якъ теперъ, що парубокъ изъ дивчыною тилькы моргнулы одне на одного,—вже й дытыну нарядылы.

Судылы Левантыну, глузувалы зъ неи, а такыхъ, що жалилы, було мало. Жаливъ и парубокъ одынъ.

Сей одынъ бувъ Зинько.

Несмилывый зъ дивчатамы, такъ винъ и не зважывся тоди заняты Левантыну. А тамъ занявъ ии Романъ... Ночуючы часомъ изъ имъ удвохъ, винъ помитывъ, що той кудысь уночи ходыть, а одного разу побачывъ ёго зъ Левантыною и зрозумивъ що до неи саме протоптавъ Романъ стежку.

И ёму зробылося жалко й сумно...

А дали почалы про Левантыну та про Романа говорыты всячыну, надто, якъ той пишовъ зъ села. Зинько почувавъ, що сёму може буты й правда, и зновъ ёму стало сумно й жалко дивчыны. Стрившы ии одного разу саму, хотивъ поговорыты зъ нею. Та вона засоромылася, щось на-швыдку видказала и втекла. Зъ того часу обмынала ёго.

А теперъ винъ дочувся, що сталося. И самъ не знавъ черезъ вищо, а обнявъ ёго такый жаль, мовъ за сестрою ридною. Пропала дивчына! Загрызуть ии, заклюють. И якъ же не грихъ Романови, що занапастывъ ии? Занапастывъ и кынувъ, бо се уже выдко, що винъ до неи не вернется. За що жъ загыне молоде, ничымъ не выннe жытте дивоче? Ёму бъ красуватыся та пышатыся, якъ квитци пидъ теплымъ сонечкомъ, а отъ-же мусыть гынуты.

И де дали Зинькови все жалчише та жалчише Левантыны було. И немовъ усе кращою та дорожчою вона ёму ставала. Винъ и самъ не знавъ, чого се ёму такъ, що винъ не спыть ночамы и все думае про Левантыну. Думае, якъ бы лыхови запобигты, якъ бы ии пособыты. Але якъ бы жъ? Колы бъ винъ знавъ!

Питы въ городъ, знайты Романа, розсказаты ёму про все, посоромыты, щобъ винъ вернувся та взявъ ии? Такый Романъ,

що послухается! Ничого зъ того не буде! та кажуть же, що ёго й немае въ цёму городи, що вже подався кудысь.

А безъ ёго—хто теперъ ій визьме? Ще добре, колы знайдется якый старый удивець зъ купою дитей, то хочъ за имъ поневирятымется. А то й того не буде. Бо хто жъ такыхъ бере?

Але жъ хыба то по правди? Хыба вона така негарна дивчына? Хиба сёго не може буты зъ кожною? А вона жъ ще й сырота: никому було ій доглянуты, напутыты, остеретъ. Може вона багато липша, нижъ яки дивчата, що чеснымы замижъ пишлы, тилькы що поняла виры такому... Дакъ чому жъ бы не знайшовся такый чоловикъ, що взявъ бы ій?

Тому, що не вси такъ думають, якъ винъ.

Ну, а винъ думае такъ, якъ треба, то... Чому бъ винъ не мигъ ій взяты?

Винъ почавъ думаты про се, и чого не могло зробыты молоде парубоцьке почуванне, те робывъ теперъ глыбокый людяный жаль...

Але жъ вона любыть Романа! Чы любыть-же? Теперъ, якъ уже побачыла якый винъ есть?

Зинько мигъ-бы буты щаслывый зъ нею, та й ій було бъ добре.

А сміятымутся зъ ёго?

Оттакъ! А хиба не сміются зъ того, що винъ горилкы не пье?

И де-дали винъ думавъ, то все бильше й бильше ёму здавалося, що такъ и треба зробыты.

Довидавшыся, що Левантына вже встала зъ пологивъ, винъ перечасувавъ ще килькы день, а тоди пишовъ до неи.

Бабы Олійнычкы въ хати не було, якъ Зинько туды прыйшовъ, а Левантына сама сповывала дытыну. Побачывшы парубка, страшенно збентежылася, почервонила и не знала, що ій робыты й казаты.

— Здорова була, Левантыно!—промовывъ до неи Зинько, але въ неи тилькы губы заворушылыся, щобъ одповисты на прывитанне, а вымовыты ничого не могла.

— А що, бабы нема дома?— пытавъ дали парубокъ.

— Нема...—ледви вымовыла дивчына.

— То й добре, мени ій й нетреба, бо я прыйшовъ не до неи, а до тебе, Левантыно.

Левантына почервонила ще дужче, ій чогось стало такъ ніяково писля цыхъ словъ, що вона ладна́ була бъ кри́зь землю питы.

— Сидайте!..—прошопотила, не дывлючысь на ёго, и не видходыла видъ полу, нахылывшысь надъ дытыною, мовъ усе ій сповывала. А Зинько й соби не знавъ, якъ ёму початы и сыдивъ мовчкы; почувавъ, що такъ же неможна, що мусытьже озваться, а не знавъ якъ. И врешти несподивано соби самому, вставъ и пидійшовъ до Левантыны.

Вона стояла спыною до ёго и не оберпулася, тилькы голова ій схылылася ще ныжче.

Зинько ставъ биля неи, и воны вдвохъ нахылылыся надъ малесенькымъ зморщенымъ лычкомъ новои на свити людыны. Вона спала, якось жалибно, болисно скрывывшыся.

— Левантыно, хочешъ, щобъ я бувъ ёму батькомъ?

Вона почула сей трохы тремтячый голосъ, си дывни за для неи слова, але не могла ще ихъ зрозумиты. А винъ казавъ дали:

— Я буду ёму такымъ батькомъ, мовъ бы се моя ридна дытына була. Я николы тоби не згадаю... Я тебе любытыму й шануватыму... Пидешъ за мене?

Вона вже глядила на ёго, все ще не разуміючы того дывовыжного, нечуванного, несподиваного, що винъ казавъ. И видразу зрозумила.

— Ни, ни!—скрыкнула, оступаючысь назадъ,—я не хочу! не хочу!

И простягла попередъ себе руку, мовъ обороняючысь одъ ёго. А винъ, здывованый, ураженый цимъ гострымъ и несподи-

ванымъ „ни“, не знавъ що казаты, мовчавъ килькы мыть, ажъ покы знайшовъ слова:

— Левантыно, хыба я тоби такый нелюбый? Хыба я тебе колы покрывдывъ чымъ? Не покрывджу й годи, якъ будешъ мени дружыною. Подумай, Левантыно, яке тоби жытте буде—покынутій дивчыни зъ дытыною! А пидешъ за мене, будешъ мени жинкою,—я слова не дамъ про тебе сказаты. Будешъ господынею, якъ и вси.

Голосный плачъ, рыданне озвалося на ти слова. Вона плакала, прыпавшы ёму до плеча, обнявшы ёго, мишаючы слова зъ слизьмы. А винъ прыгорнувъ ій и слухавъ ти безнадійни слова, бильшъ угадуючы, нижъ чуючы ихъ середъ плачу:

— Зйнечку, братику риднесенькый! Не можу я тоби буты дружыною!.. То въ тебе серце золоте, душа твоя свята... захыстыты мене хочешъ... любымъ своимъ захыстомъ... А де жъ мени тоби дружыною буты? Та зъ тебе люде сміятымуться, просвитку тоби не буде... братову покрытку взявъ...

— Шó мени до людей?.. Хай люде що хочуть говорють, абы мени ты люба була. А крывдыты тебе я не дозволю никому.

— Та людямъ рота не замажешъ... казатымуть, що схочуть, бо на мене теперъ вильно казаты... Не хочу я, щобъ черезъ мене свитъ соби завъязавъ... Визьмы соби дивчыну гарну, чесну,—вона тоби буде дружыною...

— Ты мени мылиша за всихъ.

Перестала плакаты, выпручалася зъ рукъ.

— Сядь, Зиньку, сядь тамъ! Не займай мене!

Сивъ на лави.

— То твое серце добре озывается, такъ каже. Хай тебе Богъ благословыть!.. Щастя зъ любою дружыною дасть!.. А мене, братику, не займай! Мое вже пропало... Дружыною тоби не буду... николы... Тилькы рано й вечиръ молытымусь за тебе...

Стояла якъ биль била, тилькы очы велыки й глыбоки сялы якымсь дывнымъ сяевомъ на схудлому, змарнилому облыччу...

А винъ умовлявъ ій, сылкуючыся добраты сливъ такыхъ, щобъ зайняты ій серце зглыбока. И займавъ, займавъ такъ глыбоко, що може й самъ того не знавъ якъ, але не мигъ ій слова обороты.

Зъ тымъ пишовъ зъ хаты.

А вона, сама зоставшыся, похылылась на пилъ, прыпала до дытыны та й занимила... тилькы здригалося тило, знеможенне хворобою й пекучымъ горемъ, тилькы болила душа такъ, якъ ще николы не болила, мовъ прощалася зъ усимъ, що е красного та ясного въ жытти, зъ усима пахощамы, тепломъ и свитомъ ёго...

Зинько йшовъ и думавъ про те—що ёму робыты. Не любывъ покыдаты того, що почынавъ. Постановывъ перечасуваты, покы Левантына заспокоится та роздумается, побачыть що такъ липше, якъ винъ каже. А тымъ часомъ мавъ порадытыся, поговорыты про це зъ батькомъ.

И незабаромъ, бувшы зъ имъ на самоти, заговорывъ, що хоче свататы Левантыну.

— Якъ то?—спытавъ старый Сывашъ, дывуючыся.

Зинько почавъ росказуваты, якъ и що винъ про це думае. Старый ажъ росердывся:

— Що це ты, сыну, выгадавъ? Хыба жъ такъ годытся? Чы тоби нема отецькои дочкы, що ты якусь хвойду зъ дытыною берешъ?

— То ваша онука, тая дытына, тату.

— Що ты мени выбываешъ очы тіею онучою? Хыба я ій веливъ Романа до себе пускаты? А тоби грихъ велыкый, що ты надумавъ братову покрытку браты.

Увійшла маты, довидалася, про що мова, и ще гирше напалася на Зинька:

— И не выгадуй мени! И слухаты того не хочу! И очы мои на неи не дывлются! Покы я въ хати,—вона въ хати не буде.

Зинько почынавъ сердытыся.

— Вамъ хочется багатои соби невистки, а про те не думаете, що намъ усимъ треба дбаты, щобъ Романивъ грихъ спокутуваты, занапащену дивчыну обрятуваты.

— Нихто їи не запапащавъ!—оступалася за Романа маты,—сама до ёго бигала. Колы набигала, то нехай зъ тымъ и панькается, а въ моїй хати не буде їи!

— Якъ бы їи Романъ бравъ,—озвався батько,—я не то не боронывъ бы ёму, а ще й звеливъ-бы. Може вона мени й не видъ мысли, та вже колы такъ сталося, то мусывъ бы. А тоби не годыться, грихъ!

— Грихъ?—сказавъ Зинько.—Ніякого, тату, гриха тутъ нема. Грихъ—покынуты покрывджену дивчыну на поталу людямъ; а зробыты їй добро, покрыты тую крывду,—се не грихъ.

— Авже жъ!—розсердывся Сывашъ.—Ты знаешъ! Мудри таки поробылыся, що за батькивъ розумниши. Споконвику грихомъ було, а теперъ уже въ васъ добромъ стало!

— Не все, тату, те правда, що споконвику правдою середъ людей славлено.

— Цыть уже краще! Не дратуй мене! Не за насъ воно сталося такъ, не за насъ и перестане. А ты мени те й зъ думкы выкынь, бо я того николы не попущу.

Зинько побачывъ, що батько вже ватнувся, то теперъ не переважышъ ёго. Надумавъ покы мовчаты, а самому своеи думкы не кыдаты.

А тымъ часомъ у Левантыны новый бувъ клопитъ: дытына нездужала. Баба Олійнычка казала, що се мабуть того, що Левантына тоди впала. Воно до того й видхоже було, бо дытына кволылася й кволылася та, выжывшы тилькы два тыждни, й умерла.

Левантына йшла за маленькою труною и плакала гирко. Бо се вже не дивчына була, що їй дытына свитъ завъязала, а була се въ ту мыть уже маты, що втратыла частку самои себе...

Другого дни ввечери Левантына пишла до Струкивъ. Увійшла въ хату и несмилыво стала биля порогу. Симъя сáме вечеряла, и за столомъ сыдила нова наймычка. Та Левантына й сама не хотила жыты въ Струкивъ, а за иншымъ прыйшла.

— А, здорова! Чого тоби?—видказала Стручыха непрыхыльно на ін здоровканне.

— Прыйшла вамъ подякувати за службу, титко, та щобъ вы мени грошы мои виддалы.

— Яки грошы?

— А за вамы жъ моихъ зароблены хъ шисть рубливъ.

— Ба, яка швыдка! Покынула сàме въ жныва, я повынна була за дорогу цину дивку наймaты, а теперъ ще й грошы правыть! Нема въ мене твоихъ грошей! Яки булы, то вси пишлы на дорогу́ цину оцій дивци.

Се була правда, що Стручыха поедналася зъ новою наймычкою дорожче, нижъ изъ Левантыною, але жъ вона не хотила памъятаты, що на всёму сели нихто такъ дешево не жывъ, якъ у неи Левантына.

— Титко,—озвалася дивчына,—а Богъ-же бачыть!

— Що ты мени тымъ очы выбываешъ? Ичъ, яка языката зробылася, якъ зъ панычамы зазналася! Иды соби, йды видкиля прыйшла!

Струкъ росердывся:

— Що ты справди, стара, вередуешъ? Колы дивчына заробыла, то виддай! Ну, видверны тамъ, що переплатыла Ганци, а то виддай!

Стручыха почала знову верещаты, але Струкъ самъ выйнявъ тры карбованци и виддавъ Левантыни. Тымъ и здобри́ла дивчына замисто шистёхъ.

— Пиду я зъ цёго села!—думала Левантына, вертаючыся до бабы.—Пиду свитъ за очы! Тилькы тутъ и йе добрыхъ людей, що маты хрещена та Зинько, а то хочъ бы воно все й завалылося, оприче церквы божои! Пиду,—де знайду роботу, то тамъ и стану.

Выпрохала соби въ волости билета, заплатывшы за ёго два карбованци зъ своихъ трёхъ, поклонылася въ ногы матери хрещеній, за ласку й помичъ дякуючы, та й пишла.

Выйшла зъ села, стала, озырнулася. А на неби сàме сонце сходыло та й сыпало золотымъ своимъ проминнемъ и на

хатки биленьки, и на вербы кучеряви, и на далекый темный гай, и на широке поле... И все що спало або ще сонне було, нерозбуркане, набиралося сылы, жвавости и озывалося до могучого, безъ краю высокого й безъ краю жывотворчого свитыла тысячмà рухивъ, голосивъ, пахощивъ, колиривъ... Мовъ земля здригнулася и заблыщалы и заплескалы хвыли свитового жыття...

Тилькы въ души въ Левантыны нищо не озвалося радиснымъ голосомъ, нищо не прокынулося, опричъ ще бильшого бóлю.

Поглянула на село.

— Не зазнала я въ тоби щастя-доли, тилькы слизонькàмы стежечкы свои зросыла. Нехай ти стежечкы зелена рута покрые, а оця дорога до тебе терномъ зарасте, щобъ и нога моя сюды не ступыла бильше!

Пишла не озыраючысь.

V.

А тымъ часомъ, покы Левантына боролася зъ своимъ лыхомъ, у Дыбляхъ бувъ розрухъ велыкый и заколотъ. Зродузвику не чуты, щобъ такъ коней крадено! Бувало, звисно, що колы-не-колы и вкрадуть... та й то бувало на степу: хлопци поснуть, не доглянуть, а воно й поведе. А тепéръ се лыха годына та нещаслыва настала. Де жъ такы! Просто въ двиръ идуть, беруть кони—за малымъ не зъ передъ очей та й ведуть. И не можна спыныты, страшно: усяке згадуе, що сталося зъ дидомъ-стукачемъ: провалылы голову та й уже. Воно дидъ не вмеръ, та добре жъ, що незручно вдарено. А то й каюкъ дидови бувъ бы. И то зъ мисяць у ликáрни пролежавъ та й теперъ кволыться. А боронытыся якось треба. Бо де жъ такы! Тилькы чоловикъ зибъеться, стягнеться на ту конячку горюшну, а вже ін й нема й нема. Не можна бидолашному въ пера збытыся. Онъ уже въ скильòхъ зáбрано кóни:

у Сывашивъ трое, у Хоменка двое, у Грыцька, у Оксена... Руйнують та й годи прокляти коноводы! Уже й засидалы на ихъ, и стереглы,—не пособляется. И не знаты хто,—хочь бы видавъ чоловикъ, де шукаты. А то якъ укралы, то вже й пышы пропало.

Найбильше за всихъ клопотався Денысъ. Та й було чого! Скилькы працювавъ, дбавъ, щобъ збытыся на добри кони, збывся, прыдбавъ и—отъ тоби, маешь! Въ одну ничъ—якъ вода вмыла. Писля крадижкы винъ ажъ плакавъ зъ жалю й зо злосты. И доси якъ згадае, то такъ серце вогнемъ и вызьмется. А надто ще... одно... Та сёго винъ никому не казавъ, не прызнався... самъ соби думавъ до слушного часу.

У голову заходывъ, миркуючы, щоб ёго тутъ изробыты. Врешти ёму такы пощастыло.

Писля того, якъ украдено коня въ Оксена, то на якый часъ затыхло було,—ажъ покы люде забулыся трохы та не такъ уже коней беретгы сталы. А вже такъ писля жнывъ украдено знову пару добрыхъ коней у Денысового кума Терешка Тонконоженка. Скоро Денысъ про халепу дочувся,—заразъ пишовъ до ёго. Кумъ такый, якъ хмара. Почавъ ёго Денысъ розважаты, а дали й каже:

— Отъ що, куме! Скилькы люде не шукалы коней,—нихто доси не знаходывъ. А мы давай таке зробымо. Йе въ Чорнбуси знахарь Гостроглядъ. Кажуть, що до ёго багато людей ходыть ворожыты, якъ кони або волы пропадуть, то якъ скаже де, то тамъ и найде чоловикъ.

— Та невже?—зрадивъ Тонконоженко.

— Ій-бо, правда! Угадуе, мовъ тамъ бувъ. Ходымъ до ёго!

— А шо жъ ёму треба несты?

— Грошей. Кажуть, що треба положыты скилькись тамъ рубливъ.

Кумъ Терешко швыденько вбрався, взявъ грошей та й у дорогу вдвохъ изъ Денысомъ. Покы йшлы до Чорноуса, то Деныса брала страшенна нетерплячка, ще бильша нижъ Тонконоженка: що то скаже знахарь?

Увійшовшы въ Чорноусъ,—заразъ чоловикъ волы жене,—воны ёго й пытають за Гострогляда.

— А на що вамъ? Чы не кони шукаете?

— Авже жъ не що!—и воны почалы ёму розсказуваты про свое лыхо и пытаты, чы може тутъ Гостроглядъ пособыть.

— Такый не пособыть! Якъ скаже, то якъ увъ око влипыть! Такый знахарь, що на всю округу. Спершу винъ такъ пособлявъ людямъ—одъ хворобы, то що, а оце взявся и ва злодіявъ ворожыты. Народъ до ёго такъ плавомъ и плыве, бо якъ сказавъ, що ни, то вже ни, а якъ сказавъ, що буде, то то вже въ тебе кони дома.

Балакучый дядько залюбкы росказувавъ, якый гарный знахарь Гостроглядъ. Ёму до вподобы було, що въ ихъ у сели та жыве такый велыкый чоловикъ,—отъ цилкомъ такъ, якъ городъ тамъ якыйсь хвалыться иноди своимъ славетнымъ ученымъ, чы що. А наши подорожане залюбкы ёго слухалы и въ велыкымы надіямы пидійшлы до знахаревои хаты. У хату вступылы не то зъ повагою до неи, а зъ де-якымъ навить страхомъ.

Хазяинъ бувъ дома. Сыдивъ за столомъ и роскладавъ якесь сушене зилле. И по стинахъ, на килочкахъ, скризь высило тее зилле.

Увійшовшы въ хату,—знахарь мовъ и не чуе ихъ и не гляне. Несмилыво поставалы биля порогу й промовылы:

— Здорови булы, дядьку!

Знахарь ни пары зъ устъ, мовъ никого и въ хати нема. Обомъ гостямъ стало якось моторошно. Стоялы и несмилыво поглядалы на дывного хазяина. Чоловикъ ище не старый, зъ невелыкою бородою руденькою, въ чумарчыни. Бере зилле и зъязуе пучечкамы. Позъязувавъ усе, що було на столи, зложывъ до-купы. Тоди глянувъ на ихъ.

Глянувъ,—и Денысъ одразу зрозумивъ, за що Гостроглядомъ ёго прозвано: такый у ёго поглядъ, що якъ зыркне, то такъ тебе й пройме всёго.

— А, здорови, дядькы! Що скажете?

— До вашои мылости!—Госты вклонылыся.

— Сидайте та кажить!.. Хочъ я...—прыпынився и такъ пильно на обохъ поглянувъ,—и знаю, чого вы прыйшлы, та все жъ кажить.

Посидалы. Тонконоженко почавъ росказуваты. Гострогляд слухавъ мовчкы, иноди тилькы покывуючы головою, мовъ потакуючы.

Выслухавъ, подумавъ...

— Посыдьте тутъ, а я пиду подывлюсь.

Пишовъ зъ хаты. Дожыдаются кумы, и кожна хвылына того дожыдання за годыну имъ мабуть здается. А знахарь усе не йде та й не йде. Довго щось дывится. Мабуть нелегенька штука. Гляды, що скаже—пропало.

Рыпнулы двери,—Денысъ изъ кумомъ здригнулыся. Увійшовъ знахарь, сивъ мовчкы за стилъ, подумавъ...

— Такъ-такъ-такъ... Одна коняка була гнида, съ лысыною на лоби?

— Вона!—скрыкнувъ Тонконоженко.

— На переднихъ ногахъ мычкы били?

— Ій-бо вона!—Терешко ажъ зирвався на ногы, не мигъ высидиты.

А знахарь спокійно та байдужно казавъ дали:

— А другый кинь вороный,—добрый кинь.

— Ой, добрый!—выгукнувъ бидолашный хазяинъ доброго коня.

— Такъ... Знаю, де твои кони. Можно знайты.

— Дядьку! будьте мылосердни! Скажить—де! Я вже вамъ не пожалію!..—прохавъ Тонконоженко, зтурбованый надіею побачыты знову свои кони.

— Та шо жъ...—байдужно, не поспишаючысь одказавъ знахарь,—можна й сказаты,—абы було за́ що.

— Та я хочъ и заразъ ладе́нъ... Кажить—скилькы!—поспишавсь Тонконоженко.

— Двадцять пъять карбованцивъ положы,—матымешъ кони.

— Ой, це жъ наче бъ то й дорого буде!—зажурывся Тонконоженко.

— А кони ще дорожчи. Мабуть за кожного рубливъ по сорокъ давъ.

— За одного сорокъ, а за другого сорокъ и тры.

— Ото жъ бачышъ. А теперъ ще подорожчалы кони, то вже за ихъ не висимдесятъ тры взявъ-бы, а може й сотню. И я жъ не можу дурно робыты: воно й мени стóить. Та про мене—якъ знàешъ.

Уставъ и почавъ зниматы зъ килочкивъ зилля та роскладаты на столи, мовъ ёму вже й байдуже про Тонконоженковы кони.

Жалко було Терешкови таку сылу грошей даваты. Та бачывъ, що инакъ не пособытся. Спробувавь ще поторгуваться зъ Гостроглядомъ, дакъ той и не озвався. Довелося вытягты грошы. Не було въ собою всихъ, дакъ позычывъ ще въ Деныса. Такъ-сякъ удвохъ наскладалы, положывъ ихъ Тонконоженко на стилъ. Знахарь мовъ и не глянувъ на ихъ.

— Сёгодни въ насъ пъятныця...—почавъ казаты,—такъ... Дакъ отъ-же въ понедилокъ, якъ сонце зійде, пидешъ у Чорный яръ... Знаешъ?—Тамъ будуть твои кони стояты, прывъязани до велыкого дуба, що росте посèредъ яру, ажъ на дни.

— А якъ не будуть?—несмилыво спытавъ Тонконоженко, бо ёму стало страшно: а що, якъ грошы пропадуть.

— Кажу, що будуть, то будуть!—сердыто видказавъ знахарь.—А колы не ймешъ виры, то хочъ и назадъ грошы заберы,—мени однаково. Тилькы вже тоди й коней тамъ не побачышъ.

Тонконоженко злякався й змовкъ.

— Та никому й словечкомъ не пробовкнысь, ажъ покы до-дому кони прыведешъ. Тоди кому хочъ кажы. А скажешъ раныше, то й коней не побачышъ, и самъ биды не мынешъ. Чуешъ?

И такъ подывывся своимы гострымы пронозуватымы очыма, що Тонконоженкови мовъ по-за спыною снигомъ сыпнуло.

Денысъ спытався:

— А чы не можна бъ, дядьку, такъ, щобъ и про злодія довидатыся—хто винъ такый йе?

— Ге! Чого схотивъ! Буде й того, що кони знайдутся!— одказавъ знахарь.—Того не можна. Воно, сказаты, можна й те, да тилькы тоди вже по-викъ вичный коней не побачышъ, бо воно такъ, що або про те, або про те можна ворожыты,— тилькы про одно.

— Та Богъ зъ имъ! Мени вже хочъ бы кони!—махнувъ рукою Тонконоженко.

Попрощалыся й пишлы. Жалко було грошей Терешкови, та веселыло хочъ те, що кони знайдуться.

Пишлы наши до-дому, а згодомъ, слидкомъ за имы, подався й Гостроглядъ. Узявшы палыцю, та й пишовъ полямы та гаямы зилля збираты. Збираючы зилля, дійшовъ до Гапонового хутора: винъ же бувъ биля дорогы въ Чорндуса въ Дыбли.

— А що, клюе?—спытавъ Гапонъ, увившы гостя въ хату.

— Тонконоженковы кони... Ось двадцять и пъять...— Винъ розсказавъ про те, якъ прыходылы Терешко зъ Денысомъ.—Двадцятка вамъ, а пъять рубливъ мои. Нехай ваши хлопци выведуть кони у Чорный Яръ,—такъ, щобъ на понедилокъ на схидъ сонця булы тамъ прывъязани до того велыкого дуба.

— Ото жъ то й бида мени, що кони вже не въ мене. Бо я знавъ, що до мене становый мавъ прыйихаты за диломъ, дакъ я, щобъ тыхше було, видиславъ ихъ до Лабзы. Та й зъ хлопцямы клопитъ: одынъ хворый лежыть, а другого далеко послявъ за диломъ.

— Шкода... Якъ бы жъ я знавъ, то я бъ инакъ якось...

— Ну, та дарма! Мени треба пойихаты въ городъ. То перекажу Ярошеви, щобъ хто зъ ёго хлопцивъ вывивъ кони.

— Ото й добре!..

Прыятели розійшлысь.

А тымъ часомъ Денысъ усе думавъ про знахаря. Винъ не дывувався, що знахарь и кони яки вгадавъ, и все знае, бо черезъ те жъ винъ и знахарь, що може вгадаты,—а дывувався,

якъ це кони у Чорный яръ потраплють. Де воны тамъ визьмутся? Хто ихъ туды прыведе? Може злодіи тамъ кони ховають? Дакъ ни,—не зручно... Хиба самы прыбижать? Ни, не впада, бо казавъ знахарь, що кони будуть прывъязани,—уже жъ воны самы не прывъяжуться. А хто жъ ихъ прывъяже?

Си думкы не давалы Денысови спокою. А що, якъ бы?... А що якъ бы питы та заховатыся тамъ помижъ кущамы та й допыльнуваты—де кони визьмутся? Може такымъ робомъ выкрывъ-бы винъ и коновода. Ото було-бъ добре!

Тилькы страшно! А що, якъ то нечыста сыла туды кони прыведе? Денысъ боявся нечыстого, хочъ и зналъ, що видъ ёго легко оборонытыся хрестомъ, а хочъ бы й не нечыстый, а самы коноводы, то хиба тыхъ не страшно?

Та хиба вже такъ винъ и попадется? У тому яру можна такъ заховатыся, що й не побачыть нихто. А то можно вдвохъ изъ кумомъ Терешкомъ питы—охитнише буде. Денысъ пишовъ зъ цымъ до кума, але кумъ ніякъ не хотивъ прыстаты до ёго.

— Ни вже,—каже,—якъ знахаръ сказавъ, то такъ и зроблю. А то якъ не послухаюсь, то й гроши пропадуть, и кони не вернутся. И ты, куме, не ходы, прошу тебе!

Денысъ сказавъ, що не пиде, а самъ свое думае. Такъ-сякъ суботу перебувъ, а якъ прыйшла недиля, то нема ёму спокою: муляе та й муляе ёго той Чорный яръ. Чы йты, чы не йты?

Чы вже жъ такы винъ маленькый, що боится питы? Що буде, а вже пиде!

Уже колы хто кони прыводытыме, то сіеи ночы,—пидъ понедилокъ. Винъ пиде звечора.

Бильше никому вже винъ не прызнавався. Дома сказавъ, що пиде на ничъ у Чорнобусъ за диломъ,—выгадавъ уже тамъ дило. Узявъ зъ собою добру кыюру и завыдна ще подався зъ дому. Покы дійшовъ до Чорного яру, почало вже трохы смеркатыся. Озырнувся, глянувъ геть навкругы полемъ,—ниде ни лялечкы. Тоди тыхо пишовъ у яръ.

Зъ поля Чорный яръ здавався просто лисомъ, а якъ увійдешъ у сей лисъ, то се байракъ глыбокый. Дубы, клены, осыкы,

бересткы та всякый чагарныкъ густо пороспы й посчиплювалыся гиллемъ. На поли ще було трохы выдко, але тутъ була вже ничъ. Денысъ ишовъ пбмацькы, находючы ногамы знаёму вузеньку стежку, росхыляючы гилле рукамы, заплющывшыся, щобъ хочъ по очахъ не хвыскало витамы.

Винъ знавъ того дуба, де малы кони стояты и простувавъ до ёго. Але покы дійшовъ, то добре увесь выдъ подряпало. Нарешти выйшовъ ажъ на дно яру,—тутъ була невелычка прогайлёвынка, а посередъ неи той дубъ.

Велыке старезне дерево, чорніючы своимъ могучымъ стовбуромъ, роскынувшы чёпурно проты стемнилого неба нерухоме шатро сонного лыстя, стояло якъ и попереду, одыноке, и ніякыхъ коней биля ёго не було.

Де жъ бы ёго заховатыся такъ, щобъ усе побачыты, а самого щобъ не выдко було? Треба недалечко. Почавъ роздывлятыся и незабаромъ изнайшовъ соби добру мисцыну поблызу биля дуба, въ кущахъ. Звидты выдко и дубъ, и всю маленьку прогайлёвынку. Видкиля-бъ що не прыйшо до дуба,—воно Денысовыхъ очей не мыне.

Положывъ биля себе кіёкъ и лигъ. Хотивъ закурыты, та побоявся: табакъ далеко чуть, то щобъ не сполохаты злодія. Терпитыме вже.

Ну, а що винъ робытыме, якъ побачыть злодія? Бида, що темна ничъ. Якъ бы по-выдному, то пизнавъ бы хто, чы хочъ бы добре роздывывся, колы невидомый. А то якъ на́ лыхо, и мисяця нема, и зиркы за хмарамы не дуже свитють. Уже жъ не спынышъ злодія та не спытаешся—хто. Погано зробывъ Денысъ, що послухався кума и никому не сказавъ. Треба було зибраты чоловика пьятеро людей та тутъ и заховатыся,—отодибъ воны вже піймалы злодія. А такъ не буде дила.

Чы не вернутыся до-дому?

Подумавъ трохы Денысъ. Ни, вже буде тутъ! Хочъ побачыть, що буде, а тамъ уже знатыме, що робыты.

Холодне вночишне повитре було въ яру зовсимъ вохке, и Денысъ ажъ измерзъ одъ ёго. На сели теплише вночы, дакъ

винъ и вдягъ чумарчыну, а треба було добру свыту взяты. Уставъ зъ земли, позастибався гарненько и сивъ, зипершыся спыною на якыйсь пень. Разъ-у-разъ дывывся на прогайлёвыну й на дубъ, але ничого не бачывъ. Почыналы втомлятыся очы.

По тому клаптыку неба, який выдко було Денысови, снувалыся хмары; зиркы то потопалы въ ихъ, то знову вырыналы, ледви блымаючы.

— Ще дощъ буде,—подумавъ Денысъ.—Це кепсько: змерзнешъ такъ, що й не высыдышъ.

Велыки дерева понавысалы надъ имъ своимъ кудлатымъ чорнымъ гиллемъ. Товсти стовобуры мрилы въ темряви. Здавалося, що якись здоровенни люде, якись велетни похмури й страшни, поставалы навкругы мовчкы и попростягалы надъ Денысомъ свои велычезни лапы, щобъ ёго вхопыты. Отъ сáме надъ головою навысла така лапа, шыроко шыроко розипъявшы товстючи мохнати пальци-кихти. Тилькы трохы нижче—и вхопыла бъ ёго. И вразъ ти пальци почалы ворушытыся, вся лапа схытнулася, мовъ выдаючыся внызъ ёму на голову. Денысъ хотивъ выскочыты зъ пидъ неи, але ту жъ мыть побачывъ, що вси воны, вси ти страшни чорни лапы ожылы, заколыхалыся и простяглыся до ёго, ворушачы своимы довгымы пальцямы-кихтямы... Холодный важкый страхъ притысъ до земли Деныса, не дававъ ему поворухнутыся... Зашелестило, зашумило, озвалася навкругы вся темрява... Ще мыть...

Денысъ зирвався на ривни ногы, и вразъ розвiявся ввесь той страхъ. Тилько витеръ тыхо шелестивъ лыстомъ, колышучы виты. Денысъ зитхнувъ глыбоко, мовъ що важке зъ себе скынувъ, плюнувъ, думкою самъ себе вылаявъ, що такъ перелякався зъ дурного розуму, и знову сивъ, перехрестывшыся.

Не дурно сей яръ Чорнымъ звуть: у ёму й дерева страшни.

А давно ще прозвано ёго Чорнымъ. Батько росказувавъ, що колысь, у стародавню давнину ще, тутъ розбiйныкы жылы, кышло ихъ у цёму яру було. Бо тоди тутъ не такый лисъ бувъ,—це вже ёго вырубано теперъ. Бувъ такый лисъ, що й не долизе нихто сюды було. А воны мабуть отутъ, саме

биля цёго дуба, й жылы, ти розбійныкы. То вдень у яру сы дять, а вночы на здобытку йдуть, людей розбывають. Переймуть-хто йиде, та й пограбують, а то такъ и вбьють. А одного разу, кажуть, дакъ йихавъ панъ багатый, молодый та й зъ молодою панiею... вночы... И сáме прозъ цей яръ пройиздылы. А розбійныкы й выскочылы на ихъ. Пана жъ убылы, а пани отаманъ розбишацькый, Чорный на призвыще, соби взявъ. Уже вона ёго прохала-благала, щобъ винъ ii не бравъ, казала, що й выкупъ за себе прышле... Дакъ дуже гарна була, закохався въ нeи отаманъ пры мисяшному сяеви та й повивъ ii зъ собою въ оцей яръ. Вона спершу пручалася, крычала, а дали й затыхла. Якъ прыведено ii въ яръ, то була ще ничъ, и отаманъ узявъ ii до себе въ шатро. А розбійныкы спаты полягалы, смiючыся та заздрючы отаманови. Поснулы. Попрокыдалыся вдень—не чуть отамана. Зазырнулы въ шатро, акъ отаманъ лежыть и кынжалъ, стремыть ёму въ грудяхъ, а въ другому кутку пани вродлыва мертва: сама себе заризала, отамана заколовшы. Поховалы розбійныкы обохъ тутъ у яру, а соби выбралы нового отамана. Дакъ що жъ? Не моглы выжыты. Якъ ничъ, такъ и ходыть мертва пани, ходыть й плаче и проклынае за свою недолю розбійныкивъ. И такый страхъ ихъ узявъ, що воны покынулы сей яръ та й подалыся кудысь далеко. А пани, кажуть, що-року тiеи саме ночы, якъ заризалась, выходе зъ ямы та й иде байракомъ. Тыхо, тыхо йде, вся въ чорному, ледви чуты ii...

И йшло тыхо, ледви чуты. Але Денысъ се почувъ. Духъ ёму забыло, полизло догоры волоссе... Тупотыть... Здалека ще чуть, якъ щось тупотыть... Ось блыжче... Ось уже й на прогайлёвыни...

Якась купа велыка чорна наблыжается. Денысъ сылкуется зрозумиты, що се, але темрява не дае ёму роздывытыся. А купа все насувае, все насувае... Ось одно, двое .. Та се чоловикъ зъ двома киньмы!...

Денысови знову забыло духъ, але вже не зъ страху, а зъ думкы: що то зарaзъ буде, що то винъ довидается?

Пидзивъ чоловикъ до дуба кони и почавъ мацаты—до якои бъ гилкы краще прывъязаты. Прывъязавъ одного, тоди другого. Постоявъ хвылыну, мовъ подумавъ, що ёму дали робыты, и пишовъ стежкою въ той бикъ, де бувъ Денысъ, трохы навкосы видъ ёго.

Втече! Отъ заразъ пиде, покриется, и Денысъ ничого не знатыме, даремни будуть уси заходы, знову ничого винъ не довидается про те, хто ёго ворогъ. И вразъ мовъ импетомъ що кынуло Деныса назустричъ невидомому чоловикови. Выскочывъ и ставъ передъ имъ, ливою рукою вхопывъ ёго за горло, а правою, держучы кіёкъ посередыни, розмахнувъ и вдаривъ зъ усеи сылы въ груды. Чоловикъ упавъ, и Денысъ опынывся на ёму.

Але даремне на свою сылу важывъ. Далеко дужчый за ёго бувъ чоловикъ. Видразу вывернувся зъ-пидъ ёго, збывъ ёго пидъ себе и прыгнитывъ колиномъ.

— А! ты мене будешъ быты!—захрыпивъ знаёмый Денысови голосъ.

— Романъ!—скрыкнувъ Денысъ.

И змовклы, вдывляючысь одынъ одному въ облычче: той на земли, пидъ колиномъ, а той нахылывшыся надъ имъ, зъ рукою на горли. Дывылыся середъ темрявы хмарнои ночы, сылкуючыся пизнаты знаёми рысы.

И вразъ пизналы...

Денысъ почувъ, якъ Романова рука ще дужче стыснула ёму горло, але тилькы на мыть. Якъ звиръ дыкый, однымъ скокомъ, Романъ зныкъ у темряви.

Денысъ пидвився, хытаючысь. Груды въ ёго болилы видъ Романового колина. А, проклятый! Якъ прыгнитывъ! Здоровый, якъ бугай!..

Денысъ увесь трусывся—зъ напруженія, зо злосты. Теперъ винъ знае, хто кони бере. То догадувався, а теперъ и побачывъ. А, злодію, коноводе, харцызе проклятый! Не мынешъ ты теперъ Денысовыхъ рукъ!...

Денысъ повидъязувавъ кони и повивъ ихъ зъ яру...

Була ще ничъ, якъ винъ уйихавъ у двиръ до кума Терешка и постукавъ до ёго въ темне виконце.

— А выйды лышъ, куме, сюды!

Пизнавшы Тонконоженко голосъ, заразъ выйшовъ. Передъ дверыма стоявъ Денысь и державъ пару коней.

— А що се?

— Твои кони.

— Ой! Та ну?

— Дывысь!

Тонконоженко кынувсь до коней и хазяйськымъ окомъ заразъ же пизнавъ ихъ, хочъ и въ темряви.

— Та якъ же се? Ничого не розберу.

— Замкны кони въ повитку та ходимъ у хату, то роскажу

Дочувшыся Тонконоженко якъ усе сталося, и радивъ повернешымъ конямъ, и трохы боявся: а що, якъ се знахаря розгнивае? А якъ Денысъ сказавъ, що винъ хоче направыты врядныка на Романа, то винъ и зовсимъ перелякався.

— Ой, куме, не робы сёго! Хиба жъ ты не знаешъ того Гострогляда? Та'дже вси люде кажуть, що ёго не можна займаты, бо якъ схоче, то таке поробыть чоловикови, що й жыты не дасть. Кажуть, хворобу насылае и на товаръ моровыцю.

Денысъ почавъ сперечатыся. Адже тутъ нема ніякои нечыстои сылы. Певне знахарь у спилци зъ коноводамы. Дило звычайне, людське.

Та кумъ ніякъ того не слухавъ. Нехай тамъ и людське дило, та знахарь мае нелюдську сылу.

Щобъ не сперечатыся бильше, Денысъ замовкъ. Винъ заночувавъ у кума, а вранци вернувсь додому.

Було свято, и Домаха пишла до церквы. Маты поралась биля печы, батько й Зинько булы въ хати.

— Отъ, тату, выкохалы сыночка-коновода!—озвався Денысъ до батька.

Старый мовъ здригнувся.

— Що ты кажешъ, Денысе? Про кого це ты кажешъ?

— Про кого жъ я казатыму, якъ не про того ледащо, злодюгу клятого?—злисно видповивъ Денысъ, роздягаючысь и сердыто кыдаючы чумарку на пидъ.

— Не лютуй, а краще доладу роскажы!—звеливъ батько.

Денысъ почавъ росказуваты. Винъ и попередъ сёго ще думавъ на Романа. Та що-жъ? Не можна було довидатысь. А отъ теперъ уже довидався... И винъ по-ряду оповидавъ усю подію.

А старый Сывашъ слухавъ, похылывшысь кинець столу, про свою ганьбу видъ ридного сына, та й не помичавъ за велыкымъ смуткомъ, що пекучи слёзы котылыся ёму по облыччу, по бороди и падалы велыкымы яснымы краплямы на спрацёвани почорнили рукы. Дожывся! Хиба винъ того сподивався, того дожыдавъ? На старисть ёму сыву голову такымъ соромомъ сынъ покрывъ, передъ усима людьмы й ёго, и ввесь ридъ изганьбывъ. Николы сёго не було, щобъ изъ-помижъ Сывашивъ злодіи булы. А отъ-же!...

Маты стояла биля печы, прыхылывшыся въ кутку до рогачивъ, та й соби втырала слёзы. Зинько сыдивъ такый, якъ передъ смертю. Тяжка хмара налягла на всю симъю.

А Денысъ усе оповидавъ, не помичаючы того ничого, роспаленый своимъ оповиданнемъ, згадкою про видбуту боротьбу. Винъ доказавъ и змовкъ, и вси мовчалы. Тилькы матерыне хлыпанне чуты було середъ тыши. А Денысъ, не зважаючы на те, правывъ свое:

— Сёго не можна такъ попустыты. Се винъ и дали буде все село грабуваты та й насъ. Я пиду заразъ у волость. Хай йидуть у городъ та щобъ тамъ забралы ёго до тюрмы.

— Денысе, чы ты розуму не згубывъ?—понуро спытався батько.

— Чого бъ я розумъ изгубывъ?—А шо жъ я—подарую ёму трое коней, чы якъ?

— Эхъ ты безсоромный, безсоромный!—гирко й докирлыво промовывъ батько тыхымъ голосомъ, шо ще тремтивъ одъ недавнихъ слизъ.—Дакъ ты пидешъ ото самого себе поганыты, людямъ розсказуваты, що Сываши злодіи?

— Та се вы, тату, черезъ те такъ кажете, що вы вже стари, вамъ байдуже про хазяйство, а намъ изъ Зинькомъ треба свое добро беречы.

— А ты, Денысе, на мене не здавайся!—озвався поважно, зъ прытыскомъ Зинько.—Мени честь мылиша за добро. Хочъ бы й трыдцятеро коней пропало, а я на брата не пиду выказуваты, самого себе ганьбыты.

— Хи! Яка жъ то й ганьба! Адже не мы кралы, а винъ. Ну, якъ соби знаете, колы таки добри та багати! А я того не подарую, бо мени ни зъ чого даруваты. Я заразъ до врядныка!— и винъ почавъ удягатыся.

Маты заголосыла на всю хату, кынулась до Деныса и вчепылася за ёго:

— Денысе! Що ты робышъ? Не пущу я тебе! Не ходы!

— Одчепиться, мамо!—сердыто гарыкнувъ Денысъ и вырвавъ у матери свою руку.

— Облышъ ёго, стара!—озвався батько.—Слухай—ты!—загомонивъ винъ до Деныса, и голосъ ёго задзвенивъ такъ гостро, що той у-разъ спынывся.—Я тоби того не дозволяю и велю не робыты того. Покы я жывый, то *я* тутъ хазяинъ у своему добри, а не ты! Пидешъ казаты,—проклену и сёгодни жъ выкыдаю тебе зъ усима твоимы манаткамы зъ хаты, щобъ ты мени ii не ганьбывъ! И ничого не дамъ.

Денысъ знавъ батька. Винъ бувъ звычайно тыхый, але якъ отакымъ голосомъ заговорыть, то вже що скаже, те зробыть. Денысъ сердыто швыргонувъ чумарку знову на пилъ и пишовъ зъ хаты мовчкы, тилькы дверыма грюкнувъ такъ, що ажъ шпаруны посыпалысь.

Винъ справди облышывъ иты до врядныка, але не мигъ утерпиты и росказавъ де-кому про выпадокъ у Чорному яру, лаючы Романа. Незабаромъ поголоска про се пишла по всёму селу. Довидався й урядныкъ и пишовъ спершу до Тонконоженка. Але той, боячыся знахаря, сказавъ, що ничого винъ не знае, а кони самы знайшлыся въ яру. Поклыкавъ урядныкъ Денысса, але й той не сказавъ ёму ничого, бо знавъ, що не мыне

батьковой кары, скоро скаже. Такъ урядныкъ ничого не мигъ и зробыты. Звисно, можна потрусыты и знахаря, и Романа, та хиба въ ихъ що знайдешъ? Все село говорыло про ихъ, але зайняты не можна було, бо ни до чого прычепытыся.

А люде, довидавшыся, що се свій злодій краде, ще бильше почалы турбуватыся. Сей знае вси закуточкы й суточкы, то видъ ёго ниде не заховаешся. Треба добре берегтыся. Стукачивъ ще бильше найнялы. Ночувалы завсигды биля коней, кладучы коло себе коляку або кіюру добру, а якъ хто мавъ, то й рушныцю. Вси булы на Романа дуже лыхи; хто й оборонивъ ёго попереду, то той теперъ лаявъ. А вже що ти хазяи, якыхъ винъ коней позбавлявъ, то ти клялы такъ, що й кйсточкы въ ёго неклятои не лышылы. Двое черезъ це зовсимъ зубожило, а всимъ иншымъ довелось позычаты грошей на кони. Теперъ Романови страшно було й поблызу Дыблывъ проходыты, колы не хотивъ головою наложыты.

Але писля подіи въ Чорному яру крадижкы прытыхлы: чы то коноводы полякалыся, що ихъ выкрыто, чы то имъ не було ходу за пыльною вартою.

Такъ думалы люде, а Романъ думавъ соби инше.

В. Гринченко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ исторіи частныхъ пансіоновъ въ Кіевской губ. въ нач. XIX ст. [1]

Среди другихъ немногочисленныхъ воспитательныхъ и образовательныхъ институцій начала истекшаго столѣтія не послѣднее мѣсто слѣдуетъ отвести частнымъ пансіонамъ, содержимымъ иностранцами (преимущественно французами). Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго опредѣленія времени ихъ появленія на Украинѣ, но во всякомъ случаѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, со времени основанія Коммиссіи Просвѣщенія (Edukacyjej) они уже существовали. Łukaszewicz въ своей «Historya szkół», t. II, стр. 436—37 говоритъ, что въ „эту эпоху (послѣ 1773 года) слишкомъ намножилось свѣтскихъ пансіоновъ, не только въ самой Варшавѣ, но даже и въ малыхъ городкахъ". Относительно лѣвобережной Украины мы имѣемъ указаніе на существованіе французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнахъ и Глуховѣ въ 1781 году [2].

Въ первой четверти XIX столѣтія иностранные пансіоны получили значительное распространеніе въ лѣвобережной и право-

---

[1]) Считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ принесть искреннюю благодарность Н. В. Стороженку, любезно предоставившему въ наше распоряженіе «Дѣла уманскаго повѣтоваго училища» за нѣсколько лѣтъ первой четверти истекшаго столѣтія, на основаніи которыхъ и составлена наша замѣтка. *В. Д.*

[2]) «Кіевская Старина», 1890, сентябрь, отд. II, стр. 495—495.

бережной Украинѣ,—особенно въ послѣдней. Уже въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія мы знаемъ о существованіи въ Кіевѣ трехъ пансіоновъ, открытыхъ съ разрѣшенія Обществ. Призрѣн.: 1) „Иностранцемъ" Иваномъ Борецкимъ 4 сент. 1801 г., 2) отставн. франц. капитаномъ Карломъ Компаньономъ—въ декабрѣ 1802 г. и 3) вдовой секретаря (?) Каролиной Штуцъ—20 марта 1803 г. [1])

Затѣмъ извѣстно существованіе женскаго пансіона въ Нѣжинѣ не позже 20-хъ г.г. нѣкоей французской дѣвицы Елисаветы Руссетъ [2]); въ 30-мъ году въ м. Златополѣ (Чигиринскаго уѣзда) извѣстенъ мужскій трехклассный пансіонъ Л. Вильетти, подготовлявшій воспитанниковъ не только въ гимназіи, но и въ высшія учебныя заведенія. [3]) Насколько велика была степень распространенности упомянутыхъ пансіоновъ, содержимыхъ иностранцами, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что Министерство Народнаго Просвѣщенія сочло своимъ долгомъ обратить на нихъ особое вниманіе. Въ маѣ 1811 года Министръ Просвѣщенія Г. Алексѣй Разумовскій издаетъ Высочайше одобренную „записку о предположеніяхъ касательно частныхъ пансіоновъ", въ которой выражаетъ скорбь свою по

---

[1]) Сборн. Матер. для истор. просв. въ Россіи, Спбр. 1893, т. I, стр. 453, II, 570.

[2]) Кіевск. Старина, 1884, январь, отд. II, стр. 173—174. Любопытна программа преподаванія въ этомъ пансіонѣ: 1) Законъ Божій, россійскій языкъ по правиламъ грамматики 3) *мифтологія*, 4) нѣмецкій языкъ по правиламъ гимназіи, 5) *Музыка*, танцы и рисованіе, 7) рукодѣліе 8) чистописаніе. Плата въ годъ *800 руб.* (при чемъ $^1/_2$ впередъ). Каждая дѣвица, при вступленіи въ пансіонъ, обязана принесть съ собой, кромѣ постели,—1 скатерть, 6 салфетокъ, 1 ложку столовую, чайную чашку, 2 столовыхъ ножа, 1 стаканъ. За исключеніемъ братьевъ, не допускается посѣщеніе молодыхъ не женатыхъ господъ.

[3]) Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50-лѣтія юбилея въ авг. 1887 г. А. Андріевскимъ. Кіевъ, 1887 г. Интересныя подробности также см. Кіевск. Старина, 1901, мартъ, отд. II, стр. 151—158.

поводу того, что „въ Отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора Государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ". Далѣе Министръ выражаетъ еще большее недовольство по адресу иностранцевъ-воспитателей. „Всѣ почти пансіоны въ Имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и *гнушаясь* онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ Россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца". Но оказывается, что и это еще не все „И для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаются къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по-иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ". [1]) Указавъ такимъ образомъ на пагубныя послѣдствія иноземнаго воспитанія, Министръ объявилъ слѣдующія мѣры къ прекращенію зла:

1. Дабы училищное начальство въ дозволеніи на открытіе новаго пансіона основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности.

2. Дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знаніе Русскаго языка.

---

[1]) Любопытно, что польское общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ передовыхъ своихъ представителей, неоднократно высказывало неловольство воспитаніемъ въ пансіонахъ иностранцевъ въ томъ же духѣ, что и русскій министръ.

3. За правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ. Начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ наблюденіе.

4. Вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали оныя на русскомъ языкѣ.

5. Впрочемъ, во всемъ слѣдовать правиламъ, для пансіонеровъ существующимъ, о строгомъ наблюденіи коихъ подтвердить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ.

6. Поелику содержатели не платили никакой повинности, пользуясь впрочемъ важными выгодами отъ содержанія пансіоновъ, то съ 1 мая сего 1811 года каждый содержатель частнаго пансіона обязывается вносить въ Министерство Просвѣщенія ежегодно по 5% съ платы, получаемой на содержаніе пансіонеровъ. Сумма сія, по накопленіи ея, обращена будетъ на учрежденіе особыхъ училищъ, въ коихъ, безъ отягощенія Государственной казны, будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству важныя заслуги, но лишенныхъ средствъ къ ихъ воспитанію, равно и дѣти неимущихъ дворянъ".

Вскорѣ послѣ перваго распоряженія относительно пансіоновъ, Разумовскій издаетъ отъ 6 іюня того же года второе, съ болѣе подробными поясненіями по нѣкоторымъ пунктамъ:

1) Изложенныя въ первомъ распоряженіи требованія, кромѣ 3 и 5 (относительно обязательности преподаванія на русскомъ языкѣ), исполнять неукоснительно и безъ измѣненій; пункты же 3 и 4 въ цѣломъ относятся къ пансіонамъ Русскихъ губерній, но въ губерніяхъ Остзейскихъ и присоединенныхъ отъ Польши вводить ихъ постепенно, по мѣрѣ возможности, такъ чтобы, кромѣ изученія русскаго языка, преподавался въ пансіонахъ и общежитіяхъ (konwiktach) по крайней мѣрѣ одинъ предметъ на русскомъ языкѣ.

2) Постановленіе это объявить содержателямъ пансіоновъ подъ расписку.

3) Чтобы всегда можно было видѣть, въ какой суммѣ должны поступать процентныя деньги отъ содержателей пансіо-

новъ въ Департаментъ Министерства Просвѣщенія, приказать имъ завести особую книгу, куда каждую треть должны вносить имена пансіонеровъ и пансіонерокъ, получаемую пансіономъ плату за каждаго изъ нихъ, время ухода кого-нибудь изъ нихъ въ теченіе трети, сумму процентныхъ денегъ, слѣдуемыхъ въ Департаментъ Просвѣщенія за треть, и время, когда и черезъ кого онѣ выданы. Книгу эту обязаны вести съ должной обстоятельностью, начиная съ 1 мая настоящаго 1811 года. Во время ревизіи пансіона Визитаторомъ, Директоромъ и Смотрителемъ (Dozorcom) школъ повѣтовыхъ, послѣдніе обязаны просматривать книги и подписывать, чтобы убѣдиться, что книги находятся въ должномъ порядкѣ. Содержатели пансіоновъ обоего пола, по истеченіи каждой трети, сдѣлавши выпись изъ книги за треть и подписавши, обязаны немедленно прислать таковую съ процентными деньгами Директору гимназіи (давъ о томъ знать префекту повѣтовой школы), а Директоръ означенную сумму отправлять непосредственно въ Департаментъ Министерства Просвѣщенія при своемъ донесеніи, оплачивая почтовые расходы изъ этихъ же суммъ.

4) Такъ какъ обязательство о взносѣ процентовъ можетъ дать поводъ къ чрезмѣрному повышенію платы за пансіонеровъ, приказать содержателямъ пансіоновъ, чтобы ни въ коемъ случаѣ не производили надбавки безъ разрѣшенія университета, къ которому должны обращаться съ просьбой черезъ Директора, а университетъ, съ своей стороны, долженъ съ величайшей осмотрительностью давать разрѣшенія на повышеніе платы, какъ и на установленіе ея за пансіонеровъ во вновь открываемыхъ пансіонахъ. Наконецъ,

6) если кто будетъ просить разрѣшенія на открытіе новаго пансіона, объявлять таковымъ эти распоряженія подъ расписку, для надлежащаго сообразованія съ ними.

Какъ первое, такъ и второе распоряженія Министра были немедленно разосланы префектамъ повѣтовыхъ училищъ, а эти послѣдніе не замедлили приведеніемъ въ исполненіе новыхъ правилъ по отношенію къ пансіонамъ. Такихъ пансіоновъ въ Кіевской губерніи, насколько намъ извѣстно, въ то время было четыре: въ г. Кіевѣ—отставного французскаго капитана Карла

Compagnion'a, [1]) въ м. Смѣлѣ [2])—неизвѣстно чей, въ г. Звенигородкѣ [3])—женскій—француза Louis de Petit и въ м. Христиновкѣ—француза Germain.

Въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣдовало новое Министерское распоряженіе, имѣющее непосредственное отношеніе къ частнымъ пансіонамъ, а именно—чтобы „во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Гражданскаго вѣдомства, не изъемля изъ сего и состоящія подъ управленіемъ иностраннаго духовенства, какъ обучать юношество Закону Божію, такъ и при ежегодныхъ испытаніяхъ всегда начинать экзаменъ съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія. При томъ поставить въ непремѣнную обязанность начальникамъ училищъ приглашать на сей экзаменъ, въ особо назначаемый для того день, почетное духовенство, а въ городахъ, гдѣ существуетъ Архіерейская каѳедра, то и самыхъ епархіальныхъ Архіереевъ".

Трудно сказать, насколько точно исполнялось послѣднее и всѣ вышеупомянутыя распоряженія Министра, за исключеніемъ одного, котораго нельзя было не исполнить,—правильнаго (по третямъ) взноса процентныхъ денегъ съ получаемой за пансіонеровъ суммы. И дѣйствительно, мы видимъ, что къ началу сентября 1811 года всѣ пансіоны, за исключеніемъ Звенигородскаго, аккуратно внесли слѣдуемыя съ нихъ деньги, а monsieur Louis de Petit, послѣ неоднократнымъ напоминаній, лишь 20 ноября отослалъ Директору Кіевской Гимназіи Мышковскому 15 рублей, слѣдуемыхъ съ него за 3 ученицы. Изъ отношенія его Мышковскому явствуетъ, почему онъ медлилъ съ уплатой денегъ. Дѣло въ томъ, что въ полугодовой вѣдомости, которыя должны были представлять непосредственному начальству своему (первоначально Директору школъ), а потомъ префекту повѣтов. училищъ, всѣ парафіальныя школы и пансіоны

---

[1]) Для дѣтей обоего пола,—плата 300 р. въ годъ.
[2]) Подчиненъ былъ Каневскому повѣтовому училищу.
[3]) Подчиненъ Уманскому повѣтовому училищу.

два раза въ годъ (въ іюнѣ и декабрѣ), для свѣдѣнія послѣднихъ о состояніи училищъ,—въ Звенигородскомъ пансіонѣ показано было гораздо большее число учениць и, слѣдовательно, надлежало внести значительно бо́льшую сумму за нихъ. Но практическій Louis de Petit выждалъ нѣкоторое время, пока однѣ изъ ученицъ окончили курсъ ученія и уѣхали, другихъ же, послѣ долгаго ожиданія, забрали родители домой, вознаградивъ M. de Petit за труды. „Въ настоящее время,—пишетъ M. de Petit Мышковскому,—у меня въ пансіонѣ только 3 панны платныхъ, за которыхъ мнѣ слѣдуетъ въ годъ 450 руб. ассигнаціями; такимъ образомъ процентныхъ денегъ слѣдуетъ въ годъ 22 1/2, а за треть 7 1/2. Такъ какъ 7 1/2 за майскую треть *трудно было переслать почтой* (?), я присоединилъ ихъ къ 7 1/2 за другую треть, и теперь посылаю 15 рублей, сумму болѣе удобную при посылкѣ". Подлинное подписалъ Louis de Petit, *Тымолеушъ* и *Сулицкій*—вѣроятно, преподаватели въ пансіонѣ.

Изъ полугодичнаго рапорта того же Louis de Petit Уманской повѣтовой школѣ за второе полугодіе 1711 года мы даже имѣемъ возможность узнать фамиліи его пансіонерокъ; по его сообщенію: Ванопсъ, Орловская и Деческулъ уже окончили курсъ въ этомъ году, а остались только Канецкая и Пдутовецкая.

Съ цѣлью еще болѣе упорядочить дѣло частнаго воспитанія дѣтей, въ январѣ мѣсяцѣ 1712 г. послѣдовало „предложеніе" Министра Народнаго Просвѣщенія Имп. Виленскому Университету о возобновленіи дѣйствія указа 1757 г. апрѣля 29 о лицахъ, обучающихъ въ домахъ своихъ дѣтей, но не имѣющихъ о способностяхъ и знаніяхъ своихъ отъ учебныхъ заведеній свидѣтельствъ. Таковымъ лицамъ вмѣнялось въ обязанность въ теченіе шести мѣсяцевъ явиться въ ближайшее учебное заведеніе, чтобы подвергнуться испытанію на право преподаванія извѣстныхъ предметовъ. Въ случаѣ же неявки таковыхъ, а наипаче иностранцевъ, не состоящихъ въ россійскомъ подданствѣ, увѣдомлять о нихъ мѣстное начальство: въ городѣ—Городничаго, въ Повѣтѣ—Земскаго Исправника. По истеченіи указаннаго въ „предложеніи" срока, въ концѣ іюня того же 1812 года помощ-

никъ уманскаго префекта о. Граціанъ Микулинскій, въ отношеніи своемъ Директору Кіевской Гимназіи, извѣщаетъ, что одни изъ занимающихся частнымъ преподаваніемъ дѣйствительно явились въ училище, а другіе не захотѣли, и потому проситъ инструцій, какъ поступить съ тѣми и другими. Между прочимъ, въ числѣ неявившихся, упомянуты: еврей Кунъ, обучающій по французски въ Умани, и въ Кристиновкѣ—Germain, не хотѣвшій сдать экзамена.

Кромѣ упомянутыхъ раньше четырехъ пансіоновъ, существуетъ указаніе на попытку открыть въ 1811 году еще одинъ женскій пансіонъ въ Умани; но былъ ли онъ открытъ,—намъ неизвѣстно; по всей вѣроятности—да. Желаніе заявлено было жительствующей въ г. Умани вдовой Іоанной Thatz, обратившейся по этому поводу къ директору Кіевской гимназіи. Директоръ отнесся вполнѣ благосклонно къ просьбѣ г-жи Thatz, прекрасно понимая, что „въ таковомъ заведеніи въ той мѣстности является надобность". Въ дальнѣйшемъ, онъ предоставляетъ устроить это дѣло префекту уманскаго училища. Главное, по его мнѣнію—чтобы подобныя заведенія отвѣчали желаніямъ родителей и волѣ правительства. Въ виду этого, онъ предписываетъ префекту: 1) снабдить г-жу Thatz книжкой „Общаго школьнаго устава", Высочайше утвержденнаго 5 ноября 1804 года, для ознакомленія съ предписаніями, съ которыми она должна сообразовать свои намѣренія, 2) взять у нея планъ пансіона, 3) составить, подъ предсѣдательствомъ префекта, коммиссію изъ учителей, предметы которыхъ будутъ преподаваться въ пансіонѣ, для производства испытанія лицамъ, намѣревающимся преподавать въ пансіонѣ, и если послѣдніе не окажутъ успѣховъ,—отказать; въ случаѣ же будутъ обладать надлежащими познаніями,—выдать аттестаты за подписью всѣхъ экзаменаторовъ и за приложеніемъ казенной печати, 4) собственное заключеніе префекта объ ожидаемой отъ пансіона пользѣ и пригодности г-жи Thatz къ содержанію его,—сообщить директору гимназіи для испрошенія разрѣшенія Правленія Императорскаго (Виленскаго) университета.

Если и удалось г-жѣ Thatz открыть женскій пансіонъ въ Умани, то онъ въ ея завѣдываніи существовалъ, вѣроятно, очень не долго, такъ какъ намъ извѣстно, что въ промежутокъ между 1812 и 1821 г., послѣ существованія предполагаемаго пансіона г-жи Thatz, въ Умани былъ уже женскій пансіонъ нѣкоего Дудкевича, переданный затѣмъ въ январѣ 1822 года французскому уроженцу, бывшему воспитаннику Уманскаго повѣтового училища, Линсу, преподававшему въ то время французскій языкъ въ повѣтовомъ уманскомъ училищѣ. Въ скоромъ времени, вѣроятно въ 1824 году, въ Умани открылся еще одинъ женскій пансіонъ—нѣкоего Темерй, съ двумя другими иностранцами (вѣроятно преподавателями въ его пансіонѣ)—Иваномъ Дута и Александромъ Арнодомъ. Что послѣднее предположеніе справедливо, можетъ быть могло бы послужить подтвержденіемъ распоряженіе Училищнаго Комитета Императ. Харьков. Университета, которому Кіевскій учебный округъ подчиненъ былъ съ 1818 года, объ отобраніи у этихъ двухъ иностранцевъ подписки въ томъ, что они не принадлежатъ, не принадлежали и обязываются не принадлежать къ ложѣ братьевъ Масоновъ или какому другому тайному обществу и никакихъ сношеній съ ними не будутъ имѣть.

Около этого времени, въ концѣ 1824 года, послѣдовало симпатичное нововведеніе въ программѣ образовательныхъ предметовъ частныхъ пансіоновъ, а именно—по предложенію попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа (Е. В. Карнѣева), училищный Комитетъ Харьковскаго Университета предписалъ содержателямъ и содержительницамъ „благородныхъ дѣвичьихъ пансіоновъ“, чтобы они старались „вводить по возможности обученіе воспитанницъ сельскому и домашнему хозяйству, *какъ предмету наиболѣе приличному ихъ полу*, соединенное съ обученіемъ естественной исторіи“.

Но вотъ циркулярное предписаніе Министра Нар. Просвѣщенія г. Исправляющему должность Харьковскаго Учебнаго Округа отъ 3 марта 1826 года подорвало въ корнѣ значеніе частныхъ пансіоновъ въ томъ видѣ, какъ они донынѣ существовали, и по всей вѣроятности, послужило началомъ ихъ посте-

пеннаго исчезновенія. Суть въ томъ, что въ 45 статьѣ Высочайше утвержденныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія сказано, что „мѣстныя начальства всѣми образами должны ободрять заведеніе такихъ пансіоновъ, которыхъ бы хозяева имѣли предметомъ *токмо содержаніе и надзоръ* за поведеніемъ юношества, получающаго учебныя наставленія *въ училищахъ*“,—притомъ тѣ же начальства обязаны поощрять родителей къ отдачѣ дѣтей въ ихъ руки, въ распоряженіе ихъ же (начальства) или кого-либо изъ учащаго персонала, а затѣмъ уже постороннихъ лицъ, „извѣстныхъ познаніями въ наукахъ и честнымъ поведеніемъ“. „Почитая мѣру сію *единственнымъ* способомъ къ распространенію систематическаго образованія въ наукахъ и полезнаго обученія юношества, тѣмъ болѣе, что содержатели частныхъ учебныхъ заведеній, по большей части, не имѣютъ къ тому достаточныхъ способовъ и вообще отступаютъ отъ *единообразія, желательнаго въ преподаваніи наукъ* по всему вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія“, Министръ обращается съ просьбой къ главному начальнику Харьковскаго округа обратить „надлежащее на означенную выше статью вниманіе“ и желающимъ заводить на изложенномъ выше основаніи пансіоны оказывать всевозможное содѣйствіе и покровительство.

Надо полагать, что это послѣднее предписаніе сильно отразилось на возможности дальнѣйшаго существованія частныхъ пансіоновъ съ курсомъ преподаванія въ нихъ,—но, къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о пансіонахъ прекращаются 1826 годомъ.

В. Доманицкій.

ЗА КОЛИВЩЫНЫ.

I.

По-надъ Тясмыномъ, недалеко видъ Головятына, лежыть невелычке село Гуляй-городъ. Розкынулось воно на зеленимъ горби, середъ садкивъ та левадъ. Нызькый берегъ Тясмына рясно зарисъ верболозомъ та очеретамы, а дали за ричкою зеленіе лисъ по ярахъ та горахъ. Невелычка церковка биліе пидъ горою, а кругъ неи мостятся били селянськи хатки зъ садкамы та городамы. Въ Гуляй-городи, тому вже буде литъ бильше ста, жывъ шляхтычъ Янъ Могыльськый. Бувъ винъ землемиръ, оселывся на Украини коло 1750 року, але звидкиль винъ взявся— того нихто не знавъ. Знавъ де-хто, що винъ прыйихавъ у Смилу плохенькымъ визкомъ та парою шкапъ, и прожывавъ якый часъ у Смили безъ роботы. Смилянщына тоди належала до князя Любомырського, багатого польського магната, а управытелемъ у Смили бувъ Добрынськый. Навидуючы свои маетности, князь прыйихавъ у Смилу; по прозьби управытеля винъ прыйнявъ Могыльського на свою службу, давъ ёму дворыкъ, пенсію, видсыпне и прыставывъ обмирюваты свои безмежни маетности, що одъ вику не булы ще миряни. Сею роботою Могыльськый займався кильки литъ и увесь той часъ прожывавъ у Смили.

Циле лито винъ блукавъ по степахъ та лисахъ, миряючы княжи земли, а зимою складавъ пляны. Жывъ самитно; людей наче-бъ цурався, та й люде ёго; тому жъ то нихто и не цикавывся, хто винъ, та звидкиль. На ту пору въ Украини не мало селылося захидцивъ зъ рижныхъ мисць Польщы, часто безъ роду и прызвыська, и не лышъ винъ одынъ бувъ тутъ таемною особою. Люде, що бувалы на Волыни, розсказувалы, що чувалы про ридъ Могыльского пидъ Любаромъ, що винъ десь бувъ жонатый, мавъ дитей, але чы вмерла ёго дружына, чы покынула ёго, або може винъ самъ помандрувавъ свитъ за очи—про те нихто не знавъ ничого певного.

Черезъ скилька литъ князь Любомырськый вдруге прыйихавъ до своихъ маеткивъ. Могыльскій подавъ ёму свою працю, и князь, задоволеный нею, вволывъ на прохання Могыльського и виддавъ ёму на чыншъ Гуляй-городъ на неомежный часъ. Сельце се тоди було не бильшъ пъятнадцяты дворивъ, лежало воно середъ гиръ, пбля ораного було мало, а шляхы булы погани. Тому-то аренду взявъ Могыльськый за дуже невелыкый чыншъ, навить на тодишню пору: за шисть сотъ злотыхъ у рикъ. Сей чыншъ, одначе, винъ мигъ выбраты вже зъ садкивъ, що рослы у таемныхъ нетряхъ надтясмыньськыхъ лисивъ та зъ млына на тясмыньськый гребли. Млынъ винъ виддававъ въ аренду вже видъ себе Смиляньському пысареви Редчыньському, и греблю съ тои поры селяне прозвалы Пысарською; а самъ, поставывшы соби дворыкъ на тимъ самимъ мисци, де и теперъ стоитъ панськый домъ, перебрався у Гуляй-городъ и вже видтоди дуже зридка бачылы ёго у Смили.

Того-жъ року Могыльському, якъ розсказувалы люде, подано звистку про смерть ёго жинкы, и винъ пойихавъ на Волынь, та черезъ скилька тыжнивъ вернувся зъ дивчыною рокивъ десяты, чорнявенькою, гарною, веселою, котра называла ёго татькомъ. Звалася вона Юзя.

Вона бильше боялася, нижъ любыла батька. Та й не дыво: Могыльського не моглы любыты й люде, а тымъ бильше диты. Бувъ винъ чоловяга вже литъ пидъ сорокъ, высокый, худый

жылавый, чорноволосый и чорноокый. Суворе та понуре ёго облыччя николы не прояснявъ щырый усмихъ, але гнивъ розпалявъ ёго вмыть. Мабуть, лыха доля выгрызла, вынищыла зъ ёго серця вси люби почування и затемрыла ёго душу смуткомъ та гиркымъ недовирствомъ. Завжды винъ бувъ сумный, мовчазный та неймовирный, а въ гниви лютый и запеклый. Одягався убого: литомъ въ полотнянимъ жупани, зимою въ кожуси, крытимъ сирячыною.

Госпòда ёго була тыха и пуста, жыття въ ій нудне, а свя́та, що у людей звычайно проходять у забавахъ та веселощахъ, у ёго навить середъ челяди мыналы мовчкы, въ спочынку.

До такои то осели, въ найпустельнійшій сторони Украины, зъ одного боку обмеженій темнымъ лисомъ, а зъ другого водою, перевизъ Могыльськый веселу, жваву дытыну.

Юзя спершу вдалася въ тугу за гоминомъ та людьмы, але, звычайно, якъ дытына звыкла згодомъ до сеи могыльнои тышы и годынамы просыжувала задумана, гонячы очыма за водою або за хмарамы. Батько навчывъ ій чытаты и писаты, селянськи дивтата навчылы спиваты чудовыхъ, смутныхъ думокъ та писень Украинськыхъ, бабы оповидалы ій казкы, прядучы зъ нею довгымы зимовымы вечорамы—отсе була вся розвага та забава, що заповнялы ій дытячи лита.

За чотыри рокы передъ прыйиздомъ Юзи Могыльськый прыйнявъ, бувъ господыню для дому. Се була молодыця зо Смилы, на имъя Марьяна, литъ биля трыдцяты, правдыва украинка, чорноока, чорнобрыва, зъ прынаднымъ гнучкымъ станомъ, повнымъ жыття и сылы.

Видъ самыхъ молодыхъ дивочыхъ литъ лыха була ій доля. Батько ій служывъ за побережныка въ лисахъ того-жъ самого князя Любомырського; маты померла, якъ Марьяни йшовъ десятый рикъ. Ніякъ и ныколы було батькови доглядаты свою дочку-одыныцю; тому-жъ виддавъ винъ ій до двору княжого управытеля, де за клюшныкомъ була Марьянына титка. Марьяну прыставылы до панськыхъ покоивъ. Молоде дивча, що зросло у виковій пущи, середъ таемного шелесту старыхъ дубивъ та осокоривъ, що

звыкло лышъ до пташныхъ голосивъ у темній диброви, нудыло свитомъ у панськыхъ будынкахъ, въ неволи, якъ вильна пташка у клитци. Чы разъ було стара клюшныця, що заправляла всею панською челяддю, бралася докоряты, вчыты розуму Марьянку, зачыняла ій у темну комору за кару, або становыла на вколюшкы на гречку,—дивча, выплакавшысь, втикало у самый край старого панського саду, або на ставъ, у верболозы та й просыжувало тамъ до пизнёго вечора.

Але мынуло рокивъ тры, чотыри—и трудно було прызнаты колышню дыку, лисову Марьянку въ гожій чорнобровій дивчыни, за котрою пропадалы теперъ вси двирськи парубкы. Якось зимою найихало до Смилянського управытеля багато панивъ на полювання. Цилый тыждень двиръ гомонивъ рогами, трубамы звягою та гавканнямъ псарни, и що-вечора, пысля полювання, бенькетамы та музыкамы, якыхъ прывезлы ажъ въ Черкасъ.

Всій дворни настала тяжка робота; треба було догодыты всимъ гостямъ, на кухню прыставылы ще скилька кухаривъ, а до покоивъ набралы найкращыхъ дивчатъ зъ пидданокъ князя. Але середъ ныхъ всихъ Марьяна видзначалась своею красою и вродою и звертала на себе загальну увагу всихъ прыйиздныхъ панивъ та панычивъ. Особлыво одынъ молодый хорунжый, панъ Яцимырськый, дуже соби вподобавъ ій и не дававъ ій просвитку своимъ залыцяннямъ. Марьяна була непрыступна на вси пидхóдци паныча, а ій байдужисть ще гирше розпаляла ёго. Молодому хорунжому вперше доводылося, щобъ „хлопка“ видвертàлась видъ ёго женыхання та ласкы.

Невидомо якымъ способомъ винъ добувся, що одного разу пысля пизнёи вечери, якъ вже вси гости розійшлысь по покояхъ на спочынокъ, клюшныця послала Марьяну занесты пляшку меду до тыхъ покоивъ, де стоялы панычи.

Панъ Яцимырськый прыставъ до дивчыны, щобъ вона выпыла до нёго чарку; дали нахваляючысь, що не выпустыть ій, прымусывъ выпыты й другу, третю... Марьяни свитъ закрутывся, вона хтила выхопытыся сыломиць, але двери булы зачынени на ключъ... Розпáчлывый крыкъ дивчыны хорунжый затлумывъ въ

своихъ сыльныхъ обіймахъ.... Марьяна темною зимовою ничью, по сниговыхъ заметахъ, безъ шляху, добигла ледве жыва до батьковои хатыны у пущи, и заходячысь слизьмы, розсказала батькови про свою крывду. Старый кынувся до управытеля шукаты права за зневагу и безчестя своеи одыныци, хтивъ вбыты Яцимырського... але опынывся звъязаный у темнимъ стебныку.

На ту пору не можна було хлопови знайты право на пана

Не довго прожыла Марьяна въ батьковій хати. Старого хочъ и выпустылы скоро зъ двора и полышылы на давній служби, але винъ зъ жалю та крывды почавъ де-колы дуже запываты.

Лышъ мисяць мынувъ писля прыгоды зъ хорунжымъ. Марьяна довго, до пизнёи ночи дожыдалася батька зъ миста, куды винъ пишовъ, щобъ купыты де-чого на пущання; такъ и не диждалася та й сама лягла спаты. Не прыйшовъ батько и вранци; ажъ биля полудня прыскочывъ двирськый козакъ зъ звисткою, що старый сеи ночи замерзъ у степу, зблудывшы пьяный зъ шляху.

Никуды було дитыся бидній сыротыни зъ своимъ соромомъ: заздри мійськи та двирськи дивчата не давалы ій просвитку своимы докорамы, глузуваннямъ, а парубкы, до залыцяння котрыхъ вона була байдужа, теперъ нахвалялыся утяты ій косу за те, що хочъ и неволею, стратыла винокъ свій дивочый.

Пишла Марьяна свитъ-за-очи шукаты прытулку у чужыхъ людей. Опынывшысь у Черкасахъ вона стала за няньку въ якогось доброго заможнёго мищанына. Писля Спаса вона породыла хлопця. Такъ, трохы не зъ пъятнадцять литъ вона тынялася зъ дытыною въ наймахъ, чы разъ гирко проклынаючы свое нужденне жыття. Натерпилась голоду, холоду, крывды та зневагы, ажъ забравъ ій Могыльськый за господыню до себе, у Гуляй-городъ.

Тутъ ій здалося, що лыха доля стала до неи наче ласкава. Могыльськый, до усихъ прыкрый и суворый, до Марьяны бувъ прыхыльный: винъ виддавъ ій вси ключи видъ господы, де-колы пытався ій рады въ домовыхъ справахъ и видъизжаючы на свои

землемирськи роботы, де-колы на скилька тыжнивъ, лышавъ ïи за старшу надъ усимъ своимъ хазяйствомъ и повирявъ ій доглядаты свою Юзю. Смутку задавало Марьяни лышъ те, що Могыльськiй видразу не злюбывъ ïи сына Нестора. Вона всиляко старалася, щобъ хлопець ни въ чимъ не ставъ проты воли пана, щобъ навить не часто попадався ёму передъ очи, але все-жъ такы панъ ненавыдывъ Нестора безъ прычыны, ни про що, хочъ старався не показуваты того передъ людьмы та Марьяною, бачывшы, що се ïи дуже грызе. Юзя, зъ доброго свого серця, завжды обставалася передъ батькомъ за Несторомъ и тымъ дуже прывъязала до себе серце матери и сына. Вона була добрымъ янголомъ и заступныцею для всихъ бидныхъ и покрывжденыхъ. Въ сумнiй, понурiй господи гуляйгородськiй Юзя була зиркою для всихъ, розганяючы хочъ трохы загальный сумъ и хмуристь своимъ щебетомъ та ласкою.

—

Мынуло пъять литъ такого жыття въ Гуляй-городи.

Несторъ ставъ гарный парубокъ. Облыччямъ винъ вдався у матиръ: такый самый гожый, чорнобрывый, але ёго вроду ще побильшувавъ высокый, гнучкый станъ та незвычайна сыла. На вдачу бувъ добрый, прыхыльный и працёвытый. Бачывшы, що Могыльськый по давнёму не любыть ёго, и що нiякымъ стараннямъ, ни угидлывистью не можна перемогты тои ненавысти, Несторъ давно вже хтивъ подякуваты ёму за хлибъ, за силь та й пiйты у свитъ шукаты доли. Але була прычына, що мицнымы кайданамы прыкувала ёго до Гуляй-города. Винъ щыро покохавъ Юзю, и вона взаемно кохала Нестора усiею сылою свого молодого серця.

Зналы обое, що се кохання не дасть имъ щастя, бо батько, хочъ-бы навить и любывъ Нестора, николы бъ не допустывъ и думкы, щобъ ёго дочка выйшла за „хлопа“; винъ радницый побачывъ-бы свою Юзю у труни, нижъ за Несторомъ. Зналы се добре обое, але ся безнадiйнисть не зменшала сылы ихъ кохання, а може ще й побильшувала ёго.

Бачыла й Марьяна, що зкоилося зъ дитьмы—вона любыла Юзю якъ ридну дытыну; прочувала іи душа нещастя; вона пробувала неразъ намовыты дитей выкынуты се кохання зъ серця, а Нестора сама выправляла зъ дому, знаючы, що Могыльськый охоче выпросыть службу у Смилянського управытеля для Нестора, абы лышъ збуты ёго зъ своихъ очей.

Дывнымъ робомъ, Могыльськый, завжды провыдлывый, на кохання Юзи зъ Несторомъ бувъ слипый,—може тому, що винъ и думкы не прыпустывъ, щобъ такый бурлака, безбатченко осмилывся надіятысь на шляхтянку.

Однои недили у Петривку, колы Могыльськый цилый тыждень вже не бувъ вдома, вся челядь у Гуляй-городи розійшлася хто-куды: парубкы купатысь у ричку, дивчата по ягоды, а старійши поляглы спаты писля обиду. Юзя, своимъ звычаемъ, выйшла на край саду, надъ ричку, де почыналысь берегови верболозы, сила на травыцю въ холодокъ пидъ кущемъ калыны та й загадалась, наче зачарована тыхымъ шелестомъ лыстя та теплымъ, ласкавымъ подыхомъ нызового пивденного витру.

Згадала вона свою дытячу пору, колы не зазнавала ни журбы, ни смутку; матуся добра, лагидна, пестыла свою одыныцю, догожала на вси іи бажання, на выгадкы. Добра пора була, щаслыва, незабутня!.. Якъ бы жыва була маты, розсказала бъ ій Юзя, якъ іи душу теперъ заповняють чудни, невидоми почування—и радощи, и смутокъ, и щастя, и невымовна журба. Вона любыть Нестора—гарного, доброго, хрошого,—Боже, якъ любыть! Наче сонечко яснійше свитыть, колы винъ зъ нею, наче увесь свитъ кращый, веселійшый... А батько?

И смутокъ обгортавъ молоде дивоче серце, колы вона згадувала суворый, холодный поглядъ батька, ёго ненавысть до іи любого.

Закрывшы лыце долонямы, думала Юзя: чому я не проста селяньска дивка, отъ якъ Меланка Демыдова Рыбалчына. Демыдъ охоче виддавъ бы дочку за Нестора, бо такыхъ гарныхъ, дужыхъ та роботящыхъ парубкивъ не багато. Або чому Нестиръ не панычъ, шляхтычъ? Якый гарный бувъ

бы зъ ёго воякa! Вона згадала молодого хорунжого, котрого бачыла разъ у Смилянському костёли, на видпусти. Зъ Нестора бувъ бы ще кращый хорунжый.

— Чого зажурылась панночка хороша?

Юзя стрепенулася, видкрыла лычко. Биля неи стоявъ Несторъ.

— Злякавъ ты мене.

Несторъ сивъ обичъ дивчыны. Смилывый зъ другымы, зъ Юзею винъ завжды бувъ боязькый, найбильше зъ тои поры, колы вона прызналася ёму одного вечора, що любыть ёго такъ само, якъ винъ ii.

Несторъ добувъ зъ кышени жменю насиння и почавъ лузаты ёго. Юзя простягла руку, винъ всыпавъ ій насиння. Винъ дывывся на неи, якъ на образъ. Юзя була чудово гарна. У вышытій квиткамы билій сорочци, у намысти зъ кораливъ, зъ образкомъ и хрестыкомъ, у рижнобарвыхъ стричечкахъ, вплетеныхъ въ ii довги косы, вона здавалася гарною украинською дивчыною. Ii чаривни кари очи такъ любо та сумно дывылыся на Нестора, що здалося ёму, наче увесь свитъ затуманывся, лышъ ти очи, якъ зиркы, свитылыся ёму.

— Панночко, любко хороша! Що зъ намы буде?

Юзя зрозумила ёго думку, бо се була и ii журба, и ii безнадiйный смутокъ.

— Не маю я тутъ доли, не буде тутъ и щастя,—казавъ дали Несторъ.—Треба йты кудысь шукаты доли. А мое щастя тутъ, зъ тобою, покыну, моя зирко ясная...

— Несторе, голубчыку, не кыдай мене! Не хочу я жыты безъ тебе. Може, Богъ змылуется надъ намы, може якось...

— Богъ змылувався бъ може, та твiй батько не змылуется,— дарма.

Зитхнулы обое, задумалысь.

— На Нызъ, у Сичъ. Туды шляхъ такымъ сиромамъ, якъ я.

— Добре, йды. А я пиду у Тясмынъ; туды шляхъ для мене,—сказала Юзя.

— Ты панночка, ты знайдешъ соби гарну пару, паныча якого шляхтыча. Забудешъ швыдко бурлаку безридного.

— За що такъ прыкро говорышъ, Несторе? Хиба я тебе на часъ покохала? Хиба, думаешъ, мою душу не роздырае смутокъ, жаль? Ты не добрый, не такъ любышъ мене, якъ я думала.

— Ой, я жъ тебе не люблю?!—простогнавъ Несторъ.

— То не мучъ, не дорикай, колы любышъ,—сказала Юзя.

— А все жъ иты треба,—сказавъ Несторъ.—Батько довидается про наше кохання,—гирше буде.

— Не йды, Несторе. Я безъ тебе одного дня не прожыву.

— Голубко ясна, що жъ мени робыть? Маты выправляе, щобъ лыха не було; та й моя думка така сама.

— Колы такъ,—озвалася Юзя,—беры и мене зъ собою. Краще буду зъ тобою нужду терпиты, нижъ тутъ одна...

— Не можна тоби у Сичъ, ясочко, ніякъ.

— Не йды у Сичъ, тикаймо куды инде.

— На слобидську, на той бикъ можна,—сказавъ Несторъ. А ты не передумаешъ?

— Ни.

— Колы бъ батько не видшукавъ?

— Поберемось, повинчаемся, то може простыть, перепросымъ,—сказала Юзя.

Несторъ обнявъ ій, прыгорнувъ до себе, цилувавъ въ уста, въ очи; вона горнулась до ёго, якъ голубка...

Вмыть скочывъ Несторъ, прыслухався: за кущемъ бузку ёму почувся наче шелестъ. Прожогомъ, якъ хыжый звиръ, винъ кынувся за той кущъ.

Прытаившысь сыдивъ тамъ стаенный парубокъ Могыльського, Макаръ. Про ёго знала вся челядь, що винъ разъ-у-разъ доказуе свому панови про все, що дiется та говорыться у двори.

Несторови наче захолонуло серце видъ гниву. Винъ кынувся на Макара, якъ вовкъ на ягня, звалывъ ёго на землю.

Потимъ, ставшы ёму колиномъ на груды, сыльною рукою своею стыснувъ ёму горло и сказавъ:

— Слухай, ты песькый сыну, я тебе задушу!

— За що? За що? схаменысь!—прохарчавъ Макаръ.

— Ты докажешъ на панночку...

Але Макаръ почавъ просытыся, прысягатыся, що не скаже а-ни слова; грызъ землю, плакавъ... Несторъ пустывъ ёго, сказавшы: „памъятай, Макаре: зъ пидъ земли тебе добуду, колы докажешъ, и вбью, якъ гадыну". Юзи вже не було пидъ калыною.

—

Мынуло тыжнивъ два писля Петра. Могыльськый зновъ пойихавъ на свою роботу, сказавшы, що забарытся днивъ зъ десять.

Несторъ заздалегидь обдумавъ все, якъ слидъ. Колы втикаты зъ Юзею, треба було взяты и матиръ, бо Могыльській на ній окошывъ-бы увесь свій гнивъ та помсту.

Теперъ найкращый часъ наставъ. За десять день, покиль вернувся-бъ Могыльськый, воны булы бъ далеченько, по той бикъ Днипра. Марына дуже боялася сёго замиру, але Несторъ переконавъ іи. Юзю переконуваты не треба було: вона серцемъ билышъ була до Марьяны и Нестора, котри щыро любылы іи, нижъ до батька, котрого вона не такъ любыла, якъ боялася.

На другый день писля выйизду Могыльського, Несторъ налагодывъ визокъ, добре нагодувавъ пару кращыхъ коней, а Марьяна зъ Юзею зибралы де-яку одежу та шмаття. Челяди сказалы, що збираются у Смилу до пысаря у гостыну. Де-колы йздылы воны до ёго, бувавъ тамъ и Могыльськый, та й пысарь чы-разъ зайиздывъ у Гуляй-городъ; тому-то никого не здывувавъ той замиръ.

Несторъ не хотивъ выйиздыты за-дня, щобъ, выпадкомъ, хто не прызнавъ ихъ на иншому шляхови, на Черкасы.

Звечорило. Несторъ, запрягшы кони, зайшовъ у хату сказаты матери, щобъ прыпасла харчивъ на дорогу.

Пóкапомъ заходылась Марьяна накладаты у торбу запасъ. Несторъ, сившы обичъ Юзи на лавци, почавъ ій казавы, якъ

незабаромъ воны подружатся, якъ заведуть свое хазяйство тамъ десь, у слободахъ...

Юзя сыдила сумна, задумана.

— Чого невесела, моя голубко?—спытавъ Несторъ.—Може каешся, що втикаешъ зо мною? Може жалко покыдаты батькову хату?

Ни, Несторе; не каюся я и не жаль мени, а такъ чогось невесело; щось недобре вищуе мое серце, страхъ якыйсь мене бере...

— Не бійся, зирко, не журыся!—сказавъ Несторъ.—Бильшъ копы лыха не буде.

— Та ось вже й готово,—сказала Марьяна, завъязуючы мишокъ.

— Готово?—почувся голосъ позаду Марьяны.

У дверяхъ стоявъ Могыльськый.

Гримъ, колы бъ вдарывъ у хату, не злякавъ бы такъ. Марьяна пополотнила, та й наче застыгла вся, нагнувшысь надъ недовъязанымъ мишкомъ. Юзя неначе зкаменила, шыроко розкрывшы свои кари очи. Несторъ стыснувъ кулакы; духъ ёму заперся у грудяхъ.

Винъ вызырнувъ у сины.

— Гей, хлопцы! Сюды!

На голосъ Могыльського у хату увійшло скилько дужыхъ людей. Несторъ, бачывшы, що не ёго сыла, вмыть, кынувся у викно, высадывъ ёго и скочывъ у садъ. Забигшы у глыбъ саду, винъ спынывся, прыслухався: здогони не було. Видъ дому долынувъ до ёго розпачлывый крыкъ матери.

Несторъ охоловъ: той крыкъ лизъ ёму гадюкою въ вуха. Почало ёго трусыты, мовъ у пропасныци, видъ гниву та лютости. Подумавшы одну мыть, винъ крадькома подався назадъ до двору. Вернувшыся нышкомъ пидъ викно, винъ всунувся у кутъ бузку и зазырнувъ у хату.

Крыку вже не було чуть. Могыльськый, страшный, блидый, ходывъ по хати и клявъ всихъ страшеннымы словамы. Юзя сы-

дила у кутку на доливци, затулывшы лыце рукамы и гирко плакала. Марьяны не було у хати.

— Макаре!—гукнувъ Могыльськый.

Увійшовъ Макаръ и ставъ биля порога.

— Те стерво,—сказавъ Могыльськый,—выведы заразъ на ричку и кынь у плавни.

— Вона, прошу пана, ще жыва,—видказавъ Макаръ.

— Робы, якъ кажу!—гукнувъ Могыльськый, топнувшы ногою.

Юзя кынулась у ногы батькови.

— Татку!—скрыкнула вона,—змылуйтесь! Що вы робыте!?

— Геть, проклята!—крыкнувъ винъ на неи.—Ты мени не дочка!

Юзя хапала ёго за ногы, плакала, просыла... Але Могыльськый штовхнувъ ій зневажлыво ногою и выйшовъ зъ хаты.

Юзя кынулась за нымъ, благаючы: татку, татку!...

Не разъ хотивъ Несторъ скочыты у викно и задушыты Могыльського, але, згадавшы, що не ёго тутъ сыла, винъ застыгъ.

На столи за викномъ, пидъ котрымъ прытаився Несторъ, стояла свичка.

Якась невидома сыла потягнула ёго руку до свичкы: винъ взявъ ій зъ стола, пиднисъ пидъ стриху и зъ найхолоднишымъ серцемъ пройшовъ зъ нею видъ кута до кута. Потимъ, закынувшы свичку у кущи, винъ перескочывъ садомъ до ричкы, до прыстани, де стоялы човны. Два човны винъ видпихнувъ геть видъ берега на воду, третій лышывъ. Дали, вырвавшы килъ, до котрого прывъязувалы човны, винъ засивъ въ очеретъ.

Трискання пожежи, шарварокъ людей неначе втихою наповнялы ёго серце. Чорный лисъ по горахъ та ярахъ чудно якось видлыскувавъ полумъямъ, а Тясмынъ свитывъ неначе розсыпанымъ червонымъ золотомъ. Чы довго просыдивъ Несторъ въ очеретахъ—винъ самъ того не памъятавъ. Колы наразъ почувъ винъ ходу двохъ людей, що наблыжалыся до прыстани. Воны неслы у рядни щось дуже важке, поклалы це у

човенъ и мабуть лагодылысь рушаты човномъ. Въ одну мыть Несторъ выскочывъ зъ свого захысту. Въ однимъ зъ людей винъ прызнавъ Макара. Коломъ, що мавъ Несторъ у руци, винъ такъ вдарывъ Макара по голови, що той, мовъ зкошенный будякъ, не подавшы и голосу, звалывся зъ човна у воду. Другый утикъ, подумавшы мабуть, що се нечыстый. Несторъ скочывъ у човенъ, видопхнувся видъ берега и, якъ лыска, помижъ очереты, подався у плавни.

У рядни лежала Марьяна,—безъ памъяты, побыта кыямы видъ шыи до самыхъ пъятъ. Кровъ ій наскризь промочыла все рядно.

Йе на Тясмыни остривъ середъ неприступныхъ очеретивъ. Колысь купывъ ёго Могыльськый у Вергунивськыхъ селянъ, посадывъ тамъ садокъ, поставывъ хатку, выкохавъ пасику. Стежку до неи мало хто й знавъ. Тамъ, бувало, любыла сыдиты Юзя, а Марьяна мала тамъ трохы закопаныхъ грошей та де-яку одежу. Несторъ завернувъ на той остривъ и розсказавъ пасичныкови всю свою прыгоду. Старый пожаливъ ихъ, помигъ Несторови обмыты та позавъязуваты раны побытои матери. Вона не вернулася до памъяты. Пасичныкъ боявся пана, боявся даты захыстъ втикачамъ у своій хати. Винъ помигъ Несторови поставыты куринь зъ очерету у другимъ глухимъ краю острова. Туды й перенеслы Марьяну. Старый прынисъ имъ де-якои стравы.

Цилый день просыдивъ Несторъ надъ матирью, обганяючы гылкою видъ неи комаривъ та мухъ. Марьяни не легчало. О-пивночи вона умерла. Несторъ выкопавъ глечыкъ срибныхъ грошей, перенисъ тило на човенъ и поплывъ до Вергунивъ—осели, що лежыть навпроты Гуляй-города, по той бикъ ричкы.

Вытягнувшы човенъ на берыгъ, винъ взявъ тило на плечи и понисъ до панъ-отця. Склавшы свою ношу на прызьби пидъ хатою, винъ накрывъ ій рядномъ, а самъ, пиднявшы виконце, гукнувъ у хату: „панъ-отче! аговъ, панъ-отче!“

— А хто тамъ?—озвалыся зъ хаты.

— Поховайте се тило, що лежыть у васъ на прызьби, и видправте службу за душу небижкы, а оце вамъ заплата.

Винъ высыпавъ на лутку жменю грошей, а самъ утикъ до Тясмына. Допавшы човна, винъ выплывъ на середыну ричкы та й задумався: куды теперъ подитыся?

Дывнымъ робомъ дiется на свити, що не разъ вся наша доля залежыть видъ якоись маленькои прыгоды.

Несторъ надыбавъ у плавняхъ на чаплю и де-якый часъ, блукаючы думкамы далеко, дывыся на неи.

Потимъ винъ знавъ на чудну думку—завернуты човенъ на чаплю: куды вона полетыть, подумавъ винъ, у ту сторону и я помандрую.

Чапля знялася, покружляла надъ ричкою и потягла за пысарську греблю.

Свитало вже, и на яснимъ небозводи довго, довго ще бачывъ Несторъ, якъ чапля летила надъ ричкою, ажъ помалу розтанула въ очахъ...

Перехрестывшысь, винъ погнавъ свiй човенъ на греблю.

Покынувшы човенъ, винъ озырнувся на Гуляй-городъ, важко зитхнувъ за Юзею, за матирью, а потимъ берегомъ Тясмына майнувъ пишкы до Медведивки, а звидтыль до Чыгрына.

Тамъ трапывъ винъ на ярмарокъ, и люде, що прыйихалы зъ Орловои балкы, оповидалы, що тамъ збираются бурлакы и хтять иты на Польщу.

Несторъ купывъ соби на торговыську рушныцю и впросывся до одного чоловика, почастувавшы его горилкою, щобъ пидвизъ его у ту сторону. Цилый день воны йихалы лисамы та байракамы, ажъ до другого дня выбралысь на шырокый степъ, якъ окомъ глянуты.

У-перше Несторъ бачывъ степъ. Спочатку его наче зачарувавъ безмирный простиръ, а дали нагнавъ ему тугу.

Спека була нестерпуча, волы на превелыку сылу ступалы по дорози, а Несторъ сыдивъ змореный, думка думку гнала, а серце чогось такъ болило, наче бъ его хто бравъ рукою и стыскавъ що-мыть. Одынъ однисенькый, безридный на симъ шыро-

кимъ свити! Нема щырои души, до котрои винъ прыгорнувся бъ душею, розсказавъ бы свою тугу...

Несторъ заснувъ, и дывный, вищый сонъ прыснився ёму.

Наче бъ зъ незличенымъ військомъ переходывъ винъ черезъ якесь багнысько, грузнучы по поясъ у болоти, а те військо, мовъ тьма гайворонивъ, що въ-осены покрываютъ поля, йшло, йшло... ажъ дійшлы воны до велыкого миста, наче Смила, але бильше. А на майдани росло жыто, буйне та высоке, и косывъ ёго Несторъ зъ військомъ, и накосылы багато...

Колы винъ прокынувся, холодный питъ покрывъ ёго чоло, а серце стукотило такъ, наче бъ винъ безъ спыну перебигъ цилый ланъ.

О-полудни воны сталы на попасъ биля степового куриня.

У-перше, зроду Несторови непереможно забажалося горилкы. Увійшовшы въ курынь, винъ зоставъ тамъ чотырёхъ чоловикивъ, засмаленыхъ, кудлатыхъ, бородатыхъ, у дряныхъ сорочкахъ и штаняхъ. Воны пылы горилку.

Почалы розпытуваты Нестора, звидкиль та куды винъ иде.

Пидхмелывшысь горилкою, Несторъ розсказавъ имъ всю свою прыгоду.

— Поставъ же намъ горилкы,—сказалы люде, а мы тоби заспиваемъ гарну писню.

Несторъ поставывъ. Воны пидсунулы пляшку до себе и почалы частуваты одынъ одного, не вважаючы зовсимъ на Нестора, а спорожнывшы пляшку, одынъ спытавъ.

— Що жъ теперъ думаешъ робыты зъ собою?

— Шукаю людей, що идуть на Польщу,—видповивъ Несторъ.

Одынъ зъ людей зареготався.

— Ну, а якъ прыйдешъ у Польщу, запевне заскочышъ до ляшкы, що бидна тужыть десь за тобою?

— Пиду вбыты іи батька,—видказавъ Несторъ.

— Э, покынь!—сказавъ другый. Невира ляхъ десь запеклый та ще мабуть дужый, бо паны сплять на перынахъ, а годуются кнышамы. То жъ винъ тебе зариже, якъ теля.

— Брешешъ, бисивъ сыну!—скрыкнувъ Несторъ гнивно.

— Гай-гай! И гарячый ты, якъ я бачу, козаче.

— Годи бо!—озвався третій: не дратуйте. Выдко, що парубокъ зазнавъ горя, бидолаха.

Облычче цёго чоловика було худе, засмалене, та дуже сумне. Сорочка груба, вся свитыла дирками; рукы зпрацёвани, жылави та гудзовати, а спына скризь диркы показувалась вся у пругахъ та шрамахъ видъ батогивъ.

А Несторъ бувъ билый, гладкый, сорочка тонка и рукы мнягки, тендытни.

— У насъ братику, жыття! озвався четвертый. А що на Запорожжи—справжный рай! Але, щобъ тебе прынялы до куреня, потрибни дви речи: треба вмиты гуляты у реминь, а друге—треба маты вусы.

Зъ цимъ словомъ винъ добувъ зъ кышени реминець, склавъ ёго у двое, потимъ звернувъ у кильце и поклавшы на столи, сказавъ Несторови влучаты шыломъ у саму середыну.

— Гляды жъ, хлопче, не граемъ на витеръ. Добувай, лышень, гроши, та ставъ ще пляшку горилкы. Почалы граты, а вражы сыны разъ-у-разъ долывалы Несторову чарку. Несторъ програвъ вси свои гроши. Толи одынъ зъ гайдамакъ добувъ зъ комина сажы и намастывъ Несторови вусы. Выпылы ще...

Колы Несторъ прокынувся на другый день вранци, ёго товарышивъ вже не було. Винъ лышився безъ грошей и безъ шматка хлиба.

Тоди ёго взяла така туга та злисть, що винъ заставывъ шынкареви останню свытыну та почавъ пыты зновъ.

Ще винъ сыдивъ надъ пляшкою, колы зъ надвирря почувся гоминъ, и чоловика зъ двадцять, верхамы, зъ нагаямы, та спысамы, а де-котри зъ рушныцямы опынылыся передъ корчмою.

Першый увійшовъ козакъ середнёго зросту, у сынёму жупани, жылавый, дужый, зъ рудымы вусамы; невелычки очи ёго булы гостри, проныклыви; зброи винъ не мавъ ніякои, кримъ короткои татарськои нагайкы. Узрившы Нестора, винъ спытавъ:

— А звидкиля ця пысанка?

Несторъ розсказавъ ёму все чысто. Козакъ увесь часъ проныклыво дывывся ёму въ вичи, а дали звернувся до своихъ:

— Гей, а чы не ляшськый це шпыгунъ, пидгляднык!ъ! Кажы мени правду, вражый сыну, бо повишу тебе, якъ пса!

За цымъ словомъ винъ вытягъ Нестора нагаемъ по спыни, ажъ той прысивъ.

— А потрусить ёго, хлопци, трохы!

Въ одну мыть Несторови повыверталы вси кешени, шапку, обмацалы пазуху, розулы.—Не знайшлы ничого.

— А ну, перехрестысь?—сказавъ отаманъ.

Несторъ перехрестывся трычи.

— Скажы отченашъ.

Несторъ выказавъ.

— Добре. Хочешъ, пысанко, зъ намы?—спытавъ отаманъ

— Хочу, батьку!—видповивъ Несторъ.

— Гараздъ! Посады ёго, Паньку, зъ собою, сказавъ отаманъ одному зъ козакивъ. Козакы выпылы по чарци, поснидалы сухарямы, напоилы коней тай рушылы дали у степъ.

Несторъ сивъ на коня по-заду Панька. Дорогою козакъ розсказавъ ёму, що ихъ ватага стоитъ пидъ Орловою балкою, а отаманъ зветься Максымъ Зализнякъ.

II.

Мынуло тры роки писля Гуляйгородськои прыгоды.

На Украини настала лыха пора,—зовуть ту пору колівщына.

Року 1768 народъ Украинськый повставъ на своихъ панивъ за зневагу своихъ людськыхъ правъ та виры. Почалось гайдамацке повстання, а головою ёго бувъ Максымъ Зализнякъ

По всій правобережній Украини народъ стогнавъ у крипацтви: польськи паны, магнаты почыталы мужыка за скотыну, „быдло“, а ксіондзы заводылы скризь унію. Подекуды, невелыч-

кымы громадамы люде бунтувалы, нападалы на поодыноки шляхетськи дворы, палылы ихъ, побывалы панивь та ксіондзивъ, але польське військо розправлялося зъ такымы дрибными гайдамацькымы загонамы, розбывало ихъ, а захопленныхъ гайдамакивъ вишало, четвертувало або сажало на палю на торговыцяхъ та розстайныхъ шляхахъ, на страхъ другымъ.

За початку повстання у Зализняка було тры гайдамацькыхъ загоны: одынъ стоявъ надъ Лебединьськымъ монастыремъ, другый у Мотронынськыхъ лисахъ, третій у Чутивськыхъ, пидъ Сербамы.

Дійшла звистка до Зализняка, що Уманській губернаторъ Младановычъ зъ козацькымъ сотныкомъ Гонтою, що служывъ у надворній козацькій милиціи пана Потоцького въ Умани, побылы де-кильке загонивъ, а гайдамакивъ перевишалы та посадылы на пали, а трохы згодомъ побылы увесь чутивській загинъ; зъ того загону добигло до Зализняка тилькы тры чоловика.

Несторъ Пысанка (такъ прозвалы ёго козакы) бувъ у Мотроновському загони.

Другого тыждня велыкого посту сказавъ ёму Зализнякъ йихаты у Смилу, статы тамъ, наче за наймыта у попа, та нышкомъ бунтуваты людей щобъ прыставалы до гайдамакивъ, якъ рушать воны на Смилу.

На другій день Несторъ ставъ вже у Смили, у панъ-отця Андрія.

У-вечери Несторъ пійшовъ у мисто, зазырнувъ у корчму. Тамъ заставъ винъ двирськыхъ козакивъ зъ мылиціи, розбалакався зъ нымы, почастувавъ горилкою та й прогулявъ тамъ ажъ до пивночы.

На другый день тытарь повивъ ёго до своихъ прыятеливъ, заможныхъ мищанъ; ти зновъ у вечери одвидалы Нестора. Не мынуло ще и тыждня, якъ вже зналы ёго вси Смиляне та й полюбылы ёго, бо бувъ добрый, веселый, зъ молодшымы й погуляты гараздъ, а дивчата пропадалы за нымъ, бо спивавъ гарно, гравъ на бандуру, а гопака садывъ такъ добре, ажъ дывувалысь вси.

Одного дня надъ вечиръ Несторъ зайшовъ до двирськыхъ козакивъ. Посидавшы на прызьбы управытельськои пекарни, балакалы про се, про те, покуруючы люлькы. Колы це зъ двору пидйихавъ крытый рыдванъ, у четверо добрыхъ копей; зъ нёго выйшовъ панокъ, литъ пидъ сорокъ, вусатый, у кожушыны, крытій сывою кытайкою, а за нымъ дви панiи: одна пидстаркувата, друга молоденька, чорнява гарна, та гожа.

Несторъ, глянувшы на неи зблидъ, замовкъ, але въ мыть перемигся, та й повивъ дали перебыту розмову.

Видразу винъ пизнавъ Юзю. Вона ще покращала за той часъ, якъ винъ iи бачывъ. Iи чудови кари очи зырнулы на Нестра, але вона не пизнала ёго. Тай не дыво: гайдамацьке жыття дуже переминыло колышнёго гарного хлопця, якого вона полюбыла у Гуляй-городи; степовый витеръ осмалывъ ёго облыччя, а чорни вусы зробылы ёго далеко старшымъ. А до того, чы могла Юзя сподиватысь побачыты Нестора тутъ, у Смили, середъ двирськыхъ козакивъ панськои мылиції?

Трохы згодомъ, якъ рыдванъ вже видъйизжавъ зъ-пидъ двору, Несторъ спытавъ одного козака:

— Хто се прыйихавъ?

— А ты хиба не знаешъ?--видповивъ козакъ.—Полковныкъ Квасныцькый зъ Мельныкивки.

— А ти панiи?

— Одна—полковныкова жинка, а друга—ляшка зъ Гуляй-городу, Могыльського дочка.

— А чого жъ вона сюды прыйихала?—спытавъ Несторъ.

— До батька. Полковнычка дуже iи любыть, та й часто возыть до себе, у Мельныкивку. А теперъ оце прывезла iи назадъ.

— А батько iи що робыть?

— Та ничого. Сыдыть въ управытеля та й годи.. Зъ тои поры, якъ згоривъ ёго двирокъ у Гуляй-городи, винъ вже бильше прожывае у Смили, нижъ тамъ. Да хочъ и поставывъ винъ соби новый двиръ у Гуляй-городи, та щось ёму тамъ жыты не дае.

Кажуть люде—товчется по ночахъ, ходыть, стогне... Хто ёго зна... Святылы хату чы-разъ—не помагае.

— Чому жъ дочка доси замижъ не выйшла?—спытавъ Несторъ.—Адже жѣ гарна?

— Та врагъ ій зна,—видповивъ козакъ.—Дивка гожа, ляхивъ у Смили чы-мало, до всихъ вона зубы щырыть, а замижъ не йде.

Несторъ задумався. И радощи, и смутокъ, и якась непевна надія заповнылы ёго душу. Яка гарна, чудово хороша! Невжежъ вона замижъ не пійшла тому, що доси ёго не забула, що любыть по давнёму?...

Парубкы дуже поважалы и слухалы Нестора, а дивчата юрбою биглы на вечорныци, колы зналы, що тамъ буде винъ. Але зо всихъ дивчатъ Несторъ, здавалося, найбильше вподобавъ бувъ одну Оксану зъ Гуляй-города. Вона служыла у двори, при панни Могыльській. До Оксаны винъ ходывъ вечорамы на розмову, носывъ ій разъ-у разъ гостынци.

Вси дивчата заздрылы Оксани; кожна рада й щаслыва була-бъ, колы-бъ до себе могла прывабыты гарного козака.

Несторъ выпытавъ Оксану про ій панну и довидався, що до Юзи залыцяется багато панкивъ та панычивъ, але вона найбильше мабуть вподобала молодого брата полковнычки Квасныцькои, багатого панка зъ Лысянкы, що разъ-у-разъ дойизжае у Смилу, або до сестры у Мельныкивку: тоди саме и забырае полковнычка панну до себе и Юзя дуже радіе, якъ побачыть ёго.

— Тай моторный ляхъ,—казала Оксана; гарный, веселый. до панны саме до пары.

— А чы справди любыть ёго панна? пытавъ Несторъ.

— Да вже жъ. Полковныци разъ прызнавалась, що любыть ёго, та й мени якось сказала: визьму вже й тебе, Оксано, зъ собою, якъ выйду за пана Яна. У ёго богатый двиръ у Лысянци. Бо панна мене дуже любыть.

Вже було зовсимъ смерклося на двори, и не бачыла Оксана, якъ зъ сердешного болю зтыснувъ зубы Несторъ и якымъ вогнемъ запалалы ёго чорни очи.

Наставъ Великдень. Пора була тепла, погожа, садкы зазеленилы, весняне запашне повитря лунало дзвономъ, веселымы голосамы людей, спивамы та смихомъ молодижи, щебетомъ пташнй. Высоко, пидъ чыстымъ блакитнымъ нёбомъ цвиркотилы жайворонкы.

Все було чысте, чепурне, веселе: и побилени, якъ снигъ хатки, зъ жовтымы прызьбамы та сынимы мережкамы кругъ виконець, и дивчата у билыхъ вышытыхъ сорочкахъ, у квитчастыхъ стричкахъ та намыстахъ, и прычепурени парубкы у новыхъ свыткахъ та яскравыхъ поясахъ, и дитвора, шо гралась у кытькы пысанкáмы та крашанкамы,—все те сміялося, все радило. Все браталося, цилувалось: Хрыстосъ воскресъ!

А старійши, посидавшы на прызьбахъ, покурюючы люлькы, тыхо балакалы про волю, про гайдамакивъ, Зализняка... Дай-то, Боже! зитхавъ де-хто. Балакалы и про золоту грамоту видъ царыци, що виддавала всю землю людямъ и всихъ повертала на вильныхъ козакивъ, и про благословенія, що дававъ Мотронынськый игуменъ на війну зъ ляхамы...

Несторъ, побалакавшы доволи зъ старымы, погулявшы зъ парубкамы и дивчатамы, пишовъ навидаты й своихъ прыятеливъ, двирськыхъ козакивъ. Зустрившы на двори Оксану, винъ впрохавъ ій, щобъ пустыла ёго у вечори у свою комирку, биля покоивъ ій панны. Оксана спершу боялася пускаты ёго, але винъ намовывъ ій, що теперъ, за святковымы гулянкамы, нихто не побачывъ бы цёго, а хочъ бы навить и побачылы паны, то сказала бъ Оксана, мовъ бы братъ прыйшовъ ій видвидаты у свято. Адже це не грихъ. Пóтай Несторъ мавъ надію, що побачыть Юзю, и може й побалакае зъ нею.

Комирка Оксаны була поручъ зъ кимнатою Юзи.

Оксана провела козака до себе, наказала ёму сыдиты тыхенько, а сама побигла до панськыхъ покоивъ. Несторъ прытаився за грубкою; серце ёго колотылось такъ, наче бъ хтило выскочыты зъ грудей.

Недовго потимъ винъ почувъ, що у сумежню кимнату увійшло двое; по голосахъ винъ прызнавъ жинокъ, а одна зъ

ныхъ була Юзя: ii голосъ винъ прызнавъ бы и середъ гомину сотни голосивъ.

Несторъ затаивъ духъ.

— Чы довго ты, Юзю, будешъ мени мучыты брата? почувъ винъ. Адже жъ бачышъ, якъ винъ пропадае за тобою?

— Титочко кохана, озвалась Юзя, тожъ винъ мене мучыть, не я ёго. Колы бъ винъ мене любывъ такъ, якъ каже, то не пропадавъ бы цилымы тыжнямы у своiй Лысянци. Хто ёго зна, може винъ иншу любыть.

— Чудна ты, якъ я бачу,—озвалась зновъ та друга. Якъ бы ты ёму подала надiю, що выйдешъ за ёго, то винъ бы вже й не повернувся у Лысянку, хиба зъ тобою. Чы ты ёго справди любышъ, скажы мени?

— Люблю, титочко, всимъ серцемъ. Колы бъ винъ мене такъ любывъ, то я бъ була щаслыва, якъ нихто...

— А ты жъ николы доси не любыла?

— Никогисенько, титочко,—видповила Юзя.

— Ну, то прызнайся мени, Юзю, якъ матири, ось про що: чула я де-що про якусь тамъ твою прыгоду зъ простымъ парубкомъ, тамъ у Гуляй-городи, якъ ото згоривъ вашъ двиръ. Чы сёму правда?

— По-декуды правда,—сказала Юзя.—Адже жъ вы знаете, мабуть, якъ мене батько выховувавъ змалку? Я жъ росла середъ челяди, мужыкивъ, одягала ихъ селянську одежу, ходыла боса, спивала ихъ писни, якъ оце моя Оксана. Чы жъ дыво, що мени, дурному, пьятнадцятылитнёму дивчати, збаламутывъ голову парубокъ? Де бъ я теперъ була, та яка була бъ, колы бъ воно й справди такъ сталося? Мене ажъ страхъ бере, якъ подумаю.

— Справди,—видповила титка.—Та й чудный же бувъ твiй батько! Выховуваты едыну, гарну дочку, якъ просту наймычку!

— Отъ бачыте, титочко. А я жъ хиба тямыла тоди, що воно й передъ Богомъ грихъ тяжкый покохаты схызматыка, та й передъ людьмы соромъ звязуватыся зъ простымъ мужыкомъ.

— Ну, годи про се,—сказала титка,—пора вже тоби спочыты, бо не рано. Такъ не пиднесешъ гарбуза Янови?

— Ни.

— Ну, добраничъ, моя дытыно,—сказала та, цилуючы Юзю.—Спы спокійно, хай тоби золоти сны ввыжаются.

Всю ту розмову Несторъ чувъ видъ слова до слова. Зтыснувшы розпáчлыво свою голову рукамы, винъ згадувавъ соби колышню Юзю, добру, веселу, просту... Нема ій теперъ! Ту Юзю винъ покохавъ, якъ покохавъ и свою маты.

„Передъ Богомъ грихъ, передъ людьмы соромъ!“

Мовъ у сни винъ чувъ, якъ Юзя клыкнула Оксану, щобъ ишла ій роздягаты до сну. Воны щось балакалы промижъ себе, але це вже ёму було байдуже.

Добре вже згодомъ увійшла Оксана у свою комирку, зачынывшы за собою двери.

— Цыть!—сказала вона нышкомъ—ще не заснула панна.

Посыдилы якый часъ мовчкы.

— Слухай, Оксано,—пошепкы спытавъ Несторъ.—Дуже твоя панна любыть ляха?

— Мабуть дуже,—видповила дивчына,—а що вже винъ за нею пропадае!

— А гарна жъ твоя панна?

— Ой гарна! Хиба ты ій не бачывъ?

— Ни. Ось ты мени покажы ій, якъ засне.

— Чы ты здуривъ, божевильный?—трохы не скрыкнула Оксана.

— Та ну бо, справди,—прохавъ Несторъ.

— Одчепысь, нависный! Та жъ вона прокынется, наробыть репету зъ переляку,—тоди старый чортъ засиче мене на смерть.

— Не бійся,—сказавъ Несторъ.—Я знаю замовляты сонъ, не прокынется.

Довго сперечалась Оксана, але такы ій Несторъ намовывъ.

Крадькома, на-вшпынькахъ пройшовъ винъ у сумежню кимнату.

Юзя спала спокійно, пидмостывшы свою билу руку пидъ голову; чорни, розплетени косы майже зовсимъ закрывалы ій

шыю и плечи. Пры слабому свитли лампадкы, що блымала у кути передъ образкомъ, Юзя вбачалася Несторови ще кращою, нижъ у-день. Винъ наблызывся до лижка и втопывъ въ неи свои очи.—Невже жъ це та сама Юзя, що колысь такъ щыро любыла ёго, що прысягалась втопытысь у Тясмыни, колы винъ ii покыне! Чы справди, чы у сни винъ чувъ оце, якъ вона видрикалась, стыдалася того кохання? Чы може тамъ, у Гуляй-городи бувъ лышъ сонъ?...

Юзя, мовъ-бы чуючы на соби палаючый поглядъ Нестора, ворухнулася.

Оксана схопыла Нестора за руку и сыломиць потягла ёго назадъ.

— Иды, иды,—просыла вона.—Що ты робышъ? Не губы мене!

Несторъ выйшовъ мовъ несамовытый, похылывшы голову.

—

Паны й шляхта, гуляючы та бенкетуючы святамы, и думкы не малы, що искра невдоволення въ Украинському народи жевріе чымъ разъ бильше и ось-ось готова знятыся у полумъя повстання. Безпечно гулялы воны, покладаючы надію, що двирськыхъ козакивъ та скилько сотень польськыхъ жовнырывъ стане для страху и покоры народу.

Мынулы свята.

Одного вечора юрба нарубкивъ похожала, гуляючы, по майдани, та й натрапыла на прыгоду.

Зъ поля, зъ сійбы повертався воламы старый селянынъ; на борони, що лежала на драбынахъ поперекъ воза, сыдивъ ёго хлопець. Вйизжаючы на майданъ, винъ зачепывъ возомъ управытельського сына, що йихавъ до двора натычанкою. Хочъ двирській фурманъ и крычавъ здалеку: звертай! але воламы не такъ-то хутко й звернешъ. Фурманъ вытягъ хлопця батогомъ, а старого облаявъ.

— Тоби жъ легче було звернуть,—видповивъ старый.

— А ты, старый чорте, не мигъ заранн звернуть?—гукнувъ панычъ.

— Воламы не звернешъ швыдко, панычу,—озвався старый.

— Я тебе навчу звертаты й воламы!—крыкнувъ панычъ та, выхопывшы батигъ у фурмана, замахнувся на старого. Але ёго руку мовъ зализнымы клищамы вхопывъ хтось сыльною рукою та зтыснувъ такъ, що й батигъ выпавъ зъ рукы. Осатанившы зъ болю та гниву, панычъ повернувся: ёго руку державъ Несторъ.

— Зась тоби здійматы руку на старого!—спокійно сказавъ Несторъ.

— Ты... ты... якъ сміешъ? Хто ты?—белькотавъ панычъ, выпручаючы свою руку.

— Хто-бъ не бувъ—видповивъ Несторъ, а крывдыты безвынного не дамъ. Гей, ты!—гукнувъ винъ дали на фурмана; зтягны назадъ кони!

Фурманъ безперечно послухавъ. Парубкы наддалы воза старого.

— А теперъ рушай,—сказавъ Несторъ, пускаючы руку паныча, та у друге не будь такый гарячый.

— Я тоби покажу, сучый сыну,—крычавъ здалеку панычъ на Нестора,—стривай!

Парубкы гучнымъ реготомъ видповилы на цю похвалку.

Ця прыгода дуже налякала панивъ. Управытель заразъ послявъ сотныка зъ двадцятьма двирськымы козакамы, звелывшы прывесты того, хто покрывдывъ паныча. Сотныкъ заставъ парубкивъ на майдани и звеливъ козакамъ взяты Нестора. Але козакы стоялы, мовъ нежывы, а парубкы въ очи насміялысь зъ сотныка. Колы винъ самъ кынувся до Нестора, парубкы напалысь, звалылы сотныка та такъ помялы, що выхопывся винъ зъ ихъ рукъ ледве жывый. Тымъ часомъ хтось давъ звистку до двору. Пивъ-сотни польськыхъ жовнывъ кынулось на майданъ, въ мыть розигналы юрбу, піймалы Нестора та зъ нымъ ще чоловика трое парубкивъ, повъязалы ихъ и повелы до двору.

Выйшовъ управытель, а за нымъ вси паны та шляхта, яки булы у двори. Челядь свитыла каганцямы та лыхтарямы.

Панычъ, зъ котрымъ була прыгода на майдани, глянувшы на Нестора, скрыкнувъ:

— Оце той самый розбишака!

— Хто ты?—спытавъ управытель.

— Несторъ Пысанка, запорожець.

— Несторъ?—спытавъ одынъ зъ панивъ, та взявшы въ одного зъ челяди лыхтарню, наблызывся до Нестора, пиднисъ у-гору и освитывъ лыце козака.

Се бувъ Могыльськый.

— Звидкиль ты, харцызе?—спытавъ винъ.

— Зъ Гуляй-городу.—Спокійно видповивъ Несторъ.

Могыльськый трохы не выпустывъ зъ рукъ лыхтарню, але перемигся и, звернувшысь до панивъ, сказавъ:

— Бреше винъ, панове! Бувъ тамъ, справди, одынъ поганець Несторъ, але той давно вже втикъ звидтиль и певне теперъ десь высыть на шыбеныци. А цей, мабуть, взявъ соби чуже имя, думаючы, що я боронытыму його. Не диждешъ, волоцюго!

— Ты брешешъ, ляше!—смилыво видповивъ Несторъ.— Знаешъ ты мене добре, а я тебе ще краще. Ты забывъ на смерть мою матиръ, а я спалывъ твій двиръ. Прыгадавъ теперъ? Стривайте жъ, паны, настане нашъ часъ, не такъ будете вы прызнаватысь до насъ!

Могыльськый, блидый, озвиреный, скочывъ до Нестора и на розмашъ вдарывъ його по выду.

Затрищалы шнуры, котрымы бувъ звъязаный Несторъ, але не порвалысь. Несторъ пронявъ Могыльського поглядомъ, повнымъ ненавысты и помсты, але не сказавъ ничого.

— Покынь,—сказавъ управытель Могыльскому;—завтра допытаешъ розбышаку краще.

Нестора и парубкивъ зачынылы на вежи и прыставылы до ныхъ сторожу.

Паны дуже потрывожылысь, бо це вже бувъ выпадокъ незвычайный. Радылысь, що робыть, щобъ не допустыты до справжнього бунту. Управытель заспокоювавъ всихъ.

— На мою думку, панове,—казавъ винъ,—треба добре провчыты тыхъ поганцивъ, що піймалы, такъ провчыты, щобъ всимъ другымъ пропала охота бунтуваты!

На цю пораду прысталы вси.

Юзя, прочувшы про Нестора, дуже збентежылась. Ій и жалко було його, бо чуло ій серце, що вона та ій батько знивечылы жыття парубка, и соромъ було прызнатыся до Нестора. Щось боляче ворушылося въ ій серци, и не могла вона гараздъ знаты, що воно таке: чы забуткы, залышокъ колышнёго кохання, чы простый жаль, чы докоры сумлиння. Вона рада-бъ просыты батька, управытеля, щобъ помылувалы Нестора, пустылы ёго, але жахалась думкы, що вси довидаются, якъ вона колысь кохалась зъ цымъ гайдамакою. Такъ до пизнёи ночи боролась вона зъ своимы думкамы, та ничого не надумала.

Идучы у свою кимнату на спочынокъ, Юзя побачыла, що ій Оксана плаче.

— Чого ты?—спытала панна.

Оксана зайшлась слызьми ще гирше.

Юзя поволи, ласкавымъ словомъ почала розважаты дивчыну та допытуватысь.

Трохы угамувавшысь, Оксана розсказала своій панни, якъ вона любыть Нестора и якъ ій жалко, що ёго піймалы, будуть мучыты, а то може й зовсимъ зо свиту згублять.

— А винъ-же тебе любыть?—спытала панна.

— Любыть, панночко, голубко!—видказала Оксана.

Юзи теперъ неначе полегчало на серци. Вона заспокоила дивчыну, обицявшы, що за-для неи зробыть все, що можна; завтра просыты управытеля, щобъ помылувавъ ій любого, а колы Несторъ покается та покыне гайдамацьке жыття, то може и одружыться зъ нымъ.

Оксана трохы не здурила зъ радощивъ: плакала, сміялась, цилувала свою добру панну у руки, не знаючы, якъ вже дякуваты за таку ій ласку.

До пизнёи ночи забалакалась Юзя зъ Оксаною, ажъ нарешти поляглы спаты. Але не спалось имъ, бо обыдви булы ради, щаслыви.

Въ тимъ почула Юзя мовъ бы якыйсь шелестъ пидъ викномъ.

— Оксано!—клыкнула Юзя.—Чы защепнула ты викно? Встань, подывыся.

Оксана пидійшла до викна. На неи потягнуло холодомъ зъ надвору: викно було зовсимъ розкрыте, а за нымъ стояла высока темна постать. Не встыгла Оксана крыкнуты, якъ стрибнувъ викномъ у кимнату Несторъ, сыльно стыснувъ іи за руку и промовывъ: „цыть, бо вбью!“

Оксана зъ ляку занимила. Тымъ часомъ Несторъ скочывъ до лижка, вхопывъ на рукы зомлилу панну и якъ кишка выскочывъ зъ нею викномъ.

Опамъятавшысь, Оксана заголосыла, зареветувала и зняла на ногы увесь двиръ. Кынулысь скризь по будынкахъ, по двори— не зловылы никого.

Нестора и засаженныхъ нарубкивъ не було, а зъ нымы згынулы й вси козакы двирськои мылиціи. Биля дверей вежи, де сыдилы въязни, знайдено лышъ трое вбытыхъ жовнира. Могыльськый ходывъ мовъ несамовытый: винъ одынъ тямывъ всю справу, якъ слидъ, и знавъ, що це почынается Несторова помста за всю крывду и зневагу, якои винъ зазнавъ.

Молодый нареченый Юзи, панъ Янъ, бигавъ, мовъ божевильный. Винъ падавъ на вколишкы передъ управытелемъ, прохаючы даты ёму жовнирывъ для здогони, але той боявся лышытысь безъ охороны. Нарешти, на превелыку сылу, винъ давъ двадцять чоловика, и панъ Янъ, обицявшы жовнирамъ по сто червинцивъ, колы знайдуть Юзю, самъ пустывся зъ нымы на пошукання.

Другого дня надъ вечиръ зъ Бузукивкы прыскочывъ охляпъ жыдокъ, ледве жывый, и зповистывъ, що весь той гуртокъ жовнирывъ зъ паномъ Яномъ побытый на голову гайдамакамы, а Зализнякъ зъ пьятытысячнымъ військомъ иде на Смилу.

—

Страшна пожежа Коліивщыны палала по правобережній Украіни.

Палалы мистечка, замкы, панськи дворы и шляхецьки осели. Паны, шляхта, ксёндзы й жыды втикалы видъ помсты народнёи, ховаючысь зъ жинкамы, дитьмы и усимъ добромъ у миста та замчыська, де стояло польське військо. Але й тамъ добувалы ихъ гайдамакы и побывалы до-щенту. Жаботынъ, Смила, Лысянка, а дали й Умань не встоялы проты Зализняка. Народъ скризь радо прыймавъ ёго, заступныка за покрывждени права, и помогавъ, прылучаючысь до гайдамацького війська.

Зализнякъ выйшовъ зъ Лебединськыхъ лисивъ зъ кильокома сотнямы гайдамакивъ, вже пидъ Жаботыномъ ихъ булы тысячи, а пидъ Уманемъ десятки тысячъ.

Такъ, бува, на провесни маленьки ривчачкы злываются у стругы, стругы у бурчакы, а ти дали у ричечкы, ажъ ричкы зильются у гризну, велыку рику, що бучно бижыть, ламае та нивечыть все, що пидъ неи попаде.

—

Несторъ, выхопывшысь зъ Смилы зъ сотнею козакивъ та миськихъ парубкивъ, прямувавъ на Лебединъ.

Юзю, обгорнуту у свытку, винъ державъ поперекъ сидла передъ собою.

Опамъятавшысь черезъ якый часъ видъ ничного холоду та шаленого чвалу на кони, вона почала пручатысь зъ дужыхъ рукъ Нестора.

— Цыть, проклята!—крыкнувъ винъ на неи:—бо задушу тебе, якъ курча, та выкыну геть.

— И на що тоби будо браты цю погань?—спытавъ одынъ зъ козакивъ.

— Для помсты,—видповивъ Несторъ.—Колы-бъ ты знавъ, пане-брате, що я выненъ ще ій батькови, не пытавъ-бы, на що я ій взявъ. Той ыродъ забывъ на смерть мою матиръ, а я ёго дочку знивечу на мужычку, гайдамачку. Та мы зъ нымъ, мабуть, побачымось ще!

Биля Райгороду у лисовій пасици жывъ старезный дидъ, колышній запорожець Корній Грабъ зъ внукою своею, нимою

дивчыною Меланкою. Туды завернувъ Несторъ, поки козакы сталы, щобъ даты спочынокъ конямъ, та й лышывъ дидови свою бранку, прохаючы переховаты ii якый часъ.

— Не гараздъ, сыну, робышъ,—сказавъ суворо дидъ.—Козакы идуть пролываты кровъ за батькивщыну, за волю та за виру, а ты зъ дивкою возышся! Народъ губыть ляхивъ, ворогивъ своихъ та гнобытеливъ, а ты братаешся зъ нымы, зъ ляшкою хочешъ жыты? А що скаже панъ отаманъ, що скаже товарыство?

Несторъ слухавъ понуро, зхылывшы голову.

— Просты, батьку,—сказавъ винъ.—Правду кажешъ! Грихъ мій, грихъ тяжкый...

— Грихъ, сыну!

— Заведу ii у лисъ та й вбью! сказавъ Несторъ.

— Ни, сыну, не годыться!—озвався старый.—Не по-козацькому такъ буде. Хай буде вона у мене, колы вже прывизъ. А ты выкынь ii зъ думкы та йды до свого, козацького дила. Колы, Богъ дасть, знищыте ворогивъ, дасте волю народови, тоди прыйды до мене, подумаемо, що робыть. А покы хочъ одынъ ворогъ буде на нашій земли—не годыться тоби й думаты про дивку. Йидь, не гайся.

У полудни того жъ дня Несторъ зо своимы товарышамы встрилы гайдамацьке вийсько Зализняка.

Отаманъ, довидавшысь, що у Смили вийська мало, виддилывъ пьятьсотъ чоловикъ кинныхъ, наставывъ за отамана запорожця Нагны-биду иославъ ихъ на Смилу, звелывшы Несторови весты ихъ найкоротшымъ шляхомъ. А самъ повернувъ на Вильшану та Лысянку, бо тамъ бильше польського вийська. Не довго й боронылась Смила. Ще загинъ гайдамацькый не дийшовъ до неи гонивъ на трыдцять, а вже двиръ панськый палавъ зъ двохъ кинцивъ. Такъ челядь двирська виддячыла панамъ за ихъ ласку та опику.

Покы гайдамакы розбывалы та рабувалы панськи маетькы, розпывалы на майдани стари вына та меды зъ двирськыхъ лёхивъ, Несторъ кынувся шукаты Могыльского, але нигде ёго

не знайшовъ. Винъ переглянувъ всихъ побытыхъ ляхивъ, шукавъ по всихъ куткахъ—Могильського не було.

У двирській пекарни винъ знайшовъ Оксану.

— Де твій ляхъ?—спытавъ винъ перелякану дивчыну. Кажы, бо жыва не будешъ!

— Не знаю. Мабуть у стани, на синныщи,—видповила Оксана.

Несторъ скочывъ туды. И справди, Могильський прытаився тамъ у кути, на сини, на горыщи.

— А ну, ляше, ходы побалакаемъ теперъ!—гукнувъ Несторъ.—Злизай лышень сюды, колы не хочешъ, щобъ я тебе зпикъ тамъ жывцемъ!

Могильський злизъ,—винъ бувъ страшный, якъ мара.

— Стрывай!—сказавъ винъ Несторови—скажы мени: Юзя жыва?

— Жыва,—видповивъ Несторъ.

Могильський впавъ передъ нымъ на-вколишкы и заломавъ рукы.

— Слухай!—сказавъ винъ Несторови тремтячымъ голосомъ. Не вбывай мене, виддай мени Юзю, а я тоби виддамъ вси мои багацтва, и гроши, и землю....

— Виддасы?—спытавъ Несторъ, усмихнувшысь.

— Виддамъ.

Могильський склавъ навхрестъ два пальци и поцилувавъ ихъ, на прысягу.

— Добре!—сказавъ Несторъ.

— На Тясьмыни, на острови, де пасика,—казавъ Могильський, прошываючы Нестора благаючымъ поглядомъ,—на сорокъ ступнивъ видъ хаты на схидъ сонця, пидъ яблунею я закопавъ глекъ червинцивъ и казанокъ срибла.

— Добре,—сказавъ Несторъ.—Теперъ послухай мене. За твои гроши я добре погуляю зъ твоею дочкою, а колы вона мени надокучыть, я гроши соби заберу, а ii выжену геть, якъ останню паплюгу. Оце тоби буде подяка за мою матиръ. А за себе...

Несторъ не договорывъ: Могыльськый, якъ хыжый звиръ, скочывъ на ёго, вхопывшы за горло.

Почалась страшенна боротьба. Обое булы дужи, велыкои сылы: обое булы люти, запекли и однаково ненавыдилы одынъ одного.

Довго качалысь воны по земли, зрываючы iи своимы ногамы. Ажъ Несторъ такы встыгъ згорнуты Могыльського пидъ себе, пидвывся однымъ бокомъ, ставъ ёму колиномъ на груды. Мовъ блыскавка мыгнувъ у Несторовій руци довгый нижъ-колій и затопывся у грудяхъ ёго ворога.

Могыльськый вхопывъ Нестора зубамы за плече и прокусывшы ажъ до кости, такъ и застыгъ, зъ кривавою пиною...

—

Огненною и кривавою хмарою пройшлы гайдамакы надъ Украиною, ажъ впала та хмара кривавою злывою на Умань. Туды збиглысь булы вси, хто боявся помсты народнёи, бо въ Умани стояло чымале польське вiйсько, та й козацькои мылиціи у пана Потоцького було багато. Понадiялысь паны на ту мылицію, неначе бъ забувшы, що вона набрана зъ того самого прыгнобленого украинського народу. Сотныкомъ тіеи мылиціи бувъ Иванъ Гонта. Уманськый губернаторъ Младановычъ дуже покладавъ надію на Гонту и козакивъ мылиціи.

Прочувшы, що Зализнякъ наблызывся до Умани, губернаторъ выславъ на гайдамакивъ Гонту зъ козакамы.

Але, колы встрылысь цыхъ два вiйська у Грековому лиси, Зализнякъ, выйихавшы напередъ, клыкнувъ до себе Гонту на розмову.

— А що, пане брате,—сказавъ Зализнякъ:—невже-жъ ты здiймешъ руку на своихъ бративъ, боронытымешъ ляхивъ, ворогивъ нашого народу, нашои виры? Мы жъ идемо за батькивщыну, за виру та за волю! Прыставай до насъ, пане-брате!

— Не ваша сыла побороты ляхивъ,—понуро видповивъ Гонта.

— Колы прыстанешъ до насъ зъ козакамы, наша буде сыла,—видказавъ Зализнякъ.—Не встоять ворогы.

Задумався Гонта, покручуючы довгого вуса, а потимъ, повернувшы коня, пидйихавъ до своихъ козакивъ.

— Панове—товарыство!—гукнувъ винъ.—Панъ Зализнякъ зъ товарыствомъ иде на ляхивъ за нашу батькивщыну, що воны ій забралы, за нашу виру, що воны хочуть повернуты на унію, та за волю поспильства, що хочуть паны повернуты на своихъ пидданыхъ. А чы згода ваша буде злучытысь зъ нашымы братамы та йты на ляхивъ?

— Згода! Згода!—гукнулы козакы та й рушылы до гайдамакивъ, якъ браты, а не ворогы.

Правду казавъ Зализнякъ,—не встояла Умань проты гайдамакивъ. Одынъ тилько день боронылась вона; другого дня вдерлысь гайдамакы до миста и выризалы всихъ ляхивъ, ксёндзивъ та жыдивъ до щенту, не мылуючы навить жинокъ та дитей. Зибравшысь потимъ на раду, військо выбрало Зализняка гетьманомъ Украины, а Гонту Уманськымъ полковныкомъ.

Але се, мабуть, була остання подія гайдамакивъ.

Польськый король, бачывшы, що не сыла ёго побороты гайдамацьке повстання, попросывъ пидмогы у царыци Катерыны. Московське військо рушыло на Зализняка, але взяло ёго не сылою, а хытрощамы. Полковныкъ Гурьевъ, удавшы, буцимъто винъ хоче помогты гайдамакамъ проты Польщы, запросывъ до себе на бенкетъ Зализняка и Гонту, але замисць хлибасоли ихъ ждала тамъ зрада: Гурьевъ повъязавъ ихъ и всю гайдамацьку старшыну та й выдавъ Гонту полякамъ, а Зализняка, що винъ бувъ зъ ливобережнои Украины, забравъ въязнемъ у Кыивъ. Тяжко катувалы ляхы Гонту: здерлы зъ ёго дванадцять пасивъ шкуры, потимъ почвертувалы ёго на шматкы и порозвозылы ти шматкы по рижныхъ мисцяхъ. А Зализняка зъ Кыива заслано у Сибиръ.

Такъ скинчылася Коліивщына.

Гайдамацьке військо розпорошылося по всій Украини.

Несторъ зъ иншымы гайдамакамы попавъ у полонъ до ляхивъ; ихъ загналы у Камянець. Але черезъ якый часъ винъ зъ трома товарышамы выхопывся зъ тюрмы, та й майнувъ на

Запорижжа. Незабаромъ наставъ кинець и славному Запорожжю: царыця Катерына звелила зруйнуваты Сичъ и скасуваты вийсько. Частына Запорожцивъ, а зъ нымы и Несторъ, утеклы у Турещыну, на Добруджу, и тамъ зновъ заклалы козацькый кишъ.

Ще тикаючы на Запорижжа, Несторъ завернувъ на Райгородъ до дида Граба, навидаты ляшку. Але тамъ ii не було: днивъ черезъ скилька писля того, якъ Несторъ покынувъ ii у дида, вона у-ночи нышкомъ передяглася въ одежу нимои Меланкы та й майнула кудысь.

Дидъ не дуже й квапывся доганяты ii або шукаты.

Чулы потимъ де-яки Смиляне, що Юзя Могыльська опынылась десь на Польщи и постыглась у черныци.

III.

Багато литъ мынуло писля Коліивщыны.

Колы не колы де-якый старый дидъ прыгадувавъ та розсказувавъ про ти давни страшни подіи.

На Молдавіи, по-надъ Днистромъ мижъ скелямы, середъ лису стоить невелычкый манастыръ Каларашъ. У-литку, на Ивана, бувае тамъ храмъ и зъ усихъ околыць люде ходять туды на видпустъ, на прощу.

Давно вже оселывся въ тому манастыри якыйсь захожый, чужый дидъ. Нихто не знавъ—звидкиль винъ, а колы пыталы ёго, винъ неохоче видповидавъ: безъ роду я, безъ плоду, перебендя; вештався по святыхъ мисцяхъ, покы ногы носылы, теперъ вже не здужаю ходыты, а Господь смерти не дае за грихы мои.....

Прыйшовшы у манастыръ, винъ видавъ игуменови тры десятки турецькыхъ червинцивъ, прохаючы прыйняты ёго у манастыръ, покы Богъ ёго не прыйме, та сказавъ, що зовуть ёго Несторъ.

Игуменъ прыставывъ ёго до манастырськои пасыкы.

Старый бувъ высокый, сыльнои будовы, якыхъ теперъ мало людей, биле волосся та била довга борода, а очи блыскучи, мовъ у молодого. Все лыце було покарбоване, мовъ пооране шрамамы та пругамы, ажъ страшно глянуты.

Одного разу, передъ Иваномъ, почалы потроху зходытысь прочане у Каларашъ.

Кругъ манастыра, на зеленій галявыни середъ лису, поставалы пидводы, а люде малёвнычымы купкамы посидалы соби на трави та гомонилы про свои справы.

Писля вечирнёи службы старенькый безногый москаль на деревьяній дыбци, що прыплентався на прощу зъ по-за Днистра, прохажаючы лисомъ, забывся до пасикы.

Передъ куринемъ сыдивъ пасичныкъ Несторъ, плетючы зъ луба козубокъ.

— Добры-вечиръ!—сказавъ москаль.

— Здоровъ бувъ!—видповивъ Несторъ.

— Помогай-Бигъ!

Спасыби.

Несторъ озырнувъ ёго зъ пидъ лоба, а дали й промовывъ:

— Сидайте. Натрудывся, мабудь, старый, шкандыбаючы на дыбци.

Посидалы.

— А звидкиль Богъ прынисъ? пытавъ Несторъ.

— Зъ Томашполя, зъ того боку,—видповивъ той.

Побалакалы про те, про се, а дали москаль каже.

— А що, диду, мабудь и тебе латалы ти сами майстри, що мени ногу направылы?

— Латалы мене добре, пане брате,—зитхнувъ Несторъ.—Гай—гай!

— Та й старый же ты, диду, добре!

— Старый та давній. И ты, брате, вже пидтоптався, я бачу, а до мене тоби далеченько! Ты колы вродывся?

— Хто ёго зна,—видповивъ москаль.—Двадцять и два роки прослужывъ на службы, а оце вже каликою ходю трохы не зъ

двадцять. Казала маты небижка, що вродывся я за велыкои зимы.

— А я за велыкои зимы, [1])—озвався Несторъ,—бувъ вже козакъ добрый, мавъ вусы та вже бувъ трохы полатаный.

— Ой, старый же ты, диду!—здывувався москаль.—Буде тоби литъ зъ сотню?

— Церейде ще по той бикъ.

— Ще бильше?

— Сто, ще й два.

— Важки лита!—сказавъ москаль, хытаючы головою.

— Ой, важки, важки!—зитхнувъ Несторъ. Потимъ винъ вставъ, пійшовъ у куринь, вынисъ звидтиль паляныцю та козубокъ черешень и поставывши передъ москалемъ, попросывъ:

— Годуйся, брате, чымъ хата багата!—Сивъ Несторъ та й прыйнялысь обое за цю убогу вечерю.

Вечиръ бувъ теплый, тыхый. Зъ-за лису пиднявся повный мисяць. Зъ долыны доносывся шумъ Днистра по скеляхъ та каминняхъ.

— Гарно, тыхо тутъ у васъ, благодать Божа!—сказавъ москаль, вставшы та перехрестывшысь писля вечери.—А въ-тимъ, треба йты кудысь голову прыхылыты на ничъ. Спасыби за хлибъ та за добре слово!

— Та колы никуды,—сказавъ Несторъ,—то ночуй у мене, небоже; знайдется кутокъ для тебе у курини.

— Спасыби й за це,—сказавъ москаль, сидаючы зновъ.

Посыдилы якый часъ мовчкы, кожный думаючы свою думу. Ажъ озвався москаль.

— Памъятаешъ мабудь гайдамаччыну?

— Гай—гай! памъятаю я ии добре!

Та й зновъ задумався старый Несторъ, похылывшы голову на груды. Потимъ винъ ставъ поволи говорыты, наче самъ до себе.

— Зализнякъ бувъ козакъ! Гонта бувъ козакъ! залылы воны кривью Украину, облылы и себе, и насъ!.... А що зъ того?.....

---

[1]) «Велыкою зимою» называлы на Украини 1789 рикъ.

Винъ разпачлыво махнувъ рукою та похытавъ сывою головою.

.... Де теперъ ихъ душы? Пропалы козакы, якъ те бадилля у степу.... Знущалысь ляхы надъ народомъ, знущалысь и надъ гайдамакамы, ой! тяжко знущалысь, бисови диты!.. Я бувъ дужый, я бувъ такый здоровенный, що земли не чувъ пидъ собою!.. Та й теперъ ще, дарма що старый, я бъ десять такыхъ, якъ ты, подужавъ.—И винъ простягъ свои здоровенни жылавы та гудзовати рукы, мовъ бы те кориння столитнёго дуба.—А на що здалася та моя сыла? Тьху!...

Винъ розстибнувъ комиръ своеи сорочкы и скынувъ ii зъ себе.

Ажъ здригнувся москаль, подывывшысь на ёго: вся спына и груды булы рясно поризани сынимы та червонымы пругамы, шрамамы—мовлявъ бы й пальцемъ не ткнувъ бы въ здорове мисце. А кисть була здоровенна, шырока и показувала незвычайну сылу.

— Що, бачывъ колы таку цяцю?—глумлыво спытавъ Несторъ.—А зъ лыця хиба я не гарный?—усмихнувся винъ.—Не дурно прозвалы мене: Пысанка. И шабли, и спысы, и кули ворожи, и батогы, и кіи, и розпечене зализо ката малювалы цю пысанку....

Ось оце—винъ показавъ на чоло та на груды—порубалы татары поганци, порубалы та й кынулы, бо думалы, що нежывый я. А ось тутъ, на плечи—се ляхъ впывся мени зубамы, до самои кости. Здоровый бувъ, невира, дужый, не теперешній... Але вже нежывому я рознявъ заклякли щелепы. А оце—Несторъ повернувся спыною—катувалы насъ, гайдамакивъ, ляхы у Камянци: лерлы насамы шкуру та шкварылы розпеченымъ зализомъ... А глянь сюды—и Несторъ закачавъ штаны: на обохъ ногахъ булы глыбокы шрамы—тутъ кайданы вросли мени въ тило, тутъ гныло тило, мовъ стерво и якъ онучи видпадало шматкамы, ажъ гробакы завелысь....

Винъ зитхнувъ важко и помовчавъ.

— А бувъ я колысь и гарный, и гожій,—казавъ винъ згодомъ.—Не було у Смили кращого парубка.... Пропадалы за мною дивчата... Пропадала и панна шляхтянка.... Та годи згадувать! Мынулося все, земля покрыла.... Одынъ я зажывся на свити, мабудь забувъ про мене Господь Мылосердный!...

И старый, понурывшы голову, затулывъ лыце долонямы.

Мовчавъ и москаль, задумався. Зъ-пидъ рукъ Нестора, по довгій, сывій бороди покотылася слёза.....

М. Левицькый.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Шевченко и Буяльскій домогаются вакансіи учителя рисованія въ Кіевскомъ Университетѣ. Публичная живописная школа Буяльскаго.* Въ 1846 году была свободною открытая Павловымъ вакансія учителя рисованія при Университетѣ Св. Владиміра. Должности этой добивались двое: Художникъ Петербургской Академіи Художествъ, воспитанникъ профессора Брюллова—Тарасъ *Шевченко* и помѣщикъ подольской губерніи, обучавшійся въ Дюссельдорфѣ и Берлинѣ—Наполеонъ *Буяльскій*. Послѣдній намѣревался открыть въ Кіевѣ, на Кадетской улицѣ, въ собственномъ домѣ живописную, художественную и мануфактурную рисовальную школу. Не имѣя въ распоряженіи своемъ достаточныхъ пособій, Буяльскій особенно стремился занять должность при Университетѣ, разсчитывая на его собранія и средства.

15 Марта 1847 года Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Генералъ-Губернатора (Бибикова), что *Буяльскій* назначенъ быть не можетъ, а назначаются *Шевченко* и кандидатами—художникъ Шлейферъ (учитель рисованія въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ) и художникъ Габерцеттель изъ Лондона. Некласснаго художника Шевченка предполагалось предварительно допустить къ занятіямъ въ видѣ опыта, на годъ, но таковаго произвести не удалось, за арестованіемъ Шевченка.

Между тѣмъ Академія, разсмотрѣвъ представленный въ 1846 г. Буяльскимъ проектъ «Публичной живописной Школы», и *найдя* въ томъ проектѣ много основательнаго, заслуживающаго вниманія, объ-

щала предоставить школѣ пособія и, по сходнымъ цѣнамъ, какъ образцы для рисованія, такъ равно и гипсовые слѣпки головъ и статуй.

Въ 1849 году Буяльскій ходатайствуетъ о напечатаніи особыхъ о школѣ его объявленій.

Изъ донесенія Губернатора Фундуклея Генералъ-Губернатору узнаемъ, что цѣль содержанія школы «*есть то, чтобы прославить себя въ своемъ искуствѣ и быть полезнымъ юношеству*», ибо за преподаваніе особой платы ни отъ кого не получается и даже деньги, вырученныя отъ продажи произведеній учениковъ, остаются въ ихъ же пользу. Воспитанниковъ было въ то время 8; изъ нихъ 3 отданы на 5 лѣтъ.

28 Іюня 1852 г. Академія Художествъ одобрила успѣхи, достигнутые школою, и возбудила предъ Генералъ-Губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи Буяльскому открыть заведеніе для печатанія рисунковъ, гравированныхъ на мѣди и деревѣ, а равно литографію.

Въ Августѣ указаннаго года въ школѣ обучалось 22 ученика, изъ нихъ 6 платныхъ, и 13 ученицъ—всѣ платныя. Подъ заведеніе былъ отведенъ нарочито для того выстроенный въ Старокіевской части домъ о пяти комнатахъ. Интерната не существовало: дѣти жили при родителяхъ или при учебныхъ заведеніяхъ. Имущество школы состояло изъ 260 оригиналовъ (литографій и гравюръ); 244 медаліоновъ и барельефовъ; 68 гипсовыхъ моделей; 52 картинъ, писанныхъ масляными красками. Затѣмъ имѣлись спеціальныя книги и пособія.

Кіевскій губернаторъ, вполнѣ одобряя личность Буяльскаго и предположенное имъ печатаніе гравюръ собственными средствами, у себя въ мастерской, находилъ однако же, что предоставленіе права имѣть особую литографію не вызывается необходимостью, такъ какъ подобныхъ заведеній въ Кіевѣ и безъ того достаточно. Литографировать можно бъ было и въ губернской типографіи. Но вскорѣ Губернаторъ отказался отъ послѣдняго предложенія, вслѣдствіе чего Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 Іюня 1853 года разрѣшено Буяльскому самостоятельное печатаніе гравюръ и литографированіе.

---

2) *Утопающій на Крещатикѣ.* Въ Іюлѣ 1848 года, во время «наводненія, происшедшаго отъ проливныхъ дождей», какъ доносилъ Кіевскій Губернаторъ Фундуклей Генералъ-Губернатору Бибикову,

мѣщанинъ Егоръ Гейдъ, «увидя утопавшаго Кіевскаго мѣщанина Завадовскаго, близь провода, чрезъ который истекаетъ вода въ канаву, бросился спасать его и вдругъ былъ сваленъ водою, но, схватившись опять на ноги, не смотря на угрожавшую опасность, потому что накопившаяся на Крещатицкой улицѣ въ большомъ количествѣ вода свалила З. въ такомъ мѣстѣ, которое было не въ далекомъ разстояніи отъ провода, изъ коего падаетъ вода въ канаву, проведенную подъ землею,—подалъ З. найденный въ ближайшемъ домѣ шестъ и тѣмъ спасъ его».

Гейду за таковыя дѣйствія объявлена благодарность начальства.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ.**

Приготовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умани. Какъ извѣстно, императоръ Александръ I предпринималъ неоднократно путешествія на югъ Россіи. Въ 1816 и 1817, два года подъ рядъ, торжественно его встрѣчалъ Кіевъ, откуда онъ обыкновенно направлялся въ Бѣлую-Церковь, къ Браницкимъ. Три года спустя, въ 1820 году, прошелъ слухъ, что государь снова намѣренъ посѣтить Кіевъ и Кіевскую губернію, и что въ августѣ мѣсяцѣ «соблаговолитъ шествовать черезъ Умань и его повѣтъ». Въ духовномъ вѣдомствѣ по этому поводу начались безпокойства, волненія; измышлялись мѣры къ наипристойнѣйшему способу встрѣчи... Въ концѣ концовъ, высшими духовными властями учинено было «предписаніе» Уманскому Духовному Правленію слѣдующаго содержанія: «Духовенство, сколько онаго при всякой церкви (г. Умаия) находится, всеподданѣйшимъ долгомъ обовязано у самыхъ воротъ, ведущихъ въ церкви, самымъ благопристойнѣйшимъ образомъ встрѣтить Его Императорское Величество въ самыхъ свѣтлыхъ облаченіяхъ: въ ризахъ, епитрахиляхъ и поручахъ, а діаконы—въ стихаряхъ, ораряхъ и поручахъ, со святымъ крестомъ, держимымъ священникомъ въ рукахъ, со святою, съ приличнымъ кропиломъ, водою; діаконы же—съ кадильницами, продолжая при такихъ воздальнѣйшахъ посѣщеніяхъ какъ въ проѣздѣ куда-либо и шествіи во храмы Божіи, такъ и обратно изъ оныхъ, колокольный звонъ,—поступая при сихъ торжественныхъ случаяхъ сколько можно *благопристойнѣйше* и *скромнѣе*, съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, *имѣя на себѣ и собственное свое*

одѣяніе чистое и самое лутшое, и стремясь безпорядочно приступать къ лобзанію руки Его Императорскаго Величества,—развѣ бы особое на то послѣловало Высочайшее благоволеніе. Наипаче же никому и ни въ чемъ не утруждать Его Величества никакими прозьбами...

По вшествіи въ церкви, пѣть «Достойно есть», потомъ отправлять ектенію о многолѣтномъ Его Императорскаго Величества со всею Высочайшею фамиліею здравіи, какъ въ формахъ изображено, а по возгласѣ и многолѣтствіи—со всякою исправностію, по отшествіи Его Императорскаго Величества изъ церквей, возвращась въ оную—отправить благодарственный Господу Богу молебенъ, съ колокольнымъ послѣ онаго звономъ, исполняя всю сію церемонію начальнѣйшимъ духовенства соборнѣ.

Если же гдѣ Его Императорское Величество соблаговолитъ слушать литургію или другое какое церковное молитвословіе, оное совершать тоже соборнѣ, соотвѣтственно церковному благочинію и порядку, въ наилучшихъ церковныхъ облаченіяхъ, имѣя предварительно зажженныя во всѣхъ предъ святыми иконами лампады и во всѣхъ паникадилахъ, для изъявнѣйшаго благолѣпія, всѣ свѣчи. И хотя бы Его Императорское Величество монастырскіе, соборніе и протчіе церкви не соблагоизволилъ посѣтить всѣхъ, однако же (въ) весь проѣздъ или шествіе черезъ мѣста мимо церквей—продолжать колокольный звонъ и быть, на всякой случай, въ готовности при церквахъ и отъ нихъ не отлучаться духовенству. Да и по городу (духовенству) безъ нужды не ходить и не ѣздить; буди же бы встрѣтилась въ томъ кому необходимая надобность, то обращаться и въ сихъ случаяхъ со всевозможнѣйшею чинностію, *дабы никаковаго ни въ одѣяніи, ни въ чемъ безобразія не было*».

Это предписаніе разослано было для руководства всѣмъ благочиннымъ Уманскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобы, «по полученіи сего, тотчасъ подвѣдомственнымъ священникамъ сей указъ, для точнаго по нему исполненія, внушили вразумительно, снабдивъ всякаго изъ оныхъ, дабы не могъ упомнить, какъ въ такомъ разѣ поступаться, точною копіею». По исполненіи сего благочинные должны были рапортовать объ этомъ Правленію, при томъ не упустили бы строжайше подтвердить, «дабы церкви отъ паутины, пила, а погосты отъ всякихъ соровъ были очищены и были бы починены по надлежащему».

Но всѣ хлопоты Уманскаго духовенства, кажется, остались втуне: ожидаемый пріѣздъ государя въ Умань и вообще въ Малороссію въ этомъ году, на сколько намъ извѣстно, не состоялся. Умань имп. Александръ I посѣтилъ въ 1822 г., и въ чудной уманской «Софіевкѣ» владѣлица ея Софія Потоцкая въ одномъ изъ гротовъ—въ «Гротѣ Ѳетиды»—угощала Августѣйшаго гостя чаемъ [1]).

(Изъ церковнаго архива с. Глубочка, Уманск. у.).

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 г.г. Печатаемая здѣсь записка А. П. Полетики (отца Григорія Полетики) заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія для характеристики той «судебной волокиты», которою славились старые суды.—*«Реестръ сколко именно вытратилъ денегъ и на что в Глуховѣ нижей сего явствуетъ, 1748 году, ноября 20 д., добиваючись села Аксютинецъ.* Купилъ сахару шесть головъ, за которіе дано 5 рублей. Такожъ на всякіе харчи вытратилъ денегъ два рубли разними часи. Еще пойшло на харчъ рубль. Еще купилъ пять головъ сахару, за которіе далъ 5 рублей. Еще пошло на харчъ рубль; еще два рубли; на сахаръ рубль. Руновскому [2]) два рубли. На харчъ рубль; еще купилъ сахару голову, далъ рубль. Еще вийшло на харчъ рубль. Далъ Константиновичу [3]) пятнадцать рублей. Еще на харчъ рубль пойшолъ. Подполковнику Семенову [4]) пятдесятъ рублей. Пану бунчучному далъ тридцать рублей. Далъ протоколѣсту пять рублей. Далъ Петру Прокоповичу (?) два рубли. За квартиру пять рублей. Еще на харчъ вийшло чтири рубли. Далъ Стефану на прогони два рубли. Протоколѣстѣ полтину. Канцеляристѣ Василевичу полтину. Еще на харчъ рублей два. Войсковому канцеляристѣ Василю Высоцкому далъ готовихъ денегъ сорокъ рублей, а

---

[1]) В. Иващенко. Историческій очеркъ къ столѣтію Царицына сада (Софіевки), стр 56.

[2]) Руновскій, бывшій полковой полтавскій писарь, въ 1742 г. назначенъ генер. писаремъ, вмѣсто отстраненнаго Безбородка. Зап. Як. Марк., II, 183.

[3]) Константиновичъ—Канцеляристъ генер. суда.

[4]) Семеновъ—великорусскій членъ генер. суда.

панцирь въ тридцять рублей, кромѣ домашнихъ харчей: водки, вина и вишневки, и протчихъ харчей чрезъ всю пилиповку.—1749 году. Реестръ что вытратилъ в Глуховѣ за другою, февраля 15 д., поизд-кою, о селѣ Аксютинцахъ.—Первымъ разомъ, вытратилъ на разніе потреби и на харчи, на себе и на конѣ, чтири рубли съ полтиною. Еще вытратилъ два рубли с полтиною; вытратилъ два рубли, что дѣло перенесенно з суда генералного в верхнюю апеляцію. Еще на харчъ рубль далъ. За ископиеванне челобитной рубль. Еще стратилъ на харчи, на конѣ и на себе, два рубли. Далъ канцеляристамъ судовимъ два рубли. Еще вийшло на харчъ три рубли. Молодикамъ, за двома поиздками, далъ три рубли, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протчего, чрезъ целой постъ великій.

1749 году, априля 10 д. Реестръ что витратилъ за третою поиздкою въ Глуховъ. Первимъ разомъ, на дорозѣ, на конѣ и на себе и в Глуховѣ на всякіе росходи, и на поклонъ господамъ и канцеляристамъ, за челобитніе и за ископиеванне свѣдителнихъ документовъ, шесть рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протъчего. Еще на харчъ витратилъ рубль; еще витратилъ на харчъ два рублѣ, еще на харчъ вийшло два рубли. Вербовскому (?) три рубли. За квартиру далъ рубль, на харчи выйшло разніе рубль.

1750 году, марта 1 д., вытратилъ в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, якъ представленіе выправилъ в иностранную колегію, сто двадцать и семь рублей, безъ домашнихъ харчей.

1749 году, февраля 21 д. Послалъ въ Москву до сина Григорія Полѣтики, чрезъ пана Якова Искру, канцеляриста войскового, червонихъ нѣмецкихъ сто ровно.

1750 году, за двома поездками, въ Глуховѣ вытратилъ денегъ сорокъ рублей.

1751 году, ноября 30 д., будучи въ Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, стратилъ шестнадцать рублей.

В 1757 году, у трохъ поездкахъ до Глухова, въ маи, чрезъ три неделѣ, в іюнѣ и іюлѣ, чрезъ три жъ неделѣ, да в ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, чрезъ три жъ неделѣ, издержалъ денегъ 32 рубли, кромѣ домашнихъ разнихъ харчей.

В 1758 году, февраля мѣс., чрезъ двѣ неделѣ, ожидаючи выслушанія дѣла, издержалъ 25 рубл.

1767 года, марта д. За полученіемъ указа з Сената, отослалъ Григорію (сыну), что онъ своихъ здержалъ на Аксютинцѣ, 279 рубл.

Далъ возному повѣтовому Зубковскому 10 рубл. Въ судѣ земскомъ канцеляристу Gergelю далъ рубль». (*Съ подлинника*).

Списокъ приданаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за в. канц. Петра Стороженка. [1]) «*Реестръ сколко якого имѣнія зъ дому родителей моихъ, при виданю мене в замужество Стороженку, мнѣ дано и нынѣ по смерти оного мужа моего братами его сотникомъ вакансовимъ Стефаномъ да Иванскимъ Андрѣемъ Стороженками забрано. 1748 года.* Лошадей ежжалихъ 10, цѣна всякой по 20 р., ц. 200 р.—Полукаретокъ на станку санному, а посля до оного полукаретка и станокъ лѣтній данъ, ц. 30 р.—Шоръ бляшнихъ цугъ, купленъ у Глуховѣ за 44 р.—Палубъ дощатій маліованній, ц. 4 р.—Таралайка пароконная, ц. 8 р.—Хомутовъ добрихъ ремѣнних 3, всякій по 1 р.—Уздъ 4, ц. 48 коп.—Саней 2, на которихъ скринѣ (съ приданымъ) были провожены, ц. 40 коп.—Кунтушъ суконній, шафѣровій, съ золот. пузаментомъ, на лисичому завойковому хутрѣ, 43 р. 50 к.—Кунтушъ суконній, оливковій, легкій, з золот. позументомъ, ц. 18 р. 50 к.—Гусарка на сѣбѣркахъ, полутабинкова жолтая, съ маленкою срѣбною сѣткою, ц. 16 р.—Кунтушъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, з золотою широкою карункою, ц. 43 г.—Кунтушъ красній штофній, разноцвѣтній, з золот. сѣткою, ц. 39 р. 80 к. Кунтушъ едамашковій, сломистій (налевый) на чорних сѣбѣркахъ, з широкимъ сребранимъ пузаментомъ, ц. 58 р. 70 к.—Кунтушъ блакитній, едамашковій, на шлямахъ, з широк. золот. пузументомъ, ц. 70 р.—Кунтушъ златоглавній, красній, з золотою сѣткою, ц. 71 р.—Кунтушъ срѣбноглавній, на чорних сѣбѣркахъ, з срѣбною сѣткою, ц. 84 р. 80 к.—Сподница красная дуклевая, ц. 5 р. 40 к.—Сподница красная, грезетовая, з зеленимъ квѣтомъ, ц. 15 р. 30 к.—Сподница штофная разноцвѣтная, бѣлая, з золотою сѣткою, ц. 15 р. 30 к.—Сподница голевая, блакитная, ц. 9 р.—Сподница полутабинковая, красная, з золот. широк. сѣтк.—15 р.—Шнуровка красная, аксамитная, з широк. срѣбнимъ шлякомъ, ц. 5 р. Шнуровка аксамитная, чорная, з срѣбною сѣткою, ц. 1 р. 90 к.—Шнуровка акса-

[1]) См. Опис. Стар. Малор., III, 218.

митная, з золот. карункою, ц. 2 руб.—запаска штофная, блакитная, разноцвѣтная, ц. 6 р. 60 к. Запаска штофная, разноцвѣтная, жолтая—8 р.—Зпаска разноцвѣтная штофная, бѣлая, ц. 5 р. 60 к.—Запаска табиновая, алая, ц. 2 р. 60 к.—Запаска полутабиновая, блакитная, ц. 2 р. 20 к.—Запаска разноцвѣтная полосастая, штофная, ц. 6 р. 60 к.—Запаска златоглавная, бѣлая, ц. 2 р. 40 к.—Запаска красная, златоглавная, ц. 9 р. 60 к. Запаска сутонарчевая золотая, ц. 25 р. 50 к.—Ковдеръ матеріялнихъ дуклевихъ 2, ц. всякой по 7 р. 30 к.—14 р. 60 к. Постѣлъ швабская, шитая золотомъ, в котор. наволочокъ 3, простира и запона голева красная, ц. 20 р. Постѣлъ дуклева красная, в якой наволочокъ 3, простира з широкими срѣбними сѣтками и до оной постѣли запона полутабинкова, ц. 44 р.—Сорочокъ швабскихъ і самодѣлнихъ—Мужескихъ сорочекъ швабскихъ 5, а лняних сорочокъ съ убраннями 10.—Скатертей 33.—Серветъ тонкихъ лняних по 20 пасомъ, три штуки, во всякой штукѣ по 30 локоть.—Ручниковъ, тканихъ заполочнимъ квѣтомъ, 3 штуки.—Ручниковъ на росходъ 6.—Серветъ на росходъ 30.—Пять штукъ полотна лняного, в каждой штукѣ по 30 локоть.—Наволочокъ швабскихъ 3 и простира швабская.—Наволочокъ кужѣлнихъ три, до завязокъ.—Простиръ ш..... сѣтковихъ 2.—Наволочокъ... сѣтковихъ 6.—Ковересъ еденъ пристриганій; ковересъ другій гладкій.—Мотковъ волняних, крашенних, на килими, 23.—Основа нитчаная конопляная на килимы, у 8 пасомъ вдолжъ, локоть 40.— Стакановъ сребраних 6.—Чарокъ сребр. 12.—Ложокъ сребр. 12, въ томъ числѣ позолоченихъ 4.—Ложокъ сребр. чайних 2.—Денегъ 700 руб.—Цѣнѣ камень (50 фунт.), да посля дано два полумиски.—Чайниковъ 2, еденъ цѣновій, а другій файфурній.—Шапокъ 3, една соболевая, зъ золот. вершкомъ, другая златоглавная бѣлая, третяя, шитая золотомъ.—Скринь 3 и бавулъ.—Столикъ.—Ложко.—Мѣднъ (?) новій, ц. 2 р. Коракъ болшій, мѣдній, побѣліованній, ц. 1 р. 50 к.—Флашъ хрусталних двѣ, всякая по рублю.—Подушокъ болших три.—Перина една.—Подушечокъ малих три, двѣ з наволочками блакитными дуклевими, а третая зъ наволочкою венецкого аксамита, з золотими сѣтками.—Шчолъ десять.—Ценцовъ золотомъ гафтованних два; ценцовъ штофних разноцвѣтних два. Коцъ еденъ.—Овецъ 50.—Пашнѣ ризной 100 четвертей.—Тютюну 3000 (папушъ?), сотня по полтинѣ.—Возовъ дорожних два.—Куховъ горѣлчаних новихъ 6.—Черевики суконніе, красніе, гафтованніе.—Черевики зеленіе штоф-

ніе, блакитніе, гафтованніе.—Сверхъ вишеписанніхъ пожитковъ, мужемъ моимъ покойнимъ дарованніе вещи: запаска зеленая, златоглавная, на винцѣ данная.—На портище срѣблоглаву блакитного, дарованного мнѣ на весѣллѣ.—Черевиковъ пара гафтованніхъ, дарованніхъ же на весѣллѣ—Акаѳистъ влкмуч. Варварѣ, мною въ Кіевѣ купленній. — Полуустав, мною жъ въ Кіевѣ купленній. — Катихизисъ, дарованный мнѣ отъ экономa катедри Черниговской.— Зеркалъ двѣ. — Къ сему реестру вомѣсто Меланіи, удовствующей Стороженковой, яко неграмотной, братъ ея в. канц. Андрей Миницкій руку приложилъ.

Французское письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцову, 1765 года. «Mon seigneur! Je viens avec un troublement respect de feliciter, vôtre excellence, de l'heureuse arrivée en charge du gubernement de la Petite-Russie. Je suis malheurex n'ayant pas la liberté à present pour servir a vôtre excellence, c'est à dire que je suis en arest dans une petite ville nommé Bohazka (Богачка) [1]) à cause des dettes pretendées à mr colonele de Krezanowsky et madame Bazylewska, cousine du mr Koczubey. L'arest m'a faite mr colonele d'Ostrogradsky du regiment de Myrgorod par son propre avis m'ayant importuneé (?) san bon reson, plus que trois mois.

Monseigneur! Je supplie tres humblement, votre excellence d'etre persuadé de m'en donner la liberté par ordonance de votre excellence, afin que j'eusse l'honneur chez votre excellence d'exprimer les veritables objects de ma cause pleine des injuries faites par mr colonell d'Ostrogradsky sans permission monseigneur du archeveque metropolita de Kiov. Par Dieu, par Jésus Christ, faites moi vôtre grâce, afin que je ne meurie, avec ma famille, sans reson de la verite. Je suis avec parfaite devotion, Monseigneur! de vôtre excellence le tres humble et le tres obeissant serviteur. Jean de Bohajewsky, archiprêtre étant eté dans les armées russiennes.

Le 14 jan. 1765. Bohazka.

---

[1]) Сотенное мѣстечко Миргородскаго полка.

Je viens très humblement de recommender, a vôtre excellence, mon cousin colonelle de Stefanowicz, qui a la charge dans general chancellerie. [1]) *(Съ подлинника).* [2])

Приведенное здѣсь письмо прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что писано оно *протопопомъ по-французски.* Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о личности автора этого письма; повидимому, онъ не имѣетъ ничего общаго съ глуховскими Богаевскими, изъ числа которыхъ Моисей Богаевскій былъ «войсковымъ капелланомъ» при Скоропадскомъ и позже. [3]) Интересенъ арестъ этого протопопа за долги миргородскимъ полковникомъ. Кредиторами Богаевскаго были: гадяцкій полковникъ Крыжановскій (выкрещенный еврей) и миргородская богачка Базилевская—люди очень извѣстные въ Старой Малороссіи во втор. полов. XVIII в. Можно думать, что Остроградскій, не имѣвшій вообще юридическаго права на арестъ долж-

---

[1]) Орѳографія подлинника сохранена.

[2]) М. Г.! Спѣшу принести Вашему Превосходительству свое искреннее поздравленіе по случаю благополучнаго прибытія въ Малороссію на постъ управляющаго краемъ.

Къ несчастію, будучи въ настоящее время лишенъ свободы, я не могу служить Вашему Превосходительству, т. к. нахожусь подъ арестомъ въ маленькомъ городкѣ Богачка за долги, предъявленные полковникомъ Крыжановскимъ и г-жею Базилевской, двоюродной сестрой г-на Кочубея. Арестовалъ меня полковникъ Миргородскаго полка Остроградскій, по своему собственному почину, осаждая меня допросами безъ всякаго основанія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою—приказать вернуть мнѣ свободу, дабы я могъ представить Вашему Превосходительству въ настоящемъ свѣтѣ свое дѣло, а также довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства о всѣхъ несправедливостяхъ, учиненныхъ надо мною полковникомъ Остроградскимъ, безъ разрѣшенія митрополита и архіерея кіевскаго.

Именемъ Бога, именемъ Іисуса Христа, сжальтесь надо мною и не допустите меня безвинно погибнуть со всей моей семьей.

Съ истинною преданностію и съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосход. покорнѣйшій слуга Иванъ Богаевскій, бывшій протоіерей русской арміи.

Позвольте мнѣ, Ваше Превосходительство, рекомендовать Вамъ моего двоюроднаго брата полковника Стефановича, который занимаетъ должность въ генеральной канцеляріи.

[3]) Записки Черниг. Стат. Комит., II.

ника (въ это время дѣйствовали уже земскіе суды), превысилъ свою власть, желая угодить вліятельнымъ кредиторамъ.

Написаніе письма на французскомъ языкѣ можно объяснить желаніемъ арестованнаго скрыть содержаніе своего протеста отъ ближайшихъ охранителей его, а знаніе священникомъ этого языка, въ той далеко не сильной степени, какая обнаружена имъ, дѣло не необычное въ то время, когда въ Кіевской Академіи этотъ языкъ былъ предметомъ преподаванія.

Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года.

1. *Указъ Правительствующему Сенату 12 марта 1831 г. о мѣрахъ наказанія по отношенію къ участникамъ мятежа.*

При самомъ началѣ мятежа, возмутившаго Царство Польское, предвидя вліяніе онаго на умы слабые, готовые увлечься мечтами законопротивными къ нарушенію спокойствія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши къ Имперіи Россійской, Мы въ постоянномъ попеченіи о благѣ вѣрноподданныхъ Нашихъ, жителей тѣхъ губерній, обратились къ дворянскому въ оныхъ сословію, какъ знаменитѣйшему классу обывателей, и изъявили оному ожиданія Наши, что оно употребитъ въ сихъ обстоятельствахъ всѣ усилія свои, дабы доказать Намъ и Отечеству непоколебимую вѣрность свою и постоянное ко благу общему усердіе.—Таковыя ожиданія Наши совершились почти вездѣ и повсемѣстно.—Дворянство губерній: Виленской, Гродненской и Волынской чрезъ временныхъ Военныхъ Губернаторовъ поспѣшило излить предъ Нами непзмѣнныя чувства вѣрноподданнической преданности своей, а въ слѣдъ за тѣмъ на самомъ опытѣ доказало, сколь охотно жертвуетъ оно достояніемъ своимъ и трудами къ удовлетворенію многоразличныхъ и значительныхъ военныхъ требованій по снабженію Дѣйствующей Арміи продовольствіемъ и иными потребностями.—Тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ получили Мы нынѣ свѣдѣніе, что горсть людей неблагородныхъ, не достойныхъ имени дворянскаго, забывъ долгъ присяги и недавній еще новый обѣтъ вѣрности, дерзнули нарушить спокойствіе Виленской губерніи въ уѣздахъ: Тельшевскомъ, Шавельскомъ и Россіенскомъ,—но съ твердостію рѣшились Мы исполнить надъ ними при-

мѣръ заслуженнаго наказанія, который остановитъ, Мы уповаемъ, колеблющихся и возвратитъ заблудшихъ къ обязанностямъ долга и присяги.

Мы повелѣваемъ.

1) Всѣхъ Дворянъ, или Шляхту, принявшихъ участіе въ семъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противустанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Уложенію и приговоры Суда исполнять надъ ними на мѣстѣ съ утвержденія Отдѣльнаго отряднаго Начальника.

2) Недвижимыя имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе Инвалиднаго капитала.

3) О всѣхъ мужеска пола дѣтяхъ Дворянъ или Шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пунктѣ означенное, наказанныхъ, входить къ Намъ съ особымъ представленіемъ; дѣтей же, именующихся Шляхтичами, но никакихъ доказательствъ на сіе званіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты.

4) Людей низшаго званія, кои, участвуя въ сихъ безпокойствахъ, будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекруты и отсылать на службу въ Сибирскіе Линейные баталіоны.

5) Дѣтей мужеска пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты.

6) Всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будутъ въ убійствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ же судомъ по Полевому Уголовному Уложенію.

7) Кто изъ простолюдиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика, или угрозами, броситъ оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать.

О всемъ вышеизложенномъ Правительствующій Сенатъ не оставить учинить немедленно надлежащее исполненіе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

„НИКОЛАЙ".

С.-Петербургъ, 22-го Марта 1831 года.

2. *О дѣйствіяхъ противу мятежниковъ въ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской.*

Мятежникъ Дверницкій съ десятью-тысячнымъ корпусомъ, въ концѣ марта мѣсяца, вторгнулся въ границы Волынской губерніи со стороны Замостья, въ надеждѣ распространить духъ мятежа и пріобрѣсти въ большомъ числѣ сообщниковъ возмутительными воззваніями, тайно разосланными. Онъ старался приклонить къ сообществу своему дворянъ и шляхту, но сіе не имѣло ожидаемаго имъ успѣха, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ поколебалъ онъ вѣрность къ престолу, и по его вліянію составились партіи бунтовщиковъ и соединились съ главными зачинщиками. Въ Подольской губерніи собрали таковыя партіи Вацлавъ Ржевускій, Изидоръ и Александръ Собанскіе, Себастіанъ и другіе, къ которымъ присоединились нѣкоторые помѣщики и Шляхта изъ губерній Кіевской и Волынской, а въ сей послѣдней партіи мятежниковъ—управляли Нарцисъ, Олизаръ, Ворцель и нѣкоторые другіе, которые собрались около мѣстечка Рафаловки въ Ковельскомъ повѣтѣ. Помѣщикъ же мѣстечка Боромля, Чацкій, съ нѣкоторыми сообщниками, присоединился къ Дверницкому. Корпусъ Дверницкаго, встрѣченный войсками Нашими, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Ридигера, претерпѣлъ пораженіе 6-го и 7-го апрѣля, при мѣстечкѣ Боромлѣ на рѣкѣ Стырѣ, потомъ будучи преслѣдованъ, отрѣзанъ отъ Замостья, искалъ спасенья въ Галиціи, гдѣ австрійскимъ правительствомъ окруженъ, обезоруженъ, въ числѣ около пяти тысячъ человѣкъ, и отправленъ внутрь Имперіи въ качествѣ нашихъ плѣнныхъ, причемъ взято нами 17-ть пушекъ, все оружіе, военные припасы, и болѣе двухъ тысячъ лошадей.

Мятежники, скрывшіеся около Рафаловки въ лѣсахъ, настигнуты отрядомъ генералъ-маіора Гельвиха, разбиты и разсѣяны.

Главныя партіи мятежниковъ, до пяти тысячъ человѣкъ, изъ Подольской, Волынской и Кіевской губерніи, собравшіяся въ Ольгопольскомъ повѣтѣ и перешедшія потомъ въ Гайсинскій, подъ распоряженіемъ главныхъ зачинщиковъ Ржевускаго и Собанскихъ поступили подъ начальство бывшаго польскаго генерала Колыски. Генералъ отъ инфантеріи Ротъ, настигнувъ ихъ 2-го мая близъ мѣстечка Дашева на границѣ Гайсинскаго и Липовецкаго повѣтовъ, нанесъ имъ жестокое пораженіе и принудилъ искать спасенія въ лѣсахъ, причемъ они потеряли бывшіе у нихъ 6 пушекъ и

болѣе тысячи человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Часть сихъ мятежниковъ бросилась къ Липовцу, но была встрѣчена и разсѣяна отрядомъ полковника Гулевича, причемъ потеряли они много убитыми, ранеными и плѣнными, а также отбито у нихъ серебромъ до 10000 рублей. Послѣ сего пораженія, мятежники, уходя съ быстротою, скрывались въ лѣсахъ и старались собрать разсѣянныхъ и присоединить новыя партіи, но 11 мая настигнутые авангардомъ генерала Рота, подъ командою генералъ-маіора Шереметьева, въ окресностяхъ Литина при селеніи Майданъ Закревскаго, претерпѣли самое жестокое пораженіе, потеряли весь обозъ, казну до 40 тысячъ рублей серебромъ, до 300 убитыми, ранеными и болѣе ста плѣнными. И хотя остатки, скрывшіеся въ лѣса, усилились до двухъ тысячъ человѣкъ новыми партіями, собравшимися около Бара, подъ командою Нагоричевскаго, маіора Хлопицкаго, Стемиковскаго, Черкаса, и Добко, но генералъ Ротъ не переставалъ быстро тѣснить и преслѣдовать, принудилъ искать единственнаго спасенія въ австрійскихъ владѣніяхъ, куда бѣжали они при Сатановѣ, съ остатками до тысячи человѣкъ, и въ то же время окружены и обезоружены австрійскими войсками, какъ бѣглецы и бунтовщики. Столь удачно совершившееся пораженіе мятежниковъ, возставшихъ противъ законной власти, нарушившихъ присягу и дерзнувшихъ проливать кровь соотечественниковъ своихъ, доказало, что гнѣвъ Божій караетъ ихъ. Жители, сохранившіе вѣрность къ престолу! Объявляется вамъ, что возмутители обманываютъ васъ и обѣщаютъ то, чего никогда не могутъ исполнить, что только сдѣлаютъ васъ участниками ихъ преступленій и обогащаются вашимъ разореніемъ! Не вѣрьте имъ, и тѣхъ, которые будутъ уговаривать и принуждать васъ къ бунту, старайтесь задерживать и представлять Начальству. Вы никогда уже не будете принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти. Сіе предостереженіе вызвано единственно человѣколюбіемъ, ибо правительство имѣетъ силу и довольно способовъ, чтобы прекратить мятежничество (что ежедневно доказывается). Но всѣ тѣ, которые соединятся съ мятежниками, будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

Подлинное подписалъ Главнокомандующій Генералъ-фельдмаршалъ Графъ Сакенъ.

Мая 19 дня 1831 года въ главной квартирѣ 1-й арміи. Г. Кіевъ.

3. *О дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ въ Волынской губерніи.* (23 мая 1831 года).

Объявленіе.

Командиръ пензенскаго пѣхотнаго полка полковникъ Севастьяновъ, командированный изъ Житомира съ батальономъ пѣхоты, 120 козаками и 2 легкими орудіями, по прибытіи къ городу Овручу 22 числа сего мѣсяца, встрѣченъ былъ 400-ми конными мятежниками, но мгновенно опрокинулъ ихъ въ городъ, откуда мятежники вновь встрѣтили отрядъ ружейными изъ шести небольшихъ пушекъ выстрѣлами. Полковникъ Севастьяновъ, сдѣлавши четыре выстрѣла изъ орудій, аттаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ совершенно штыками и разсѣялъ полки, собравшіеся при семъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Овручскаго маршалка Головинскаго, при чемъ взято въ плѣнъ четыре помѣщика, въ числѣ коихъ—второй начальникъ послѣ Головинскаго, Байковскій,—пятьдесятъ шляхтичей, девять ксендзовъ съ оружіемъ въ рукахъ и участвовавшихъ въ бунтѣ, и до четырехъ сотъ человѣкъ разнаго званія и лѣтъ, шесть малыхъ пушекъ, шесть значковъ, 90 повозокъ съ провіантомъ и фуражемъ, 180 воловъ, нѣсколько лошадей и рекрутская партія болѣе 300 человѣкъ, захваченная мятежниками. Съ нашей стороны убитъ одинъ козакъ, ранены: два офицера и одинъ козакъ.

Вмѣстѣ съ симъ получено донесеніе, что полковникъ Петеръ, командированный съ дивизіономъ Деритскаго конно-егерскаго полка для преслѣдованія мятежниковъ въ Новгородъ-Волынскомъ повѣтѣ, настигъ многочисленную ихъ партію въ 5 верстахъ за мѣстечкомъ Бердною, стремительно аттаковалъ и, не взирая на самое отчаянное сопротивленіе, разбилъ и разсѣялъ оную, причемъ мятежники потеряли убитыми на мѣстѣ болѣе 100 человѣкъ, въ плѣнъ взято 40 человѣкъ, отбито захваченныхъ ими 30 фуръ съ провіантомъ и лошадьми, 36 погонщиковъ и 95 ружей.

Объявляя о сихъ дѣйствіяхъ, доказывающихъ, что злые замыслы мятежниковъ принимаемыми мѣрами уничтожаются съ совершеннымъ успѣхомъ, я надѣюсь, что сіе послужитъ убѣжденіемъ къ приведенію ихъ въ раскаяніе и возвратитъ къ законнымъ обязанностямъ тѣхъ, которые еще не закоснѣли въ вѣроломныхъ поступкахъ.

Подлинное подписалъ Главнокомандующій генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ.

Мая 23 дня, 1831 г. въ главной квартирѣ 1-й арміи въ Кіевѣ.

---

4. *Указъ Правительствующему Сенату.*

Изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ Западныхъ Губерній усмотрѣли мы, что вслѣдствіе указа Нашего отъ 6 мая сего года, нѣкоторые помѣщики, удаляясь отъ сообщничества съ мятежниками, явились добровольно къ военнымъ начальникамъ и, объясняя, что они только силою и страхомъ вовлечены были въ преступныя дѣйствія возмутителей, просили помилованія.

Даровавъ имъ оное и повелѣвъ возвратить имъ имѣніе, Мы не могли не обратить особаго на таковые примѣры вниманія и потому, желая въ тѣхъ мѣстахъ сихъ губерній, кои терпятъ отъ зломыслія нѣкоторыхъ и отъ заблужденія другихъ, возстановить спокойствіе и благосостояніе, не одною силою оружія, но и снисхожденіемъ къ самимъ виновнымъ, повелѣваемъ:

1) Главнокомандующіе, командиры отдѣльныхъ корпусовъ и отрядовъ, а равно военные и гражданскіе Губернаторы, коменданты и военные уѣздные начальники, когда явятся къ нимъ добровольно и съ изъясненіемъ раскаянія помѣщики, участвовавшіе въ мятежѣ даже съ поднятіемъ оружія, уполномачиваются давать имъ о явкѣ ихъ свидѣтельство и, отбирая отъ нихъ подписку въ непоколебимой вѣрности, отпускать въ ихъ имѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ относиться непосредственно къ гражданскимъ губернаторамъ о дозволеніи имъ свободнаго пользованія ихъ имѣніями; Губернаторы же, по учиненіи о томъ распоряженія, обязываются доносить для свѣдѣнія Главнокомандующимъ и мѣстнымъ военнымъ Губернаторамъ. Изъ прощенія сего изъемлются извѣстные главные зачинщики и предводители мятежа, о коихъ впрочемъ имѣетъ быть представляемо Намъ для оказанія и имъ въ подобныхъ случаяхъ возможнаго, по благоусмотрѣнію Нашему, помилованія.

2) Получившіе свидѣтельство, если бы вновь отважились участвовать въ какихъ-либо преступныхъ замыслахъ, или дѣйствіяхъ, наказаны будутъ по всей строгости изданныхъ предъ симъ постановленій, наравнѣ съ зачинщиками.

3) Лицамъ духовнаго званія, которыя на семъ же основаніи получатъ прощеніе, не препятствовать оставаться при своихъ приходахъ и исполнять духовныя, по званію ихъ, требы, съ оставленіемъ за ними и всѣхъ сопряженныхъ съ саномъ ихъ доходовъ, но сообщая о дарованіи имъ прощенія Епархіальнымъ ихъ начальствамъ, дабы по сношеніи съ ними, начальствами окончательно утверждать ихъ въ прежнихъ правахъ.

4) Какъ извѣстно, что нѣкоторые люди другихъ званій, какъ то: околичная и чиншевая шляхта, городскіе обыватели, дворовые люди и крестьяне, въ мятежѣ участвовавшіе, а послѣ желающіе возвратиться въ свои жилища, изъ страха наказанія скитаются въ лѣсахъ и составляютъ мятежныя скопища; то и таковымъ, когда возвратятся въ свой домъ, сдадутъ оружіе и останутся спокойными, даровать прощеніе, если они не принадлежатъ къ числу зачинщиковъ и предводителей мятежа.

5) Съ тѣми, кои, не взирая на сіи новые знаки Монаршаго Нашего милосердія, останутся въ числѣ мятежныхъ шаекъ, или отважатся грабить почты, курьеровъ, либо проѣзжающихъ, или посягнутъ на другія безчинства, поступать по всей строгости военнаго уголовнаго уложенія.

6) Само собою разумѣется, что если кто изъ числа лицъ, въ предшествовавшихъ Статьяхъ упомянутыхъ, кромѣ участія въ мятежѣ вообще, учинилъ еще особенное уголовное преступленіе, то даруемое прощеніе къ таковому преступленію относимо быть не можетъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе къ немедленному распубликованію Сего указа Нашего во всѣхъ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

НИКОЛАЙ.

4-го Іюня 1831-го въ С.-Петербургѣ.

—

5. *Приказъ. Іюня 22 дня 1831-го года. Главная квартира въ гор. Кіевѣ.*

Генералъ отъ артиллеріи Баронъ Левенштернъ донесъ мнѣ, что Брацлавскій дворянскій предводитель Жабокличкій самовольно

оставилъ въ Брацлавѣ участвовавшихъ въ мятежѣ: помѣщика Александра Городецкаго и другихъ тогда, когда надлежало бы ихъ отправить въ ближайшую слѣдственную Комиссію для доказательства своей невиновности, и что онъ, Жабоклицкій, по видамъ дѣйствій его, подозрѣвается также въ участіи въ мятежѣ, или въ знаніи о намѣреніяхъ мятежниковъ; ибо, не желая открывать виновныхъ, наказывалъ крестьянъ, кои способствовали священнику Песецкому взять подозрительныхъ людей, и допустилъ въ присутствіи своемъ, офиціалистовъ и ихъ женъ бранить онаго священника и дѣлать неприличныя и обидныя его сану наглости.

Таковые самоправные поступки Жабоклицкаго признавая стремящимися къ явному разрушенію законнаго порядка и къ мстительности крестьянамъ и священнику за преданность ихъ правительству, я предписалъ Подольскому и Волынскому военному Губернатору удалить его, Жабоклицкаго, отъ должности и предать военному суду арестованнымъ, со вмѣненіемъ въ обязанность судной коммиссіи изыскать въ подробности всѣ означенныя дѣйствія его, и затѣмъ учинить объ немъ приговоръ на законномъ основаніи. О чемъ объявляю по арміи и гражданскому вѣдомству подчиненныхъ мнѣ губерній.

Подлинный подписалъ Главнокомандующій, генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ.

---

6. *Извѣщеніе жителей г. Кіева о взятіи русскими войсками Варшавы.*

Главнокомандующій 1-ою арміею г-нъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ отъ 30 числа минувшаго августа за № 180-мъ увѣдомляетъ меня о покореніи города Варшавы, которая 26 числа августа могущественнымъ россійскимъ воинствомъ взята штурмомъ.

Послѣ сей важной побѣды до 30-ти тысячъ непріятельскихъ войскъ положили оружіе, и въ то же время занята Прага. Поспѣшая извѣстить кіевскихъ жителей о семъ радостномъ событіи, я приглашаю ихъ завтрашній день, то-есть 2-го числа сего сентября, въ 10-ть часовъ утра, собраться въ Кіево-Печерскую Лавру для принесенія благодаренія Всевышнему Творцу, увѣнчавшему новою славою россійское воинство.

Подлинное подписалъ Кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ и сенаторъ Княжнинъ.

Кіевъ, 1 число Сентября 1831 года.

(Изъ церковнаго архива с. Глубочка, Уманскаго уѣзда).

Сообщилъ В. Доманицкій.

Текущія извѣстія.

Автографы Т. Г. Шевченка. У мирового судьи Николая Ивановича Мокрицкаго (м. Кагулъ, Измаильск. у.) есть «Кобзарь», подаренный его матери Т. Г. Шевченкомъ съ собственноручной надписью автора: «Маріи Львовнѣ Мокрицкой на память Т. Шевченко. 4 февраля 1860 года». У того же Мокрицкаго есть письмо Шевченка къ отцу Мокрицкаго, писанное за 2 дня до смерти поэта и полученное уже послѣ его смерти. Содержаніе письма слѣдующее:

«Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ! Поздравляю Васъ съ вожделѣннымъ днемъ Вашего святого ангела. Извините, что не могу лично принести моего искренняго поздравленія. Я боленъ другой мѣсяцъ. Не только на улицу, меня и въ коридоръ не пускаютъ, и не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество. Глубоко кланяюсь Маріи Львовнѣ и лобызаю Вашихъ дѣточекъ. Отъ души желаю Вамъ повеселиться по-прошлогоднему. До свиданія. Искренный Вашъ Т. Шевченко. 24 февраля 1861 г.».

Мокрицкіе жили въ Полтавской губерніи. Марія Львовна Мокрицкая была близкой родственницей матери Т. Г. Шевченка.

(«Літературно-Науковий Вістникъ», кн. V).

Что читаетъ деревня? Въ «Літературно-Науковомъ Вістникѣ», (кн. V) въ отдѣлѣ хроники и библіографіи встрѣчается интересная замѣтка «Книжка на селі», дающая наглядное представленіе о томъ, какова можетъ быть духовная пища въ нашихъ селахъ. Авторъ, при посредствѣ учениковъ сельской школы, собралъ свѣдѣнія о 143 семьяхъ и получилъ слѣдующіе результаты.

Всего книгъ въ 143 семействахъ оказалось 866, которыя по содержанію распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: библій 3, евангелій 59, молитвенниковъ 74, часослововъ 14, псалтырей 17, различ-

ныхъ богослужебныхъ книгъ 5—итого 173 на церковно-славянскомъ языкѣ. Далѣе идутъ житія святыхъ и религіозные листки и брошюры—всего 177; сюда же слѣдуетъ добавить 54 экз. краткаго школьнаго учебника по Закону Божьему.

Далѣе идетъ литература. На первомъ мѣстѣ стоитъ рядъ книжекъ, изданныхъ Сытинымъ et tutti quanti. Здѣсь же наберется около десятка сказокъ Пушкина, но въ большинствѣ случаевъ—«народная литература»—безъ имени автора и издателя. Далѣе слѣдуетъ 125 перловъ лубочныхъ изданій. Чего только здѣсь нѣтъ! «Бова Королевичъ» и «Сонъ Богородицы», «Волкъ на скамьѣ подсудимыхъ» и «Правдивое сказаніе о томъ, какъ львица царскаго сына выкормила», здѣсь же и «Тарасъ Бульба», ѣдущій по степи и поющій высокимъ баритономъ «Гой ты Днѣпръ, ты мой широкій»!

Затѣмъ школьные учебники различныхъ названій—всего 54 (много задачниковъ). Календарей—почти нѣтъ. Встрѣтилось еще 18 книж. различнаго хлама: «Каталогъ музыкальнаго магазина», «Уставъ общества велосипедистовъ» и пр.

Украинскихъ книжекъ встрѣтилось 72 экземпляра. Болѣе всего посчастливилось «Наймычкѣ» и «Кайдашевой семьѣ», благодаря ихъ удобной цѣнѣ (1 к. и 9 коп.). Украинскія книжки проникали только благодаря книжной торговлѣ земства. По сельскому хозяйству встрѣтилось всего лишь 5 книжекъ, изъ нихъ одна Е. Чикаленка (Черный паръ), а прочія—неподходящія, и попали въ руки крестьянъ случайно.

Вотъ и весь литературный багажъ одного изъ нашихъ селъ. Если принять во вниманіе, что въ упомянутомъ селѣ школа существуетъ болѣе 40 лѣтъ и что въ немъ происходитъ продажа книгъ изъ земскаго склада, то можно прійти къ довольно грустнымъ размышленіямъ относительно множества тѣхъ закоулковъ, куда не достигаютъ лучи просвѣщенія ни отъ школы, ни отъ культурныхъ центровъ.

—

Интересъ къ артельному дѣлу заграницей. Артельное дѣло у насъ вызываетъ живой интересъ заграницей. Н. В. Левитскій получаетъ привѣтствія и выраженія сочувствія изъ различныхъ иностранныхъ городовъ: такъ напр., изъ Фрейбурга (Саксонія) студенты мѣстной горной академіи прислали ему коллективное привѣтственное письмо, такія же письма получены отъ студентовъ берлинскаго

брюссельскаго и др. университетовъ. Недавно въ Австріи (въ Галиціи), переведенъ на малорусскій языкъ «Артельный договоръ» Н. В. Левитскаго. Такимъ образомъ, теперь «Артельный договоръ» имѣется въ переводахъ на языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, сербскомъ и малорусскомъ. «Югъ», № 910.

—

Добрый починъ. Въ одномъ изъ селъ Херсонской губерніи попечительница школы роздала ученикамъ книги, въ роскошныхъ переплетахъ, съ золотыми надписями: «На память о школѣ» 1901 г. Выборъ книгъ въ этомъ году оказался очень удачнымъ. Въ числѣ другихъ книгъ было роздано немалое количество «Кобзаря» Шевченка— «наилучшей книги для малоросса, какъ написанной на народномъ языкѣ и затрагивающей очень близкіе и вполнѣ понятные вопросы въ его жизни». Надо замѣтить, что такая раздача книгъ «на память о школѣ» происходила и въ прошломъ году, и попечительница намѣрена и впредь дарить дѣтямъ на память книги. «Югъ», № 908.

—

Съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ въ г. Полтавѣ. Предполагавшійся еще въ прошломъ году областной съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности будетъ происходить въ текущемъ году съ 27 сентября по 7 октября. Съѣздъ устраивается Полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства въ г. Полтавѣ для обсужденія вопросовъ, указанныхъ въ программѣ его занятій.

Въ съѣздѣ могутъ принимать участіе лица, занимающіеся кустарными промыслами, попечители, устроители и руководители учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской, Кіевской, делегаты мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ и лица, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ забота о развитіи кустарной промышленности.

Заявленія о желаніи принять участіе въ съѣздѣ подаются въ Комитетъ не позже перваго дня съѣзда.

Лица, изъявившія желаніе участвовать въ съѣздѣ, уплачиваютъ членскій взносъ въ размѣрѣ 1 руб.

Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію областного съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ.

1) Значеніе кастарныхъ промысловъ въ народномъ хозяйствѣ.

2) Мѣропріятія правительства и земства по развитію кустарныхъ промысловъ.

3) Организація кредита для кустарей. Скупщики и другіе торговые посредники.

4) Отношеніе кустарныхъ промысловъ къ земледѣлію и отхожимъ заработкамъ.

5) Мѣры, могущія способствовать развитію кустарныхъ промысловъ. Организація труда въ кустарномъ производствѣ. Техническія улучшенія. Санитарно-гигіеническая обстановка въ кустарныхъ промыслахъ.

6) Виды кустарныхъ промысловъ, развитіе которыхъ возможно въ данномъ раіонѣ.

7) Спросъ на издѣлія кустарныхъ производствъ и значеніе ихъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія.

8) Рынки сбыта для кустарныхъ издѣлій даннаго раіона.

9) Снабженіе кустарей сырьемъ, орудіями производства и организація сбыта.

10) Значеніе и возможность примѣненія кооперацін въ области кустарныхъ производствъ.

—

Ходатайство по вопросу о положеніи малорусской печати въ Россіи. *Въ засѣданіи Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности*, состоявшемся 29-го апрѣля, было постановлено возбудить ходатайства: а) о томъ, чтобы руководства по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи и проч. были допущены для печатанія на малорусскомъ языкѣ при обращеніи вниманія на содержаніе книги, а не на языкъ, б) чтобы брошюры эти допускались въ народныя читальни и библіотеки и в) чтобы книги, одобренныя Министерствомъ Земледѣлія, были допущены въ школьныя библіотеки и безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Докладъ дѣлалъ предсѣдатель Общества проф. Д. И. Багалѣй. Упомянувъ о томъ, что комитетомъ за 10 лѣтъ его существованія издано 58 названій (въ томъ числѣ 2 малорусскихъ) въ количествѣ 10565591 экз., что, однако, составляло лишь 34,5% всего разсмо-

трѣннаго литературнаго матеріала, докладчикъ указалъ на то обстоятельство, что главной причиной такого явленія служили цензурныя препятствія.

Еще, пожалуй, относительно брошюръ на «русскомъ языкѣ, цензура была благосклонная». Иначе обстояло дѣло съ рукописями на малорусскомъ языкѣ Относительно ихъ приходится руководиться особыми правилами, мало извѣстными и авторамъ, и читателямъ, и издателямъ.

Главная ихъ сущность состоитъ въ томъ, что они касаются *не содержанія* сочиненія, а языка, на которомъ оно написано; такъ напримѣръ, имп разрѣшаются оригинальныя художественныя произведенія, но запрещаются переводы съ русскаго языка; допускается изданіе памятниковъ историческихъ, литературныхъ и этнографическихъ,—и въ то же время не разрѣшается выходъ въ свѣтъ столь необходимыхъ и полезныхъ для народа научно-популярныхъ брошюръ по медицинѣ, сельскому хозяйству и т. п. Комитету въ послѣднее время не была разрѣшена прекрасно написанная и редактированная профессоромъ агрономіи рукопись о болѣзненномъ грибкѣ на картофелѣ, причиняющемъ огромный вредъ сельскому хозяйству. Нѣсколько времени спустя не было разрѣшено 2-ое изданіе одной брошюры о сельскомъ хозяйствѣ, хотя она уже передъ тѣмъ заслужила одобреніе Министерства Земледѣлія и была допущена въ его школы. Въ то самое время новое изданіе этой-же брошюры было разрѣшено одной коммерческой фирмѣ, когда существуетъ правило, что рукопись, разрѣшенная одному лицу, можетъ быть издана другимъ. Въ то время какъ Ананьевск. Земство Херс. губ. издаетъ бесѣды о болѣзняхъ, составленныя съѣздомъ врачей въ память Н. И. Пирогова, въ переводѣ на малорусскій языкъ, частный издатель перепечатываетъ ихъ въ Харьковѣ, земства распространяютъ ихъ среди крестьянскаго населенія, а комитетъ не можетъ, по смыслу существующихъ правилъ, перепечатать ихъ, не можетъ дать крестьянскому населенію, говорящему по малорусски, вполнѣ доступной ему по изложенію книги. Это аномалія, но она, однако, является значительнымъ тормазомъ для культурнаго развитія нашего народа. Родной языкъ—это орудіе для распространенія образованія, проводникъ знаній, средство для возбужденія къ нему интереса; наконецъ, въ данномъ случаѣ онъ является разумнымъ педагогическимъ средствомъ для перехода отъ своего роднаго къ близко родному, но не тождественному, менѣе извѣстному.

Борьба съ трудностями усвоенія русскаго языка дѣлается для простолюдина малоросса особенно чувствительной въ научно-популярныхъ брошюрахъ по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи и т. п., потому что при стремленіи къ простотѣ изложенія, въ нихъ нельзя избѣжать новыхъ научныхъ понятій, а, слѣдовательно, и терминовъ. Но въ то время, какъ для простолюдина великоросса представляютъ затрудненія только эти новыя понятія, читатель малороссъ долженъ еще усваивать рядъ обыкновенныхъ литературныхъ русскихъ словъ, или вовсе отсутствующихъ въ его разговорной рѣчи, или же выраженныхъ иными звуками. И вотъ, если крестьянинъ великороссъ не охотно читаетъ книжки по сельскому хозяйству и медицинѣ, то поселянинъ малороссъ почти совсѣмъ отказывается отъ нихъ и, слѣдовательно, лишается могучаго средства науки для поднятія уровня своей сельско-хозяйственной культуры, для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Между тѣмъ, теперь, когда Россія вступила въ такое тѣсное общеніе со всѣмъ міромъ, когда въ этой экономической борьбѣ всякое государство напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы лучше вооружить общество пріобрѣтеніями цивилизаціи, ставятся препятствія для распространенія научныхъ знаній среди многомилліоннаго народа, застывшаго въ давно обветшалыхъ хозяйственныхъ формахъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста малоросса, сравнительно съ другими народностями, живущими въ Россіи. Пространно развивъ эту мысль, Д. И. Багалѣй сказалъ, что онъ считаетъ разумнымъ, законнымъ и справедливымъ, чтобы къ сочиненіямъ, написаннымъ по малорусски, были примѣнимы тѣ же требованія цензурнаго устава, которымъ подчиняются произведенія, написанныя по русски, т. е. чтобы при разрѣшеніи ихъ для печати принималось во вниманіе только ихъ содержаніе, а не языкъ.

(Южн. Край, №№ 7001 и 7004 и Харьк. Губ. Вѣдом., № 117).

Популяризація медицинскихъ свѣдѣній. Для популяризаціи среди народа полезныхъ знаній по гигіенѣ, Полтавскимъ уѣзднымъ земствомъ вскорѣ будетъ приступлено къ безплатному распространенію брошюръ на народномъ малорусскомъ языкѣ. Въ этихъ цѣляхъ уѣздная земская управа пріобрѣтаетъ въ настоящее время массу брошюръ, переведенныхъ на малорусскій языкъ, съ изданія «О—ва русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова», среди которыхъ находятся

«Якъ оберегты себе видъ висны», „Про скарлатыну" (краснуха), «Про сифылисъ» (пранца) и нѣкоторыя другія. Всѣ эти брошюры составлены до того популярно, что понятны безъ труда даже для самыхъ малоразвитныхъ крестьянъ. Въ техническомъ отношеніи изданія также вполнѣ удовлетворительны. (Полт. Губ. Вѣд., № 70).

—

Новая украинская опера. До сихъ поръ оперъ, написанныхъ на малорусскомъ языкѣ, было всего три: «Різдвяна нічъ», «Майска нічъ або утоплена» извѣстнаго украинскаго композитора Лисенка и «Катерина» муз. Аркаса. „Опереттъ" съ пѣніемъ, разговорами и танцами (въ родѣ «Запорожца за Дунаемъ», «Наталки-Полтавки» и друг.), конечно, въ счетъ не идутъ,—это произведенія совсѣмъ особаго рода. Въ самое послѣднее время число украинскихъ оперъ увеличилось еще одной, принадлежащей перу молодого лубенскаго композитора Б. Подгорецкаго, кончившаго курсъ варшавской консерваторіи, бывшаго въ числѣ учениковъ московскаго композитора и профессора г. Ильинскаго. Его опера называется „Купальна искра» и состоитъ изъ двухъ актовъ. Либретто заимствовано изъ народнаго украинскаго сказанія. («Югъ», № 905).

Какъ мы слышали, новая опера въ непродолжительномъ времени будетъ поставлена въ Кіевѣ «Товариществомъ Русскихъ и Малорусскихъ артистовъ подъ управл. Е. П. Ратмировой».

—

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ Милятинѣ Старимъ, въ Каменецкомъ округѣ въ Галиціи состоялось 3 мая чествованіе памяти М. Шашкевича и Т. Г. Шевченка въ «клунѣ» (стодоли) Ивана Війтовича, прекрасно убранной. На чествованіе прибыло болѣе 1000 душъ изъ всевозможныхъ окрестныхъ пунктовъ. Въ вечерѣ принималъ участіе сельскій хоръ изъ 96 душъ. Рѣчь о М. Шашкевичѣ произнесъ 58-лѣтній крестьянинъ изъ Кунча Данило Павлюкъ. Также и остальные номера—декламаціи, пѣніе—исполнены были одними лишь крестьянами.

Вечеръ произвелъ на слушателей неизгладимое впечатлѣніе. („Дѣло", ч. 105).

Подобныя же чествованія происходили: въ *Миклашевѣ*, возлѣ Львова, 14 мая; въ *Стрыанцяхъ*—въ сельской школѣ—13 мая; въ *Коломыи*, 17 мая, соединенными усиліями „всѣхъ русскихъ товариствъ", въ Новосилци Костковой, коло Залищикъ, въ «стодоли» священ-

ника, 6 мая. Вечеръ устроенъ былъ священникомъ Боярскимъ для мѣстныхъ крестьянъ (<«Дѣло», ч.ч. 102, 104, 107).

Въ *Америкѣ*, въ Шамокинѣ (въ Пенсильваніи) 30 мая состоялось чествованіе памяти Шевченка, гдѣ между прочимъ исполнены слѣдующіе номера:

Вступне слово выголосивъ голова товар. М. Колодѣй.

«Завищане», слова Т. Шевченка, музыка Е. Вербицкого на 8 голосивъ въ супроводи фортепіяну, видспивавъ мишаный хоръ.

Видчитъ о Тараси—о. А. Бончевскій.

„У Петрівку", слова Д. Млаки, музыка Из. Воробкевича, видспивавъ хоръ.

Декламація «У недиленьку святую» Т. Шевченка, выдделямувавъ Марія Мурдза.

Деклямація «Швачка» Т. Шевченка, виддекл. Антоній Лучковець.

Того жъ самого дня видбуло ся въ церкви Богослужене на интенцію тов. им. Шевченка и панихида за душу Тараса о гол. $^1/_2$9 рано. (<«Свобода» (Американская), № 20).

—

Еще о родственникѣ Т. Г. Шевченка. Читателямъ извѣстна уже сущность судебнаго дѣла по иску кр. Кіевск. губ. Андрея Шевченка (племянникъ извѣстнаго украинскаго поэта) къ С. Б. Фальцъ-Фейну въ суммѣ 4800 р. за увѣчье. Дѣло въ томъ, что сыну Андрея, Митрофану, въ слесарной мастерской Фальцъ-Фейна оторвало руку и онъ теперь къ труду неспособенъ. По разсчетамъ отца, самымъ минимальнымъ, его сыну нужно имѣть 4800 р., для того чтобы не жить въ тягость другимъ. Процессъ тянется давно. Въ послѣднее время г-жа Фальцъ-Фейнъ чрезъ посредство своего повѣреннаго желаетъ мириться съ Шевченкомъ, и дѣло затягивается только потому, что повѣренный отвѣтчицы никакъ настоящей цѣны человѣческой рукѣ не подберетъ. Было время, онъ ее уже въ 2 т. оцѣнилъ, теперь-же цѣна на руки, видно, упала, т. к. повѣренный предлагаетъ Шевченку только 1000 р. Вѣрнѣе всего, что немаловажную роль въ этомъ пониженіи уже разъ предложенной цѣны играетъ и то обстоятельство, что г. Шевченко въ настоящее время въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи, и поэтому долго тянуть судебную волокиту не можетъ. На сколько такого рода торгъ приличенъ—судить предоставляемъ читателямъ. (<«Югъ», № 920).

—

Магистерскій диспутъ Д. И. Эварницкаго. 29 апрѣля настоящаго года Д. И. Эварницкій защищалъ диссертацію «Исторія запорожскихъ козаковъ» (т. I, 2-е изданіе) на степень магистра Русской исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Совѣтъ историко-филологическаго факультета призналъ г. Эварницкаго достойнымъ искомой степени, а присутствовавшая публика встрѣтила это извѣстіе горячими и очень продолжительными рукоплесканіями.

—

Почетный выборъ. Императорское Одесское «Общество исторіи и древностей» выбрало проф. М. Грушевскаго своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а Волынское церковно-археологическое Общество въ Житомірѣ—почетнымъ членомъ. («Літер.-Наук. Вістникъ», кн. V).

—

Своеобразная оцѣнка „Энеиды" Котляревскаго. «Хуторянинъ» (№ 18) въ передовой статьѣ по вопросу о нѣкоторыхъ непормальностяхъ положенія сельскихъ учителей, приводитъ нѣсколько характерныхъ фактовъ отношенія къ послѣднимъ непосредственнаго ихъ начальства. Между прочимъ авторъ статьи сообщаетъ и слѣдующее: «Намъ извѣстенъ случай признанія инспекторомъ народныхъ училищъ сочиненія Котляревскаго—«Энеиды»—за *циничное* и *оскорбляющее нравственность*, хотя это сочиненіе и разсылалось Полтавскимъ земствомъ въ ученическія библіотеки», какъ допущенное Мин. Нар. Просв.

—

Марко Мурава (Сильвестръ Лепкій). *Некрологъ.* 22 мая въ Бережанахъ въ Галичинѣ скончался священникъ Сильвестръ Лепкій, украинскій писатель, горячій патріотъ-народникъ. Покойный началъ писать въ 1871 г. въ «Правдѣ», подъ псевдонимомъ *Марко Мурава*, но затѣмъ долгое время не выступалъ въ литературѣ.

Въ послѣднее время, когда на литературное поприще выступилъ талантливый его сынъ Богданъ Лепкій, покойный снова сталъ помѣщать свои произведенія, подъ прежнимъ псевдонимомъ, въ «Дѣлѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ.

Кромѣ произведеній беллетристическихъ и стихотворныхъ, покойный писалъ статьи по экономическимъ вопросамъ, написалъ популярную брошюру (изданную «Просвітою») объ огородничествѣ и садоводствѣ. («Дѣло», ч. 113).

Библіографія.

Н. И. Теодоровичъ. Волынская Духовная Семинарія. *Почаевъ 1901 года. Ц. съ перес. 4 руб.*

Настоящая книга составлена и издана пріобрѣвшимъ большую извѣстность въ средѣ волынскаго духовенства неутомимымъ труженикомъ по изданію многотомнаго историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Волынской епархіи, бывшимъ преподавателемъ семинаріи, а нынѣ инспекторомъ народныхъ училищъ Сѣдлецкой губерніи Н. И. Теодоровичемъ. Книга имѣетъ нѣсколько заглавій. Первое и основное ея заглавіе, напечатанное самымъ крупнымъ шрифтомъ, такое: «Волынская Духовная Семинарія». Но такъ какъ это заглавіе слишкомъ общее и неопредѣленное, то авторъ, чувствуя необходимость пояснить его, прибавляетъ къ нему второе заглавіе, а именно: «Исторія первоначальнаго устройства ея и подвѣдомственныхъ ей духовныхъ училищъ». Далѣе слѣдуетъ третье заглавіе: „Списки воспитанниковъ, окончившихъ въ ней курсъ ученія, а также начальниковъ и наставниковъ ея въ періодъ времени съ 1796 по 1900 г.“ Наконецъ, есть еще одно пояснительное замѣчаніе на заглавной страницѣ, именно: «Съ приложеніемъ портрета митрополита Антонія Рафальскаго и его писемъ». Въ сущности, объемистая (болѣе 1000 стр.) книга г. Теодоровича состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части содержатся нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся первоначальнаго устройства Волынской семинаріи и духовныхъ училищъ, а во второй—списки воспитанниковъ. Этимъ и объясняется, почему, кромѣ основнаго об-

щаго заглавія, понадобилось еще два подзаглавія, въ которыхъ почтенный составитель и пытался указать на два главные предмета, составляющіе содержаніе его книги.

Поводомъ къ изданію г. Теодоровичемъ настоящаго труда послужилъ праздновавшійся въ 1896 году столѣтній юбилей Волынской Духовной Семинаріи и вслѣдствіе, этого на второй страницѣ книги напечатано: «Вѣнокъ на Волынскую Духовную Семинарію», причемъ дѣйствительно изображенъ вѣнокъ, въ срединѣ котораго стоитъ цифра 100. Недовольствуясь этимъ посвященіемъ, авторъ на 3-ей стран. печатаетъ еще одно посвященіе: «Моимъ дорогимъ ученикамъ посвящаю этотъ мой трудъ». Въ предисловіи къ книгѣ почтенный изслѣдователь заявляетъ, что этотъ трудъ былъ имъ задуманъ задолго до юбилея. Еще въ 1884 году, т. е. за 12 лѣтъ до этого времени, онъ уже сталъ работать въ семинарскомъ архивѣ и тогда же напечаталъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ статью по вопросу о перестройкѣ зданій семинаріи. Если принять во вниманіе, что настоящая книга издана въ 1901 году, т. е. почти 5 лѣтъ спустя послѣ юбилея, то выйдетъ, что авторъ работалъ надъ своимъ трудомъ около 17 лѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ, очевидно, не менѣе того былъ занятъ и другими работами, главнымъ образомъ по изданію вышеупомянутаго историко-статистическаго описанія; изученію же тѣхъ историческихъ превратностей, которыя пережила въ теченіе ста лѣтъ Волынская семинарія, онъ отдавалъ, вѣроятно, лишь свои досуги. По крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ, какъ только этимъ можно объяснить то, что, не смотря на столь продолжительныя занятія исторіей Семинаріи, г. Теодоровичъ даетъ въ своей книгѣ лишь сырой, совершенно необработанный матеріалъ по тѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ касается. Этимъ же, по всей вѣроятности, объясняется небрежность въ выработкѣ плана, которымъ руководствовался авторъ при приведеніи въ порядокъ имѣвшагося у него подъ руками богатаго матеріала. Иначе сказать, въ книгѣ вовсе нѣтъ плана; если же и можно назвать планомъ тотъ порядокъ, въ которомъ расположенъ историческій матеріалъ, то это планъ весьма своеобразный и довольно искусственный.

Послѣ двухъ посвященій и краткаго предисловія начинается изложеніе предмета, которому предшествуетъ заглавіе, но не тожественное съ тѣмъ, которое стоитъ на обложкѣ книги, а нѣсколько видоизмѣненное. Оно представляетъ собою соединеніе нѣсколькихъ прежнихъ

заглавій въ одно, но съ довольно важнымъ пропускомъ. Заглавіе это слѣдующее: «Исторія первоначальнаго устройства Волынской Духовной Семинаріи и списки воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія въ ней въ теченіе столѣтія ея существованія»; затѣмъ въ скобкахъ стоятъ годы «1796—1896» г. и потомъ курсивомъ добавлено: „Въ память столѣтія Волынской Духовной Семинаріи (14 мая 1896 г.)». Какъ видимъ, въ настоящемъ заглавіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ уже не упоминается, но это не значитъ, чтобы авторъ оставилъ намѣреніе вести рѣчь объ училищахъ; это указываетъ лишь на нѣкоторую неточность этого, четвертаго по счету, заглавія.

Указавъ годъ и день открытія Волынской семинаріи и мѣсто ея первоначальнаго нахожденія, г. Теодоровичъ кратко говоритъ о первыхъ ея учителяхъ, о количествѣ классовъ и учениковъ въ первые годы ея существованія, о предметахъ преподаванія въ первый періодъ ея жизни, т. е. до 1871 года, о такъ называемой русской школѣ, объ устройствѣ при семинаріи бурсы и о продолжительности учебнаго года. Далѣе, подъ особыми заглавіями, описаны «порядокъ учебнаго дня», причемъ приведено составленное еп. Варлаамомъ (Шишацкимъ) росписаніе уроковъ, «одежда учениковъ», и «испытаніе»; здѣсь на 6 страницахъ перепечатаны: 1) „планъ для произведенія въ іюлѣ 1815 года публичнаго испытанія“, 2) «показаніе предметовъ для открытаго испытанія 1818 г. м. іюля» и 3) печатный „планъ публичнаго испытанія 14 іюля 1859 года». Затѣмъ подъ особымъ заголовкомъ—„Экономическое состояніе Семинаріи“—указаны жалованье служащимъ и расходы на содержаніе учениковъ. Наконецъ, послѣдній заголовокъ, касающійся семинаріи, гласитъ: «Помѣщеніе семинаріи». Здѣсь рѣчь идетъ о пожарахъ зданій Острожскаго и Преображенскаго монастыря, въ которыхъ помѣщалась Семинарія, о семинарской библіотекѣ, о переводѣ монастыря въ 1825 году въ м. Аннополь; здѣсь же на 12 страницахъ перепечатано составленное б. экономомъ Семинаріи, прот. Г. Рафальскимъ (впослѣдствіи митрополитъ С. Петербургскій Антоній) описаніе семинарскихъ зданій. Исторія Семинаріи заканчивается указаніемъ на переводъ ея въ 1836 году въ г. Кременецъ и сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній о кременецкихъ іезуитскихъ зданіяхъ. Въ заключеніе авторъ упоминаетъ о состоявшемся 29 января 1886 года указѣ Свят. Синода относительно перевода Семинаріи изъ Кременца въ Житомиръ.

Все приведенное изложеніе занимаетъ у автора 44 страницы. При этомъ нужно имѣть въ виду, что на многихъ страницахъ даны буквальныя выписки изъ подлинныхъ бумагъ, хранящихся въ семинарскомъ архивѣ. Не стѣсняясь никакимъ опредѣленнымъ планомъ, авторъ свободно переходитъ отъ одного предмета къ другому. Можно ли, однако, назвать такое изложеніе исторіей? Конечно, нѣтъ, и авторъ поступилъ бы правильнѣе, если бы назвалъ свои замѣтки, основанныя на приводимыхъ въ подлинникѣ документахъ, просто матеріалами для Исторіи Волынской Духовной Семинаріи. И въ самомъ дѣлѣ: опись семинарскихъ зданій—что такое, какъ не матеріалъ? Вотъ, напр., описаніе одной изъ классныхъ комнатъ: въ комнатѣ имѣется дверь и косяки сосновые, фасованной работы, о двухъ желѣзныхъ завѣсахъ, на крючкахъ, съ рукояткою, въ срединѣ комнаты полъ изъ сосновыхъ досокъ новый, сводъ каменный, скамей для сидѣнія учениковъ на подставкахъ изъ сосновыхъ досокъ 10, каѳедра тоже изъ сосновыхъ досокъ,—печки нѣтъ, окошекъ растворчатыхъ въ дубовыхъ рамахъ 2, при нихъ завѣсокъ на желѣзныхъ крючкахъ 16, нарожниковъ 8, 4 завертки, оба окошка прибиты 8 шпиралями, стекла въ обоихъ окошкахъ 40 тафель, при сихъ окошкахъ имѣется еще 12 прутовъ желѣзныхъ, служащихъ рѣшетками симъ окошкамъ». Такія описанія, съ подробнымъ перечисленіемъ нарожниковъ, крючковъ, тафель и пр. занимаютъ 12 битыхъ страницъ. При чтеніи отъ множества шпиралей и нарожниковъ пестритъ въ глазахъ и начинаетъ кружиться голова. Всякій скажетъ, что, конечно, это не исторія, но какъ матеріалъ можетъ пригодиться. Такъ напр., отцы и дѣды разсказываютъ, что въ старину въ Семинаріи въ классахъ не топили; изъ приводимаго же г. Теодоровичемъ описанія мы узнаемъ, что въ Острожскій періодъ и невозможно было топить, ибо въ классныхъ комнатахъ вовсе не было печей.

Покончивъ съ исторіей первоначальнаго учрежденія Семинаріи, хотя въ дѣйствительности здѣсь говорится не только объ учрежденіи, но и о нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ перемѣнахъ, случившихся съ Семинаріей, авторъ крупнымъ шрифтомъ ставитъ заголовокъ: «Гдѣ обучалось Волынское духовенство до открытія Волынской Семинаріи?» Читатель ждетъ встрѣтить длинный разсказъ объ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшихъ на Волыни во времена уніи, но вмѣсто того въ отвѣтъ на поставленный вопросъ находитъ на 2-хъ страницахъ имена священниковъ, учившихся въ духовныхъ и свѣтскихъ учили-

щахъ, разбросанныхъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ юго-и сѣверо-западнаго края. Помѣщаемыя свѣдѣнія взяты авторомъ изъ послужныхъ списковъ, хранящихся какими-то судьбами въ архивѣ Волынской Семинаріи. Далѣе идетъ новый заголовокъ, напечатанный такимъ же крупнымъ шрифтомъ, именно: «Учрежденіе духовныхъ училищъ». Изложеніе этого предмета занимаетъ 145 стран. (47—192), т. е. большую часть текста первой части книги. Здѣсь подробно говорится объ устройствѣ духовныхъ училищъ: острожскаго, кременецкаго, загаецкаго, ковельскаго, клинецкаго, бердичевскаго, дерманскаго, мѣлецкаго, бѣлостокскаго, житомирскаго. Особенно долго авторъ останавливается на несуществующихъ нынѣ училищахъ дерманскомъ, мѣлецкомъ и бѣлостокскомъ. Съ такою же подробностью онъ говоритъ затѣмъ о послѣдовательномъ закрытіи сперва бѣлостокскаго потомъ ковельскаго, бердичевскаго и др. училищъ. Отдѣлъ объ училищахъ заканчивается спискомъ смотрителей, съ краткими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.

Много интересныхъ свѣдѣній сообщаетъ почтенный изслѣдователь въ этомъ второмъ отдѣлѣ. Еще болѣе, чѣмъ въ первомъ, онъ говоритъ здѣсь подлинными словами первоисточниковъ. Онъ приводитъ подлинные рапорты смотрителей съ описаніемъ торжествъ, при которыхъ состоялось открытіе училищъ. Онъ перечисляетъ даже имена лицъ, сдѣлавшихъ небольшія пожертвованія въ пользу училищъ въ день ихъ открытія. Онъ цѣликомъ печатаетъ рѣчь, сказанную прот. Княжинскимъ при учрежденіи житомірскаго училища. Онъ подробно излагаетъ длинную, утомительную переписку по поводу перестройки зданій бѣлостокскаго училища въ сороковыхъ годахъ. Повторяемъ, все это, какъ матеріалъ, представляетъ несомнѣнный интересъ. Но, позвольте, спроситъ читатель, какое же это имѣетъ отношеніе къ Волынской Семинаріи и ея юбилею? Развѣ празднуется также и столѣтній юбилей духовныхъ училищъ Волынской епархіи? Нѣтъ, училища пока еще не дожили до юбилея, и все это имѣетъ, по правдѣ сказать, косвенное и довольно отдаленное отношеніе къ Семинаріи. Все дѣло лишь въ томъ, что въ старину духовныя училища были подчинены Семинаріи, и потому Семинарія вела переписку по поводу ихъ открытія. Авторъ познакомился съ этой перепиской въ семинарскомъ архивѣ и напечаталъ ее. Конечно, было бы умѣстнѣе издать всю эту переписку въ книжкѣ, посвященной столѣтнему юбилею каждаго изъ духовныхъ училищъ. Тогда не вышло бы такой

странности, какая теперь случилась съ г. Теодоровичемъ, именно: въ первой части книги, посвященной юбилею Семинаріи, исторія Семинаріи излагается на 44 страницахъ, а на остальныхъ 145 стр. напечатаны матеріалы, касающіеся учрежденія духовныхъ училищъ. Не лучше ли было употребить эти 145 стран. для напечатанія на нихъ неизданныхъ матеріаловъ, касающихся Семинаріи же, а не училищъ? Такихъ матеріаловъ, по всей вѣроятности, не мало хранится въ семинарскомъ архивѣ. Напрасно также искалъ бы здѣсь читатель какихъ-либо свѣдѣній о ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла; ни въ отношеніи семинаріи, ни въ отношніи духовныхъ училищъ авторъ не касается этого предмета. Онъ проходитъ также молчаніемъ и многія другія интересныя стороны семинарской жизни. Онъ самъ заявляетъ въ предисловіи: «Бытовой стороны въ своемъ трудѣ я вовсе не касаюсь. Это и не входитъ въ мою задачу». За то на стр. 192—217 подъ особымъ заглавіемъ «Земельныя угодія Волынской Семинаріи» авторъ печатаетъ подробную опись этихъ угодій, извѣстныхъ подъ названіемъ «Кременецкой поіезуитской Юридики». Здѣсь описаны не только всѣ земельные участки, принадлежащіе Семинаріи, но и исторія каждаго участка съ подробнымъ переименованіемъ всѣхъ арендаторовъ, которые послѣдовательно въ теченіе вѣка владѣли ими. Печатаемая въ такой подробности опись никакого значенія для читателя не имѣетъ и представляетъ собою балластъ, безъ котораго книга съ полнымъ удобствомъ могла бы обойтись.

Вторая, самая обширная часть, книги, заключающая въ себѣ почти 700 страницъ (съ 217 по 906), содержитъ списки окончившихъ курсъ ученія въ Волынской Семинаріи, а также краткія біографіи ректоровъ ея, инспекторовъ и преподавателей за все истекшее столѣтіе. Перелистывая эти списки, мы находимъ въ промежуткахъ между ними статьи разнаго объема и разнаго содержанія, съ заглавіями и безъ заглавій. Такъ, на стр. 256—258 имѣется замѣтка о томъ, сколько стоило въ 1804—1806 гг. содержаніе казеннокоштнаго ученика Семинаріи; на стр. 312—315 объ отправкѣ лучшихъ воспитанниковъ въ Медико-Хирургическую Академію и объ устроенномъ для развлеченія семинаристовъ театральномъ представленіи въ 1815 г.; на стр. 321—329 фундушовая запись оффиціала Примовича на польскомъ языкѣ; на стр. 346—347 замѣтка касательно учебно-воспитательнаго дѣла; на стр. 355—о принятіи лицъ свѣтскаго званія въ духовныя училища; на стр. 375—381—опись семинарскихъ помѣ-

щеній въ м. Аннополѣ; на стр. 400—401 приведено распоряженіе о высылкѣ воспитанниковъ изъ 3-хъ западныхъ Семинарій въ великороссійскія Семинаріи; на стр. 421—477 длинная статья подъ заглавіемъ: «Переводъ Семинаріи изъ м. Аннополя въ г. Кременецъ». Изъ всѣхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыя помѣщены во второй части книги, статья о переводѣ Семинаріи въ Кременецъ можетъ быть признана самою интересною. Здѣсь приведена подлинная переписка разныхъ лицъ и учрежденій по вопросу о пріемѣ въ духовно-учебное вѣдомство кременецкихъ полицеальныхъ зданій. Переписка эта съ особенною ясностью свидѣтельствуетъ о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, какія встрѣчены были духовнымъ вѣдомствомъ на этомъ пути. Она даетъ также прекрасный матеріалъ для характеристики многихъ темныхъ сторонъ тогдашней волынской администраціи. Далѣе, на стр. 498—501 идетъ замѣтка о переустройствѣ бывшаго въ зданіяхъ Семинаріи костела въ церковь; на стр. 526—527 объ устройствѣ теплой церкви и объ отправкѣ нѣсколькихъ воспитанниковъ въ С.-Петербургскую Семинарію; на стр. 555—562 программы преподаванія сельскаго хозяйства и естественной исторіи; на стр. 583—585 объ устройствѣ иконы и портрета для актоваго зала, о стипендіи свящ. Тучапскаго и о ревизіи Волынской Семинаріи въ 1852 г.; на стран. 597—599 о хожденіи на преждеосвященныя литургіи; на стр. 611 объ открытіи въ 1855 году миссіонерскаго отдѣленія, которое существовало 10 лѣтъ; на стр. 624 о ревизіи Семинаріи въ 1857 году архіеп. Арсеніемъ; на стр. 663 о разрѣшеніи воспитанникамъ Семинарій поступать въ университеты. Вотъ и всѣ замѣтки, помѣщенныя въ промежуткахъ между списками.

Изъ обозрѣнія ихъ содержанія яснѣе всего обнаруживается то обстоятельство, что авторъ при составленіи своей книги не имѣлъ надлежаще выработаннаго плана. Потому-то на ряду съ матеріалами, имѣющими важное значеніе какъ для исторіи Семинаріи, такъ и вообще для исторіи духовнаго образованія, въ книгу попали замѣтки или малозначительныя, имѣющія второстепенное значеніе, или совершенно ненужныя, какъ напр. опись аннопольскихъ зданій. Съ другой стороны, для читателя, знакомящагося съ книгой, замѣтки эти оказываются полнѣйшимъ сюрпризомъ. До тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ обнаружены при чтеніи списковъ, читатель и не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи. Не можетъ онъ узнать о нихъ ни изъ оглавленія, ибо такового въ книгѣ нѣтъ, ни изъ предисловія, по-

тому что авторъ въ предисловіи ничего о нихъ не говоритъ. Все это можетъ повести къ разнаго рода недоразумѣніямъ, для устраненія которыхъ, а равно для удобства пользованія изложенными въ приведенныхъ замѣткахъ свѣдѣніями, гораздо лучше было бы, еслибы авторъ помѣстилъ ихъ въ первой части, т. е. тамъ, гдѣ излагаются историческія данныя о Семинаріи.—Списки окончившихъ курсъ ученія въ Волынской Семинаріи представляютъ собою, такъ сказать, исторію Семинаріи въ лицахъ. Авторъ не просто печатаетъ имена и фамиліи, но сообщаетъ и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о каждомъ оканчивающемъ. Правда, въ большинствѣ свѣдѣнія эти скудны и довольно однообразны: они заключаютъ въ себѣ возрастъ окончившаго, годъ поступленія въ Семинарію, происхожденіе и учительскую аттестацію; между прочимъ, до 1817 года аттестаціи писались на латинскомъ яз., съ 1817—1872 гг. на русскомъ, съ этого же времени успѣхи начинаютъ отмѣчаться баллами, а потому аттестацій въ спискахъ и нѣтъ. Но въ отношеніи многихъ лицъ, выдвинувшихся на томъ или другомъ поприщѣ, даются болѣе подробныя свѣдѣнія. Такъ, при именахъ лицъ, избравшихъ ученую карьеру, указываются ихъ ученые труды; въ отношеніи лицъ, ставшихъ извѣстными на духовномъ поприщѣ, перечисляются ихъ заслуги въ этомъ направленіи и т. д. Безъ сомнѣнія, автору пришла весьма счастливая мысль дать наглядное доказательство того, что сдѣлала семинарія за 100 лѣтъ своего существованія, кого воспитала и какихъ людей подготовила для служенія отечеству. Поэтому списки окончившихъ Волынскую Семинарію имѣютъ нѣкоторое общее значеніе; для бывшихъ же питомцевъ Семинаріи они представляютъ особенный интересъ. Просматривая эти списки, бывшіе цитомцы вновь переживаютъ незабвенные годы ученія; изъ этихъ списковъ многіе впервые узнаютъ о судьбѣ своихъ товарищей или близкихъ по курсу лицъ.

Къ сожалѣнію, въ спискахъ допущено не мало ошибокъ, неточностей или неумѣстныхъ вставокъ, которыя портятъ общее хорошее впечатлѣніе. Невольныя ошибки возможны и извинительны во всякомъ трудѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, какъ настоящій. Сообщая біографическія свѣдѣнія о бывшихъ питомцахъ Семинаріи, г. Теодоровичъ лишь отчасти могъ основываться на печатныхъ или вообще письменныхъ данныхъ; въ большинствѣ же случаевъ ему приходилось руководствоваться словеснымъ преданіемъ и слухами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ спискахъ сообщаются невѣрныя

свѣдѣнія. Такъ, на стр. 748 о Н. Новосадскомъ сказано, что онъ поступилъ въ Варшавскій университетъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ поступилъ въ историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ, который и окончилъ, а нынѣ состоитъ профессоромъ Варшавскаго университета. Однако не будемъ слѣдить за этими мелкими, хотя иногда и весьма досадными неточностями. Укажемъ на нѣкоторыя странности другого рода. Такъ, на стр. 606 подъ № 13 объ одномъ священникѣ выпуска 1855 г. говорится слѣдующее: въ 1870 году награжденъ набедреннико̀мъ, въ 1876 году—бархатною фіолетовою скуфьею и т. д. Неужели для священника, прослужившаго около 20 лѣтъ въ священническомъ санѣ, награжденіе набедренникомъ и скуфьею является такою рѣдкостью, что объ этомъ слѣдовало сообщать въ назиданіе потомству? Вѣдь почти всякій священникъ, рукоположенный въ 1856 году и дожившій до 1900 года, имѣетъ тѣ награды, которыя перечислены на стр. 606. Между тѣмъ ни о комъ другомъ подобныхъ сообщеній не дѣлается и, конечно, совершенно правильно. Далѣе, при именахъ нѣкоторыхъ окончившихъ попадаются замѣтки такого рода: «примѣрный пастырь, ревностно заботящійся о просвѣщеніи прихожанъ», или на стр. 607: «примѣрнѣйшій пастырь». Едва ли однако такія голословныя характеристики умѣстны въ трудѣ, подобномъ настоящему. Разбираемая часть книги имѣетъ скорѣе справочный, чѣмъ научно-историческій характеръ, и потому здѣсь интересны главнымъ образомъ факты. Одобрительныя же аттестаціи, подобныя вышеприведеннымъ, какъ не подтвержденныя никакими доказательствами, могутъ быть невѣрны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что въ спискахъ окончившихъ есть много и другихъ лицъ, заслуживающихъ пятерокъ по поведенію, но такъ какъ авторъ писалъ эту часть книги главнымъ образомъ на основаніи «устныхъ разсказовъ современниковъ», то весьма возможно, что ему не приходилось встрѣчаться съ современниками, знающими этихъ лицъ, не случалось ничего слышать о нихъ, а потому онъ и обошелъ ихъ молчаніемъ. Наконецъ, ко всему вышесказанному слѣдуетъ добавить, что лучше было бы опустить находящуюся на стр. 718 приписку: «исключенъ изъ семинаріи за неблагоповеденіе при окончаніи курса».

Списки начальниковъ и наставниковъ Семинаріи помѣщены на стр. 827—906. Здѣсь же имѣются списки помощниковъ инспектора, врачей и экономовъ Семинаріи. Этимъ собственно и оканчивается справочная часть книги. Далѣе, въ особомъ приложеніи, на стр.

907—962, напечатаны 47 писемъ извѣстнаго волынскаго дѣятеля, протоіерея Григорія (въ монашествѣ—Антонія) Рафальскаго. Жизнь его была весьма богата событіями. По окончаніи Духовной Семинаріи въ 1809 году, онъ остался въ ней учителемъ, потомъ принялъ священство, и вотъ этотъ человѣкъ—безъ академическаго образованія—достигъ высшихъ ступеней духовной іерархіи. Поступивъ въ монашество, онъ былъ первымъ настоятелемъ Почаевской лавры по возвращеніи ея изъ уніи въ православіе, первымъ епископомъ, а затѣмъ архіепископомъ Варшавскимъ и наконецъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ. Естественно ожидать, что письма такого лица должны имѣть выдающійся общественный интересъ. Къ сожалѣнію, ближайшее знакомство съ помѣщенными въ книгѣ письмами не оправдываетъ этихъ ожиданій. Какъ въ періодъ своей дѣятельности на Волыни, такъ и во время епископскаго служенія, Антоній Рафальскій слишкомъ скупъ на сообщенія о совершавшихся вокругъ него, а иногда и при его участіи, событіяхъ общественнаго характера. Въ своихъ письмахъ онъ занятъ болѣе дѣлами семейнаго характера; онъ заботится о томъ, чтобы, пользуясь своимъ вліяніемъ на мѣстнаго архіерея, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, выгоднѣе пристроить своихъ родственниковъ; во время же пребыванія въ Варшавѣ онъ даетъ своимъ роднымъ разнаго рода порученія по сооруженію на могилѣ своихъ родителей церкви, которая строилась на его средства. Что касается его служенія въ Петербургѣ, то изъ этого періода имѣется только одно письмо также семейнаго характера.

Если къ вышеизложенному добавить, что въ концѣ разбираемой книги помѣщены алфавитные указатели именъ, находящихся какъ въ спискѣ воспитанниковъ, такъ и въ спискѣ наставниковъ и другихъ служившихъ въ семинаріи лицъ, то содержаніе ея будетъ исчерпано.

Подводя итогъ нашимъ замѣчаніямъ, мы приходимъ къ тому выводу, что почтенный трудъ г. Теодоровича былъ бы еще почтеннѣе, если бы онъ носилъ болѣе скромное названіе Матеріаловъ для исторіи Волынской Духовной Семинаріи, еслибы, далѣе, авторъ позаботился лучше разработать планъ своей книги, еслибы наконецъ онъ не испортилъ біографическихъ замѣтокъ нѣкоторыми неумѣстными характеристиками, на которыя указано выше. Тогда его трудъ получилъ бы, быть можетъ, общее значеніе; въ настоящемъ же своемъ видѣ онъ имѣетъ почти исключительно мѣстный интересъ.

В. Храневичъ.

Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Выпускъ IV. *Эпоха великаго переселенія народовъ. Кіевъ, 1901 г., 4°, 30 стр.+20 таблицъ.*

Древности эпохи переселенія народовъ въ области Приднѣпровья представляютъ изъ себя матеріалъ, еще почти совсѣмъ незатронутый научными изслѣдованіями. Находки предметовъ этой эпохи до послѣдняго времени встрѣчались здѣсь лишь спорадически, случайно. Въ коллекціи Ханенко ихъ собралось однако достаточно, чтобы наполнить настоящій, 4-ый выпускъ, этого роскошнаго изданія. Правда, въ изданіе включены нѣкоторые предметы, выходящіе за предѣлы собственно эпохи переселенія и относящіеся къ періодамъ до его и послѣ его, но это можетъ служить лишь для пользы дѣла, такъ какъ даетъ возможность связать, хотя бы и предположительно, тѣ разнообразныя культурныя вліянія, черезъ которыя прошло наше Приднѣпровье. Арена, по которой двигались изъ Средней Азіи различныя народности, лежала немного южнѣе того пространства, которому, главнымъ образомъ, посвящено собраніе Ханенко, но несомнѣнно вліянія, путемъ-ли захода, или благодаря торговымъ сношеніямъ, простирались и далѣе на сѣверъ, такъ что, какъ объ этомъ мы уже упомянули, владѣльцу собранія при посредствѣ раскопокъ и покупокъ, удалось собрать довольно цѣнную и разнообразную коллекцію предметовъ эпохи, ограниченной II—IX в. по Р. Х. Большія трудности представляетъ классификація предметовъ; въ западно-европейской литературѣ уже сдѣлано достаточно въ этомъ отношеніи, но подраздѣленія западно-европейскихъ древностей, хотя бы и сходныхъ отчасти по типамъ съ нашими, къ этимъ послѣднимъ не вполнѣ приложимы: тамъ различныя культуры свивали относительно прочныя гнѣзда, типы предметовъ совершенствовались, развивались, устанавливались, у насъ же культуры эти могутъ быть констатированы лишь въ видѣ налета.

Предметы, описанные въ данномъ выпускѣ, систематизированы издателемъ слѣдующимъ образомъ: 1) предметы римскаго типа—преимущественно фибулы и пряжки; 2) предметы полей погребенія (изъ раскопокъ Хвойко 1900 г.)—украшенія, пряжки, гребни и очень разнообразная посуда, какъ глиняная, такъ и стеклянная, датируемыя II—VI вв, хотя намъ кажется такое опредѣленіе немного растяну-

тымъ,—его, основываясь на фактахъ, до сихъ поръ добытыхъ, придется сократить на одинъ—два вѣка; 3) предметы готскаго типа—главнымъ образомъ фибулы разныхъ видовъ; 4) предметы сассанидскаго стиля—чаши и блюда, иногда представляющія большой художественный интересъ, затѣмъ зеркала съ рельефными изображеніями и нѣкот. другія издѣлія; 5) предметы средне-азіатскаго типа и дальняго востока—копья, стрѣлы, булавы. Относительно изданнаго оружія (табл. I и II) мы должны замѣтить, что хотя родину большинства его и нужно искать на востокѣ, но обнаруженныя на Приднѣпровьѣ относятся къ гораздо болѣе позднему времени, захватывая уже и эпоху великокняжескую. Къ болѣе позднему періоду, именно къ VII—X вв., относятся также и предметы изъ такъ наз. погребеній кочевниковъ; типъ этихъ погребеній можно считать уже твердо установленнымъ,—предметы, находимые въ могилахъ, имѣютъ прямое отношеніе къ древностямъ, трактуемымъ въ настоящемъ выпускѣ, и можно только пожалѣть, что изданъ всего лишь одинъ образчикъ, правда замѣчательный, вооруженія кочевника (изъ собранія Зноско-Боровскаго).

Изданіе древностей Приднѣпровья эпохи переселенія народовъ эпохи, представляющей такія трудности для изученія, должно лечь въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій. Теперь есть уже возможность хотя немного оріентироваться въ сыромъ матеріалѣ, и нужно сказать спасибо издателю за этотъ цѣнный починъ.

В.

Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волыни. *Сборникъ небольшихъ историческихъ очерковъ. Выпускъ 1-й. 1900 г.*

Книжечка въ 50 страницъ составлена изъ статей, напечатанныхъ раньше въ газетѣ «Волынь». Авторъ, въ небольшомъ вступленіи даетъ такую характеристику этихъ статей, онъ говоритъ: «Я не придаю сколько-нибудь серьезнаго значенія въ научномъ или какомъ бы то ни было иномъ смыслѣ, своимъ очеркамъ по исторіи Волыни. Очерки эти отрывочнаго характера, ни одинъ изъ нихъ не только не охватываетъ цѣликомъ какой-либо исторической эпохи, но даже не обрисовываетъ сколько-нибудь всесторонне того явленія, которое послужило темой для автора, да и возникающіе при изслѣдованіи

вопросы скорѣе только ставятся, чѣмъ разрѣшаются»,—отъ газетныхъ статей большаго и нельзя требовать. Но отдавая должное скромности автора, нужно сказать, что большинство очерковъ имѣютъ и *научное значеніе*. Это всецѣло относится къ помѣщеннымъ въ сборникѣ замѣткамъ историко-археологическаго характера. Статьи, хотя бы и небольшія, въ которыхъ научно-подготовленный авторъ дѣлится своими наблюденіями и впечатлѣніями во время посѣщенія той или другой мѣстности, описываетъ встрѣченные остатки старины, народные обычаи—составляютъ въ нашей литературѣ большую рѣдкость. Достоинства ихъ заключаются въ томъ, что онѣ вполнѣ доступны для «большой» публики, могутъ заинтересовать послѣднюю, съ другой же стороны сохраняютъ для науки немало цѣнныхъ фактовъ.

Первый очеркъ—«Шереметевы валы на Волыни и ихъ историческое значеніе». Очеркъ является отвѣтомъ на запросъ, предложенный проф. В. Б. Антоновичемъ прошлому кіевскому археологическому съѣзду; время—неудачный походъ въ 1660 г. боярина Василія Борисовича Шереметева, мѣсто—м. Котельня, куда прежде всего направился Шереметевъ изъ Кіева, затѣмъ с. Кутыщи и м. Чудновъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ сохранились окопы, осмотрѣнные авторомъ; описанію ихъ, въ связи съ историческими справками, и посвященъ очеркъ. Болѣе всего констатировано «шереметовыхъ валовъ» у Чуднова; здѣсь даже вся мѣстность между Чудновымъ и деревней Дубищемъ носитъ названіе «Шереметихи»,—авторъ подробно ихъ перечисляетъ, хотя мы замѣтили одинъ пропускъ, на который и спѣшимъ указать: кромѣ перечисленныхъ, система шанцевъ находится еще въ паркѣ помѣщичьей усадьбы, на правомъ берегу Тетерева; она состоитъ изъ ряда поднимающихся одинъ надъ другимъ удлиненныхъ окоповъ. [1])

Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ очеркахъ—«Парафіальныя школы на Волыни; ихъ возникновеніе и задачи, согласно уставу 1807 года» и «Парафіальныя школы Владиміръ-Волынскаго уѣзда и ихъ закрытіе въ 1832 году»,—на основаніи печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ прослѣжена исторія возникновенія на Волыни приходскихъ училищъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ Тадеушу Чацкому, до закрытія ихъ вслѣдствіе событій 1831-го года.

---

[1]) Снятая нами въ 1898 г. фотографія одного изъ такихъ окоповъ хранится въ Городецкомъ музеѣ, Волынской губерніи, барона Ѳ. Р. Штейнгель.

Въ очеркѣ «Изъ исторіи одного владѣльческаго города» разсказанъ эпизодъ, относящійся къ началу XIX в., когда новый владѣлецъ г. Острога, кн. Кароль Яблоновскій, возымѣлъ намѣреніе обратить въ своихъ крѣпостныхъ мѣщанъ и евреевъ, заселявшихъ участки, принадлежавшіе приходскому католическому костелу.

Заканчивается сборникъ путевыми замѣтками—«Искорость» и «Изъ Искорости въ Народичи», явившимися результатомъ экскурсіи Городецкаго музея барона Ѳ. Р. Штейнгель, въ которой авторъ принималъ участіе. Кромѣ Искорости, здѣсь описаны различные памятники старины, какъ доисторической, такъ и исторической, въ сс. Ходакахъ, Татарновичахъ и Каменкѣ.

Написаны очерки живо, хорошимъ языкомъ.

Н. В.

Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowej i badaniam pierwotnej kultury polskiej i sławiańskiej. *Wydawany staraniem Erazma Majewskiego. Tom III. Warszawa, 1901.*

Съ каждымъ томомъ вышеназванное изданіе Э. Маевскаго пріобрѣтаетъ все новыя и новыя достоинства. Благодаря привлеченію новыхъ сотрудниковъ, расширяется содержаніе, улучшается и внѣшняя сторона—говоримъ о рисункахъ и картахъ, составляющихъ существенную принадлежность каждаго археологическаго изданія; въ настоящемъ томѣ послѣдніе доведены до высшей степени совершенства. Нельзя не отдать должной дани уваженія редактору этого ежегодника Э. Маевскому, такъ горячо пропагандирующему дѣло изученія доисторическаго прошлаго его родины.

Что касается состава статей и замѣтокъ, вошедшихъ въ данный томъ, то онѣ почти исключительно трактуютъ древности Царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края; изъ нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить начатую печатаніемъ образцовую монографію редактора—«Powiat Stopnicki pod względem przedhistorycznym».

На этотъ разъ матеріалъ, помѣщенный въ «Swiatowit'ѣ» и касающійся украинскихъ древностей, очень невеликъ. А. Дуржицкій помѣстилъ замѣтку (стр. 162), гдѣ описываетъ городище, расположенное вблизи с. Дубовца, Брацлавск. у., Подольской губ. Городище овальной формы,

съ ровной поверхностью и крутыми откосами, достигающими 4-хъ саженей высоты. Съ одной стороны городище окружено низиной—остаткомъ става, съ другой—рвомъ, такъ что въ прежнее время городище было со всѣхъ сторонъ окружено водою. По поверхности городища въ одномъ мѣстѣ имѣется углубленіе, вырытое, по всей вѣроятности, кладоискателями, гдѣ встрѣчаются куски камней и старыхъ кирпичей. Никакихъ преданій о городищѣ среди окрестнаго населенія не сохранилось. Попутно г. Дуржицкій сообщаетъ о находкѣ на поляхъ Дубовца двухъ кремневыхъ топориковъ и одного бронзоваго (при замѣткѣ помѣщены планъ городища и рисунки топориковъ). Затѣмъ въ данномъ томѣ мы находимъ переводъ части статьи Ѳ. Волкова—«По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой до-микенскаго типа (стр. 233), напечатанной въ „Кіев. Стар." и замѣтку о музеѣ г-жи Скаржинской.

В.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина, № 5; 3) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 5; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5; 5) Вѣстникъ Европы, № 5; 6) Русская Мысль, № 5; 7) Научное Обозрѣніе, № 5; 8) Літературно-Науковий Вістник, № 5; 9) Ateneum, № 5; 10) Biblioteka Warszawska, № 4 и 5; 11) Przewodnik naukowy i literacki, № 5; 12) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 4; 13) Wisła, № 2; 14) Міръ Божій, № 5; 15) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4; 16) Этнографическое Обозрѣніе № 4 за 1900 г. и № 1-й за 1901-й годъ; 17) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 4; 18) Историческій Вѣстникъ, № 5.

Русскій Архивъ, № 5.

Въ «Приложеніи».

Дневникъ А. В. Храповицкаго съ 18 янв. 1782 по 17 сент. 1793 г. (стр. I—XII+1—58). (Продолженіе слѣдуетъ)

Перепечатка дневника Храповицкаго съ изданія 1874 года Н. П. Барсукова, съ прибавленіемъ примѣчаній и переводовъ.

Подъ 1786 г. іюль, 12. „При чтеніи Моск. газетъ объявленіе объ операѣ „Черевики"; вопросъ о томъ словѣ".

1787 г. Янв. 27. „Въ Черниговѣ говорено о глупости Ѳеофила, тамошн. еписк., и о древности соборн. церкви Преобр. Господня, которая начата въ 1002 г. Мстиславомъ, сыномъ Владиміра I-го.

Янв. 20. Пріѣхали ночевать въ Кіевъ.

Февр. 7. Отзывъ объ игуменьи Дѣвичьяго Монастыря.

Марта 16. О намѣреніяхъ Потемкина создать независимое государство.

Апрѣль 22. Отъѣздъ изъ Кіева на галерахъ.

— 25. Пріятное свиданіе съ королемъ польскимъ на галерахъ, предъ Каневомъ.

— 30. Въ Кременчугѣ.

Май 3—по 12 іюня. Посѣщенія различныхъ городовъ южн. Россіи, впечатлѣнія и распоряженія Екатерины.

1788 г. апр. 4. Рескрипты обоимъ фельдмаршаламъ, предписано Украинской арміи прикрывать Польшу и дѣйствовать между Днѣстра и Буга, привлекая на себя непріятельскія, а Екатеринославской—оборонять Крымъ и брать Очаковъ.

—

Русская Старина, № 5.

В. Бильбасовъ. Который Капнистъ? (стр. 276). Авторъ, разсматривая „Сочиненія графа П. И. Капниста", недавно изданныя въ Москвѣ, подвергаетъ сомнѣнію сообщеніе, будто бы Екатерина, переѣзжая въ 1795(?) году черезъ Кіевъ, крестила у Кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста (сына автора „Ябеды") новорожденнаго, второго сына (Ивана Васильевича").

А. Мёрдеръ. Еврейскій самосудъ (стр. 348). Циркуляръ кіевск. генер.-губернатора отъ 1838 г. губернаторомъ по поводу смертоубійствъ въ еврейскихъ школахъ и притолкахъ, совершаемыхъ самими же евреями.

А. Мёрдеръ. Послѣдствія невыученнаго урока музыки (стр. 414). Краткія свѣдѣнія о нѣкоемъ Евстафіи Войцеховскомъ, который, въ 40-хъ годахъ прошл. столѣтія, не выучивъ урока музыки, боясь своего отца, изъ Ломжи ушелъ въ Волынск. губ. и затѣмъ, какъ бродяга, высланъ въ Восточную Сибирь.

—

Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 5.

Въ отдѣлѣ „Изъ области археологіи“ (стр. 235—236). Отчетъ о засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Въ отдѣлѣ „*Новыя книги*“ (стр. 250—252) данъ отзывъ о „Записках Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXXI и XXXII“. Авторъ рецензіи говоритъ, что эти томы „Записок“ представляютъ особенный интересъ потому, что въ нихъ напечатаны тѣ рефераты, которые должны были быть прочитаны на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, но въ виду оппозиціи проф. Флоринскаго, „увидавшаго въ чтеніи рефератовъ на малорусскомъ языкѣ „потрясеніе основъ“, рефераты эти прочитаны не были, и теперь желающіе могутъ познакомиться съ ними въ изданіи Общества“. „Нечего и говорить,—продолжаетъ рецензентъ,—что въ рефератахъ этихъ самое изощренное око не отыщетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ „сепичкина яда“ и лишь полицейское рвеніе можетъ видѣть „сепаратизмъ“ въ стремленіи галицко-украинскихъ ученыхъ читать эти рефераты на своемъ родномъ языкѣ, а не на русскомъ, которымъ многіе изъ нихъ не владѣютъ настолько хорошо, чтобы изъясняться на немъ совершенно свободно“... „Не будь нелѣпой оппозиціи со стороны людей, привыкшихъ смѣшивать „два ремесла“, науку и сыскъ, рефераты эти были бы прочитаны, вызвали бы соотвѣтственные дебаты, и дѣло кончилось бы, какъ выражается одинъ изъ героевъ Гл. Успенскаго, „тихо, мирно и благородно“. Теперь же, люди слѣдящіе за научными славянскими изданіями, могутъ нерѣдко наткнуться на „размышленія“ братьевъ славянъ по поводу Кіевскаго съѣзда столь нелестнаго свойства, что невольно начинаютъ слетать „крылатыя слова“ по адресу г. Флоринскаго. Хуже всего, что поведеніе одного человѣка окрашиваетъ вообще русскую науку въ совершенно несвойственный ей цвѣтъ“.

Далѣе рецензентъ указываетъ, какія чувства долженъ испытывать галичанинъ, прошедшій галицкую гимназію и университетъ, гдѣ преподаваніе происходитъ на родномъ малорусскомъ языкѣ, и вдругъ на археологическомъ съѣздѣ узнающій, что его языкъ представляетъ „сепаратистское измышленіе“. „Какія чувства онъ унесетъ съ этого съѣзда? наконецъ, что подумаютъ другіе „братья славяне“? Но г.г. Флоринскимъ, очевидно, мало дѣла до того, что они таскаютъ русскую науку въ грязи“.

Наконецъ авторъ приводитъ прелестные образцы того, въ какое безпомощное и комическое положеніе впадаетъ, галичанинъ, когда онъ хочетъ писать не на родномъ, а на „общерусскомъ" языкѣ. Примѣры заимствованы изъ недавно вышедшей книги: „Сборникъ декламацій, составленный изъ стиховъ первостепенныхъ нашихъ писателей. Собралъ М. Бѣлоусъ, 1900.

Читателей, желающихъ получить истинное наслажденіе отъ чтенія отрывковъ изъ произведеній „первостепенныхъ писателей", отсылаемъ къ самой рецензіи.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5.

И. Тихомировъ. О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей. (Продолженіе) (стр. 70—119). Авторъ, сдѣлавши подробное обозрѣніе содержанія полнаго свода Литовской лѣтописи, перечисляетъ тѣ элементы, тѣ составныя части, которыя вошли въ нее (народныя сказанія и преданія, заимствованія изъ южно-русскаго свода, отдѣльныя сказанія и записи, погодныя записи), а затѣмъ останавливается на томъ, насколько польскіе хронисты заимствовали извѣстія изъ литовскихъ лѣтописей, какъ то: Длугошъ, Бѣльскій, а болѣе всего—Стрыйковскій. Относительно этого послѣдняго авторъ приходитъ къ тому выводу, что послѣ провѣрки его цитатъ и сличенія съ Литовскими лѣтописями „трудно уже говорить о недобросовѣстности почтеннаго каноника, называть сочиненіе его полубаснословнымъ и недостойнымъ вѣры, какъ это дѣлали до сихъ поръ: онъ пользовался своими источниками по большей части добросовѣстно, насколько позволяли ему его научныя силы, и потому онъ достовѣренъ настолько, насколько достовѣрны его источники".

Въ отдѣлѣ „Книжныя Новости" (стр. 269—270) отмѣченъ „Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Обл. Комит., издаваемые подъ редакц. С. В. Руденко. Т. VI и VII. Екатеринодаръ, 1900", куда, между прочимъ, вошли статьи: П. Короленко. „Предки Кубанскихъ козаковъ на Днѣпрѣ", его же „Двѣ странички изъ исторіи Запорожцевъ", П. Флицына. „Матеріалы для біографіи кошеваго атамана черноморскаго войска Захарія Алексѣев. Чепѣги" и др.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 5.

Наш альбом: Із поезій Миколи Чернявського I—XI (стр. 117—121). Із поезій Уляни Кравченко I—II (стр. 122). Із поезій Івана Стешенка I—V (стр. 122—124).

Із недрукованих оповідань О. Я. Кониського: I. Бугай (стр. 125—135). Юмористическій разсказъ о томъ, какъ сельскій сходъ, получивши приказъ отъ начальства „выбрать" сельскаго бугая, понялъ этотъ приказъ въ томъ смыслѣ, что надо выбрать кого-нибудь изъ громады на эту „должность", и дѣйствительно выбрали одного парубка.

Із оповідань Олександра Катренка: 1. Із записок українського народолюбця (стр. 136—165).

Останній бій, оповіданє М. Дерлиці (стр. 166—174) Мініатюри: XVII Москаль, Я. Жарка (стр. 175—178). XVIII. Яблуко, Ів. Франчука (стр. 178—183).

З посмертних оповідань Мопассана: I. Перший сніг (стр. 184—191). II. Мораль XVIII віка (стр. 191—195). III. Фермер (стр. 195—201).

Із оповідань Петки Тодорова: I. Батьківщина (стр. 202—209). II. На зарінку (стр. 209—212). Запропащений надзвичайний поізд, оповіданє А. Конен-Дойля (стр. 213—227). Із драми „Торквемада" Віктора Гюго (стр. 228—236).

—

Нові матеріали до біографіи Т. Г. Шевченка. Л. Яковлева (стр. 61—65). Пересказъ статьи I. А. въ «Русскомъ Богатствѣ» за февр. 1901 г. «Матеріалы къ біографіи Т. Г. Шевченка».

Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літетатурний нарис С. Томашівського. (Конець буде) (стр. 66—98). Критическій разборъ поэмы Кулиша подъ даннымъ заглавіемъ.

Чому Олекса Стороженко покинув писати по українськи. А. Кримського (стр. 99—102). Авторъ, на основаніи недавно опубликованныхъ М. Комаремъ писемъ Стороженка (Въ Кіевск. Старинѣ, 1899 года), указываетъ на нѣкоторыя субъективныя черты характера Стороженка, которыя побудили его перестать писать по-украински.

Українські оповіданя Ол. Стороженка (стр. 103—112). Переводъ рецензіи на „оповидання" Стороженка въ „Современникѣ" 1863 года.

Іванъ Бойко, племінникъ Т. Шевченка, Сергія Шелухина (стр. 113—116). Воспоминанія автора о племянникѣ Шевченка, бывшемъ его учителѣ въ дѣтствѣ.

Хроніка і бібліографія (стр. 21—36). По обыкновенію, богатый матеріалъ для текущей культурной жизни Украины Руси.

—

Ateneum, № 5.

St. Piotrowsky. Wspólna własność ziemska (стр. 310—342). Попутно приведены статистическія данныя о процентномъ отношеніи крестьянъ-землевладѣльцевъ къ неземлевладѣльцамъ, обладающихъ инвентаремъ—къ неимѣющимъ такового въ губерніяхъ Черниговской, Саратовской, Воронежской, Полтавской, Курской (стр. 315); о средней продуктивности крестьянской земли сравнительно съ помѣщичьей—въ губ. Кіевской, Самарской (стр. 318); наконецъ, о земледѣльческихъ артеляхъ Н. Левитскаго (стр. 329—331).

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 4.

Въ № 4, въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» помѣщенъ «критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію» проф. *Т. Флоринскаго* (стр. 1—45). Въ этомъ обзорѣ г. Флоринскій, говоря объ изданіи акад. *Ягича* «Archiv für slavische philologie». Bd. XXII (H. 1—4), останавливается на изданіяхъ «товарищества имени Шевченка», которымъ въ «Архивѣ» посвящена статья А. Брикнера, съ большимъ сочувствіемъ отозвавшагося о широкомъ развитіи дѣятельности этого «Товарищества». Какъ и слѣдовало ожидать, г. Флоринскій и тутъ остался вѣренъ тому своему далеко не академическому тону, которымъ онъ не разъ уже говорилъ по этому вопросу.

—

Wisła, № 2.

Sikorsky Narcyz. O nazwach rodowych ludu Tarnowskiego z Tarnowa (стр. 243—247). Родовыя прозвища въ Тарновскомъ уѣздѣ, ихъ распредѣленіе (гнѣзда), топографія названій этимологически родственныхъ, древность родовыхъ названій, лингвистичныя формы родовыхъ названій.

Въ отдѣлѣ «*Drobiazgi*» (стр. 251)—«Dla czego deszcz pada?—Легенда, записанная въ Заславскомъ уѣздѣ, Волынск. губ.

На стр. 241 фотографическій снимокъ «Пищіе въ Габровѣ въ день заговѣнъ» въ Ново-Александрійскомъ у., Херс. губ.

—

Міръ Божій, № 5.

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщена маленькая рецензія о книгѣ *В. П. Кранихфельда* «Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья» (стр. 88).

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4.

А. Бѣлородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799) (Продолженіе) (стр. 491—530). Глава II. Опредѣленіе на священно- и церковно-служительскія мѣста.—Іерофей Малицкій окончательно парализовалъ возможность въ будущемъ времени какихъ-либо проявленій народнаго вмѣшательства въ дѣла епархіальнаго управленія, а также уничтожилъ наслѣдственность священно-церковно-служительскихъ мѣстъ.

Къ статьѣ авторъ приложилъ цѣнную статистическую таблицу—числа прихожанъ, церквей и церковно-служителей въ Кіевской епархіи въ 1797—1799 годы.

—

Этнографическое Обозрѣніе, № 4 (за 1900) и № 1 (1901).

№ 4.

Потанинъ Г. Н. Отголоски сказки объ Ерусланѣ (окончаніе) (стр. 1—34). Попутныя ссылки на различные малорусскіе этнографич. сборники, гдѣ встрѣчается мотивъ объ Ерусланѣ.

Александръ Шарко. Малороссійское жилище (съ 8 табл. рисунковъ (стр. 119—131). Авторъ въ первой главѣ своей статьи занялся описаніемъ современнаго малороссійскаго жилища—перечисляетъ жилыя помѣщенія и всѣ хозяйственныя постройки, разсказываетъ объ ихъ устройствѣ и назначеніи. Во второй—останавливается спеціально на описаніи внутренняго устройства хатъ, давая подробный и точный планъ хаты и отдѣльныхъ частей ея.

Въ отдѣлѣ «Вопросы и Отвѣты» (стр. 145—146) помѣщены два народные разсказа изъ сл. Преображенской и Тарасовки, Купянскаго у. о выбрасываніи стариковъ и старухъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 147—151) даны отзывы о книгахъ: В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни. Ч. 1 и 2.

№ 1.

В. А. Мошковъ. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. V. Свадьба. (Окончаніе) (стр. 98—160). Особенно цѣнны примѣчанія (стр. 131—160), гдѣ приводится много интересныхъ этнографич. данныхъ, пріуроченныхъ къ обряду «весилля». Значительная доля примѣчаній посвящена особенностямъ малороссійскаго «весилля».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Какъ сообщаетъ «Літерат.-Науковий Вістникъ» (кн. V), въ настоящее время дозволены цензурою: «Повисти Шевченка» (на укр. языкѣ), „Люборадськи" Свидницкаго одинъ томъ «Твори Руданського», какъ первые томы предполагаемой „Украинской библіотеки". Самое названіе «Украинская библіотека» недозволено. Приготовляются къ печати произведенія Мирнаго, Марка Вовчка, Бордуляка, Коцюбинскаго, Чайченка, Днипровои Чайки, Левенка, 4-й и 5 томы сочиненій Конисскаго, 4-ый томъ «Повистей и Оповидань» И. С. Левицкаго [1]) и второе изданіе перваго тома «Викъ» совершенно вышедшаго уже изъ продажи.

Петербургское „Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ" предполагаетъ въ непродолжительномъ времени издать брошюру доктора Ваганова: „Про сухоты на худоби", Виноградъ Е. Чикаленка, «Оповидання про Богдана Хмельницького" Комаря и «Выговщына» Кулиша.

Недозволены цензурой: Бондаренко «Пидземни сылы» (про вулканы), «Оповидання про малыхъ звиривъ» Билоусенка, „Прыгода трёхъ свынокъ», Рыльскый «Розмова про сильськи выпасы» и два сборника народныхъ сказокъ „Зъ народного пола".

—

«Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просв.» рекомендована для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв. и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній книга *Виталія Эйн-*

---

[1]) 3-ій томъ («Прычепа» и „Навижена") въ настоящее время печатается въ Кіевѣ и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

горна. «Очерки изъ Исторіи Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899. Спб. XIV+1104. Цѣна 5 р.». Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки—книга «Пѣсни и думы Кобзаря". Т. Г. Шевченка.. Въ пер. И. А. Бѣлоусова. М. 1900. Стр. 43. Цѣна 20 к. («Журн. М. Нар. Просв.. кн. V).

Въ № 914 газ. «Югъ» г. Г. Коваленко-Коломацкій помѣстилъ отвѣтъ («Справедливо ли?») на статью нѣкоего В. Б. въ «Волыни» подъ заглавіемъ «Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ для народа». Въ своемъ отвѣтѣ авторъ справедливо защищаетъ Петербургское Общество отъ нападковъ В. Б., упрекающаго послѣднее въ томъ, что оно инертно проявляетъ свою дѣятельность, что постановка издательскаго дѣла тамъ плоха; въ частности же, Обществу поставленъ упрекъ (по поводу брошюры «Оповидання про Антона «Головатого», и за то, что оно «не стремится издать полную исторію малорускаго народа въ послѣдовательномъ порядкѣ, а ограничивается выхватываніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ нея, обрисовывая мало замѣченныхъ въ исторіи лицъ», и рекомендуетъ между прочимъ, поучиться издательскому дѣлу у нѣмцевъ?

Авторъ отвѣта приходитъ въ недоумѣніе: что собственно руководило авторомъ статьи въ «Волыни»: незнаніе-ли условій, при которыхъ приходится работать петербургскому просвѣтительному обществу, незнаніе-ли условій, при которыхъ находится до сихъ поръ вообще малорусское слово, или же просто что-нибудь иное?

В. Б. рекомендуетъ петербургскому Обществу издать полную исторію малорусскаго народа въ послѣдовательномъ ея развитіи и читаетъ почтенному обществу нотацію за то, что оно не сдѣлало этого за 2 года и 4 мѣсяца своего существованія... Удивительно! Если бы такое предложеніе было сдѣлано человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ даннымъ вопросомъ, то еще куда-бы ни шло, но если это дѣлаетъ человѣкъ, который въ то-же время ведетъ рѣчь и о томъ, что ни одна изъ изданныхъ петербургскимъ просвѣтительнымъ обществомъ брошюръ не имѣетъ доступа въ народныя читальни и школьныя библіотеки, слѣдовательно, человѣкъ, знакомый съ «независящими обстоятельствами», то это болѣе чѣмъ странно... Намъ кажется, что лицу,

знакомому съ даннымъ вопросомъ, слѣдовало-бы не взводить напраслины на людей служащихъ безкорыстно общественному дѣлу первой важности, а указать пути, слѣдуя которымъ можно было-бы устранить тѣ преграды, что встрѣчаются петербургскому просвѣтительному Обществу въ изданіи не только полной исторіи народа на доступномъ для него языкѣ,— что за смѣлая мысль!—а даже Евангелія и прочихъ священныхъ книгъ, имѣющихся въ переводѣ на языкахъ самыхъ некультурныхъ народовъ. Если общество лишено возможности издать популярную брошюрку самаго невиннаго содержанія, какъ напр., о значеніи маяковъ и ихъ постройкѣ, по независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, то что говорить ужъ объ исторіи! И такъ, мы позволяемъ себѣ спросить уважаемаго читателя, справедливо-ли обвиненіе г. В. Б. на «украинофильствующихъ старцевъ и юнцевъ», какъ онъ позволяетъ себѣ крайне неделикатно выражаться въ своей статьѣ за то, что эти «старцы» и „юнцы„ вынуждены независящими отъ нихъ обстоятельствами вести дѣло такъ, а не иначе? «Справедливо-ли?»

—

Въ № 5 журн. „Журнала для всѣхъ“ помѣщена весьма обстоятельная рецензія на сборникъ лучшихъ образцовъ украинской поэзіи „Викъ (1798—1898)“.

—

Въ № 903 газ. „Югъ» помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ «Оповидання про Антона Головатого» М. Комара. Изд. С.-Петерб. О—ва изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ (№ 7).

—

Въ № 102 газ. „Волынь» помѣщена обширная статья В. Кравченка „Трофимъ Зиньковскій“—по поводу исполняющагося десятилѣтія (10 іюня с. г.) со дня смерти этого талантливаго украинскаго писателя. Въ статьѣ приведена обстоятельная біографія, дана характеристика личности писателя и помѣщенъ списокъ произведеній его.

—

Въ № 4 и 5 журнала» X—Strahlen», издаваемаго Романомъ Сембратовичемъ въ Вѣнѣ, помѣщены слѣдующія статьи, касающіяся Галиціи и ея культурной жизни. «Eine proletarier—Nation» Івана Франка, Deutsche Vermittlungsprache—von R. S. (между прочимъ и о государственномъ языкѣ въ Галиціи), Ivan Franko, ein literarisches Charakterbild—von Roman Sembratovicz, и друг.

—

Въ Прагѣ (чешской) вышла книга: „Taras H. Ševčenko. Výbor básni. Přebožila Růžena Jesenská (Sbornik Akademie pro vedy, slovesnost a uměni. Svazek 69). Nakladatelstvi.... Alois Wiesner knihtiskarna, стр. 186, in 8°. Цѣна 2 кроны.

Книга содержитъ 28 переводовъ, между прочимъ: Тополя, До Основьяненка, Перебендя, Иванъ Пидкова, Тарасова ничъ, Катерына, Утоплена, Розрыта могыла и др. Какъ видно изъ предисловія, это лишь первый выпускъ; второй также въ непродолжительномъ времени появится въ свѣтъ. Что касается перевода, то несомнѣнно, переводчикъ хорошо знаетъ украинскій языкъ, благодаря чему всѣ его переводы не только хорошо исполнены, но и очень близки къ оригиналу. Для образца приведемъ отрывокъ одного изъ переводовъ:

«K čemu jsou mé brvy černé?
K čemu tmavè zraky?
K čemu mladá divči léta
Veselà jsou taky?
Moje divči mlada lèta
Marně zapadajì,
Oči plàčou, černe brvy
Větrem oprachají.
Jako ptàček bez svobody
Srdce samo vadna,
K čemu je mi kràsà moje?
Štěstì nemàm žadnè!
Težko je mi sirotkovi
Na tom světě žiti:
Lide moji jsou ják ciži,
S kym mám hovořiti?...

Украинскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію.

По 1 мая.

1) *Двисти тысячъ.* Комедія въ 4 діяхъ. С. М. Стеймацкого.

2) *Заглоба-старостою.* Жартъ въ 1 дію Сенкевича. Переклавъ Е. М. Бабецкій.

3) *Марни надіи.* Комедія на 5 дій. А. Ф. Володского.

(«Правит. Вѣстн.», № 100).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бажанський П. Руско-народна музыкальна опера. Львôвъ, 1900, 100+83, in 8°. Цина 3 короны.

Богородицкій В. Діалектологическія замѣтки. III. Говоръ села «Сушки» Золотоношск. у., Полтавск. губ. Стр. 1—11. (Оттискъ изъ «Учен. Зап. Имп. Каз. Университ».).

Драгоманов Михайло. Оповідання про заздрих богів. Друге виданє. Заходом і з переднім слівцем М. Павлика. У Львові, 1901. З друкарні Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 54, 16°. Ціна 25 сот.

Заревич Федір. Твори. Т. І. Хлопська дитина. Повість. Виданне «Укр.-Руської Видавнич. Спілки», ч. 30. Львів, 1901, стр. 150. Ц. 1.80 сот.

Карачевскій-Волкъ Н. Сорокъ лѣтъ назадъ, Изъ воспоминаній Мирового Посредника перваго призыва. (Отт. изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1901, стр. 1—16.

Кониський Олександер. Вибір з поем. З портретом. Виданє «Руского Педагогічн. Товариства», ч. 87. Львів, 1901. Ціна 30 сот., стр. VIII+33. (По житеписи Ол. Кониського, написаній М. Пачовським; подано 26 поезий).

Кулишъ П. О. Хмельныщына. Историчне оповидання (з 6 малюнкамы). № 23. Кіевъ, 1901, стр. 1—116. Ц. 15 коп.

Кучальска Олена. Покарана лож. Комедийка въ 1 акті. Переклав О. Макарушка. Виданє «Руского Педагогічного Товариства», Ч. 88. Львів, 1901, стр. 20. Ц. 20 сот.

Лучицкій И. Изъ недавняго прошлаго. (Отт. изъ журн. «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1901, стр. 1—25. Цѣна 20 коп.

Недостойный Иванъ, сынъ Николая. Пѣсни рекрутски, любовни и жартовливи. Собраны въ гусятинскомъ повѣтѣ изъ устъ народа. Коломыя, 1900. Накладомъ М. Бѣлоуса, стр. 96, in 16, Цина 20 сот.

Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа на 1901 г. Часть I. Кіевская Губернія, Ч. II. Подольская губ., Ч. III. Волынская губ., Ч. IV. Черниговская губ., Ч. V. Полтавская губ. (XII+241+71, XII—140, XII+197, XII+253, XII+328). Изданіе управленія учебнаго округа. Кіевъ, 1901.

Педагогіка. Чернівці, 1901, стр. 98+6, in 8°. Видание «Рускої Школы», ч. 7. Ц. 1 корона.

Святий рік. Жовква, 1901. Зладив еромонах Арсеній Ч. св. В. В. Ціна 25 сот. Содержитъ объясненія юбилея братства и соотвѣтствующ. молитвы. (Составлена на чисто народ. языкѣ и, съ разрѣшенія митрополита, напечатана фонетическимъ правописаніемъ).

Толстой Л. Казки. Видане «Руского Педагогічн. Товариства», ч. 86. Львів, 1901, стр. 43. Ц. 40 сот. Зміст: 1) Божа сила, 2) Казка про Івана-дурака, Семена-лицаря, Тараса Черевання і німу сестру Маланю, про старого чортяку та трёх чортенят, 3) Богъ правду видить— та не скоро скаже.

Угро-Руски Народны Спѣванки. Томъ I. Budapest, 1901, стр. 230. Ц. 2 рубля. Содержитъ около 900 пѣсенъ, записанныхъ изъ устъ мараморошскихъ Русиновъ.

Франко Іван. Коваль Бассім. Арабська казка. Видане «Укр.-Руської видавничої Спілки,» ч. 31. Львів, 1901, стр. 137. Ц 1. 60 сот.

Шекспір Уіллім. Антоній і Клеопатра. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненіями Ів. Франка. Вид. «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 32. Львів, 1901, стр. XIV+180. Ц р. 80 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго Земства. Доклады экономическому совѣту. № 3. Изд. эконом. бюро Полт. Губ. Земства. Полт. 1901, стр. 1—62 (прилож. къ журн. «Хуторянинъ»).

Яблочков Г. Сільска учителька. Переклав (з великоруської мови) Антін Крушельницький. Видане «Молодої України», ч. 2. Чернівці, 1901, стр. 77. Ціна 50 сот.

Яворницкій (Эварницкій). Наша доля— Божа воля. Повисть. (Отт. изъ журн. «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1901, стр. 1—164.

Яновська Л. На спиожатн. Жартъ въ 1 дію (зъ спивамы, танкамы). № 24. Кіевъ, 1901. Тип. П. Барскаго, стр. 1—32. ц. 3 к.

Яновська Л. Повернувся изъ Сибиру. Драма на 5 дій. Кіевъ, 1901, стр. 1—92. Цина 10 коп.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Засѣданія предварительнаго комитета. 1-го мая. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что, согласно постановленію комитета, 1) посланы обращенія ко всѣмъ предварительнымъ комитетамъ и коммиссіямъ по подготовкѣ XII археологическаго съѣзда—съ просьбой собирать для выставокъ предметы, вести имъ списокъ, каковой сообщить въ свое время комитету для должнаго выбора предметовъ и приготовленія соотвѣтствующихъ для нихъ помѣщеній, 2) послано обращеніе въ Императорскую археологическую коммиссію съ ходатайствомъ о предоставсеніи комитету для археологической выставки при съѣздѣ вещественныхъ памятниковъ, добытыхъ въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Полтавской, Воронежской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, области войска Донского и Кубанскаго края; 3) напечатано въ газетахъ обращеніе къ о.о. священникамъ и г.г. учителямъ Харьковской губ. о присылкѣ отвѣтовъ на программы комитета къ началу каникулъ, или же послѣ, но не позже 15 сентября 1901 года, равно увѣдомленіе о пріемѣ комитетомъ уже въ настоящее время предметовъ для выставокъ; 4) послано обращеніе въ Императорское московское археологическое Общество съ просьбою о предоставленіи комитету денежныхъ средствъ для различныхъ экскурсій предстоящимъ лѣтомъ; 5) послано обращеніе къ г. харьковскому губернатору съ просьбой о соотвѣтствующемъ распоряженіи всѣмъ г.г. уѣзд-

нымъ исправникамъ, земскимъ начальникамъ, волостнымъ правленіямъ, о принятіи ими пакетовъ и посылокъ отъ о.о. священниковъ и г.г. учителей и другихъ лицъ для безплатной пересылки комитету.

Далѣе доложено, что комитетомъ уже полученъ отвѣтъ на его обращенія: 1) Императорская археологическая коммиссія, при присылкѣ открытыхъ листовъ на право производства раскопокъ членами комитета, сообщаетъ, что „сочтетъ своимъ долгомъ, по мѣрѣ возможности. доставить въ комитетъ древніе предметы, найденные въ губерніяхъ, входящихъ въ раіонъ дѣятельности предстоящаго XII археологическаго съѣзда"; 2) харьковская гувернская земская управа прислала открытые листы на право свободнаго пользованія г.г. экскурсантами почтовыми земскими лошадьми; 3) Общество любителей изученія Кубанской области сообщило отчетъ о произведенныхъ имъ въ 1900 г. и предположенныхъ въ 1901 г. работахъ; имъ, кромѣ изученія архивовъ, церковныхъ запорожскихъ древностей и др., предположено производство раскопокъ кургановъ близь станицъ Нефтяной, Апшеронской, Таманской, если только Императорскимъ московскимъ археологическимъ Обществомъ будутъ отпущены на это необходимыя денежныя средства; 4) таврическій губернаторъ сообщилъ, что г.г. земскіе начальники губерніи будутъ присылать комитету непосредственно свѣдѣнія и предметы въ виду археологическаго съѣзда и выставокъ при немъ; 5) проф. Всев. Миллеръ предложилъ комитету пріобрѣсти графофонъ для записи малороссійскихъ пѣсенъ и отпустить средства для спеціальной съ этой цѣлью экскурсіи.

Постановлено указанныя учрежденія благодарить,—отъ спеціальной-же экскурсіи для записи малороссійскихъ пѣсенъ—отказаться—въ виду недостатка средствъ, и просить членовъ комитета сдѣлать по личному почину въ указанномъ отношеніи—то, что имъ будетъ возможно.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что предварительный комитетъ при Императорскомъ моєковскомъ археологическомъ Обществѣ одобрилъ проектъ харьковскаго комитета по устройству этнографическихъ экскурсій, и, кромѣ того, ассигновалъ средства на раскопки, изученіе архивовъ и церковныхъ древностей,

равно историко-филологическому Обществу при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ проектъ организаціи выставокъ при археологическомъ съѣздѣ; предполагаются къ устройству слѣдующія выставки: по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, картографическая, этнографическая, старопечатныхъ книгъ, рукописей.

П. Ефименко сообщилъ о могильникѣ возлѣ Салтовскаго городища, на разстояніи $1^1/_2$—2 верстъ: погребенія обнаруживаются на обрывахъ овраговъ; вмѣстѣ со скелетами людей, крестьяне находятъ здѣсь скелеты лошадей, принадлежности конской сбруи и украшенія, арабскія монеты и др.

Доложено сообщеніе П. В. Иванова о нѣкоторыхъ картинахъ малорусскихъ живописцевъ, первой половины XIX вѣка съ изображеніемъ казака (Гордѣй Велегура) и подробными малороссійскими стихотворными надписями.

Доложено о предоставленіи комитету В. В. Милорадовичемъ трехъ его статей: Лѣсная Лубенщина, къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII вѣкахъ, Снѣтинская старина, и о просьбѣ его ходатайствовать предъ медицинскимъ департаментомъ о разсмотрѣніи его труда „Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.“

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о присылкѣ народными учителями Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ отвѣтовъ на программы комитета; нѣкоторые изъ нихъ сообщаютъ богатый матеріалъ по этнографіи; учителя Д. Калининъ (Радьковка) и Стежкинъ (Гусаровское училище, Изюмскаго уѣзда) представили множество рисунковъ съ бытовыхъ предметовъ.

Проф. М. Г. Халанскій прочелъ свой докладъ „Краснополянскій „голубецъ“, какъ памятникъ побѣды, одержанный курянами надъ татарами въ 1628 году“, и познакомилъ со своими наблюденіями надъ рукописями и книгами, поступившими въ распоряженіе комитета. Онъ же познакомилъ съ описью коллекцій А. Томилиной (Курской губ.): медали, монеты, кресты, топоры, документы и др., и съ записаннымъ стихотвореніемъ и народной пѣснью.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ изслѣдованіями архивныхъ матеріаловъ—г.г. Катаева и Татищева.

Постановлено—просить историко-филологическое Общество о напечатаніи этихъ изслѣдованій въ выпускаемомъ имъ къ археологическому съѣзду спеціальномъ томѣ своего „Сборника".

Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для археологической выставки и для музея древностей университета. Поступили: отъ свящ. сл. Новоселки—„агнецъ"—деревянная статуя, отъ г. Борисова (Богодуховск. уѣзда)—писанки; отъ свящ. Шостенко—писанки; отъ проф. Н. Ѳ. Сумцова—рисунокъ сволока въ его домѣ въ слоб. Боромлѣ, 1776 г.; отъ г-жи Орловской и проф. Л. В. Рейнгарда—фотографіи; отъ г.г. А. П. Коваленскаго и Е. К. и П. А. Зарвовскихъ, и В. И. Турбиной—различные памятники изъ семейнаго архива; отъ свящ. Грекова—евангеліе 1677 года, серебряный крестъ 1788 года; отъ свящ. Петровскаго—фотографіи съ памятниковъ церкви слоб. Юнаковки; отъ свящ. Будянскаго—требникъ Петра Могилы, кипарисный крестъ XVIII в.; отъ свящ. П. Шишлова—церковныя пѣсни—рукопись XVIII в.; евангеліе 1791 г.; отъ учительницы Софіевской (Борки): писанки, кафли, монеты, и др.; отъ свящ. В. Покровскаго—требникъ П. Могилы; отъ г. Чешко—картина „Марія Магдалина"; отъ свящ. слоб. Хатней, Волчанск. уѣзда, икона на холстѣ съ изображеніемъ Знаменія Богородицы на орлѣ; Новый Завѣтъ—XVIII вѣка, требникъ; отъ проф. В. П. Бузескула икона „Благое молчаніе"; отъ кондрашовскаго и курешовскаго училищъ Купянскаго уѣзда: кресты, монеты; отъ гусаровскаго и селиновскаго училищъ Изюмскаго уѣзда—очипокъ, медали, кресты, иконы, монеты; отъ учит. Будянской (Староб. уѣзда): монеты, два кинжала, кремень; отъ свящ. Чебанова—Библія 1751 г., картина—дѣвушка съ голубкомъ, XVIII в., серебряныя и мѣдныя монеты; отъ учит. Горбачевскаго (Богодух. уѣзда)—различные этнографическіе предметы; отъ свящ. Ведринскаго (Волчанскаго уѣзда)—чаша, дарохранильница, дискосъ, четвероев. 1711 г., четыре желѣзныхъ брачныхъ вѣнца; отъ свящ. Хорошкова: желѣзные вѣнцы, оловяныя чаша и дарохранильница XVIII вѣка; отъ священника Венгеровскаго: тріодіонъ Лазаря Барановича, литургиконъ 1653 г.; отъ г-жи Лосевой и Н. А. Кирьяковой—фамильные документы; отъ свящ. с. Бѣловцы, Сумскаго уѣзда—псалтирь 1732 г., Новый Завѣтъ;

отъ свящ. Лисенко—оловяная чаша и блюдца; отъ свящ. Антонова—кипарисный крестъ XVIII в. и двѣ иконы; отъ свящ. Василевскаго—картина „Харько—основатель Харькова"; отъ г. Бреславца—мѣдный кинжалъ; отъ г. Милорадовича—тѣневыя фигуры на картонѣ; отъ г-жи Павловой—урна; отъ Власова (Печащанское, Леб. уѣз.)—копья, планъ городищъ, фотографіи; отъ свящ. Зубарева—крестъ съ финифтью XVIII в., новая скрижаль 1803 г., монеты; отъ свящ. Грекова—окладъ Б. М. Руденской; отъ священ. П. Яновскаго: картонные вѣнцы, четыре кипарисныхъ креста, воздухи, четвероевангеліе 1685 г.; отъ г-жи Томилиной—писанки, одѣяло крестьянской работы, лѣсенка для сушки писанокъ; отъ свящ. Т. Павлова: клыкъ мамонта, желѣзный треножникъ, стремена, удила; отъ свящ. Москалева—Минея 1711 г.; отъ г. Шишко—фотографія; отъ В. О. Щербининой—вещи изъ Донецкаго городища: точило, пряслицы, монеты; отъ В. И. Срезневскаго—множество предметовъ священническаго облаченія, церковной оловянной утвари (изъ собранія покойнаго академика И. И. Срезневскаго).

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и доставившимъ различныя свѣдѣнія.

—

15 мая. Проф. Е. К. Рѣдинъ познакомилъ съ общимъ количествомъ отвѣтовъ, полученныхъ комитетомъ на его программы отъ о.о. священниковъ Харьковской епархіи и народныхъ учителей Харьковской г. Отвѣты эти получены еще далеко не изъ всѣхъ мѣстъ уѣздовъ губерніи; но комитетъ надѣется, что къ 15 сентября ему будетъ доставленъ уже весь матеріалъ. Полученный матеріалъ разбитъ по отдѣламъ и его (равно и тотъ, что еще поступитъ) рѣшено разработать и издать къ археологическому съѣзду.

Далѣе доложено о поступившихъ свѣдѣніяхъ о курганахъ и городищахъ Харьковской губ., г.г. дворянахъ и землевладѣльцахъ, имѣющихъ фамильные документы, портреты и коллекціи древностей, памятниковъ искусства. Рѣшено обратиться ко всѣмъ имъ съ покорнѣйшей просьбой о доставленіи предметовъ ихъ коллекцій для выставокъ при съѣздѣ. Комитетъ пользуется

случаемъ покорнѣйше просить всѣхъ лицъ, у кого имѣются какіе-либо памятники старины, искусства,—доставить ихъ ему для выставокъ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что, согласно принятому комитетомъ проекту организаціи выставокъ,—въ видахъ обезпеченія послѣднихъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ—уже посланы обращенія къ столичнымъ и провинціальнымъ древнехранилищамъ, ученымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ—съ покорнѣйшей просьбой о предоставленіи комитету для выставокъ имѣющагося у нихъ матеріала, какъ весьма важнаго и полезнаго для изученія въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ раіона, подлежащаго изученію XII археологическаго съѣзда: церковно-археологическому музею при кіевской духовной академіи, музею Б. И. Ханенко, кіевскому музею древностей при университетѣ св. Владиміра, музею І. А. Хайновскаго, новочеркасскому музею древностей, кубанскому статистическому комитету, музею г-жи Поль, музею г-жи Е. Н. Скаржинской, одесскому Обществу исторіи и древностей, музею В. В. Тарновскаго (черниговская земская управа), музею полтавскаго земства, московскому главному архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Румянцевскому музею, московскому Обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, московскому архиву Министерства Юстиціи, московскому отдѣленію архива главнаго штаба, историческому музею, музею П. В. Щукина, музею П. Л. Шабельской, Императорской публичной библіотекѣ, военно- учебному архиву главнаго штаба, Императорской академіи художествъ, архиву Святѣйшаго Правительствующаго Синода, с.-петербургскому артиллерійскому музею, Императорской академіи наукъ.

Кромѣ того, рѣшено обратиться съ просьбой къ архіереямъ всѣхъ епархій, входящихъ въ раіонъ дѣятельности съѣзда, чтобы ими было дано благословеніе и указъ на присылку о.о. священниками памятниковъ церковной старины для церковно-археологической выставки при съѣздѣ.

Рѣшено также обратиться къ Императорскому московскому археологическому Обществу съ просьбой оказать помощь и содѣйствіе по устройству выставокъ при съѣздѣ.

Прочитано письмо Н. А. Федоровскаго по поводу изслѣдованія стоянокъ каменнаго періода въ Изюмскомъ уѣздѣ (с. Райгородокъ). Рѣшено просить мѣстныхъ изслѣдователей принять участіе въ изученіи этихъ стоянокъ.

Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ и значеніемъ документовъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета.

Прочитано письмо, въ которомъ сообщается, что въ Старомъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, производятся хищническія раскопки, причемъ старинныя серебряныя монеты и другіе цѣнные предметы перепродаются золотарямъ, а малоцѣнные—уничтожаются.

Рѣшено просить администрацію—запретить хищническія раскопки.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для выставокъ и музея древностей: отъ проф. М. М. Ковалевскаго (Двурѣчный Кутъ)—коллекція древнихъ памятниковъ изъ Сванетіи, оружія, металлическихъ сосудовъ и друг.; изъ ц. Воскресенія, сл. Ольшанъ—требникъ II. Могилы, Дѣянія свв. апостолъ 1709 г., деревянный крестъ XVIII в.; отъ свящ. Шебатинскаго (Бильбасовка)—иконы Христа Спаса и св. Николая XVIII в. и мѣдный подсвѣчникъ съ армянской надписью; отъ свящ. Линицкаго (сл. Боровая)—Евангеліе 1760 года и Типиконъ 1766 г.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарнокть всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ и г-жѣ Риттеръ за ея содѣйствіе въ полученіи древностей изъ Двурѣчнаго Кута.

Въ члены комитета избраны г.г. Татищевъ и Катаевъ.

Е. Р.

—

Дѣятельность Комиссіи Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ по собиранію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и предметовъ въ предѣлахъ Черниговской губ. къ XII-му археолог. съѣзду (за время съ 12 октября 1900 по 1 марта 1901 г.). Въ №№ 2484—2489 „Черниговскихъ Губернск. Вѣдомостей“ напечатанъ докладъ предсѣдателя Комиссіи проф. А. Добіаша по данному вопросу. Дѣятельность Комиссіи выразилась въ разсылкѣ программъ, въ разсмотрѣніи печатныхъ изданій и ру-

списей, присылаемыхъ въ Комиссію (изъ послѣднихъ отмѣтимъ сборникъ южно-русской скорописи XVII в. со статьями духовнаго содержанія) и въ докладахъ членовъ Комиссіи и лицъ, къ которымъ она обращалась, по различнымъ предметамъ. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ докладъ проф. Бережкова объ атласѣ малороссійскихъ картъ и плановъ, XVIII в., хранящемся въ Черниговской гимназіи и сообщенія Н. Д. Кармазина о преданіяхъ, связанныхъ съ урочищемъ „Кручей“ въ Миргородѣ и народнаго учителя С. А. Гатцука, собравшаго интересныя данныя о древностяхъ и бытѣ нѣкоторыхъ мѣстностей Мглинскаго у. С. А. Гатцукомъ присланы также и предметы старины, вообще послѣднимъ выказано много энергіи въ дѣлѣ собиранія свѣдѣній. Въ заключеніе въ докладѣ приводятся нѣкоторыя предложенія членовъ Комиссіи: М. И. Лилеевъ предлагаетъ устроить при Обществѣ самостоятельную выставку изъ присылаемыхъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы уже изъ нея выдѣлить для Харькова то, что найдетъ нужнымъ Харьковскій предварительный комитетъ; В. К. Пискорскій предлагаетъ собирать, кромѣ рукописнаго и старопечатнаго, также и новопечатный матеріалъ, относящійся къ Черниговщинѣ въ предѣлахъ программы съѣзда; А. Н. Малинка внесъ предложеніе о составленіи для Черниговской губ. фотографическаго альбома по этнографіи; за составленіе альбома и пояснительнаго къ нему текста берется самъ А. Н. Малинка.

Ученыя общества.

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи въ 1900 году. Къ концу отчетнаго года, судя по „Отчету“, въ Обществѣ состояло 20 почетныхъ членовъ, 119 дѣйствительныхъ и 38 членовъ-корреспондентовъ, всего 178 лицъ. Въ теченіе года было 9 засѣданій Общества, на которыхъ доложено 9 рефератовъ, но изъ послѣднихъ лишь 3 касались церковно-археологическихъ вопросовъ, а изъ этихъ трехъ къ южно-русской старинѣ имѣлъ отношеніе только одинъ—А. П. Булгакова—О серебряномъ чеканномъ блюдѣ Аугсбургскаго ма-

стера Грилля, половины XVII в., изъ Каменецъ-Подольскаго каѳедральнаго собора. Преобладали-же рефераты на темы философско-историческія и церковно-историческія. Это послѣднее обстоятельство вызвало предложеніе предсѣдателя Общества о расширеніи въ уставѣ научныхъ задачъ Общества. Другія занятія членовъ Общества состояли въ образованіи нѣсколькихъ коммиссій: для провѣрки наличности музея, для описанія архива Кіевской духовной консисторіи, для осмотровъ церквей.

Въ 1900 г. въ Церковно-Археологическій Музей Общества поступило: памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, утвари и т. п.—51, медалей, жетоновъ, монетъ—63, религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта—23, актовъ, грамотъ, писемъ—4, рукописей—6, старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—1, гравюръ, чертежей, фотографій—8, періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ—91, всего—247. Если изъ этого, въ общемъ небольшого, числа отбросить много предметовъ, имѣющихъ очень и очень незначительный научный интересъ, то поступленія предметовъ старины сведутся всего къ нѣсколькимъ десяткамъ. Изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующіе: архитектурные остатки изъ урочища „Церковщина", бронзовый складной энколпіонъ, найденный въ усадьбѣ Кіевскаго Реальнаго Училища, свинцовую вислую печать съ именемъ Андрея, найденную въ одной изъ усадьбъ по Софійской ул. въ Кіевѣ,—все это предметы княжеской эпохи. Изъ позднѣйшей южно-русской старины поступили: рѣзныя фигуры архангела Михаила изъ г. Ольвіополя, Херсонск. г. и изъ с. Мироновки, Каневскаго у., рѣзной ставникъ изъ м. Триполья, Кіевск. у., иконы Спасителя и Богородицы изъ иконостаса, устроеннаго митр. Тимофемъ Щербацкимъ въ с. Веремьѣ, Кіевск. у., шитые шелками подризники и поручи изъ той-же церкви, бархатныя фелонь и епитрахиль XVII в. съ шитыми золотомъ и серебромъ священными изображеніями изъ Кіевской Срѣтенской церкви, гравировальная мѣдная доска кіевскаго гравера Иларіона Мигуры, начала XVIII в. Какъ и въ прежніе годы, поступленія изъ провинціи, изъ уѣздныхъ и сельскихъ церквей, единичны; между тѣмъ тамъ идетъ своей дорогой уничтоженіе предметовъ церковной старины. Неужели такъ трудно Церковно-Археологическому Обществу организовать по-

ѣздки по провинціи съ цѣлью регистраціи и доставленія въ Музей предметовъ? Хорошо было-бы Обществу взять примѣръ хотя-бы съ подобнаго-же Волынскаго Общества, поставленнаго въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ Кіевское. Поѣздки тамъ совершаются ежегодно и, благодаря имъ, пополняется древлехранилище и сохраняются отъ гибели цѣнные образчики иконописи, утвари и т. п.

10-го мая въ засѣданіи *Комиссіи по описанію памятниковъ украинской старины*, состоящей при Обществѣ Нестора Лѣтописца, былъ доложенъ запросъ предсѣдателя Имп. Московскаго Археологическаго Общества о предполагаемыхъ на текущее лѣто экскурсіяхъ. Изъявили согласіе совершить экскурсіи: *И. М. Каманинъ*—въ Кіевскій, Радомысльскій, Чигиринскій и Таращанскій уу., *В. И. Щербина*—въ Кіевскую губ., *Н. Ф. Бѣляшевскій*—въ Кіевскую и отчасти Черниговскую губ., *А. М. Лазаревскій*—въ г. Прилуки, *В. Г. Ляскоронскій*—въ Пирятинскій, Лубенскій, Роменскій и Лохвицкій уу., причемъ В. Г. Лясковронскимъ свѣдѣнія о памятникахъ украинской старины будутъ собираться лишь попутно, при случаѣ, такъ какъ главная цѣль экскурсіи чисто археологическая; наконецъ, о. *Е. Сѣцинскій*—въ тѣ мѣста Подольской губ., которыя не были еще охвачены экскурсіей прошлаго года. Къ сожалѣнію, Волынская губ., гдѣ въ прошломъ году производились съ такимъ успѣхомъ обслѣдованія, останется безъ экскурсіи, т. к. знатокъ волынской церковной старины, О. А. Фотинскій, совершавшій поѣздки по Волыни въ прошлое лѣто, на этотъ разъ не можетъ продолжать изслѣдованій.

Въ этомъ-же засѣданіи доложено отношеніе Полтавской Консисторіи по поводу ремонта церкви Спаса Нерукотворнаго Образа въ Полтавѣ, построенной въ 1705 г., и покрытой, въ видахъ сохраненія, наружнымъ чехломъ въ 1845 г. Церковь дала трещины и осадку, потускнѣлъ иконостасъ и образа; и вслѣдствіе этого ремонтъ ея необходимъ. Комиссія постановила, давъ письменно указанія относительно реставраціи иконостаса и иконъ, просить члена Комиссіи О. И. Левицкаго отправиться въ Полтаву для осмотра церкви на мѣстѣ.

Изслѣдованія и раскопки.

Осмотръ церкви въ с. Глубочкѣ, Уманскаго у., Кіевск. губ. Къ предстоящимъ экскурсіямъ членовъ Комиссіи по описанію памятниковъ украинской старины отъ учителей и священниковъ поступаютъ разосланные Комиссіей вопросные листы съ отвѣтами. Поступаютъ они довольно вяло и отвѣты на вопросы очень лаконичны. Но нѣкоторыя указанія они все-таки даютъ—и за это спасибо. Нѣсколько разъ мы уже поднимали вопросъ о регистраціи всѣхъ вообще памятниковъ старины, въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, церковной. На практикѣ, конечно, трудно скоро ожидать выполненія такой работы, такъ какъ повсюду приходится натыкаться на поразительную косность въ этомъ отношеніи какъ со стороны духовенства, такъ, къ большому сожалѣнію, даже и со стороны *ученыхъ* учрежденій, въ задачи которыхъ входитъ изученіе церковной старины. Между тѣмъ, хотя въ видѣ остатковъ, но все-таки церковная старина кое-гдѣ еще сохранилась. Примѣромъ можетъ служить перечень различныхъ предметовъ церкви захолустнаго села Глубочка, обнаруженныхъ В. Н. Доманицкимъ при осмотрѣ церкви въ апрѣлѣ настоящаго года. Церковь деревянная, построенная Нарышкинымъ въ 1764, сохранилась еще въ неприкосновенномъ видѣ. Сохранился и иконостасъ съ выдающимися рѣзными колонками. Возлѣ церкви стоитъ очень любопытная колокольня—каплица, оригинальной, рѣдкой теперь уже формы, въ видѣ усѣченной пирамиды, внутри которой подвѣшены колокола. Въ церкви нѣкоторыя иконы, между прочимъ и стѣнныя, относятся ко времени построенія; изъ болѣе позднихъ (1832 г.) здѣсь имѣется бывшая въ большомъ распространеніи на Украинѣ икона, изображающая отрока Христа, лежащимъ на „перынѣ“, съ крестомъ между тѣломъ и собственно „перыной“; надпись на иконѣ слѣдующая: „Смутный одръ, дивна перина, на которой спитъ сія Богъ-Дытина. Но что реку? Буде спати, за насъ издѣтска учится страдати“. Въ алтарѣ, на престолѣ—прекрасной работы старинная дарохранительница и два евангелія, 1774 и 1785 г. (московской печати), въ настоящее время не употребляемыя, съ записями жертвователей. Ризница въ нѣкоторой части также

восходитъ къ концу XVIII и началу XIX ст.; здѣсь есть старинныя парчевыя ризы, шелковые платы, съ шитыми шелками чудными узорами, шитые поручи и т. д. Каждую изъ принадлежностей церковнаго облаченія легко хронологически установить и провѣрить по хранящейся въ церкви описи церковныхъ вещей 1802 г.; очень многія изъ облаченій помѣчены въ этой описи, какъ уже вышедшія изъ употребленія. Въ церковномъ архивѣ, ведущемъ свое начало съ послѣдней четверти XVIII ст., хранится, между прочимъ, небольшая рукописная тетрадка, сильно попорченная, озаглавленная такъ: „Субботникъ или помяновеніе душъ отъ вѣка усопшихъ и здѣ упысанныхъ. Списанный до храму Воздвиженія честнаго креста веси Глѣбочка священно іерею Іліи Плѣніецкому презвытеру тоей-же церкви. Року Божія [illegible] мца августа дня кг.“ Какъ заголовокъ, такъ и весь „Субботникъ“ писаны четкимъ полууставомъ; заглавныя буквы и отдѣльныя слова, имѣющія болѣе важное значеніе, расписаны киноварью, кромѣ того, заголовокъ окруженъ красивой рамкой, въ видѣ арки, украшенной растительнымъ орнаментомъ. Упомянутый „презвытеръ“ Плѣнецкій рукоположенъ во священники въ 1781 г. и тогда-же соорудилъ этотъ „Субботникъ“, куда вписалъ всѣхъ своихъ сродниковъ. Послѣдующіе священники Глубочка дѣлали также записи, какъ родныхъ, такъ и другихъ прихожанъ, „помощи требующихъ“. На оборотѣ заглавнаго листа той-же рукой помѣщено слѣдующее интересное шестистишіе:

„Попитать паперу нового,
Чи здобный будетъ до дѣла такого:
Щось маемъ за умершыхъ писать,
Бо треба ся и собѣ тамъ сподѣвать,
Же смерть ни внощи ни въ день не замедлитъ
Якъ о старомъ, такъ о молодомъ мислыть“.

Намъ кажется, что такихъ церквей, какъ въ с. Глубочкѣ, найдется еще у насъ не мало, слѣдуетъ только обратить на нихъ вниманіе.

Случайныя находки.

Находки въ г. Кіевѣ. Въ началѣ и весной текущаго года на территоріи Кіева сдѣланы слѣдующія находки:

1. На Нижней Юрковицѣ, въ усадьбѣ Петровой, при копаніи горы, открыта пещера, осмотръ которой не обнаружилъ никакихъ предметовъ древности. Пещеры въ лёссѣ не представляютъ особой рѣдкости въ раіонѣ Кирилловской улицы или, правильнѣе, нагорной ея стороны,—ихъ имѣется здѣсь значительное количество. Начало пещеръ, какъ впервые показали изслѣдованія проф. В. Б. Антоновича, относится къ каменному вѣку, и, несомнѣнно, продолженіе изслѣдованій этихъ пещеръ дало бы цѣнные результаты; но бѣда въ томъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ нѣкій генералъ Баггоутъ производилъ здѣсь обширныя раскопки съ цѣлью найти будто-бы схороненный тутъ Мазепой громадный кладъ. Баггоутомъ, а послѣ его смерти и его женой, была испорчена масса пещеръ, такъ какъ на встрѣчавшіеся при кладоискательскихъ раскопкахъ различные остатки древней культуры не обращалось никакого вниманія. Очень возможно, что и пещера въ усадьбѣ Петровой была уже раньше раскопана кѣмъ-ниб. изъ Баггоутовъ.

2. Въ Александровскомъ паркѣ, благодаря провалу въ одномъ мѣстѣ земли, открытъ подземный ходъ, также не давшій никакихъ находокъ. Такого рода ходы, служившіе скорѣе всего для военныхъ цѣлей и относящіеся къ неособенно давнему времени, были открываемы уже и раньше на Печерскѣ и вблизи его.

3. На Трехсвятительской улицѣ, при выемкѣ земли подъ фундаменты строющихся противъ Трехсвятительской церкви домовъ, можно было наблюдать цѣлый рядъ послѣдовательныхъ слоевъ, показывающихъ, что мѣстность эта была населена съ глубокой древности,—это и не удивительно, такъ какъ этотъ пунктъ входилъ въ черту древнѣйшаго кіевскаго „дѣтинца“. Не смотря однако на обиліе „культурныхъ“ слоевъ, находокъ, на этотъ разъ, встрѣтилось немного. Почти всѣ онѣ относятся къ княжескому періоду, именно: сосудикъ изъ листовой мѣди, въ формѣ котелка, части изломаннаго мѣднаго подсвѣчника, часть

глинянаго свѣтильника. Былъ найденъ также желѣзный предметъ, напоминающій мечъ, но рабочіе сбыли его какому-то офицеру, и точно сказать, что это было, теперь нельзя.

—

На „Княжей Горѣ“ всю весну продолжались раскопки крестьянъ с. Пекарей. Но, повидимому, почва городища начинаетъ уже истощаться—до послѣдняго времени цѣнныхъ находокъ не встрѣчалось. Лишь на дняхъ, у подошвы горы, на самомъ берегу Днѣпра, крестьянамъ снова удалось добыть интересные предметы, свалившіеся по всей вѣроятности вмѣстѣ съ землей съ вершины горы, гдѣ расположено городище. Вообще нужно замѣтить, что несомнѣнно Днѣпръ поглотилъ въ свои нѣдра не малое число древностей, такъ какъ городище вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ постепенно обрушивается и сползаетъ въ рѣку. На этотъ разъ, въ прибрежномъ пескѣ, кромѣ нѣсколькихъ крестовъ, серебряныхъ сережекъ и др. предметовъ, найденъ золотой витой перстень, золотое височное кольцо и въ высшей степени интересная *серебряная* вислая печать, представляющая единственную до сихъ поръ извѣстную находку этого рода. Печать имѣетъ видъ неправильнаго кружка (22 мм. высоты и 25 мм. ширины), составленнаго изъ двухъ, плотно сбитыхъ, серебряныхъ пластинокъ, между которыми проходилъ шнурокъ. Какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, въ кружкахъ, помѣщены изображенія святыхъ (на головахъ нимбы), во весь ростъ; у одного съ правой стороны копье. По бокамъ, сверху внизъ, надписи: на одной сторонѣ (тамъ, гдѣ святой съ копьемъ)—**аго | дмт**, причемъ буквы д и т едва примѣтны, на другой—**аг | всїлї**, причемъ буквы выбиты въ обратную сторону. Изображенія и надписи выбиты рельефомъ и выбиты очень грубо. Основываясь на этомъ несовершенствѣ работы и отчасти на мѣстѣ находки, можно предположить, что настоящая печать—русской работы и происхожденія; нахожденіе-же изображеній св. Димитрія и Василія можетъ дать нѣкоторыя указанія и на то лицо, отъ котораго шла грамота съ данной печатью.

—

Въ г. Каневѣ, Кіевск. губ., возлѣ Успенской церкви, заложенной въ 1144 году вел. кн. Всеволодомъ Ольговичемъ, найденъ небольшой каменный крестикъ-тѣльникъ, относящійся ко времени основанія церкви.

—

Въ с. Пархомовкѣ, Сквирск. у. Кіевск. г., при рытьѣ канавы въ полѣ черезъ курганъ, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ, найденъ хорошо сохранившійся человѣческій костякъ, окрашенный въ красный цвѣтъ. По распоряженію управляющаго имѣніемъ, съ цѣлью сохраненія находки, костякъ снова засыпанъ землей. Въ окрестностяхъ с. Пархомовки есть еще нѣсколько кургановъ, изъ которыхъ одинъ обращаетъ на себя вниманіе своей величиной. „Кіевл.“.

—

Въ с. Гирявкѣ, Конотопск. у. Черниг. губ., при паханіи поля, найденъ кладъ монетъ. Судя по нѣсколькимъ экземплярамъ, поступившимъ къ А. М. Лазаревскому, кладъ составляли мелкія польскія серебряныя монеты начала XVII вѣка.

—

Въ Керчи, на участкѣ земли Ф. В. Фельдштейна, при земляныхъ работахъ, рабочіе наткнулись на длинный подземный корридоръ, въ концѣ котораго оказалась довольно просторная 4-хъ угольная комната, украшенная различными рисунками. Полъ также испещренъ различными рисунками и сценами изъ миѳическаго міра. На одномъ рисункѣ виднѣется полуистертая надпись, которую, къ сожалѣнію, нельзя разобрать. Есть данныя, указывающія, что постройка возведена лѣтъ 200 до Р. Х. Въ одномъ изъ угловъ комнаты найдена разбитая ваза, необыкновенно искусной лѣпной работы; въ верхней части ваза украшена замѣчательно художественно выполненной виньеткой, сдѣланной изъ золота. Помимо этого, найдено еще нѣсколько дорогихъ колецъ, бусъ и нѣкот. друг. мелкія вещи. Раскопки продолжаются и, по всей вѣроятности, не скоро закончатся. Владѣлецъ сфотографировалъ всѣ найденные предметы, а также и участокъ земли, на которомъ производятся раскопки. „Крым. Вѣстн.“.

—

Находки въ г. Глуховѣ, Черниговск. г., на мѣстѣ древняго Михайловскаго кладбища. Въ „Черниг. Губ. Вѣд.“,—1852 г. № 32, 34,—помѣщена замѣтка неизвѣстнаго автора о глуховскихъ древностяхъ. Въ числѣ разныхъ достопамятныхъ предметовъ указывается, между прочимъ, на хранившееся въ Анастасіевской церкви (теперь неизвѣстное) евангеліе съ надписью, что оно пожертвовано полковникомъ Стародубскимъ Михаиломъ Миклашевскимъ въ 1681 г. въ Глуховскую Михайловскую церковь (надпись эта приводится и у Филарета въ его „Описаніи Черн. нам.“). Изъ этой даты видно, что Михайловская церковь въ 1681 г. уже существовала въ Глуховѣ.—Въ той же статьѣ „Черн. Губ. Вѣд.“ есть указаніе на мѣдную доску (теперь также не существующую), на которой вырѣзанъ годъ основанія Михайловской церкви—҂ахуг=1693 г. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, эта церковь была каменная. Между тѣмъ, одинъ изъ глуховскихъ старожиловъ, нѣкто г. Петровскій, составлявшій записки о глуховскихъ достопримѣчательностяхъ (послѣ смерти автора, его записки перешли къ П. Як. Дорошенку), называетъ Михайл. церковь деревянною.—Объясненіе всѣмъ этимъ противорѣчіямъ находимъ въ „Описаніи Ст. Малор.“ Лазаревскаго, гдѣ авторъ говоритъ о существованіи въ Глуховѣ въ 1654 г. деревянной церкви во имя св. архистратига Михаила, передѣланной въ 1693 г. въ каменную.—Во время страшнаго пожара 7 авг. 1784 г. (объ этомъ пожарѣ всеподданнѣйше доносилъ Румянцевъ) погибла въ числѣ другихъ 5 церквей и Михайловская (кстати, не слѣдуетъ смѣшивать этой церкви съ Михайловскимъ женскимъ монастыремъ, также сгорѣвшимъ въ это время). Мѣсто, гдѣ она стояла, занято теперь усадьбой, принадлежащей причту Св.-Троицкой церкви. Все это мѣсто, на небольшомъ разстояніи отъ поверхности земли, покрыто человѣческими костями, что указываетъ на существованіе здѣсь когда-то кладбища. И, дѣйствительно, упоминаніе объ этомъ кладбищѣ попадается неоднократно въ разныхъ старинныхъ документахъ; г-ну Дорошенку удалось даже собрать (изъ дневника Маркевича и др. источник.) имена нѣкоторыхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей, погребенныхъ на этомъ мѣстѣ; вотъ эти лица: 1) Васил. Як. Жураховскій, генеральный есаулъ, † 1730 г.; 2) жена его—Марія Гри-

горьевна Жураховская, рожд. Максимовичъ, † 1729 г.; 3) жена генеральнаго писаря Семена Савича; 4) дѣвица Ульяна Андр. Полуботокъ († 1723), внучка полковника Черниговскаго и наказного гетмана Павла Леонтьев. Полуботка; 5) бригадиръ Иванъ Кондр. Ильинъ, † 1747 г. (членъ генеральной канцеляріи).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при рытьѣ фундамента для дома, въ этомъ мѣстѣ въ землѣ была найдена золотая серьга. Къ сѣверу это кладбище оканчивается теперь крутымъ скатомъ, внизу котораго находится наполовину вросшій въ землю кусокъ дикаго камня, напоминающій собою какъ бы обломокъ могильной плиты. На самомъ скатѣ года три тому назадъ найденъ былъ золотой перстень съ бирюзой (серьга и перстень не сохранились). На этомъ же мѣстѣ въ концѣ марта нынѣшняго года найдены и доставлены мнѣ слѣд. вещи: 1) 2 черепа: одинъ, пробитый въ верхней части, другой—типичный образецъ вырожденія—почти съ полнымъ отсутствіемъ лба; 2) кусокъ чугунной доски и нѣсколько гвоздей отъ гробовъ; 3) мѣдная польская монета 1664 г.; 4) шелковый коричневый поясъ со слѣдами зеленыхъ узоровъ; этотъ поясъ лежалъ въ землѣ дважды обернутымъ (какъ бы вокругъ таліи); въ срединѣ лежала берцовая кость. Поясъ замѣчательно сохранился; съ одной стороны уцѣлѣла даже бахрома.—Всѣ эти предметы, а также серебряная польская монета 16 в., найденная на мѣстѣ построенной Ив. Мазепой церкви во имя ап. Петра и Павла, вблизи м. Янполя, будутъ доставлены въ Нѣжинскую комиссію по собиранію матеріаловъ въ Черниг. губ. для предстоящаго археолог. съѣзда.

А. Малинка.

М. Красный Колядинъ, Роменъ, уже по одному своему мѣстоположенію, указываетъ, что тутъ должно было быть поселеніе и въ великокняжескій періодъ. Полагаютъ (Филар. Черниг.), что здѣсь находился лѣтописный Глѣбль. Въ позднѣйшее время, Кр.—К. въ первый разъ упоминается въ документѣ Ишездѣцкаго (996 госп.). Извѣстно, что при полякахъ, предъ ихъ изгнаніемъ, „державцею ключа Краснянского" былъ „панъ Кондратъ Грекъ" (см. с. Дмитровка). Въ 1649 г. уже существовала Краснянская сотня („Реестра"), а въ 1654 г. здѣсь уже имѣлся „мѣскій урядъ", вѣдавшій общественныя дѣла [1]). Въ

---

[1]) Вотъ наиболѣе ранній актъ, изъ извѣстныхъ намъ, записанный на этомъ урядѣ: «Предо мною, Лазаремъ Волошиненкомъ, атаманомъ городовымъ, при бытности Федора (пропускъ въ подлинникѣ для прозвища), Матвѣя Филоненка, Мартина Коробочки, Миколая Цилюрика, козаковъ, обывателей Краснянскихъ, Ѳодора Волошина, на тотъ часъ отамана, и Микити Ломаки, обывателей Рабушинскихъ, ставшія очевисто Юско Ивановичъ изъ жоною своею, признали на уряди для записаня до книгъ, словы: продали есмо ставокъ на рудъцѣ Березовица, под селомъ Рабухами лежачий, притоманную працу нашу с худаменту, за позволенемъ старшихъ заложенную, коштомъ и накладомъ нашимъ зоруженную... зъ берегами и вершиною синожатми, ажъ до старой дорожки, якъ мнѣ на тотъ часъ урядъ бывший завелъ и показалъ, которая дорожка на Моклякову синожать идетъ... славетному урожоному Оивану (sic) Григоровичу, обывателю Краснянскому, и Вовдотии Еремѣевнѣ, малжонцѣ его, за золотихъ сѣмъдесятъ... що ми, урядъ выслухавши, сторонѣ потребуючой на писмѣ казалисмо, подъ печатми нашими и подписомъ руки писарской, подати для певнѣйшой речи. Писанъ у Красномъ, 23 дня сентеврія, року 1654. Есифъ Анъдреевичъ, писаръ городовый Краснянский рукою своею». *(Съ подлинника).* Отсюда видно, что въ 1654 г. прибавка «Колядинъ» еще не существовала; эта прибавка явилась въ третьей четверти XVII в., для отличія «городка» Краснаго отъ села Краснаго, наход. между Конотопомъ и Батуринымъ. Колядинымъ Красный сталъ прозываться п. ч. здѣсь, при полякахъ, сидѣлъ управитель (вѣроятно Вишневецкаго) по прозвищу *Коляда*. См. „Очерки", *м. Кр. Колядинъ* См. также Чтен. въ Истор. Общ. Нестора, XIV, отд. 3, стр. 153. Позднѣйшее преданіе о «ляхѣ» Колядѣ и его замкѣ—см. сборникъ «Изъ устъ народа», Б. Д. Гринченка, (Черниговъ, 1900), стр. 317.

томъ же году, переѣзжалъ черезъ Кр.-К. Іерусалимскій патріархъ Макарій, племянникъ котораго, описывая путешествіе дяди, объ этомъ „городѣ“ говоритъ слѣдующее: „Насъ привезли въ городъ, называемый Красный, съ большимъ укрѣпленіемъ и цитаделью, *висящей на краю горы* (больше той, на которой расположенъ городъ). По обычаю, насъ вышли встрѣчать священники, клиръ и прочій народъ, и ввели въ церковь св. Рождества. Здѣсь есть еще двѣ церкви: во имя св. Тройцы и новая—св. Николая. Близъ этого города есть *другой базаръ* (другое поселеніе) съ церковью въ честь Воскресенія“. (Перев. Муркоса, II, 93). Нѣкоторымъ поясненіемъ *висящей на краю горы цитадели*—можетъ быть современное описаніе Колядинскаго „замка“, указывающее, что защитность послѣдняго опиралась на природномъ расположеніи высокаго берега.[1]) По переписи 1666 г., въ К—нѣ показано 59 домохоз., изъ числа которыхъ мѣщанами перв. статьи показано 42, 12—меньш. и 5—„сапожниковъ“.[2]) Засимъ, интересныя свѣдѣнія о движеніи населенія въ Кр. К., за втор. пол. XVII в. приведены въ одной изъ работъ Д. И.

---

[1]) „Замкомъ въ м. Кр. К-нѣ называется выдающаяся мысомъ — въ р. Роменъ — часть горы, которая имѣетъ довольно узкое сообщеніе съ Кр.-К.; за нѣсколько десятковъ лѣтъ, при обиліи воды въ р. Ромнѣ, замокъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою, кромѣ узкаго перешейка; въ замкѣ находится болѣе 90 насыпей, круглой и продолговатой формы“. Описаніе это принадлежитъ мѣстному жителю С. Д. Носу († 1900 г.). См. Черниг. губ. вѣд. 1859 г, № 19. Тутъ же находится любопытное описаніе „городка“, насыпаннаго на руслѣ рѣки Ромна, противъ Кр. К—аго „замка“.—„На болотѣ р. Ромна, ближе къ селу Грицовкѣ и ближе къ прав. бер. рѣки, чѣмъ къ лѣвому, находится *городокъ*, т. е. пространство земли длинною въ 150, а шириною въ 90 арш., обнесенное валомъ, который имѣетъ круглую форму; вышина вала 20 арш. Городокъ устроенъ противъ замка Кр.-Колядинскаго“. Этотъ *городокъ* представляетъ собою сооруженіе конечно вел.-княжескаго періода. Ср. Опис. Стар. Малороссіи, II, 239.

[2]) Въ перен. „мѣщанъ“ показаны „войтъ“ и „бурмистръ“. Войтомъ назывался представитель посполитства, а кого обозначили великорусскіе писцы бурмистромъ,—не знаемъ.

Багалѣя, указывающей, что отсюда—въ одну только Терновую слободу (Пут. у) —съ 1643 по 1674 г., переселилось 54 семьи.[1])

Кр. П. 59 д. **А.** 88 д. **В.** 86 д. **В.** 113 д. **Пс.** 11 д. (въ 1731 г.—99 д.) **Г.** 11 д. 11 х. **Д.** 80 д. 106 х. 5 бд. х. **Пс.** 39 д. 62 х. 15 бд. х. **Кз.** **В.** 73 д. **Г.** 64 д. 76 х. **Пс.** 42 бд. х. **Д.** 82 д. 153 х. Переходъ съ 113 дв. крестьянъ въ 1729 г. на 11-ть въ 1740 г.,—объясняется появленіемъ въ томъ же году, 42-хъ бд. хатъ подсосѣдковъ и уходомъ 29 хоз. изъ мѣстечка, за четыре года (1736—740), какъ это обозначено въ рев. книгѣ 1740 г. Въ этой же ревизіи подсосѣдки показаны слѣдующіе: коз.—6, сотника Максимовича—13, нак. сотника Купчинскаго—5, лѣкаря Сев. Семенова—6, „попа“ Тихонія Иванова—7, „попа“ Петра Салогуба—1, писара сотеннаго Д. Ступачевскаго—2 и город. атамана—1, а всего 42 бд. хаты. Еще лучше эти цифры объясняются повѣркою крестьянскаго населенія, которая была произведена въ 1744 г., по распоряженію *коммиссіи экономіи*, капитаномъ Василіемъ Поляковымъ.[2]) При этой повѣркѣ, берется за основаніе цифра крестьянъ по ревизіи 1729 г. и, затѣмъ, приводится въ извѣстность—убыль и прибыль этого населенія по 1744 г. Для Колядина эти цифры явились въ такомъ видѣ: по ревизіи 1729 г. означено 113 дв., а въ 1744 г. ихъ оказалось только 26 дв., а остальные выбыли: 1) „во владѣніи разныхъ владѣльцевъ и у посполитыхъ („а почему—крѣпостей не прислано“)—16 дв.; 2) вписалось въ козаки—4 дв.; 3) въ ревизіи написаны, а своихъ дворовъ не имѣли—12 дв.; 4) живутъ разно, а своими плецами владѣютъ—2 дв. и 5) сойшло и померло, а пляцы впустѣ—53, а всего не оказалось 87 дв., которые, вмѣстѣ съ оказавшимися въ наличности 56-ю дв., и составляютъ показанное въ ревизіи 1729 г.

---

[1]) Матеріалы для истор. колониз. и быта степной окр. Моск. госуд., I, 18.

[2]) Мы не знаемъ, когда была учреждена эта коммиссія, цѣль которой, повидимому, заключалась въ приведеніи въ извѣстность свободныхъ посполитыхъ (а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и «скупли»), но сохранившіеся остатки произведенныхъ ею описей—представляютъ интересный матеріалъ для ознакомленія съ движеніемъ населенія въ Малороссіи за 1729—744 г.г.

число—113 дв. Кромѣ того, Поляковъ отмѣтилъ, что въ К—нѣ оказалось вновь прибывшихъ—посп. дв. 6. Къ означеннымъ цифрамъ присоединено слѣд. примѣчаніе Полякова: „Въ томъ мѣстечку Кр.-К—нѣ, по удостоенію в. генер. к—ріи и по указу минѣстерской к—ріи, въ тридесятное число дворовъ отдано Глинскому сотнику Крыжановскому—21 дв., съ обязательствомъ до резолюціи правит. сената, и потомъ, пока онъ, Кр—ій, по контракту предбудучого 1748 г., генваря до 1 числа, будетъ на откупѣ содержать касающіеся въ скарбъ войсковій збори, и *затьмъ, оставшіе состоятъ въ свободныхъ*". Это примѣчаніе имѣетъ въ виду отдачу Кол—хъ крестьянъ во владѣніе Крыжановскому. Извѣстно, что это былъ выкрещенный еврей, по имени Мошка, который разбогатѣлъ на откупѣ продажи вина, табаку и дегтю, (эта продажа составляла монополію гетманскаго уряда). Откуповъ Кр—ій добился, какъ говорили, подкупомъ тогдашняго генер. писаря Безбородка.[1]) Съ помощью послѣдняго же, Кр—ій получилъ и сотничій урядъ въ Глинскѣ, послѣ чего пожелалось ему имѣть и подданныхъ. Выпросилъ Кр—ій и „подданныхъ", какъ это видно изъ слѣд. универсала генер. к—ріи, 10 дек. 1743 г.—„сотникъ Глинскій Антонъ Кр—ій, первое, чрезъ содержаніе на откупѣ доходовъ, надлежащихъ въ скарбъ войсковой.....знатную показалъ казнѣ прибыль до 28 т. р., за которую знатную его прислугу.....просилъ къ полученію *въ вѣчность* въ М. Россіи, изъ свободныхъ войск., до 30 дворовъ, объявляя, что если для пропитанія его означеннымъ числомъ дворовъ награжденъ не будетъ, то яко онъ при помянутыхъ сборахъ пришелъ къ крайнему разоренію, болѣе у смотрѣнія оныхъ быти не желаетъ. Того ради, по опредѣленію ген.-лейт. И. И. Бибикова, съ присутствующими въ в. ген. к—ріи члены, яко предбудущого 1744 г., съ 1-го ч. генваря, впредь на четыре года, къ надзиранію и собиранію на вѣрѣ Луб—го и Мирг—го полковъ сборы ему, Кр—му, поручены и о томъ заключены контракты съ нимъ, а ассигновано ему, Кр—му, и поручены

[1]) См. Кіевск. Стар. 1885 г., май. У Крыжановскаго былъ братъ, который тоже выкрестился и въ 1776 г. былъ въ Ромнѣ *протопопомъ*, именуясь Константиномъ Крыжановскимъ.

до указу во владѣніе: м. Кр.—Колядинъ и с. В. Бубны, въ которыхъ: въ К—нѣ, по ревизіи сего 1743 г., посполитыхъ 24 дв." Въ этомъ универсалѣ условія отдачи Крж-му Колд—хъ крестьянъ указаны не такъ опредѣленно, какъ у Полякова, по свѣдѣнію котораго крестьяне отданы „до резолюціи" сената и только на четыре года...

Свѣдѣнія Полякова собраны, повидимому, въ нач. 1744 г., такъ какъ у насъ имѣется документъ, по которому произведена была Крж-му отдача Колд-хъ крестьянъ, и по этому документу ему отдано 26 дворовъ, [1]) при чемъ добавлено, что остались не отданными 6 дворовъ, домохозяева которыхъ исполняютъ разныя общественныя обязанности.

Временное владѣніе Крж—го Колд—ми крестьянами превратилось въ „вѣчное", при Разумовскомъ. Въ декабрѣ 1751 г., Крж—ій обратился къ новому гетману съ просьбою—„опредѣленные ему отъ генер. к—ріи въ м. Кр.-Колядинѣ и с. В. Бубнахъ дворы —къ вѣчному спокойному владѣнію—утвердить поважнымъ универсаломъ, и, кромѣ того, прибавить ему, въ Луб—мъ полку, с. Мойсеевку. Просьба Крж—го, въ томъ же декабрѣ, была исполнена, при чемъ въ гетманскомъ универсалѣ, послѣ повторенія заслугъ Крж—го по откупнымъ дѣламъ, говорилось: „того ради, мы, гетманъ, респектуя на тѣ реченного сотника Глинского и экзактора войскового..... нелѣностніе труда..... м. Кр.—Колядинъ и с. Бубны симъ нашимъ универсаломъ, къ вѣчному, и спокойному владѣнію, утверждаемъ..." [2]) Были ли отданы при этомъ Кр—му и тѣ свободные дворы, [3]) о которыхъ говоритъ По-

---

[1]) Списокъ отданныхъ дворовъ съ указаніемъ имущественнаго положенія домохозяевъ напечатанъ нами въ „Очеркахъ".

[2]) При этомъ прибавлена была и Мойсеевка. Вообще можно замѣтить, что Крыжановскій пользовался у Разумовскаго большимъ фаворомъ, который во многомъ могъ зависѣть отъ благоволенія Безбородка, передъ тѣмъ возвращеннаго на урядъ ген. писарства. Впрочемъ, Крыжановскій оказывалъ и личныя услуги гетману, покупая «разныя вина» и «цуги лошадей» для гетманскаго «дома». См. Чт. въ общ. Нестора, XI, отд. 2, стр. 124.

[3]) Сохранился слѣд. документъ, указывающій на эти свободные дворы: „Ведомость о отбиваемыхъ м. Кр.-Колядина посполитыми

лаковъ, универсалъ объ этомъ не упоминаетъ, но свободные дворы и въ 1751 г., въ Колядинѣ, должны были еще быть.

Захвативъ почти все Колядинское поспольство въ свое *вѣчное* владѣніе, Крж-ій однако жъ ничѣмъ не могъ предупредить ухода этихъ „подданныхъ“ изъ подъ его „державы“. Въ этомъ отношеніи очень любопытны тѣ жалобы Крж—го, которыя онъ подавалъ въ Глух. коллегію по поводу ухода его кр—нъ.

Въ 1766 г. Крж—ій жаловался: „представлялъ я въ коллегію о изшедшихъ и друг. способами убылыхъ—подданныхъ моихъ,

---

людми сотнику Глинскому Антону Кр—му работахъ, хто зъ нихъ и колькое число въ оной былъ и за тую роботу противъ обывательскихъ работъ,—а именно: косцу, за мѣсяцъ, по 1 р. 96 коп. и за день по 7 коп., за роботу зъ скотомъ, за мѣс., по 1 р. 68 к., а пѣшимъ за мѣс. же—по 84, а за день по 3 (коп.), тако жъ за пахане землѣ, парою волами, отъ дня по 8, за пряжу мотковъ 50 тидесятныхъ по 5 коп.,—сколко всѣхъ денегъ съ него Крж—го доправить надлежитъ слѣдуетъ подъ симъ. 1748 г. іюня дня“. Засимъ слѣдуетъ перечень 36-ти домохозяевъ, которые отбывали въ пользу Крыж—го работы въ 1745—1747 г.г., съ оцѣнкою этихъ работъ въ 409 руб. 32 к. Затѣмъ, подъ вѣдомостью значится: «не были въ работизнахъ: писаръ Степанъ Збаразской, коего нынѣ жена шинкарка, Карпъ тертичникъ. А всѣхъ зъ прежними отобранными 43. Капитанъ Степанъ Немчиновъ» Совершенно затрудняемся объяснить эту вѣдомость. Повидимому, рѣчь идетъ о крестьянахъ, захваченныхъ Крж—мъ въ его владѣніе безправно... Между прочимъ, въ вѣдомости 1748 г. показано нѣсколько домохозяевъ, которые по вѣд. 1744 г. значатся только въ числѣ *сыновей* тогдашнихъ домохозяевъ. Мож. быть къ Крж—му заявлена была претензія тѣми домохозяевами, которые образовали *новые дворы*, представлявшіе излишекъ противъ опредѣленнаго генер. к—ріей числа дворовъ въ Колядинѣ (24-хъ) .Кромѣ того, тутъ интересенъ еще вопросъ: какимъ судомъ удовлетворены были понесенные крестьянами—отъ привлеченія ихъ Крж—мъ въ роботу—убытки? Такое рѣшеніе едва ли могло исходить отъ тогдашняго полкового суда... Не было ли это дѣло поручено тому самому Нѣмчинову, который подписалъ вѣдомость 1748 г.?—Во всякомъ случаѣ, эта послѣдняя вѣдомость явилась при какихъ то *чрезвычайныхъ обстоятельствахъ*, при чемъ она заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о тогдашнихъ цѣнахъ на сельскія работы.

послѣ ревизіи 1764 г., и что за тѣхъ изшедшихъ земскіе комисары, въ число рублеваго окладу, деньги взыскуютъ сполна. Прошу, чрезъ кого постойно, приказать тѣхъ изшедшихъ подданныхъ моихъ отыскать на прежнее ихъ жилище, а кѣмъ они, въ противность указа 1763 г., дек. 10, [1]) передерживаются, тѣхъ безъ штрафа не оставить". Черезъ три года, Крж—ій снова жаловался, что комисары, „не взыскивая съ тѣхъ изшедшихъ людей, гдѣ они неправильно владѣльцами передерживаются, а всю доимку считаютъ на наличныхъ подданныхъ, къ конечному ихъ разоренію. А какъ коллегія о взысканіи доимокъ полагаетъ основаніемъ указъ 1765 г., дек. 21, который хотя состоялся для такихъ помѣстьевъ, гдѣ крестьянамъ переходъ строжайше запрещенъ.....а въ здѣшнихъ малороссійскихъ мѣстахъ, гдѣ владѣльцы принимаютъ безъ свидѣтельствъ приходящихъ, безъ всякаго опасенія какого либо не только штрафа, но и отвѣта, какая вина можетъ спадывать на тѣхъ, отъ кого люди происходили? Въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя вышеупомянутый указъ о взысканіи доимокъ состоялся, за пріемъ крестьянъ и за пожилое—взыскиваются немалые денежные штрафы и сами изшедшіе крестьяне отъ нихъ отбираются строго. А здѣсь, напротивъ того, владѣльцы пріемомъ чужихъ подданныхъ, хорошіе имѣютъ выгоды, не только отъ штрафа или отвѣта свободны, но и надлежащаго съ нихъ оклада не платятъ, и изшедшихъ подданныхъ не возвращаютъ, а населяютъ ими, въ свою пользу, великія новыя слободы"... Изъ вѣдом., представленной Крж—мъ въ 1769 г. о числѣ „изшедшихъ" его крестьянъ, по всѣмъ его маетностямъ, видно, что изъ Колядина, за 1764—769 г.г., ушло 24 семьи... Перечисляя „изшедшихъ", Кр—ій тутъ же указываетъ и мѣстожительство большинства изъ нихъ, при чемъ оказывается, что изъ 24 семей, только 4 ушло „безвѣстно", а изъ остальныхъ—14-ть жили въ томъ же Колядинѣ, пріютившись у разныхъ владѣльцевъ: у б. сотника Максимовича, у Салогубовъ, у свящ. Тихоновича и, наконецъ, у разныхъ Колядинскихъ козаковъ—подсосѣдками. Очень можетъ быть, что многія мелкія въ Колядинѣ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11987.

владѣнія, перечисленныя у Пащенка, образовались именно изъ б. „подданныхъ“ Крж—го. У Пащенка Колядинъ описалъ такъ: „Лежитъ на лѣв. берегу р. Ромны, на скосогорахъ; крѣпость оного м-ка вовсе обветшалая, *равно какъ и все мѣстечко очень въ худомъ состояніи*, съ двумя предмѣстіями: *Чечеліовкою* и *Грицовкою*; послѣднее имѣетъ особое положеніе, разстояніемъ отъ Кр. К—на въ 2 верст., на прав. бер. р. Ромна, полуостровомъ. На оной рѣчки имѣются мельницы о 4-хъ амбарахъ; въ томъ м-кѣ церквей деревяныхъ—3. Изъ „партикул. домовъ“, указаны: полковника Лубенскаго Максимовича, о 9-ти пок., а затѣмъ—священниковъ Салогубовъ и Тихоновичей. Козаковъ: 71 д. 96 х., 5 бд. х. и коз. подс. 3 ад. х.; крестьянъ, полковника Максимовича 26 д. 37 х. 1 бд. х., майора Крыжановскаго (сына) 45 д. 59 х. 4 бд. х.; Крупицк. м—ря, 1 д. 2 х. *Подсосѣдковъ*: полковн. Ильи Лизогуба—1 бд. х., умерш. в. т. Осипа Купчинскаго—7 д. 8 х., зн. тов. Зуба—1 д. 1 х., возного Мих. Карповскаго—4 д. 4 х., лѣкаря Григорія Ступачевскаго—2 д. 5 х., в. тов. Евст. Косяровскаго—1 д. 1 х., свящ-ковъ Салогубовъ—7 д. 23 х., и Тихоновичей—5 д. 6 х., церковныхъ—3 бд. х. Церкви: 1) св. Николая; свщщ. Петръ и Діонисій Салогубы. 2) Рождества Б—цы; свщщ. Максимъ и Матвѣй Тихоновичи. [1])

Д. Грицовка находилась черезъ рѣчку отъ Колядина, и, повидимому, составляла его выселокъ, образовавшійся въ полов. XVII в., такъ какъ по переписи 1666 г. уже значится *дер. Грицовка*, съ 7-ю двор. По ревизіи 1713 г. Грицовка не значится, но вслѣдъ за Колядиномъ указано село „Слободука“, которое однакожъ трудно принять за Грицовку, такъ какъ сравнивая прозвища крестьянъ „Слободки“ съ прозвищами крестьянъ Грицовки, указанныхъ въ ревизіи 1729 г. („фолварки Грицюка“) *тождественныхъ прозвищъ нѣтъ*, а между тѣмъ, за 16 лѣтъ—не могли же всѣ, показанные въ „Сло-

[1]) Родоначальникомъ Тихоновичей былъ писарь сотенный Кр.-Колд—ій Тихонъ Ивановичъ, который, «женившись, постригся попомъ до храму Рождества Богородицы, въ 1709 г.»

бодкѣ“ домохозяева—изчезнутъ.[1]) **Кр. В.** 25 д. **Пс.** 9 д. Въ 1731 г. —22 д. Въ 1780 г. **Кр.** 9 д. 10 х. (Максимовича и Крыжановскаго), **Пс.** 7 д. 9 х. 4 б. д. **Кз.** 29 д. 49 х. **Пс.** 2 д. 2 х. 2 бд. х.

С. **Липовое**, прав. бер. Ромна, въ 1643 г. называлось *слободою* принадлежащею къ „городищу Грайворону“, владѣнія Вишневецкаго,[2]) а по „реестрамъ“ 1649 г.—составляло особую часть Прилц—аго полка, подъ названіемъ „липовчанъ“, въ составѣ 60 домохоз., конечно, *козаковъ*, такъ какъ въ „реестрахъ“, посполитое населеніе, повидимому, вовсе не показывается...[3]) Л. находилось въ числѣ ратушныхъ селъ до 1714 г., когда было отдано на рангъ Носу, при назначеніи его ген. судьею (с. 33), а по смерти Носа, отдано тогдашнему ген. бунчучному Як. Лизогубу. Послѣдній тогда же началъ скупать здѣсь грунты, при чемъ, напр. въ 1717 г. совершено было 12 купчихъ жителями Коренецкой и Липоваго—на продажу „гаевъ въ сѣножатьми“ въ „островѣ Ручинцяхъ“. Скупку „грунтовъ“ Як. Л—бъ, въ Липовомъ и въ сосѣднихъ селахъ, продолжалъ до смерти. Послѣ Як. Л—ба, Л. перешло къ сыну его Ильѣ, который былъ женатъ на одной изъ дочерей Якова Якубовича, Катеринѣ; ей Л—бъ и завѣщалъ Л., съ хуторами Березовицкимъ, Бобровицкимъ и Олавскимъ, (на основаніи розд. 3-го, артик. 41 и розд. 7-го, арт. 1). Л—бъ умеръ въ 1781 г. и Л. тогда же перешло къ его вдовѣ, которая въ свою очередь завѣщала Л., въ 1791 г., внуку Ильи Л—ба, кол. ассес. Ивану Яковлевичу Лизогубу; но вслѣдствіе причиненныхъ имъ какихъ-то „огорченій“ вдовѣ Лизогуба, послѣдняя завѣщаніе свое, послѣ

---

[1]) Такимъ образомъ показанное въ 1713 г. «село Слободка» остается поселеніемъ, мѣстонахожденія котораго мы не можемъ опредѣлить, будучи хорошо знакомы и лично съ описываемою мѣстностью.

[2]) Чтен. въ общ. Нестора, XIV, отд. 3, стр. 162.

[3]) Сравнивая прозвища Липовскаго населенія, перечисленнаго въ «Реестрахъ» —съ переписью 1666 г. —мы находимъ тождество прозвищъ только въ одномъ случаѣ: въ «Реестрахъ» —*Гришка Злобенко*, а въ переписи 1666 г.—*Шашко Злоба*. Всѣ остальныя прозвища—различны. Въ 1649 г.—60 х., а въ 1666 г.—20 хоз. Это тоже должно значить, что въ «Реестрахъ» посполитое населеніе—не показывалось...

долгихъ хлопотъ по судамъ, уничтожила, и въ 1801 г. Л. завѣщала уже своему племяннику, ротмистру Ивану Александровичу Якубовичу, сыну полковника. **Кр. П.** 24 д. **А.** 58 д. **В.** 46 д. **В.** 40 л. **Пс.** 9 д. **Г.** 32 д. 35 х.[1]) **Д.** 21 д. 27 х. 8 бд. х. **Пс.** 11 д. 19 х., 23 бд. к. **Кз. В.** 46 д. **Г.** 52 д. 37 х. **Д.** 88 д. 212 х. Церк. Преображенія, свящ. Леонтій Еремѣевъ. Въ числѣ подсосѣдковъ, у Пащ—ка показано 8 бд. хатъ— „служительскихъ и конюшенныхъ при дворѣ полковника Лизогуба". Были ли это подсѣдки Л—ба или—его служителей, неизвѣстно.

С. Галка, „отъ р. Ромна въ 1-й верстѣ" (Пащ.), принадлежала къ числу ратушныхъ селъ до 1732 г., когда была отдана на рангъ генер. обознаго. **Кр. П.** 18 д. **А.** 12 д. **В.** 21 д. **В.** 38 д. **Г.** 17 д. 17 х. **Д.** 19 д. 27 х. **Пс.** 1 д. 4 х. 7 бд. х. **Кз. В.** 62 д. **Г.** 63 д. 84 х. **Пс.** 6 бд. х. **Д.** 77 д. 184 х. Церк. вмч. Георгія, свщ. Павелъ Кривошія.—По вѣдом. Полякова, „изъ показ. въ 1729 г. 38 д. крест.,—22 домохоз. сошло и померло, 3—записаны по ошибкѣ, 1—запис. въ козаки, да явилось новыхъ—4 дв." Въ 1780 г. Галка принадлежала на рангъ генер. бунчучнаго и поэтому владѣльцемъ ея показывался Як. Тарновскій. По описан. Пащенка, подсосѣдковъ, въ 1780 г., значится 4 хаты въ одномъ дворѣ, принадлежащихъ „вакансовому сотнику Ивану и квартермистру Тимофею Загурскимъ", вѣроятно потомкамъ сотника Павла Загурскаго.

С. Коренецкая, лѣв. бер. Ромна, образовалась изъ поселенія около водяной мельницы, принадлежавшей въ полов. XVII в. одному изъ жителей с. Липоваго и завѣщанной послѣднимъ Крупицкому монастырю, какъ это видно изъ слѣд. универсала Хмельницкаго, 1656 г.—„стосуючися до остатной волѣ Тимоша Василевича, мелника Липовского, который мелникъ зъ волѣ своей, бывши при болѣзни, отдалъ зъ душею и тѣломъ и убозствомъ своимъ Богу и м—ру Батуринскому—млинокъ вешнякъ

---

[1]) Въ ревизск. книгѣ 1740 г., при Липовомъ, показана принадлежащая Лизогубу *слоб. Ясеновка*, съ 10-ю двор., но въ завѣщаніи Кат. Як. Лизогубъ она уже не значится и затѣмъ болѣе не встрѣчается.

на р. Ромнѣ, подъ Липовымъ, островъ противъ *Коренецкой*, вѣчными часы приворочаемъ и ствержаемъ"... [1]) Упомянутая здѣсь Коренецкая составляла—или „урочище" или—вѣрнѣе—небольшой притокъ р. Ромна, но не село Коренецкую, которое въ это время, повидимому, еще не существовало, такъ какъ въ противномъ случаѣ, село это было бы въ универсалѣ названо, какъ названо село Липовое.—Село Коренецкая образовалось позже и получило свое названіе, повидимому, по *рѣчкѣ* Коренецкой, которая упоминается еще и въ актахъ перв. полов. XVIII в. [2]) К—ая оставалась свободной, т. е. принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, чѣмъ воспользовавшись Ангеліовскій и Крупицкій м—рь, скупили здѣсь почти все посполитое населеніе. Остатки его Вейсбахъ присоединилъ было къ Самборскому старосту, но и остатки эти не избѣжали общей участи остальныхъ селянъ и были тоже скуплены. **Кр. П.** 21 д. **А.** 8 д. **В.** 13 д. **В.** 14 д. **Пс.** 15 д. **Г.** „описныхъ на ея величество" 5 д. 5 х. и подсосѣдковъ: Крупицк. м—ря 5 д. 5 х., Купчинскаго 7 бд. х. и „поповскихъ" (Кольчевскаго) 3 бд. х. **Д.** 17 д. 26 х **Пс.** 3 д. 7 х. 4 бд. х. **Кз. В.** 46 д. **Г.** 42 д. 45 х. **Д.** 21 д. 60 х. Црк. Покрова Богородицы, свщ. Григ. Кольчевскій. Посполитое населеніе въ 1780 г., у Пащ., показано такъ: „поддапныхъ Крупицк. м-ря 3 д. 5 х. Подсосѣдки: вдовы в. т. Осипа Купчинскаго—9 д. 15 х. и в. т. Евстафія Косяровскаго—5 д. 6 х., свящ. Григорій Кольчевскаго—3 д. 7 х."

Къ с. Коренецкой принадлежали два хутора, описанные у Пащенка: **Романовщина** (Кз. 6 д. 25 х. и „поддан." Крупицк. м-ря—8 д. 11 х.) и **Саливоновщина** (Кз. 5 д. 11 х. и „поддан." Круп. м-ря—3 д. 6 х.).

С. Поноры, „лѣв. бер. Ромна, между косогорами, въ боракѣ, раздѣляемомъ небольшимъ протокомъ". (Пащ.) [3]) Въ полов.

---

[1]) Опис. Черниг. епарх. Ш, 302.

[2]) Въ актѣ 1727 г., «два браты въ первыхъ, Хвед. Вязовецъ и Павло Приходько объявили, иж власного своего млина, зъ еднимъ коломъ коречнимъ, *на рѣчцѣ Коренецкой*, за селомъ Коренецкою стоячого, двѣ части продали честн. отцу Іоану (Кольчевскому) презвит. Коренецкому...»

[3]) Подробное, до мелочей, топографическое описаніе Поноръ сдѣлано въ 1859 г. уроженцемъ этого села, С. Д. Носомъ, и напечат.

XVII в. П. уже существовали и принадлежали затѣмъ къ числу ратушныхъ селъ до 1705 г., когда Мазепою отданы были Дм. Горленку (с. 18), при чемъ однакоже село это возвращено Андрею Г—ку въ 1709 г. не было (с. 24). Затѣмъ, П—ры въ 1714 г. Носомъ были отданы тогдашнему сотнику Лащинскому (с. 238), который выпросилъ у гетмана и подтвердительный универсалъ: „презентовалъ намъ п. Леонтій Лащинскій, сотн. Кр.-Кол., универсалъ отъ бывш. полк. Прилуцкого, а нынѣшнего судіи нашего енер., п. Ив. Яр. Носа, на селце Поноры и просилъ, абысмо оный универсаломъ нашимъ ствердили“... Гетманъ позволилъ Л—му владѣть П—рами „до ласки войсковой и належитое отъ жителей того села послушенство имѣти“... Послѣ отставки Лащ—го, П. у него были отобраны и отданы его преемнику, также „до ласки войсковой“. Послѣ смерти Анг—го, во владѣніе П—рами вступилъ его зять Семеновъ, но Максимовичъ пожаловался въ Глуховъ, указывая, что село это—у его предмѣстниковъ—было ранговымъ; тогдашній правитель А. И. Румянцовъ поддержалъ М—ча и П. въ 1740 г. отъ Семенова были отобраны и отданы М—чу „на рангъ“. Впослѣдствіи П. были подѣлены между сотниками Кр.-Колядинскимъ и Корибутовскимъ. **Кр. П.** 9 д. **А.** 67 д. **В.** 18 д. **В.** 46 д. Пс. 4 д. **Г.** 25 д. 26 х. Пс. 4 бд. х. **Д.** 35 д. 45 х. 8 бд. х. **Кз. В.** 15 д. **Г.** ? (въ 1751 г.—10 д.) **Д.** 15 д. 27 х. Церк. св. ап. и ев. Марка, свщ. Мойсей Стасевичъ.—Замѣтную и непослѣдовательную разницу въ крестьянск. населеніи 1713, 1718 и 1729 г.г (скачокъ съ 67 на 18 и затѣмъ съ 18, черезъ 10 л., опять на 46) объяснить затрудняемся...

С. Талалаевка, „на косогорахъ, между двухъ рѣчекъ Руды и Березовицы“. (Пащ.) По свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, Т. Мазепою была отдана сотнику Кр.-К—му Тимофею Андреенку, который и владѣлъ ею до смерти; затѣмъ, Т. оставалась свобод

въ Черниг. губ. вѣдом. 1859 г., № 19. Тутъ же помѣщены и отрывки изъ народныхъ преданій о началѣ села, свѣдѣнія о мѣстной церковной старинѣ, объ окрестныхъ хуторахъ и урочищахъ. Статья Носа очень любопытна теперь, какъ историческій уже документъ.

пою до 1711 г., когда отдана была Молчану; отъ послѣдняго Т. перешла къ дѣтямъ его дочери, бывшей замужемъ за Мазаракою. (с. 67). **Кр. П.** 3 д. **А.** 72 д. **Б.** 56 д. **В.** 161 д. Пс. 6 д. **Г.** 20 д. 21 х. Пс. 26 бд. х. **Д.** 29 д. 36 х. 35 бд. х. Пс. 7 д. 10 х. 21 бд. х. **Кз. В.** 10 д. **Г.** 16 д. 20 д. Пс. 1 бд. х. **Д.** 21 д. 55 х. Церк. Успенія Б—цы, свщщ. Василій Андріевскій и Кириллъ Александровичъ. Въ цифрахъ населенія мы опять встрѣчаемъ неясности, относительно крестьянъ: въ 1729 г., ихъ значится 161 д., а черезъ 12 лѣтъ—20 д., при чемъ въ ревизіи 1740 г.—ушедшихъ съ 1736 г.—показывается всего 17 домохоз.; значитъ, болѣе 100 домох. ушло за семь лѣтъ (729—35). Владѣльцемъ за всѣ эти годы былъ одинъ и тотъ же Мих. Молчанъ, человѣкъ, повидимому, безобидный; быть можетъ, происходили—массовыя выселенія... Въ 1780 г. крестьяне значились слѣд. владѣній: б. тов. Андрея Мазараки—13 д. 17 х. 13 бд. х., б. тов. Ивана Мазараки 16 д. 19 х. 22 бд. х., умерш. полк. ес. Григорія Мазараки—5 д. 6 х. 1 бд. х. и Луб. полк. Максимовича—1 д. 2 х. 4 бд. х.

О. Ярошовка, „по об. берег. рч. Лисогора“, по свѣдѣн. генер. слѣдствія, „здавна паходилось подъ вѣдѣніемъ сотни Сребрянской, до которой, по прежнимъ обыкновеніямъ, всякую служителемъ войсковымъ належную отдавало повинность, а за гетманства Мазепиного отдано было тое село въ подданство дворянину гетманскому Роману Высоцкому, который когда въ попы освятился и пошолъ въ Рому(?) на мешканс, въ 1701 г., Мазепа отдалъ Я—ку б. тов. Андрея Горленку“. Отобранная, въ 1708 г., Ярошовка снова отдана была тому же Андрею Г—ку, при возвращеніи ему отцовскихъ маетностей (с. 24). У Горленковъ Я. затѣмъ и осталась. **Кр. П.** 23 д. **А.** 110 д. **В.** 71 д. **В.** 55 д. **Г.** 102 д. 135 х. Пс. 8 бд. х. **Д.** 156 д. 246 х. 4 бд. х. **Кз. В.** 12 д. **Г.** 11 д. 15 х. Пс. 2 бд. х. **Д.** 15 д. 37 х. Къ этимъ цифрамъ слѣд. добавить, что по ревизіи 1740 г., вообще тщательно перечислявшей число „сшедшихъ посполитыхъ“, за время съ 1736 г. по 1740 г., при переписи Ярошовки—„сшедшихъ“ *вовсе не значится*... Примѣръ—единственный въ этой ревизіи, при чемъ такой фактъ быть мо

жетъ слѣдуетъ объяснить болѣе или менѣе мягкими отношеніями державцы къ своимъ подданнымъ. Владѣльцемъ Ярошовки въ это время былъ Андрей Дмитріевичъ Горленко, сынъ котораго Андрей, будущій полтавскій полковникъ, слылъ, въ своемъ кругу, большимъ добрякомъ; [1]) можетъ быть, такимъ добряком ъбылъ и его отецъ... По вѣд. 1780 г., владѣльцами здѣшн. кр—нъ показаны сыновья б. т. Андрея Горленка: полковникъ Андрей—51 д. 91 х., подкоморій Иваницкій Григорій—59 д. 89 х. и наслѣдники умерш. ротмистра Павла—46 д. 66 х.

С. Крапивная, рч. Крапивная, [2]) судя по глубокимъ оврагамъ, среди которыхъ расположено село, слѣдуетъ думать, что поселеніе тутъ существовало издревле. Въ документѣ Пшездѣцкаго К. обозначена съ 184 „господ.“, а въ „Реестрахъ“ 1649 года значится особая *сотня Кропивенская*. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, Павломъ діакономъ записано слѣд. извѣстіе: „выѣхавъ изъ Иваницы и проѣхавъ $2^1/_2$ мили, проѣхали чрезъ *большое благоустроенное селеніе съ садами, по имени Крапивна*; въ немъ церковь въ честь Успенія Богородицы“ (II, 43). По перен. 1666 г. въ К. показано 24 дв. Въ это время особой Кропивянской сотни уже не существовало, изъ чего видно, что населеніе здѣсь сильно уменьшилось; уменьшилось оно въ нач. втор. пол. XVII в., послѣ смерти Б. Хмельницкаго, когда вслѣдствіе гетманскихъ междоусобій, въ Малороссію очень часто призывались татары, при чемъ они не мало разорили тутъ селъ, послѣ чего населеніе послѣднихъ, большею частью, двигалось на востокъ, въ Слободскую Украину, гдѣ и осѣдало новыми слободами. [3]) Въ это самое время сильно умалилась въ своемъ населеніи и К. Первое свѣдѣніе о ней, послѣ 1666 г., относится къ 1688 г., когда К. отдана была Мазепою генер. хоружему Ефиму

---

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г., № 7, стр. 257.

[2]) Такъ она называется въ актѣ 1681 г. См. *с. Дмитровка*. На картѣ Шуберта рѣчка эта называется Дегтяркою.

[3]) Какое количество народа шло изъ лѣвобережья въ Слоб. Украину, во втор. полов. XVII в., см. *Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степн. окраины Моск. госуд., Д. И. Багалѣя*, 411 и слѣд.

Лизогубу, единственному сыну Черниговскаго полковника Якова Лизогуба, который несомнѣнно помогалъ Мазепѣ, за годъ передъ тѣмъ, въ Коломацкой его авантюрѣ. Послѣ смерти Ефима Л—ба, ок. 1705 г., К. досталась старшему его сыну Андрею. Подтвердительный универсалъ, на К. и другія села, Л—бъ выпросилъ у Скоропадскаго уже 21 ноября 1708 г., а царская грамота на эти маетности подписана 16 декабря того же года, въ *Лебединѣ*. [1]) Эти факты указываютъ, что Л—бъ былъ человѣкъ предусмотрительный и умѣлъ пользоваться обстоятельствами: несомнѣнно, что въ этотъ моментъ онъ доказалъ чѣмъ нибудь свою „вѣрность“... Заботясь такъ ревниво о сохраненіи отцовскаго наслѣдства, Л—бъ еще ревностнѣе заботился объ ихъ увеличеніи и о полученіи съ нихъ наибольшихъ выгодъ. (Оп. Ст. Малор., II, 444). Въ К. Л—бъ началъ хозяйничать не позже 1706 г. и очень измѣнилъ отношенія своего отца къ здѣшнимъ „подданнымъ“. Евфимъ Л—бъ послѣднихъ не тѣснилъ, такъ какъ сынъ его засталъ въ К. крестьянъ, повидимому, зажиточныхъ; такъ, напр., крест. Скорикъ имѣлъ собственную „греблю“, т. е. мѣсто, на которомъ могъ устроить водяной „млинъ“, „жилъ на чиншу“, т. е. платилъ державцѣ оброкъ, и затѣмъ былъ уже свободенъ отъ панщины. Новый державца сталъ понемногу отбирать у кр-нъ то, что находилъ у нихъ лишняго. Такъ, у того же Скорика онъ отобралъ его греблю съ лозняком около, но такъ какъ эта гребля самому Л—бу была ненужна, то онъ ее продалъ своему старостѣ, Быховцу. Интересно отношеніе С—ка къ такимъ дѣйствіямъ державцы: спорить противъ насилія С—къ не могъ, но когда Быховецъ сталъ рубить лозу въ купленномъ имъ лозпякѣ, то С—къ забралъ находившуюся тутъ Быховцову лошадь... Быховецъ немедленно же пошелъ къ Л—бу и положивъ ему 9 зол. „выкладу“ (поруки въ справедливости жалобы), пожаловался на самоволіе С—ка; Л—бъ, подтвердивъ, что лозпякъ принадлежитъ Быховцу и что С—ку касаться его болѣе нечего, тутъ же прика-

---

[1]) См. Генер. слѣдствіе о маетн. Нѣжинск. полка (Черниговъ,

залъ С-ку возвратить Быховцу его „выкладъ“. Затѣмъ, другой староста Л—ба „позычилъ“ у С—ка 2 осмачки жита для „пана“, но возвращать не хотѣлъ. Въ другой разъ, такой же староста взялъ у С—ка, для „пана“ же, возовъ 20 сѣна (потому что зима была бѣдная на кормъ), да еще и пять штукъ панскаго скота пригналъ къ С—ку на „зимнюю годовлю“, по недостатку кормовъ у пана. С—ку, стало жаль своего добра и онъ громко протестовалъ противъ насилій державцы, за что Л—бъ пожаловался въ судъ и С—къ былъ наказанъ. Но умеръ Скоропадскій, а вслѣдъ затѣмъ явилась въ Глуховѣ Вельяминовская коллегія, объявившая, что она учреждена царемъ для защиты народа отъ насилій старшины. Слухъ объ этомъ прошелъ по всей гетманщинѣ и многіе изъ обиженныхъ въ прежнее время—стали обращаться въ коллегію съ жалобами. Жалобы отсылались къ Полуботку, въ генер. к—рію, гдѣ онѣ разсматривались—въ эти моменты—очень внимательно. Еще внимательнѣе стали разсматриваться такія жалобы послѣ того, какъ Румянцовъ (А. И.) объѣхалъ въ нач. 1724 г. всю Малороссію [1]) и когда, вмѣсто генер. старшины, были устроены въ Глуховѣ „правители“ генер. к—ріи, а вмѣсто генер. судьи, стали вѣдать генер. судомъ „ассесоры судовъ войск. енеральныхъ“. Вотъ въ это самое время задумалъ пожаловаться и С-къ—на *старыя насилія* своего державцы; жалобу свою онъ подалъ вмѣстѣ съ другими Крапивянами. Не смотря, что жалобы эти приносились на насилія старыя, „правители“ тѣмъ не менѣе послали на мѣсто, въ Крапивную, двухъ в. товарищей для производства разслѣдованія. Удивившійся жалобѣ С-ка, Л—бъ писалъ въ генер. к—рію: „Павелъ С-къ, подданный мой, порочитъ на мене, что якоби я насилне отнялъ въ него греблю, якая гребля его зоставала и теперъ при немъ есть. Въ томъ мене невинне порочилъ и не доказалъ. А до того еще привсенародно, выйшедши зъ церкви, матерно мене ганилъ и говорилъ тіе слова, держачи кій въ рукахъ: „еще не зарекаюсь я своего пана отимъ кіемъ оборочати!“—за якое дерзновеніе

[1]) См. въ Русск. Арх. 1880 г., статью—«Павелъ

онъ, С., билъ обвиненъ и до туремного вязеня, по суду в. енер. взятъ, и по туремномъ вязеню, наказалъ билъ судъ енер—ній его жъ, С—ка, кіями бити, и чтобъ онъ мене перепросилъ, а же С. кіевого бою не терпѣвши и за безчестя мене не просячи, еще всѣхъ убитковъ своихъ на мнѣ доправляетъ. Теды я прошу, жеби С. мнѣ протори, убитки и безчестя нагородивъ, потому, что за греблю не довѣвъ и бридкими словами мене и матку безчестивъ". На это объясненіе Л—ба не было обращено никакого вниманія, какъ это видно изъ рѣшенія, состоявшагося 24 іюля (1724 г.), по жалобамъ Скорика, при чемъ Л—бъ, находившійся на судѣ „персоналитеръ", ни однимъ словомъ не возражалъ, а только признавалъ заявленія своего противника, кромѣ заявленія о греблѣ, которую, повидимому, вернули Скорику еще раньше.... Тутъ же Л—бъ обѣщалъ всѣ претензіи Ск. удовлетворить. Поэтому, судомъ было постановлено, чтобъ Л—бъ далъ С—ку, „на особливомъ паперѣ, мирную", которая должна была служить обиженному ручательствомъ, что онъ дѣйствительно будетъ удовлетворенъ. Рѣшеніе было написано тогда же, 24 іюля, но судьями осталось неподписано. [1]) Почему?—Рѣшить

---

[1]) Приводимъ здѣсь въ сокращеніи несостоявшееся рѣшеніе генер. суда, какъ заключающее въ себѣ интересныя черты отношеній «державцы» къ своимъ «поданнымъ», удостовѣренныя самимъ державцей.—«Року 1724, м. іюля дня 12. По злѣценю почтенныхъ ихъ милостей пановъ правителей в. енер. к—ріи, на войск. судѣ енер., слухана справа Павла Скорика, жителя Кропивянского з державцею того села паномъ Андрѣемъ Лизогубомъ, б. тов., в томъ, что, якоби в его, Скорика, обжалованний, отнявши греблю з лозою его власною, в Кропивной положене имѣючую, старостѣ своему бувшому, Івану Биховцю, продалъ. В якой лозѣ, когда Биховцового коня за зрубъ (лозы) чолобитчикъ заграбилъ, взялъ мененный п. Л—бъ и Ігнатъ, его староста, 9 золот. викладу, отъ Биховця положенныхъ, и отказалъ, абы уже Скорикъ не владѣлъ оною лозою, а возвратилъ бы оной викладъ Быховцевѣ.—Кутъ лѣса, в кгрунтѣ Щуцкого прозиваемомъ, якобы отнялъ п. Л—бъ в жалобливого и владѣетъ лѣтъ 16. Жита 2 осмачки, мѣри Конотопской, на его п. Л—бову потребу староста Конченко в р. 1710-мъ позвичилъ в чолобитчика, въ тотъ часъ на

этотъ вопросъ очень трудно. Можетъ быть, Л—бъ отказался отъ выдачи С—ку „мирной“ по совѣту какого-нибудь дѣльца, указавшаго другой для него исходъ... Во всякомъ случаѣ, дѣло Л—ба со С—комъ указываетъ, что Кропивянскіе „подданные“ протестовали противъ насилій Андрея Л—ба и протестовали иногда въ рѣзкой формѣ... Кромѣ заботы о подчиненіи „подданныхъ“, Л—бъ въ Крапивной долго еще судился съ сосѣдями за степь, которая тянулась къ Парафіевкѣ, Рожновкѣ, Мартыновкѣ и Гайворону и которой границы—между этими селами—не были точно опредѣлены. Особенно настойчиво спорили съ А. Л—бомъ Мартыновцы, доказывая, что послѣдній захватилъ большу́ю полосу принадлежащей имъ степи. Споръ трудно было рѣшить, потому что на этой степи Крапивяне, по множеству другихъ у нихъ земель, сами даже и травы не косили, а лишь нанимали эту степь подъ выпасъ воловъ, разнымъ лицамъ, гонявшимъ гурты для продажи въ „Гданскъ“ и „Кро-

---

чиншу сидѣвшого, якого по нынѣшное число не отдаетъ и отдавати не хочетъ.—Тотъ же староста сѣна стирту, воз. в 20, для товару п. Л—бового насилно забралъ и давалъ, тоеи жъ зими, на сѣно оскудной, пятеро панского товару на зимную годовлю Скорику, на чиншу в тотъ часъ жившому.—Зверхъ вишеписанного, жалобливый в чоломбитной выразилъ, что старости его п. Л., въ Крои. жившіе, первій, Іванъ Быховецъ, гай нимъ вв. Ант. Мещенка куплений, отсудилъ ему, Мещенку, знову, неправедно, что купчой не показалъ, любо самъ продавца при розиску явилъ свою добров. продажу, только что купчой не далъ Скорину Мещенко, того ради гроши повелѣлъ принати, а гаю уступити... Ставши въ отвѣтѣ персоналне противъ суплѣкуючого, на судѣ енер., п. А. Л—бъ, по розиску п. п. Захаріемъ Калиновскимъ и Павломъ Романовичемъ, в товв., справленномъ и по свѣдителяхъ, въ оном въписанныхъ, Феска Чорного, Матвѣя Сѣрого и Ант. Мещенка, Кропивянскихъ, доброволне кутка гаю, межи кгрунтомъ Щуцкого прозываемомъ, уступилъ, якъ помѣжчики тамошніе отведутъ, и не мѣетъ нѣкогда о онихъ упоминатится, а ежели тотъ кутъ рубанемъ дерева спустошенъ, то нагородить, по шацунку людскому, декларовалъ Скорику безъ всякого суду и позвовъ, на що саморучное далъ писмо поступное.—Лозу близъ гребелки чолобитчиковой стоячую, якою сталъ былъ Быховецъ, бывшій староста, по продажи п. Л—бовой владѣти, ему, Скорику, безпрепятно привернулъ, з приговоромъ таковимъ, же ежели дове-

левецъ великій". Пасли тутъ свои гурты, по показанію старожиловъ, разные купцы: Николай Ляхъ (изъ Польши), Семенъ Воротилякъ (изъ Ромна), Томашъ Манджосъ, Савка Нечай, Григорій Воліоватый (т. е. Костенецкій, изъ Конотопа) и друг., при чемъ, какъ показали старожилы, „плата за пашу воловъ, съ початку, на церковь Кропивянскую вся ишла, а потомъ—половина толко, а другая половина на полковника Прилуцкого, бывшого Лазара взымалась; а якъ за п. п. Лизогубами тое село К. стало, оная дача за воли ишла на ихъ, п. п. Лизогубовъ". Плата установлена была по 2 коп. отъ вола, при чемъ пастьба продолжалась до Ильина дня.—Только въ 1727 г. кончилъ А. Л—бъ споръ съ сосѣдями за Крапивянскую степь, на которой онъ—и раньше и позже—поселилъ нѣсколько хуторовъ. Послѣ смерти Л—ба, въ 1737 г., имѣніями его подѣлились, послѣ долгихъ споровъ, четыре его дочери. Раздѣлъ замедлялъ главнымъ

дется, что Быховецъ в оную будетъ утручатися, то самъ п. Л—бъ Быховцю воспятити такового владѣнія обвязался, хочай бы и в купчой Быховцевѣ даной, тоей лози продажа показалась, и в правѣ з нимъ стоять не отмагался на судѣ, вимовляючи себе, же не давалъ купчои на лозу..... Сѣна возовъ 15, за старосту Конченка для п. Л—бового статку дармо взятихъ, позволяетъ онъ безпрепятно тое сѣно на своюй сѣножати одобрати.—Жита двѣ осмачки, хочай взялъ п. Л—бъ въ Скорика, своего подданного, на чиншу в тотъ часъ жившого, якъ в иншихъ подданихъ, панщину отбуваючихъ, однакъ ему толко самому возвращати, заразъ за пріездомъ в домъ, не отмовляетъ, даючи причину, что зо всѣхъ поданихъ его панскую работизну отбуваючихъ, жито збиралъ, упевняючи уменшенемъ панщини, а онъ в ту пору без панщини, на чиншу жилъ. . . . . .

Теди судъ в. енер., по мирителномъ его п. Л—ба согласію и доброволной зъ Скорикомъ згодѣ, приговорилъ и децидовалъ, аби помененний п. Л—бъ подданному своему Скорику, за своею рукою, на особливомъ папери, мирную, о уступу кутка лѣса в кгрунтѣ Щуцкого прозываемомъ *и проч.* вручилъ... Старостамъ зась Івану Быховцю *и друг.* особний указъ видатися мѣетъ (о вознагражденіи Ск—ка). Судъ енер. повелѣваетъ и видаетъ сіе писаніе за руками и печатю судовою потребуючой сторонѣ. Року и дня вишеписаннихъ».

Ассессори судовъ войсковихъ енералнихъ бунчуковое товариство. (Подписей нѣтъ). *(Съ подлинника).*

образомъ зять Л—ба Валькевичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Глуховскихъ канцеляріяхъ. На эти замедленія—другіе наслѣдники пожаловались въ сенатъ, откуда, въ к. 1740 г., полученъ былъ указъ „о высылкѣ, въ самой скорости, въ Спб., Валькевича—по дѣлу съ Журавкою о духовной Андрея Лизогуба и посылкѣ туда всего дѣла въ генер. и судовой к—ріяхъ находящагося". (Марк., II, 239). Сенатъ назначилъ особую коммиссію для раздѣла Л—бовскаго наслѣдства, которою и было кончено это дѣло въ 1748 г. При этомъ К. съ хуторами досталась дочерямъ Л—ба: Марьѣ (женѣ Валькевича) и Евдокіи (ж. Як. Кулябки). Послѣ Марьи, ея часть унаслѣдовала дочь ея Софья, бывшая замужемъ за племянникомъ гетмана Разумовскаго, Мих. Будлянскимъ. Евдокія—Крапивянское свое имѣніе завѣщала сыну Андрею (1729 † 776)[1]) и двумъ дочерямъ, Иринѣ (ж. Вас. Кулаковскаго) и Ульянѣ (ж. Алексѣя Покорскаго). Сыну отъ втор. мужа, малолѣтнему Данилу Стороженку, мать завѣщала деньги. Впослѣдствіи, часть Марьи Андреевны перешла къ ея внуку камергеру Алексѣю Будлянскому,[2]) а часть Евдокіи—къ ея внукамъ: корнету Федору Кулябкѣ (1751 † 1824) и дѣтямъ Ирины: (Кулаковскимъ) Степану, Марфѣ (м. Іоасафъ Костенецкій) и Евдокіи (м. Пироцкій).

Кр. П. 24 д. **А.** 46 д. **В.** 44 д. **В.** 60 д. пс. 11 д. **Г.** 42 д. 45 х. пс. 9 бд. х. **Д.** 50 д. 77 х. 13 бд. х. пс. 19 д. 24 х. 9 бд. х. **Кз. В.** 28 д. **Г.** 20 д. 23 х. пс. 5 бд. х. **Д.** 20 д. 45 х. Црк. Успенія Богородицы; свщ. Емельянъ Давыдовскій.—По опис. Шаценка, въ К. значатся дома: пріѣзжій Мих. Вл. Будлянскаго, о 3-хъ пок., „жилой" б. тов. Павла Конисскаго,

---

[1]) Первою женою его была Елена Степановна Тарновская, а второю—Матрена Васильевна Чеснокъ, вдова Василія Кулаковскаго, первою женою котораго была родная сестра Андрея Кулябки.

[2]) Отсюда—и *хуторъ Камергерскій*, около Крапивной. По смерти А. М. Будлянскаго, часть Крапивянскаго имѣнія перешла къ его наслѣдникамъ въ боковыхъ имѣніяхъ, а часть, отъ которой по случаю ея задолженности, отказались наслѣдники, была продана и куплена К. П. Острянскою (479 д. крест. и 1163 дес. земли, за 51 тыс. р.).

о 5-ти п., „жилой“ отставн. прапорщиковъ Василія и Федора Кулябокъ, о 3-хъ пок. **Кз.** 20 д. 45 х. 9 бд. х. Кз. пс. 9 бд. х. **Кр.** Будлянскаго, 37 д. 61 х., „пастушьихъ“ 13 бд. х., б. т. Конисскаго, 6 д. 7 х., ум. судьи Нѣж. Кулаковскаго, 12 д. 15 х., прапорщиковъ Кулябокъ 13 д. 16 х., ст. сов. Жоравки, 1 д. 3 х.

Х. Щучья Гребля поселена, повидимому, Лизогубами и значится уже въ универсалѣ, выданномъ А. Л—бу, въ 1708 г. („гребля зъ млиномъ Щуцкимъ, о дву камняхъ“). Отъ Андрея Л—ба Щ. перешла къ дочерямъ его, а затѣмъ,—къ Кулаковскимъ и Будлянскому. Въ 1780 г., Щ., по опис. Пащ.—„тайн. сов. Будлянскаго, отъ с. Кропивной въ 4-хъ верст., надъ болотомъ Рудою, при коемъ имѣется плотина съ мельницею объ 1-мъ колѣ, въ немъ подсосѣдч. 16 хатъ“.

Слоб. Лисогоръ „лежитъ по об. стор. рч. Лисогора, на скосогорахъ, въ чистыхъ поляхъ“. (Пащ.). Л—ръ поселенъ, повидимому, Григоріемъ Стороженкомъ, вторымъ мужемъ Евдокіи Андреевны Лизогубъ; отъ этой жены у него остался сынъ Данило, которому и достался Л—ръ. Кромѣ того, по завѣщанію матери († 1745), Данилу были назначены деньги, по стоимости четвертой части ея имѣнія, при чемъ эта сумма опредѣлена была въ 16 т. р. Достигши совершеннолѣтія, Д. С—ко началъ съ братомъ Андр. Кулябкою и наслѣдниками сестры Кулаковской—споръ, доказывая, что назначеніе ему матерью денегъ, вмѣсто земель, было слѣдствіемъ происковъ ея зятя Вас. Кулаковскаго, подъ вліяніемъ котораго мать его писала свое завѣщаніе. Споръ этотъ былъ выигранъ уже дѣтьми С—ка.

Въ Л—рѣ Данило С. и жилъ. Женатъ онъ былъ на дочери генер. судьи Федора Лысенка, Катеринѣ, объ ужасной жестокости обращенія съ которою мужа сохранилось любопытное письмо сосѣда. [1]) Несмотря однакожъ на такія супружескія

---

[1]) Письмо писано тогдашн. Иваницк. земск. коммиссаромъ П. Конисскимъ (роднымъ братомъ Георгія Конисскаго), къ брату жены Стороженка.— «Высокомилостивый государь мой Іосифъ Федоровичъ. На полученное мною отъ васъ, высокомилостивого государа моего, писмо, въ отвѣтъ, съ моимъ вѣрнымъ усердіемъ и почтеніемъ, служу: какъ

отношенія, у Д. С—ка было четверо дѣтей, Петръ и Павелъ, Анна и Катерина. Оба сына въ 1797 г. были поручиками. По вѣд. 1753 г., въ Л—рѣ показано Кр. 17 д. 17 х. и 9 бд. х., а въ 1780 г.—51 д. 72 х. и 13 бд. х., принадлежавшихъ наслѣдникамъ, въ то время уже умершаго, Д. С—ка. Жена его пережила, такъ какъ за нею въ то время числились крестьяне въ Ржавцѣ (с 232).

у насъ отъ людей простихъ Лисогоровскихъ слишно, то такъ подлѣнно, что Катерина Федоровна, яко би з самого пріѣзду своего, содержится въ заключеніи такъ, что нихто ея не видитъ; первѣе, якоби была въ спалнѣ заперта и окована, окошко забито было такъ, что и малѣйшей свѣтлости ей не было; а послѣ, якоби била в погребѣ, отколь якоби почти совсѣмъ мертвую винесено и паки в тую жъ темницу положено, дней тому назадъ с пять, и якоби уже в оной темницы окошко отперто, и какъ сказуютъ, будто уже одного и ока нетъ, оглухла и умомъ помешалась. Хотя же кто к нему и приедетъ нарочито, чтобъ можно было Катерину Федоровну повидить, никто не могль видѣть; иногда скажетъ, что и его в домѣ нетъ, и не допуститъ в избы. Я просилъ пана сотника Красноколядинского Минѣцкого, чтобъ, едучи в Иваницу, нарочно побивалъ и покуріозовалъ, однакъ, его не допущено, а объявлено, будто онъ отехалъ в Иваницы, а Катерина Федоровна в Іржавецъ. Послѣ, с панею сотковою жена моя нарочито недавно ездила, тотъ же отвѣтъ получили, И вовся подлѣнно, что с нею нынѣ дѣется, знать не можно; однакъ подлѣнно то, что она и понынѣ в заключеніи. И я сіе по усердію моему объявляю, и прежде сисковалъ способу, какъ бы объявитъ, толко подлѣнно ни отъ кого узнать было неможно что с нею дѣется. Однакъ нижайше васъ, высокомилостивого государя моего, прошу сіе при себѣ содержать, ибо, яко сосѣдъ мой, Данило можетъ великіе мнѣ бѣды дѣлать и пакостить. И ничемъ не можно ея—свободитъ, какъ виемкою отъ главной команды. Она можетъ все о себѣ показать. И затѣмъ предаю себе вашого высокоблагородія милости, с моимъ добросердемъ и преданнистію, ко услугамъ остаюсь таковъ высоблагородія вашего вскмл. госуд. моего, всегдашний вѣрній слуга Павелъ Конисский. 1775 г. марта 29. Кропивная. Покорно прошу писмо спалить». (Съ подлинника). Получивъ это извѣстіе, мать заключенной дочери—просила Малорос. коллегію «послать нарочную команду и силою

С. Рябухи, прав. бер. Ромна и рч. Березовица [1]), принадлежала къ числу ратушныхъ селъ до 1740 г., когда управляющимъ Батуринской волости, генер. Вейсбахомъ, была присоединена къ Самборскому старостеу. **Кр. П.** 8 д. **А.** 14 д. **В.** 11 д. **В.** 28 д. пс. 23 д. **Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 15 д. 23 х. пс. 21 д. 38 х. 18 бд. х. **Кв. В.** 61 д. **Г.** 45 д. 52 х. пс. 7 д. 7 х. **Д.** 45 д. 98 х. Церк. ап. Петра и Павла. Свщ. Семенъ Григоровичъ. Приведенныя цифры населенія поясняются свѣдѣніями Полякова, изъ которыхъ видно, что въ 1729 г. въ Р. было крест.—28 д. и подсосѣдк.—23 д., а въ 1744 г. оказалось крест. 5 д. и подсос.—4 д.; изъ числа кр—нъ выбыли: 1) во владѣніе старшины и посполитыхъ—7 д., 2) вписался въ козаки—1 д.; 3) въ ревизіи написанъ, а своего двора не имѣлъ—1 д.; 4) въ той же ревизіи дважды написанъ—1 д. и 5) сошло и померло, а пляцы ихъ впустѣ—13 д. Изъ подсосѣдковъ ушло и умерло—19 д. Дальнѣйшее движеніе населенія въ Р. видно изъ описанія Пащенка. Коз.—45 д. 98 х. Подданныхъ: гр. К. Г. Разумовскаго—4 д. 6 х. и сотника Кр.-Кол. Миницкаго—11 д. 17 х. Подсос. плквнка Луб. Максимовича—3 д. 4 х., атам. сот. Кр.-Кол-го Григорія Бѣлецкаго—1 д. 1 х., в. тов. Ант. Федоровича—6 д. 11 х., зн. тов. Дан. Салогуба—1 д. 2 х., хоруж сот. Матвѣя Полторацкаго—1 д. 1 х., бывш. войска Запорожск. полк.

оной, отъ него Стороженка освободить ее въ домъ мой». Изъ коллегіи было написано тогдашнему Прилуцк. полк—ку Якубовичу, который, 7 апр., т. г, доносилъ въ коллегію: «я, съ г. в. тов. и коммиссаромъ Коницкимъ, с. г., апр. 7 числа, самоперсонально въ домѣ оного Стороженка обретались и ко благопосредственности восписанного дѣла—болѣе увѣщаніями, нежели строгостію моего уряду и г. г. майора Милорадовича и ротм. Скоропадского приглашали, с коими засилу онаго Малор. коллегіи указа, Данила Стороженка жену его Катерину Федоровну истребуя, в домъ к оной матери ея к отправлению, г. б. тов. Осипу Лисенку, брату ея, действително препоручили»... Къ сожалѣнію, другихъ свѣдѣній объ этомъ тиранствѣ мужа надъ женою и о причинахъ его—нѣтъ.

[1]) Въ актѣ 1654 г., «подъ сел. Рабухами» указывается *рудка Березовица* (с. 241).

старшины Онуфрія Латы—2 д. 5 х., попа Рябух. Семена Григоровича—3 д. 6 х., попа с. Дмитровки Ладинскаго—1 д. 1 х., коз. подсосѣдк.—2 д. 4 х. 14 бд. х.

С. Дмитровка, рч. Крапивная, притокъ Ромна, по свѣдѣніямъ Литовск. метрики, въ 1643 г. значится *слободою*, принадлежащею къ „городищу Грайворону“, владѣнія Вишневецкаго. Въ актѣ 1681 года упоминается Романъ Дмитренко, „сынъ осадцы с. Дмитровки“, откуда видно, что поселеніе это названо по имени своего основателя. Изъ того-же акта 1681 г., видно, что при полякахъ Дмитровка и Рябухи принадлежали къ „ключу Краснянскому“, въ которомъ распоряжался „державца п. Кондратъ Грекъ“. Въ этомъ же актѣ сохранилось извѣстіе, что Грекъ „своими власными подданными разсказалъ (въ Дмитровкѣ) гребелку на рѣчцѣ Крапивномъ, Дмитровцямъ и Рябушанамъ, уфундовати, которые тую гребелку своему державному п. К. Греку займали и панщинною, яко подданные, засипали и фундовали“. [1])

При козацкомъ урядѣ Д. оставалась ратушнымъ селомъ до 1740 г., когда Вейсбахомъ (см. ниже, Самборы) было присоединено къ Самборскому старосту. **Кр. П.** 18 д. **А.** 11 д. **В.** 13 д. **В.** 41 д. **Пс.** 14 д. **Г.** 16 д. 18 х. **Д.** 5 д. 12 х. пс. 11 д.

---

[1]) Три акта о Дмитровскомъ «млинѣ» Грека—получили мы когда то, въ копіяхъ, отъ С. Д. Носа, имѣвшаго хорошую привычку, при посѣщеніи разныхъ пановъ и панковъ,—разыскивать у нихъ разные старинные «шпаргалы», съ которыхъ тутъ же списывалъ копіи, и—возвращая подлинники—убѣждалъ владѣльцевъ—беречь ихъ... Дмитровскіе акты онъ добылъ, повидимому, въ Дмитровкѣ, у одного изъ потомковъ в. т. Павла Долгаго, которому эта мельница досталась въ 1681 г., по «листу» Л. Горленка («позволилисмо Павлу Довгому, тов. в., греблю панскую (т. е. принадлежавшую польскимъ панамъ) въ с. Дмитровцѣ лежачую, фундовати»). Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, сыновья мельника, сидѣвшаго въ мельницѣ при Грекѣ, стали присвоивать эту мельницу, вслѣдствіе чего въ 1681 г. было произведено на сельскомъ урядѣ слѣдствіе, по которому и разъяснилось—какъ происхожденіе мельницы, такъ и то, что отецъ претендентовъ, «Гарасимъ мелникъ, зъ Гайворона, толко мелникомъ былъ, а не самъ былъ фундаторомъ»...

38 х. 25 бд. х. **Кз. В.** 42 д. **Г.** 32 д. 37 х. пс. 13 бд. х. **Д.** 40 д. 117 х. Црк. пресв. Тройцы; свящ. Иванъ Свѣтильскій. По свѣдѣн. Полякова, изъ показанныхъ въ 1729 г.—къ 1744 г. оставалось: крест.—6 дв. и подсос. 3 дв., а изъ остальныхъ „сошло и померло“,—крест. 25 дв. и подсос. 10 дв. По описанію Пащенка, подсосѣдки были слѣд. владѣній: четырехъ Бѣлецкихъ—7 дв. 26 х. 12 бд. х., Долгихъ—2 д. 5 х. 3 бд. х., священ. Ивана Свѣтильскаго и Фед. Золотаренка—3 бд. х., сотника Миницкаго—1 д. 5 х., хоруж. сот. Кричка—7 бд. х.

„Слободка“ Рубанка „лежитъ на пространной, чистой степи, по обѣимъ сторонамъ протока Рубанки“. (Пащ.). Рубанская дача составляетъ часть степи, нѣкогда принадлежавшей двумъ селамъ, Гайворону и Крапивной. Исторія поселенія Р. разсказана въ жалобѣ Гайворонскихъ козаковъ, поданной на имя императрицы, въ 1747 г.,—„въ прошлыхъ, давнихъ годахъ, имѣющимся при с. Гайворонѣ собственнымъ нашимъ сѣнокоснымъ степомъ и пахотнымъ полемъ, въ смежности съ степомъ умерш. б. т. Андрея Лизогуба, называемымъ Кропивянскимъ, владѣли предки наши и мы... Въ недавнѣхъ же годахъ, бывшій въ М. Россіи, въ надсмотрѣніи описныхъ изъ-за гетмана (т. е. послѣ гетмана) маетностей ген.-м. Девесенбахъ (Вейсбахъ), объѣздя тѣ описныя маетности и разсмотрѣвая оныхъ владѣніе, заѣхалъ, невѣдомо почему, къ вышепоказаннымъ, т. е. гетманскимъ, маетностямъ, издревле владѣемый нами степъ и велѣлъ на оном сѣно косить, на конскій заводъ, въ с. В. Самборѣ имѣющійся... Нынѣ же, за отбытіемъ изъ М. Россіи помянутого Девесенбаха, обрѣтающійся въ надсмотрѣніи означенныхъ конскихъ заводовъ, конной гв. поручикъ фонъ-Лоссовъ, на Кропивянской Лизогубовской, такожъ Девес-мъ напрасно завладѣнной землѣ, *поселилъ собою вновь слободу*, и тотъ нашъ степъ, называя оной Гайворонскимъ, напрасно ко владѣнію той же новопоселенной имъ слободки привернулъ... [1]) Поселенная Лоссовымъ слободка и была

---

[1]) «Очерки», с. *Рубанка*. Тутъ же помѣщенъ списокъ 45-ти домохозяевъ, составлявшихъ населеніе Рубанки въ 1767 г., съ показаніемъ—когда и откуда пришелъ каждый изъ нихъ „на слободу“. Изъ этого списка видно, что первымъ поселенцемъ тутъ былъ козакъ изъ

Рубанка. По указу 5 іюня 1750 г., Батуринская волость, вмѣстѣ съ другими „описными“ маетностями, отдана были новому гетману Разумовскому, при чемъ частицею этой волости была и Р—ка. По Румянц. описи, въ Р.—45 дв., а въ 1780 г.—54 д. 74 х.

Иванцы, Дмитренко, явившійся сюда въ 1740 г.; въ 1742 г. явился еще одинъ, въ 1743 г.—два, въ 1744 г.—еще два и т. д.—При распродажѣ имѣній Разумовскаго, въ Конот. у., Р—ка, въ 1811 г., была продана кол. ас. Георгію Степановичу Кромидѣ (за 13 т. р.). Это былъ «дворянинъ г. Іоаннинъ», выѣхавшій оттуда въ 70-хъ гг. XVIII в., въ г. Нѣжинъ, гдѣ «будучи восхищенъ благополучнѣйшимъ состояніемъ Россійскихъ вѣрноподданныхъ и премудрымъ правительствомъ, оставя отечество, сродниковъ, великолѣпный домъ, недвижимое имѣніе и проч., остался навсегда въ Нѣжинѣ, и женился въ М. Россіи»... (Свидѣтельство «Іоаннинскаго» архіеп. Макарія и друг. 1784 г., съ подлинника, наход. у А. К. Рачинскаго, въ с. Рубанкѣ). Изъ свѣдѣній о службѣ Ю. С. Кромиды, видно, что въ 1784—98 г.г. онъ былъ ассесоромъ казенной палаты Таврич. области, а затѣмъ наход. въ отставкѣ. Женился К—да въ 1781 г., тамъ же, въ Нѣжинѣ, на дочери Григорія Паскевича, Аннѣ, принесшей мужу оч. богатое приданое. Тесть К—ды былъ, повидимому, тотъ самый «бунч. товар. и бурмистръ Нѣжинскій Паскевичъ», который обозначенъ, въ 1780 г., въ числѣ домовладѣльцевъ г. Нѣжина. (Опис. Ст. Малорос., II, 66). Прилагаемъ здѣсь списокъ приданаго, полученнаго К—дою отъ Паскевича, за женою. Составъ его совершенно уже отличается отъ той движимости, въ одеждѣ и вещахъ, которую—еще недавно передъ тѣмъ—давала, въ Малороссіи, богатая старшина въ «вѣно» за своими дочерьми. Тутъ мы видимъ уже *брушлеты*, *реброны*, *мантеліи* и даже *шляпки паризкія*. Совершенная замѣна *стараго новымъ*, въ домашней обстановкѣ, у богатыхъ Нѣжинцевъ,—зависѣла, какъ отъ бо́льшаго ихъ общенія съ великорусскимъ обществомъ, такъ и отъ постоянныхъ торговыхъ сношеній Нѣжинскихъ грековъ съ европейскими центрами, при чемъ не трудно было получать оттуда всякія *мантеліи* и *шляпки*.

«Господи благослови. 1781 г., ноября 1 дня. За дочерью моею Анною, далъ я въ приданое Юрію Степановичу Кромидѣ движимаго имѣнія, а сколко чего значитъ ниже сего. Три иконы на благословеніе, сребра вышло на оніе съ позолоткою, на 80 р.—*До галанти-*

С. Григоровка, „надъ небольшимъ протокомъ, на коемъ двѣ плотины, о 2-хъ колахъ“ (Пащ.), поселена на земляхъ с. Гайворона, ок. 1700 г., Гайворонскимъ козакомъ Корнѣемъ Салогубомъ, какъ это видно изъ свѣдѣній генер. слѣдствія: „с. Гайворона атаманъ Корнѣй Салогубъ купилъ у Гайвор. жъ козака Германа Чорныша пустую хатку къ своему грунту, а купивши, загативъ греблю и устроилъ млинъ и футорокъ, который со всѣми угодіями, за Мазепы, гетмана, продалъ Григорію канцеляристѣ, и якъ достался тотъ футорецъ по куплѣ Григорію, то нѣсколко хатокъ около хуторца поселилось.“

рей принадлежитъ: перстень и серги бриліантовы—810 р.; другой перстень и серги бриліантовы снопками—200 р. Сердечко бриліантовое, на шею, 251 р.—Брушлеты золотые съ красн. каменьями 50 р.—Часы золотые, карманные 115 р.—500 зернатъ жемчугу уріанского, по 1 р. 35 к., всего 675 р. *Серебро*. Пламенажъ, вѣсу бреславского 16 марковъ 12½ лот., по тамошней цѣнѣ, по 22 чешскихъ, 184 р. 20 к.—Пули (?) до туалета—20 р. Всего серебра на 1113 р. 40 к.—Сервизъ чайной фарфоровой, красный, съ цвѣтами, 75 р.—*Платье дамское и приборы къ головѣ*. Ребронъ бѣлой, вѣнчальной, 130 р.—Ребронъ съ золотыми зеркальными полосами и накладкою ліонскою, 172 р.—Полонезъ лилевой, 130 р.—Платья: куртка съ суконною палевою юпкою, 30 р.—Ковта съ юпкою, капуциновые, 20 р.—Бекеша съ бѣлого атласу и фракомъ (?) соболнымъ и опушкою фостами соболіовими, 158 р.—Мантелія зъ золотой богатой парчи, обложена соболными фостами и тавтою подшита, 125 р.—Шуба штофная французская, разноцвѣтная, голубая, подшита съ черно-бурой лисицы шлями, 100 р.—Тулубъ голубой, съ гамбурзугазы, подшиты белимъ мехомъ, 55 р.—Галстукъ соболей на шею, 95 р.—Три шляпки парижскихъ, съ разными перьями, 75 р. *До постели*. Павилионъ едомашки малиновой, зъ золотою тясмою и золотыми мохрами, 335 р.—Карета 280. Четыре лошади, 350.—Двѣ дѣвки крѣпостныхъ Арина и Евдокія, 200 р.—А всего 8500 р. Григорій Паскевичъ». (Съ подлинника, любезно сообщеннаго намъ А. К. Рачинскимъ).

Къ этому можно добавить, что Нѣжинскій Паскевичъ былъ едва ли не дядя фельдмаршала кн. Паскевича, считавшаго себя близкою роднею недавно умершей Рубанской владѣлицы, А. Е. Дараганъ втор. мужу Фроловой), внуки Ю. С. Кромиды.

Хуторъ этотъ получилъ названіе *Григоровки*. Но канцелярист„Григорій Григорьевъ", за участіе въ Мазепиномъ дѣлѣ, былъ сосланъ [1]) и оставшійся безъ хозяина хуторъ выпросилъ у Скоропадскаго—Петръ Корецкій, зять полковника Мих. Миклашевскаго; отъ Корецкаго Григоровка перешла къ Ивану Чарнышу; но у послѣдняго отобралъ Г. самъ гетманъ и отдалъ ее, въ 1718 г., своему брату Василію, который, будучи Черниг. обознымъ, жилъ далеко отъ Григоровки, почему, вѣроятно, и передалъ ее въ полное распоряженіе сыну Михайлу. Послѣдній значительно увеличилъ Григоровскія земли, главнымъ образомъ захватывая земли у Гайворонскихъ козаковъ. [2]) Въ 30-хъ г. г., въ Г—кѣ построена была церковь во имя архистр. Михаила, и къ пол. XVIII в. Г. стала настоящимъ селомъ. За цѣлость его Ск—ій впрочемъ очень всполошился, когда,—при производствѣ ревизіи въ 1753 г.,—ревизоры совсѣмъ пропустили, сосѣднюю съ Г—кою, слободку Бѣл. Вежи, недавно передъ тѣмъ поселенную Кочубеемъ. По этому поводу Ск—ій писалъ Прилуцкому полковнику слѣд. интересное письмо: „Сердечный мой добродѣю. Ревизори сотнѣ Кр.-Кол—ой, въ томъ числѣ и селца моего Григоровки, сотникъ Ічанскій и атаманъ Кр.-К-ій, столко по той своей должности—въ сочиненіи полѣценной (порученной) имъ ревизіи—не тщателни, что цѣлую слободу Василія Кочубея, бунч. тов., позадѣ моего селца Г—ки въ 30-ти дв. состоящую и по обрядамъ церковнимъ, до парахвіи Григоровской принадлежачую, поленившися въ оную слободу, (которая отъ Г—ки въ полтори толко верст. положеніе свое имѣетъ), сами поѣхать, въ нынѣшную о дворовомъ числѣ всякаго званія людей сочиняемую ревизію написать поупустили... И если и теперь тая слободка отъ ревизіи минована будетъ, несомнѣнно—околичнихъ селъ обивателѣ, смотря на тамошное отъ всѣхъ тяжестей уволненіе, старіе свои мѣста оставивши, перейдутъ въ оную слободу жить, а осталніе люди въ тихъ селахъ въ ревизію написанніе, отъ того разоратимутся"... **Кр. А.** 32 д. **В.** 50 д. **Г.** 34 д. 86 х. **Д.** 102 д. 130 х. 13 бд. х. **Кз. нѣтъ.** Црк. архстр. Михаила. Свящ. Иванъ **А**

[1]) Ист. М. Россіи, Б.-Каменск., Ш, 118.

[2]) Діаріушъ Ханенка, 47.

Яновскій. По
между двумя
Пащенка, „подда
скаго—36 дв. 43 х.
„при дворѣ его (Якова,
хатъ. По этому же описанію
покояхъ.

Ивана Ск
о, 66 дв. 87
жителскихъ—
Ск. показанъ—о

Корибутовская сотня, занимавшая оба берега Ромна, у его верховьевъ, существовала съ 1649 г., на ряду съ Голенскою, но затѣмъ, соединившись съ послѣднею, продолжала свое существованіе до 70-хъ г.г. XVII в., когда, вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, присоединена была къ Кр.-Колядинской. Затѣмъ Крб—ая сотня вновь была открыта въ 1738 г. когда, по мысли Безбородка и по распоряженію А. И. Румянцова, учреждено было нѣсколько новыхъ сотенъ, для того, какъ говорили, чтобы ген. к—ріи имѣть возможность распоряжаться большимъ количествомъ вакансій на сотничьи уряды... Однакожъ эти новыя сотни, по сенатскому распоряженію, скоро были и упразднены (1742 г.). Послѣ этого, Крб—ая сотня снова оставалась въ составѣ Колядинской сотни до 1751 г., когда, по ордеру Разумовскаго, „велѣно было сотню Крб—ую отъ сотнѣ Клд—ой паки раздѣлить попрежнему." Очень можетъ быть, что это новое отдѣленіе Крб—ой сотни было сдѣлано по представленію того же Безбородка, которому какъ разъ въ это время возвращенъ былъ прежній урядъ ген. писарства (Русск. Арх., 1875 г., кн. I, стр. 314). Послѣ этого Крб—ая сотня существовала до уничтоженія козачьяго управленія. Въ этотъ второй періодъ существованія сотни—центромъ ея была уже Голенка, а не Корибутовъ, который, съ присоединеніемъ его къ Самборскому старостству, обратился въ незначительное село. Поэтому, во втор. пол. XVII в., Крб—ая сотня часто называется и Голенскою.

Корибутовскіе сотники. Степанъ Семеновъ, 1654. Яцко Драпика, 1672. Павелъ Ясликовскій, 1739. Самойло Левандовскій, 1740—750. Павелъ Дембовскій, 1752—759. Василій Рудковскій 1760—767. Власъ Жураковскій, 1767—777. Степанъ Воротиляк 1777—781.

...ытую Крб—ую
...ію, канцеляри-
генер. ...ле за выборами
к—рія пору... ...Свирскому. Выборы
произведены в... ...61 г., о чемъ сотняне
доносили гетману ... ...отъ в. ясн—ти ордеръ о
...вленіи Корибутов... ...отъ Кр.-Кол—ой, по показан-

нымъ въ томъ ордерѣ ...стоятельствамъ, по прежнему, съ равномѣрствомъ въ числѣ козаковъ, по способности, и о виборѣ ко опредѣленію въ ту Крб—ую сотню настоящимъ сотникомъ—изъ заслуженихъ и того чина достойнихъ людей—человѣка, двохъ или трохъ, на оную сотню кандидатовъ. Ми, оной сотнѣ Крб—ой атамани и товариство, вашей ясн—ти високое о битіи, по прежнему, Крб—ой сотнѣ и настоящему сотнику, повелѣніе, зъ присланного отъ полк. Прил. к—ріи къ намъ, чрезъ сотника Иваницкого Свѣрского, объявленного ордера, и по трократномъ насъ спрашиванію, по общему нашему согласію, желаемъ себѣ имѣть сотникомъ настоящимъ в. канцеляристу Павла Дембовского, а къ нему у кандидаты—нын. Голюнского атамана Сем. Прокопенка. Такъ учинивъ сей выборъ волными голосами на оного канц—сту Дембовского, ко опредѣленію его въ сотничный чинъ, при семъ нашемъ виборѣ представляемъ“.... Прошеніе это подписано 39-ю козаками с.с. Голенки, Дептовки, Гирявки и Липового [1]). Но рядомъ съ этимъ „доношеніемъ“, послано было гетману и другое, отъ другой группы выборщиковъ, причемъ послѣдніе писали: „канцеляристъ енер. суда Дембовскій, прибивши въ сотню Кр.-Кол—ую съ ордеромъ в. ясн—ти о виборѣ намъ нижайшимъ, кого обще всѣ бывшей Крб—ой сотнѣ

---

[1]) Здѣсь нѣтъ козаковъ с. Гайворона, вѣроятно потому, что во время выборовъ это село не предполагалось включать въ Крб—ую сотню. Оффиціальное указаніе селъ, изъ которыхъ составилась Крб. сотня, сдѣлано было послѣ утвержденія Д—аго сотникомъ. Слѣдоват. и козаки с. Липоваго участвовали въ выборахъ потому, что это село предполагалось включить въ новую сотню. Въ выборахъ не участвовали козаки с. Фесевки, коихъ было всего 4 двора. Въ остальныхъ ...ъ новой сотни *козаковъ не было*.